Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»
(НИУ БелГУ)

Педагогический институт

Историко-филологический факультет

Кафедра всеобщей истории и зарубежного регионоведения

ИРЕСИОНА
Античный мир и его наследие

Выпуск IV

Сборник научных трудов
к 50-летию профессора Н.Н. Болгова

Белгород
2015

ББК 63.4 (032)
УДК 93
И79

И 79 **ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. Выпуск IV:** сборник научных трудов к 50-летию проф. Н.Н.Болгова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2015. – 252 с.

ISBN 978-5-9906170-4-9

Сборник избранных научных трудов «Иресиона. Античный мир и его наследие» (выпуск IV) продолжает серию, начатую кафедрой всеобщей истрии БелГУ в 1999 г. и включает в себя работы антиковедов и византологов, рассматривающих широкий спектр проблем соответствующих периодов. В сборник включены статьи, посвященные проблемам классической и византийской традиции. Среди авторов книги - ученые, работающие в ведущих отечественных и зарубежных научных центрах. Вместе их объединила юбилейная дата, отмечаемая в 2015 году - 50-летие профессора Н.Н. Болгова (Белгородский государственный национальный исследовательский университет). Авторов, участников сборника связывает с юбиляром многолетнее плодотворное сотрудничество. Материалы сборника представляют интерес для ученых, преподавателей, аспирантов и магистрантов, всех, увлекающихся историей античности и раннего Средневековья.

ISBN 978-5-9906170-4-9

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

«...Palmae forensis et camenarum decus, exemplar unum in litteris...»

(Aus. Op. Carm. Com. Prof. Burd. II, 5.)

Николай Николаевич Болгов родился 14 марта 1965 г. в Белгороде в семье служащих. Среднее образование получил в школе № 28 г. Белгорода.

В 1982 г. поступил в Белгородский государственный педагогический институт. В 1983-1985 гг. служил в рядах Советской Армии, прервав учебу по приказу министра обороны. В 1989 г. окончил с отличием исторический факультет и начал работать в средней школе № 37 г. Белгорода. По совместительству преподавал в должности ассистента кафедры всеобщей истории БГПИ. С 1990 г. полностью перешел на работу в БГПИ.

В 1991-1994 гг. обучался в очной аспирантуре на кафедре истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета им. Ленина. В 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Боспор IV-V вв. и проблемы позднеантичных государственных образований».

В 1996 г. Николай Николаевич вернулся на кафедру всеобщей истории, которую возглавил 1 марта 1997 г. в качестве заведующего. С 1999 г. имеет ученое звание доцента.

В марте 2003 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы континуитета в контексте развития античной цивилизации в Северном Причерноморье (IV-VI вв.)» в Нижегородском государственном университете. С 2004 г. работает в должности профессора, а в 2009 г. получает ученое звание профессора.

С января 2009 г. в результате реорганизации структуры университета возглавил кафедру российской и всеобщей истории. С сентября 2012 г. возглавляемая Н.Н. кафедра получает название кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения.

Н.Н. Болгов – ученик Е.А. Молева и Г.А. Кошеленко. Продолжая традиции научной школы Е.А. Молева, Николай Николаевич уделяет большое внимание распространению классических знаний в различных формах: через кружок античной истории и археологии, занятия древнегреческим и латинским языками, киноклуб по истории древнего мира, художественную литературу, популяризацию классической археологии.

Еще одна сторона деятельности Н.Н. – полевая античная археология. С 1983 г. он - участник Китейской археологической экспедиции[1], в которой с 2005 г. вновь представлены преподаватели и студенты БелГУ. В 2001 г. был создан Белгородский отряд Восточно-Крымской археологической экспедиции ИА РАН. В 2012 г. на кафедре создан еще один античный археологический отряд «Фратрия». Ряд эпизодов связан с участием студентов кафедры в различных экспедициях в Крыму – на некрополе Джурга-Оба (2006-2010), на городищах Тиритака (2010-1013) и Порфмий (2008-2013).

В последние годы Н.Н. Болгов активно разрабатывает проблемы истории поздней античности, ранней Византии, церковной археологии. Началась работа над переводами редких позднеантичных текстов. В 2010 г. были опубликованы переводы «Новой истории» Зосима и «Хроники» Комита Марцеллина, в 2014 г. – книги XIII-XVIII «Хронографии» Иоанна Малалы», а также Византийских эпиграмм «Греческой антологии», I книга «О магистратах» Иоанна Лида. Идет работа над переводами других сочинений Иоанна Лида, Аполлинария Сидония, Крескония Кориппа, Присциана, Фульгенция Мифографа, Прокопия Газского, Хорикия, Фотия, писем Либания, «Пасхальной хроники». В дальнейших планах - Фемистий, Гимерий, Козьма Индикоплов, Иоанн Никиусский, Эней Газский...

При активном участии Н.Н. Болгова в 2005 г. открыта специальность «Всеобщая история» в аспирантуре БелГУ, а в 2008 г. – магистерская программа «Классическая и византийская традиция».

С 2007 г. под научным руководством Н.Н. Болгова было защищено 13 кандидатских диссертаций; в настоящее время проходят обучение 9 аспирантов, 4 магистранта. Много сил отдано работе проблемной группы, объединяющей более 20 студентов, и Студенческому Научному Обществу. Немало студентов кафедры добилось звания «Студент-исследователь» и «Лауреат премии БелГУ в области НИРС» под научным руководством Н.Н.

Н.Н. Болгов – автор более 300 опубликованных научных работ, среди которых 6 монографий.

Н.Н. выступил организатором нескольких научных проектов, главный из которых – международная конференция «Кондаковские чтения» (с 2004 г.), а также международные научные семинары «Античный мир и его наследие» (с 1999 г.), «Мир Византии» (2006), «Классическая и византийская традиция» (с 2007 г.). Из семинаров проблемной группы выросли студенческие конференции «Художественная литература по истории», «Мой мир – моя история», «Славные даты», новое дыхание приобрела конференция «Археологический сезон».

С 2010 г. в научной биографии Н.Н. началась полоса зарубежных поездок и знакомства с памятниками in situ. Это участие в стажировке в Будапеште (и знакомство с Аквинком), в научной конференции «Газская школа» в Па-

---

[1] См.: Молев Е.А. Иллюстрированная хроника Китейской экспедиции. Н. Новгород, 2013.

риже (и осмотр арен Лютеции), знакомство с памятниками Рима, Неаполя и региона Кампания (Помпеи, Геркуланум, Стабии, Путеолы, Байи), многодневные путешествия по Палестине (Кесария, Скифополь, Гиппос, Иерусалим, Акко, Яффо, Шикмона, Тивериада, Капернаум и др.), Армении (Звартноц, Эчмиадзин, Гарни, Арташат (Хор-Вирап), Двин, Гегард, Гошаванк)...

С 2010 г. Н.Н. Болгов является председателем Диссертационного совета Д 212.015.11 при НИУ «БелГУ», который пользуется заслуженным авторитетом и известностью в научном сообществе.

Н.Н. Болгова активно приглашают коллеги в качестве официального оппонента по докторским и кандидатским диссертациям. Среди защищенных докторских диссертаций такого рода с 2009 г. – работы А.Р. Панова, О.В. Шарова, С.И. Лимана, В.В. Серова, И.В. Зиньковской, А.С. Мохова, Н.П. Шок.

Многочисленные идеи и проекты Н.Н., новые темы и сюжеты позволили создать Центр постклассических исследований, в рамках которого идет разработка сложных проблем переходного периода от античности к средневековью.

***

БЕЛГОРОД-ТУЛА-КРЫМ

Возглавляемый доктором исторических наук, профессором Николаем Николаевичем Болговым Центр Постклассических исследований БелГУ, совсем не случайно имеет тесные связи с Тульским государственным педагогическим университетом им. Л.Н. Толстого. Именно в ТГПУ им. Л.Н.Толстого уже долгие годы проводит свои исследования научная школа доктора исторических наук, профессора Виктора Геннадьевича Зубарева. Ядром научной школы является Белинская археологическая экспедиция, уже 20 лет действующая в Восточном Крыму.

Городище, которое исследуется коллективом ученых, во главе с начальником экспедиции В.Г. Зубаревым, представляет собой одну из немногих Боспорских крепостей, переживших бурные события кризиса III в. н.э. Являясь наиболее крупным поселением в Восточном Крыму в позднеантичное время, оно позволяет на конкретном материале, исследовать многие спорные моменты истории этой сложной эпохи, и в первую очередь, различные аспекты феномена континуитета — ключевой сферы интересов Николая Николаевича Болгова. Не случайно студенты, аспиранты и научные сотрудники научной школы В.Г. Зубарева, в качестве объектов своих исследований, часто используют материалы крымских раскопок. Со своей стороны, многие работы Николая Николаевича, в том числе над изданиями довольно редких позднеантичных трудов, из которых особенно выделяются «Новая история» Зосима и «Хроника» Комита Марцеллина, в новом авторском переводе и с подробными комментариями, являются серьезным подспорьем для тульских ученых, изучающих проблемы этой сложнейшей исторической эпохи.

Такая общность научных интересов и пересечение многих направлений исследований Белгорода и Тулы, неизбежно привело к укреплению связей двух научных школ. Этот факт объясняет, почему студенты, занимающиеся исследованиями в рамках научной школы В.Г. Зубарева, являются постоянными участниками ежегодного Международного молодежного научного форума «Белгородский диалог», одним из инициаторов которого в свое время выступил Н.Н. Болгов.

Однако, все же, особой популярностью среди тульских студентов, аспирантов и ученых пользуются международные научные конференции, посвященные непосредственно античной тематике и организованные Николаем Николаевичем. Речь идет о его, ставших довольно известными в России, научных проектах «Кондаковские чтения» и «Классическая и византийская традиция». Данные мероприятия всегда выделяются прекрасной организацией, интересным составом участников и высоким научным уровнем дискуссий.

Особо хочется отметить «Кондаковские чтения», которые по твердому убеждению тульских ученых, давно превратились в серьезную международную научную площадку для специалистов, изучающих античную классику, Византию и Древнюю Русь. Уже сам формат конференции, уходящий своими корнями в сферу интересов Н.П. Кондакова, предполагает качественное раскрытие идеи континуитета — преемственности между античной и византийской эпохами.

В день 50-летия, от всех тульских историков, хочется передать Николаю Николаевичу Болгову, слова искренней благодарности за его титанический и поистине подвижнический труд и пожелать дальнейших успехов на поприще исследований проблем сложнейших исторических эпох. Уверены, что связи между Белгородом и Тулой еще не раз окажут неоценимую помощь талантливому ученому и просто замечательному человеку, на этом, как представляется, еще очень длительном жизненном пути.

С.В. Ярцев

HOMO UNIVERSITATIS

Среди университетского люда много различных категорий и групп, различающихся по их месту в университетской иерархии и отношению к управленческим этажам. Есть в этой среде и немногочисленный по составу и уникальный по своей сути вид - **Homo Universitatis.**

Человек университетский, на первый взгляд, ничем особенным не отличается от среднестатистического представителя университетского сообщества. Этот вид можно встретить среди многочисленного студенчества, однако разглядеть признаки homo universitatis у студента очень сложно. Эти признаки еще мало проявляются в его повседневной деятельности. Они еще спят, они еще только формируются. Сложно выявить непосвященному представителей этого вида среди аспирантов. Порой это только имитация, «детская подражательность», которую все же следует приветствовать, понимая, что через подражание и усваиваются многие полезные видовые качества, которые со временем перерастут в ценностные установки.

Классический вид homo universitatis встречается, прежде всего, в профессорской среде. Каковы его признаки? Чем представитель этого вида отличается от обычного преподавателя или администратора?

К наиболее ярким отличительным качествам этого вида следует отнести академическую мобильность, только не в современном буквальном значении – путешествия в зарубежные университеты для чтения лекций. А в том смысле, что ученый не ограничен жесткими рамки своего научного предмета,

смотрит более широко и далеко и содержательно и методологически. Он коммуникабелен в своей академической среде, потому что его статус доктора или профессора подтвержден научным авторитетом и деловыми качествами. Он известен далеко за пределами своего университета, ему легко найти партнеров для научных проектов, оппонентов для своих аспирантов и докторантов, его статьи ждут в научных журналах.

Следующим не менее важным качеством этого вида является фундаментальность. Фундаментальность в научных достижениях, публикациях, учениках. Прочность фундамента позволяет ему успешно решать все новые и новые задачи, создает условия для надежного старта научной карьеры его последователей. Вокруг такого профессора всегда студенты и аспиранты, стремящие получить консультацию, совет, поддержку и продвижение, а, порой, и просто книгу из его библиотеки для подготовки доклада или тезисов на конференцию. Формальным показателем, подтверждающим наличие такого качества у представителей вида homo universitatis, служит признание его какими-либо административными структурами как основателя и руководителя научного направления.

Этот вид отличается ответственностью и широким кругозором, позволяющими его представителями быть людьми университета, а не замыкаться в скорлупе своего научного предмета, не обращая внимания на происходящее вокруг. Они понимают и принимают задачи университета, участвуют в его созидании и развитии, беря на себя труд не только ученого, преподавателя, научного руководителя, но и администратора – заведующего кафедрой, председателя диссертационного совета и т.п.

Одним из таких homo universitatis является дорогой юбиляр – Николай Николаевич Болгов – профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения, председатель диссертационного совета, мой однокурсник, сосед и друг.

И.Т. Шатохин

СПИСОК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ Н.Н. БОЛГОВА[1]

а) научные работы

2010

1. Позднеантичная поэзия в Российской империи // Российская империя в исторической ретроспективе. - Белгород-Чернигов, 2010. – С. 11-14. (в соавторстве с А.М. Болговой, Е.А. Красниковой).
2. Зосим. Новая история (перевод, комментарии). - Белгород, 2010. – 342 с.
3. Готские «федераты» Боспора и готы-федераты Византии на Боспоре // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(72). Вып. 13. – Белгород, 2010. – С. 19-26. (в соавторстве с М.Л. Рябцевой).
4. Поздняя античность (IV-VI вв.): к вопросу о периодизации и сущности // Современные проблемы и технологии обучения истории. - Воронеж: ВГПУ, 2010. – С. 291-295. (в соавторстве с Е.А. Красниковой).
5. Боспорский город Китей в позднеантичный период: микрозона, городище, некрополь // Причерноморье: история, политика, культура. – Вып. III. Серия А. Античность и Средневековье. - Севастополь: ЧФ МГУ, 2010. – С. 18-23. (в соавторстве с О.В. Ляховской).
6. Св. Матрона Пергская (V в.) и ее житие // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2010. – С. 82-83. (в соавторстве с А.Ю. Рышковской).
7. Ранневизантийский Боспор: проблемы континуитета // Проблема континуитета в византийской и поствизантийской истории: Тез. докл. XIII Межд. науч. Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 18-20 ноября 2010 г.). - Екатеринбург, 2010. - С. 14-16. (в соавторстве с Е.А. Красниковой).
8. Марцеллин Комит. Хроника (перевод и комментарий). - Белгород, 2010. – 230 с.
9. Позднебоспорские портреты. - Белгород, 2010. - 48 с. (в соавторстве с Е.А. Красниковой).
10. Кондаков и мы // Кондаковские чтения-III. – Белгород, 2010. - С. 3.
11. Предисловие // Классическая и византийская традиция. 2010. – Белгород, 2010. – С. 3-4.
12. Фотий, патриарх Константинопольский. Библиотека (Мириобиблион). Cod. 98, 160, 180. (перевод и комментарий) // Классическая и византийская традиция. 2010. – Белгород, 2010. – С. 116-120 (в соавторстве с И.В. Зайцевой).
13. Поздняя античность в художественной литературе // Классическая и византийская традиция. 2010. – Белгород, 2010. – С. 127-139 (в соавторстве с Е.А. Красниковой).
14. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2009 г. // Классическая и византийская традиция. 2010. – Белгород, 2010. – С. 140-161 (в соавторстве с Е.А. Красниковой, О.В. Ляховской).
15. Исторический факультет БелГУ в 2009 г. // Ученые записки исторического факультета БелГУ. Вып. 2. – Белгород, 2010. – С. 5-6.
16. Готская миссионерская школа начала V в. из монастыря Промота в Константинополе // Ученые записки исторического факультета БелГУ. Вып. 2. – Белгород, 2010. – С. 55-58 (в соавторстве с Е.А. Красниковой, О.В. Ляховской).

---

[1] Список за последние пять лет. Работы до 2009 г. см. изд.: Н.Н. Болгов. Биобиблиографический указатель / Сост. С.Н. Прокопенко, М.Л. Рябцева. Белгород, 2010.

17. К истории женской агиографии Ранней Византии: Житие св. Матроны Пергской (перевод, комментарии) // Ученые записки исторического факультета БелГУ. Вып. 2. – Белгород, 2010. – С. 111-113 (в соавторстве с Е.А. Красниковой).

18. Репрезентация имперской идеологии в позднеантичных памятниках Константинополя: императорские колонны IV-V вв. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(90). Вып. 16. – Белгород, 2010. – С. 39-52 (в соавторстве с Я.Ю. Иваницкой).

2011

19. К истории изучения частной жизни женщины в Ранней Византии // Российское византиноведение. Традиции и перспективы. - М.: МГУ, 2011. – С. 42-44 (в соавторстве с Я.Ю. Иваницкой).

20. Марцеллин Комит об императорских колоннах Константинополя // XVII Сергеевские чтения (2-4 февраля 2011 г.). Сборник тезисов. – М.: МГУ, 2011. – С. 46 (в соавторстве с Я.Ю. Иваницкой).

21. Историческая эволюция позднебоспорской государственности // Древнее Причерноморье. IX. – Одесса, 2011. – С. 38-43 (в соавторстве с М.Л. Рябцевой, А.М. Болговой).

22. Гонения на христиан у готов во второй половине IV в. Балканы или Таврика? // Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху. – Харьков: ХНУ, 2011. – С. 4.

23. П. Браун и концепция гендера в поздней античности // Проблемы античного мира и современность. Вып. 2. – Алматы, 2011. – С. 217-239 (в соавторчстве с Д.Г. Эюповой).

24. Византия - Таврика - Русь: культурно-идеологический континуитет в Северном Причерноморье // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. - Вип.20. - Львів, 2011. - С.101-118.

25. Античные памятники Константинополя. - Белгород, 2011. - 84 с. (в соавторстве с Я.Ю. Иваницкой).

26. Ритор Хорикий и Газская школа // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 7 (102). Вып. 18. – Белгород, 2011. - С. 65-71 (в соавторстве с А.М. Болговой).

27. Фаиспарта и Абрагадза: к вопросу о религиозном и этнокультурном сознании боспорянок конца V в. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и Средневековья. Взаимовлияние культур. – Керчь, 2011. – С. 22-26 (в соавторстве с Е.А. Красниковой, Ю.Н. Сбитневой).

28. Соматические рефлексии и репрезентации ранневизантийской женщины // Античная древность и средние века (АДСВ). Вып. 40. Екатеринбург, 2011. – С. 31-39 (в соавторстве с Ю.Н. Сбитневой).

29. Бани Зевксиппа в Константинополе: античный комплекс в сердце христианской столицы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(114). Вып. 20. – Белгород, 2011. С. 28-34 (в соавторстве с Ю.Н. Сбитневой, О.В. Ляховской).

30. Антиковедение и византинистика БелГУ: итоги года // Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород, 2011. – С. 3 (в соавторстве с С.Н. Прокопенко, Е.В. Литовченко, М.Л. Рябцевой).

31. Фотий. Мириобиблион. Из позднеантичной и ранневизантийской исторической традиции (Cod. 35, 41, 42, 52, 62, 68, 69, 145) (перевод и коммен-

тарий) // Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород, 2011. – С. 203-210 (в соавторстве с И.В. Зайцевой).

32. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2010 г. // Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород, 2011. – С. 225-248 (в соавторстве с О.В. Ляховской, А.А. Семеняка).

33. Исторический факультет БелГУ в 2010 г. // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 3. – Белгород, 2011. – С. 5-6.

34. Кипр византийский и его памятники // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 3. – Белгород, 2011. – С. 53-59.

35. Краткая хроника археологического сезона 2010 г.: античные экспедиции // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 3. – Белгород, 2011. – С.102-103 (в соавторстве с О.В. Ляховской, М.С. Лужковой).

36. Кондаковские чтения – III // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 3. – Белгород, 2011. – С. 112 (в соавторстве с О.В. Ляховской).

37. Декламации Хорикия Газского как завершение античной риторики // Власть и общество: взаимодействие и конфликты. – Воронеж: ВГУ, 2011. – С. 236-242 (в соавторстве с А.М. Болговой).

38. Еще раз о Саваге – магнате из Китея (V в.) // Боспорский феномен. – СПб., 2011. – С. 247-250 (в соавторстве с М.Л. Рябцевой, А.М. Болговой).

2012

39. Провинциальная Газа в Палестине и ее писатели позднеантичного времени // Столица и провинция: история взаимоотношений. – Воронеж: ВГУ, 2012. – С. 262-267 (в соавторстве с А.М. Болговой).

40. Бани Зевксиппа в Константинополе и «Экфрасис» Христодора Коптского // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросскультурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. – Н. Новгород, 2012. - С. 63-65.

41. «Экфрасис» Христодора Коптского // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 13(132). Вып. 23. – Белгород, 2012. С. 14-26 (в соавторстве с М.М. Синицей).

42. К истории славян в византийской Греции // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2012. – С. 65-66 (в соавторстве с И.В. Денисовой).

43. Греческая (Палатинская) антология. Книга I // Историческое произведение как феномен культуры. - Сыктывкар, 2012. – С. 164-181 (в соавторстве с М.М. Синицей).

44. Кресконий Корипп и последний латинский эпос в Константинополе VI в. // Историческое произведение как феномен культуры. – Сыктывкар, 2012. – С. 182-189 (в соавторстве с К.Н. Болговым).

45. Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 19 (138). Вып. 24. Белгород, 2012. – С. 23-32 (в соавторстве с К.Н. Болговым).

46. Корипп и латинский эпос Ранней Византии // София Киевская: Византия-Русь-Украина. – Вып. II. - Киев, 2012. – С. 165-169 (в соавторстве с К.Н. Болговым).

47. Антиковедение и византинистика БелГУ: вехи года // Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 3 (в соавторстве с С.Н. Прокопенко, Е.В. Литовченко, М.Л. Рябцевой).

48. Фульгенций. «Мифологии» (I, 1,3,4,7-11) (перевод, комментарий) // Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С.224-226 (в соавторстве с Д.В. Можеляном).

49. Фотий. Мириобиблион. Об ораторах и риторах IV в. (Cod. 74, 90, 165) (перевод, комментарий) // Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 226-229 (в соавторстве с О.Н. Елисеевой).

50. Научное направление БелГУ «Классическая и византийская традиция» в 2011 г. // Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 252-273 (в соавторстве с Д.Е. Богдановым, М.И. Дороховым).

51. Фемистий: античная риторика, философия и школа в Константинополе // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 23-28 (в соавторстве с А.М. Болговой).

52. Оформление евангельского иконографического канона в позднеантичное время: от Благовещения до Рождества // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 36-39 (в соавторстве с О.А. Манохиной, А.В. Пелецкой).

53. [Рецензия] Войтович Л.В., Домановський А.М., Козак Н.Б., Лильо І.М., Мельник М.М., Сорочан С.Б., Файда О.В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики. – Львів: Апріорі, 2011. – 880 с. // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 74-76 (в соавторстве с Ю.Н. Агарковой, А.Ю. Рышковской).

54. Новое исследование ранневизантийской исторической традиции // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 76-79 (в соавторстве с А.Б. Сулеймановой).

55. Блеск и золото империи: новое введение в историю Византии // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 79 (в соавторстве с А.Б. Сулеймановой, Н.Е. Третьяковой).

56. Хроника научной жизни кафедры российской и всеобщей истории // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». – Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 85 (в соавторстве с К.В. Козловым).

57. Возрождая традиции: новый университетский учебник по истории Византии // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Вип. 106. Серія: Історичні науки. № 9. - Чернигів, 2012. – С. 82-83 (в соавторстве с А.М. Болговой).

2013

58. Присциан и первый латинский христианский панегирик в Ранней Византии // XVIII Сергеевские чтения. Научная конференция (4-6 февраля 2013 г.). Сб. тезисов. – М.: МГУ, 2013. – С. 59.

59. Новые идеи и подходы к изучению позднеантичного Боспора // Древнее Причерноморье. Вып. X. – Одесса, 2013. – С. 79-84 (в соавторстве с А.М. Болговой, М.Л. Рябцевой).

60. Корипп и классическая риторика в последнем латинском эпосе античности // ΡΩΜΑΙΟΣ: сб. статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана / Нартекс. – Т. 2. – Харьков, 2013. – С. 48-58.

61. [Рецензия] Treadgolg W.T. The Early Byzantine Historians. Palgrave Macmillan, 2010. XVII, 431 p. // ΡΩΜΑΙΟΣ: сб. статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана / Нартекс. – Т. 2. – Харьков, 2013. – С. 527-530 (в соавторстве с А.М. Болговой).

62. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricius of Gaza as a mirror of continuity // L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive. – Paris: College de France, 2013. – P. 2-3 (в соавторстве с А.М. Болговой).

63. «Похвала Юстину Младшему» Кориппа и завершение традиции латинских императорских панегириков в Константинополе VI в. // Византия и византийское наследие в России и в мире. – М.: МГУ, 2013. – С. 26-29.

64. Фемистий и его наследие в контексте культурного континуитета // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Історичні науки. - Кам'янець-Подільський, 2013. - Т.23: На пошану професора С.А. Копилова. - С. 63-73.

65. К истории средневекового Боспора // Княжа доба: історія і культура / [відп. ред. В. Александрович]; – Львів: НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип’якевича, 2013. – Вип. 7. – С. 9-14.

66. О характере германских влияний на Боспор периода Великих миграций // В поисках Ойума. «Пути народов» / STRATUM+. № 4. - СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2013. – С. 261-268 (в соавторстве с М.Л. Рябцевой).

67. Позднеантичный Берит в Финикии и его юридическая школа // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. – Воронеж, 2013. – С. 306-311 (в соавторстве с А.М. Болговой).

68. Поздний Боспор: новые взгляды и подходы // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. – СПб., 2013. – С. 320-323 (в соавторстве с А.М. Болговой).

69. К истории Кесарии Палестинской в ранневизантийское время // Кондаковские чтения-IV. – Белгород, 2013. – С. 78-83 (в соавторстве с А.М. Болговой, Ю.Н. Агарковой).

70. Кондаковские чтения 2013 г. // Кондаковские чтения-IV. – Белгород, 2013. – С. 3-4.

71. Эллинские традиции отношения к матери в ранней Византии (III книга Палатинской антологии – Кизикские эпиграммы) // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 22(65). Вып. 28. – Белгород, 2013. С. 14-26 (в соавторстве с М.М. Синицей).

72. Седьмая конференция молодых ученых // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 3-4.

73. Живой Константинополь // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 204-205 (в соавторстве с А.М. Болговой).

74. Хорикий. Вступительные беседы 2, 5 (перевод) // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 206-207 (в соавторстве с М.А. Сорокиной).

75. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2012 г. // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 208-259 (с группой соавторов).

76. Перекресток эпох и культур // Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород, 2013. – С. 265-266 (в соавторстве с А.М. Болговой).

77. Гленвилл Дауни. Глава «Лики города» из книги «Газа в начале VI в.» (Норман, Оклахома, 1963) (перевод) // Ученые Записки ИФ БелГУ. Вып. 5. – Белгород, 2013. – С. 5-20.

78. Ева Випшицка. Глава «Женский аскетизм» из книги «Монахи и монашеские общины в Египте (IV-VIII вв.)» (Варшава, 2009) (перевод) // Ученые Записки ИФ БелГУ. Вып. 5. - Белгород, 2013. – С. 21-56.

79. «Панегирик Юстину Младшему» Кориппа // София Киевская: Византия-Русь-Украина. – Вып. 3. – Киев, 2013. – С. 271-280 (в соавторстве с К.Н. Болговым).

80. XX Всероссийская научная сессия византинистов // Византийский временник. Т. 72(97). – М., 2013. – С. 341-352 (всего 11 соавторов).

81. Латинский язык в правовой сфере Ранней Византии // Актуальні проблеми соціально-гуманітарних наук. Ч. IV. – Дніпропетровськ, 2013. – С. 108-110.

2014

82. Историческая эволюция ранневизантийской литургии в VI-VII вв. // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. № 1. Т. 1. – Белгород, 2014. – С. 52-66 (в соавторстве с А.Д. Стржалковской).

83. Дауни Г. Газа в начале VI века / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 1. - Белгород, 2014. – 120 с. (в соавторстве с А.М. Болговой, М.Ю. Лопатиной).

84. Иоанн Малала. Хронография. Книга XIII (перевод) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. № 1. 2014. С. 92-99 (в соавторстве с А.М. Болговой).

85. Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII-XVIII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 2. - Белгород, 2014. – 200 с. (в соавторстве с А.М. Болговой, А.В. Кобзевой, К.О. Попковым).

86. Город Гиппос (Суссита) в ранневизантийской Палестине // Проблемы истории и археологии Украины. - Харьков, 2014. – С. 61.

87. Themistius and His Works in the Context of Cultural Continuity // Tractus aevorum. 1(2). 2014. - P. 175-184.

88. IV International Scholarly Conference «Kondakov's Readings» // Tractus aevorum. 1(2). 2014. - P. 251-253.

89. «Панегирик императору Анастасию» Присциана // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. Вип. IV: збірка наукових праць, присвячена 170-літтю з дня народження Н.П. Кондакова (1844–1925) / Від. ред. д. іст. наук, проф. Ю.А. Мицик; упорядники Д.С. Гордієнко, В.В. Корнієнко. – К., 2014. - С. 270–293.

90. Форум 2014 // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 3.

91. Присциан. Панегирик Анастасию (прозаический перевод) // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 279-286.

92. Иоанн Малала. Хронография. Книга XI (перевод) // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 340-346.

93. Корипп. Панегирик Юстину Младшему. Вступление (прозаический перевод) // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 346-348.

94. Корипп. Иоаннида. Песнь I (прозаический перевод) // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 348-360.

95. Сидоний Аполлинарий. Carm. VI: Вступление к Панегирику Авиту Августу (прозаический перевод) // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 360-361.

96. Деклерк Ф. Газа - культурный и литературный центр (перевод) // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 367-370 (в соавторстве с А.М. Болговой).

97. Научное направление «Классическая и византийская традиция» в 2013 г. // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 371-391 (в соавторстве с О.В. Алимовой, О.В. Тринёвой).

98. Римский миф // Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – С. 394-395 (в соавторстве с А.Н. Алейниковой).

99. К истории женского монашества на ранневизантийском Востоке (Египет) // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2014. - С. 53-65 (в соавторстве с А.Ю. Рышковской).

100. Изучение Газской школы риторики в последние годы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 21 (192). Вып. 32. Белгород, 2014. – С. 43-46 (в соавторстве с А.М. Болговой).

101.Скифополь: путь к столице провинции Палестина II // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Воронеж, 2014. - С. 308-314.

102. Историческая наука в БелГУ в 2013 г. // Исторический альманах 2014. – Белгород, 2014. – С. 3 (в соавторстве с М.М. Синицей).

103. Эллиот-Биннс Дж. Глава из книги «Кирилл Скифопольский и монастыри палестинской пустыни» (перевод) // Исторический альманах 2014. – Белгород, 2014. – С. 4-16.

104. Левин Л. Глава из книги «Кесария под властью Рима» (перевод) // Исторический альманах 2014. – Белгород, 2014. – С. 16-26.

2015

105. Латинское звено ранневизантийского мультикультурализма // XIX Сергеевские чтения. Сборник тезисов. – М.: МГУ, 2015. – С. 50.

106. Письма Либания / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 3. – Белгород, 2015. – 66 с. (в соавторстве с А.М. Болговой).

в) учебно-методические работы

2014

1. История древнего мира. ЭУМКД. – Белгород, 2014.
2. Основы древнегреческого языка. ЭУМКД. – Белгород, 2014.
3. Латинский язык. ЭУМКД. – Белгород, 2014.

РЕДАКТИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

2010

Классическая и византийская традиция. 2010. - Белгород, 2010. – 168 с.

Кондаковские чтения – III. Человек и эпоха: античность – Византия – Древняя Русь. - Белгород, 2010. – 408 с.

2011

Классическая и византийская традиция. 2011. - Белгород, 2011. – 266 с.

2012

Классическая и византийская традиция. 2012. - Белгород, 2012. – 280 с.

2013

Классическая и византийская традиция. 2013. - Белгород, 2013. – 270 с.

Кондаковские чтения – IV. Античность – Византия – Древняя Русь. – Белгород, 2013. – 148 с.

2014

Классическая и византийская традиция. 2014. - Белгород, 2014. – 400 с.

Исторический альманах. 2014. - Белгород, 2014. – 140 с.

Синица М.М. Палатинская антология. Книги I, II, III, VIII. Saarbrucken: Lambert AP, 2014. - 249 с.

Иоанн Лид / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 4 / Сост. М.М. Синица. – Белгород, 2014. – 165 с.

2007-2015

Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Выпуски 1-33 (раздел «Всеобщая история»).

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ НА БОСПОРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК И РАЗВЕДОК)

А.Л. Ермолин
Университет г. Хайфа,
Археологический институт Цинмана (Израиль)

Работа посвящена классификации поселений на античном Боспоре и их сельской территории в ходе многолетних археологических разведок и раскопок, выполненных в том числе и под руководством автора статьи. Работа снабжена обширными иллюстрациями.
Ключевые слова: Боспор, разведки, раскопки, землепользование, поселения.

LAND USE ON THE BOSPORUS (BASED ON ARCHAEOLOGICAL SITES AND EXPLORATION)

A.L. Yermolin
Haifa University, Zinmam Archaeology Institute (Israel)

The work deals with the classification of settlements in the ancient Bosporus and rural areas in the multi-year archaeological investigations and excavations carried out including under the direction of the author. Jobs provided with extensive illustrations.
Keywords: Bosporus, exploration, excavation, land use, settlement.

Тема сельского хозяйства на территории древнего Боспора на сегодняшний день освещена многими авторами. Этой теме посвятили свои работы С.А. Жебелев[1], В.Д. Блаватский[2], В.Ф. Гайдукевич[3], И.Т. Кругликова[4], А.А. Масленников[5] и др.

Из категорий землепользования на территории древнего Боспора авторы выделяют: земли полисов, земли боспорских царей, земли варваров и храмовые земли. Эта общая характеристика землепользования на Боспоре относится ко всему времени существования Боспора как государства, но Боспор прошел несколько специфических этапов за свою более чем тысячелетнюю историю. Для более полного понимания исторических процессов, происходивших на территории древнего Боспора, необходимо четко представлять поселенческую структуру на разных исторических этапах. В данной статье предлагается следующая схема:

Первый этап –догреческий период, охватывающий середину VII в. до н.э. по середину VI в. до н.э., от времени прихода скифов в южные степи и вытеснения ими киммерийцев, переселение киммерийцев в Крым (рис. 1, 1а).

Второй этап – середина VI в до н.э. – начало III в. до н.э., начало и развитие товарного производства зерна, увеличение количества сельскохозяйственных поселений, связанного с освоением новых, целинных земель (распашка пастбищ). На этом этапе вокруг греческих эмпориев:Феодосии, Китея, Нимфея, Пантикапея и Мирмекия,появляются варварские протогорода, а на периферии «царские» усадьбы – эмпории(рис. 1, 1а).

На третьем этапе, который начинается в начале III в. до н.э. и продолжается до начала I в. до н.э., все сельские поселения оставлены, а население кон-

центрируется во вновь выстроенных укрепленных городах на побережье Меотиды (Азовского моря), Боспора Киммерийского (Керченского пролива) и Понта Евксинского (Черного моря) (рис.).Земли, расположенные в непосредственной близости (до 2,5 км) обрабатываются жителями этих городов – крепостей (рис. 2).

Четвертый этап связан с приходом на Боспор Митридата Евпатора с остатками войска и строительства небольших военизированных укрепленных поселений, а также развитие сети т.н. малых боспорских городов. На начальном периоде этого этапа возводятся четыре линии земляных оборонительных сооружений – рвов и валов, укрепленных башнями. Начало его приходится на 70-е годы I в. до н.э., заканчивается в середине III в. н.э. с приходом германских племен на Боспор (рис. 3).

Последний, пятый этап, начинается со 2-й пол. III в. н.э. и заканчивается с захватом Боспора тюркскими племенами в 576 г. В современной исторической литературе он называется гуннским, но присутствие гуннов не фиксируется археологически как на территории Азиатского, так и Европейского Боспора. По моему мнению, этот этап правильнее было бы называть готским, т.к. присутствие готов находит все большее подтверждение в археологии Боспора этого времени (рис. 4).

Далее рассмотрим эти этапы в истории Боспора, делая акцент на сельское хозяйство.

Догреческий этап, условное название периода, когда с приходом скифских племен на степные просторы Европы, племена киммерийцев вынуждены были освобождать жизненное пространство для пришельцев (Геродот), часть этих киммерийских племен осела в Крыму. Так как речь идет о территории будущего Боспорского царства, рассмотрим территорию Керченского полуострова и его поселенческую структуру этого времени.

Если южной, восточной и северной границей Европейского Боспора бесспорно являлись Понт Евксинский, Боспор Киммерийский и Меотида, то вопрос западной границы остается открытым. В данной статье рассмотрим территорию, ограниченную с запада степной рекой Куру Индол, эту западную границу определяет А.В. Гаврилов для сельской округи Феодосии[6], в дальнейшем ставшей составной частью Боспорского царства. Эта западная граница теоретически совпадает с описанием ГеродотJV Киммерийского вала, который проходил: «...от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера» (Herodot.IV. 5).Еще в конце XVIII в. К.И. Габлиц предположил существование рва и вала именно в этом месте, но трасса вала была им проложена по Куру Индолу от подножья Крымских гор, до залива Сиваш частично по трассе Акмонайского рва и вала[7]. Археологические разведки, проведенные в районе Акмонайского перешейка, показали, что Акмонайский вал от пос. Фронтовое уходит в юго-западном направлении в сторону пос. Береговое, где небольшой участок рва исследован непосредственно у поселения Береговое 1[8] (рис. 5. 2).По моему мнению, наиболее вероятное местонахождение «рва слепых рабов» - восточный берег реки Куру Индол (Сухой Индол) далее на север в направлении современного пос. Кировское до берега оз. Сиваш в районе пос. Шубино (рис.). Изучая долину Куру Индола (Сухого Индола) по космической съемке, на северо-западной окраине пос. Приветное, Кировского района, на распаханном поле были выявлены следы земляного оборонительного сооружения (?) – рва и вала (рис. 5. 1, 2). На снимке это темная и светлая полосы

шириной соответственно до 20 м и до 35 м. Темная полоса находится с западной стороны, что соответствует ориентации оборонительного сооружения в западном направлении. Подобные изображения на космической съемке рва и вала дают следы Тиритакского, Узунларского и других рвов и валов. Темную полосу дает заполнение рва, а светлую – распаханный вал. Координаты этого участка: северная оконечность – 45,10873˚; 35,04975˚, южная оконечность – 45,10428˚; 35,05080˚. Данное предположение требует тщательной проверки археологическими разведками и раскопками по линии предполагаемого рва и вала. Хорошие результаты дает наблюдение за земляными работами, особенно при прокладке и демонтаже трубопроводов, проложенных в широтном направлении.

На вышеописанной территории Европейского Боспорав настоящее время выявлено 535 поселений, существовавших в VII – начале III вв. до н.э., из них 163 поселения основаны в «догреческий период», а в 44 поселениях из 163 не найдено импортной греческой керамики, т.е. в этих поселениях люди жили еще до появления в Крыму греческих купцов, более поздние поселения возникают в непосредственной близости от ранних, или же существуют далее на обжитых местах. Примером подобной миграции может служить ставшее уже классикой поселение Каменка, где следы поселения с керамикой IV в. до н.э. выявлены в ходе археологических разведок КОАЭ[1] в непосредственной близости от поселения Каменка - эпохи поздней бронзы[9]. Непосредственно у поселения Глейки эпохи поздней бронзы, расположено поселение IV-начала III вв. до н.э.

При исследовании некоторых памятников, археологический материал, «мешающий» датировке, вообще не учитывался. Примером может быть поселение Кировское, исследованное А.М. Лесковым в 60-х гг.[10], которое также существовало и в период VII- начала III вв. до н.э., но по непонятной причине в описании раскопок ничего не сказано о керамике и материале эпохи эллинизма. На момент обнаружения поселения на западной окраине дер. Кирово, Ленинского района, АРК В.В. Веселовым 08.06.1959 г., записано следующее: «На основании находок на поверхности земли можно судить, что в данном месте были поселения эпохи поздней бронзы, эллинистическое, раннесредневековое и средневековое»[11].

Говоря о 44-х поселениях, стоит заметить, что эта цифра может значительно вырасти. В отличие от более поздних поселений, где присутствует греческая амфорная керамика, поселения эпохи поздней бронзы – раннего железа «малозаметны». Каменные постройки, как правило, разбирались в более позднее время, а лепная керамика, имея рыхлую структуру и недостаточный обжиг, находясь на поверхности или в слое промерзания, в течение небольшого промежутка времени разлагалась на составляющие. Даже при очень тщательном обследовании предполагаемого поселения, можно вообще не встретить фрагментов керамики и только по выбросу из кротовин, можно предположить наличие культурного слоя. Если же поселение находилось на территории, которая распахивалась, то от него остаются только поврежденные хозяйственные ямы. Ярким примером может служить поселение, выявленное при строительстве цементного завода в 2,2 км северо-западнее городища Тиритака. При про-

---

[1] КОАЭ – Керченская охранно-археологическая экспедиция, работала на Керченском полуострове с осени 2000 г. по конец 2009 г., руководитель экспедиции – А.Л. Ермолин.

ведении археологического обследования территории будущей стройплощадки не было выявлено никакого археологического материала, но в ходе строительных работ, после снятия плодородного слоя, в юго-восточном углу строительной площадки были выявлены остатки хозяйственных ям (рис. 6. 1) с фрагментами лепной керамики и костей животных (рис. 6. 2). Здесь надо отметить, что эта территория продолжительное время регулярно распахивалась.

Еще одним примером может быть поселение, выявленное в феврале 2009 г. в 4 км северо-восточнее пос. Багерово (рис. 1. № 335). В ходе археологических разведок в балке, на южном склоне, было найдено буквально 2-3 фрагмента лепной керамики, один из которых имел характерный орнамент – валик под венчиком с равномерно расположенными по нему вдавлениями. Ближе к небольшому оврагу – пересыхающему летом ручью, были найдены несколько небольших необработанных камней, вывернутых плугом. В районе нахождения камня был заложен раскоп 5х5 м. Раскопками были открыты строительные остатки в виде развала бутового камня, фрагменты лепной керамики и множество фрагментов костей. Непосредственно у развала камня было выявлено скопление раздробленных костей с камнем – наковальней посередине. Четко выраженного культурного слоя зафиксировать не удалось, археологический материал находился в предматериковом суглинке. Глубина залегания археологического материала - до 30-35 см.

Одним из примеров поселения «переходного времени» может быть поселение в районе кургана Джурга-Оба, на черноморском побережье (рис. 1.№ 60). В 2008 г. на поселении были проведены небольшие раскопки. В раскопе размером 5х5 м выявлены строительные остатки (рис. 7. 1) и керамический материал. Керамика - как лепная (рис. 7. 2), так и греческий импорт, находилась на всей глубине раскопа, наиболее ранняя греческая керамика представлена фрагментами протофасосской амфоры V в. до н.э. Остатки домов-усадеб были зафиксированы в 150 м юго-западнее и 250 м западнее от места раскопок.В 1 км юго-западнее на площади около 5 га выявлены остатки поселения конца VI-начала III вв. до н.э. Еще одно «переходное» поселение выявлено разведками Керченской охранно-археологической экспедицией в районе Керченского водохранилища (рис. 1. № 372), поселение находится в 150 м к востоку от затопленной части Узунларского вала, и при наполнении водохранилища размывается водой. При обследовании выявлена лепная керамика (рис. 8) и керамика IV в. до н.э.

Для комплексного рассмотрения организации сельскохозяйственной деятельности населения «догреческого периода» необходимо выделить «эталонный» район с поселениями этого времени. Таким районом может служить район дер. Яковенково (быв.Кыз-Аул) и район степной балки на протяжении 10 км к северу от дер. Яковенково (рис. 9). В 2008 г., в связи с прокладкой здесь газопровода, район был тщательно обследован археологическими разведками КОАЭ[1]. В ходе разведок большое внимание уделялось поиску поселений VII-VI вв. до н.э. и локализации ранее разведанных поселений IV-III вв. до н.э. Было выявлено 7 ранее неизвестных поселений эпохи поздней бронзы – раннего железа, всего же обследовано 10 подобных памятников.В верховьях

[1] Неоценимый вклад в изучение данного района был сделан участником экспедиции А.В. Куликовым.

балки, непосредственно около кургана, была найдена антропоморфная стела, подобная тиритакским (рис. 9а). Поселения располагались как непосредственно вдоль балки, так и в распадках, прилегающих к балке. Главным условием местоположения поселений была близость источников воды и возможность сбора воды в запрудах. Общая площадь, занимаемая поселениями, включая пахотные земли и пастбищные угодья, составляла около 4 000 га. Здесь стоит определить понятие «поселение», И.Т. Кругликова относит подобные поселения к 1-му типу неукрепленных деревень. Она их определяет следующим образом: «К первому типу боспорских сельских поселений относятся «комы» - неукрепленные деревни, расположенные на равнине и представляющие собой группу изолированных домов, отстоящих один от другого на 30-50 м и разделенных, видимо, приусадебными участками. ... датируются периодом с VI-V по III в. до н.э.»[12]. Для определения количества отдельных домов – усадеб на поселении важны два фактора, это общая площадь поселения и площадь, занимаемая одной усадьбой. Одна усадьба деревни этого периода занимала около 0,5 га, т.е. в деревне в 5 га могло находиться до 10 сельских усадеб. Говоря о поселении VI-III вв. до н.э. мы принимаем среднее значение площади в 5 га, и за количество домов усадеб принимаем 10. Такие же цифры получаем и при расчете среднеарифметического значения, взятого из 535 разведанных поселений на территории Европейского Боспора. Что касается поселений «догреческого периода», то здесь цифры отличаются, расстояние между усадьбами в поселениях этого времени, как минимум в два раза больше, т.е. в деревне в 5 га будет всего 5 домов-усадеб.

Исходя из этих цифр, на предложенной эталонной площади при выявленных 10-ти поселениях на 4 000 га будет располагаться около 50 отдельных домов – усадеб. В среднем в одной усадьбе могло проживать около 10 человек, на которых приходилось около 80 га пастбищ и пашни.

Площади в 80 га достаточно для выпаса 4-5 голов крупного рогатого скота (КРС), 4-5 лошадей и стада коз до 30 голов, если быть точным, то площадь пастбищ будет на 6-7 га меньше, т.к. эта площадь занимала пашня. Здесь стоит заметить, что особенностью естественных пастбищ Крыма является отсутствие корма в осенний период. Е.В. Николаев пишет следующее: «Травостои пастбищ, где в начале лета было проведено отчуждение биомассы (стравливание, скашивание), в течение лета практически не отрастают, осенью на этих площадях подножного корма нет»[13]. В этот период необходима дополнительная подкормка, видимо тогда же проходил и забой скота.Что касается пашни, сбор зерна с вышеуказанной площади полностью обеспечивал зерном население усадьбы, расчет расхода зерна в подобных хозяйствах был сделан В.Д. Блаватским[14], и новые исследования только подтверждают эти данные[15]. Единственное отличие расчета расхода сельхозпродуктов, проведенных В.Д. Блаватским, от расхода «догреческих» хозяйств, заключается в том, что по В.Д. Блаватскому часть урожая шла на продажу, в нашем же случае эта часть уходила на питание 10 чел. (в среднем), а не 5-6 расчетных. Ведущей отраслью сельского хозяйства в этот исторический период являлось животноводство, что было обусловлено зоной рискованного земледелия как Керченского полуострова, так и Крыма.

Следующий этап развития сельского хозяйства связан с появлением греческих купцов в Северном Причерноморье и организацией ими закупок зерна первоначально у местного населения, а в дальнейшем непосредственно у правителей Боспора. Немаловажным фактором развития земледелия стало внедрение прогрессивных методов землепользования - двуполья, применение новых орудий труда– железных наральников и железных серпов, а также переход на выращивание голозерной пшеницы[16]. Этот период охватывает около 2,5 столетий, от 2-й пол.VI в. до н.э. до конца IV – начала III вв.до н.э., но этот этап необходимо «разбить» на две стадии. Первая стадия – это развитие зерновых хозяйств на ранее освоенных территориях в пределах «догреческих» поселений, объем посевных площадей увеличивается за счет распашки целинных земель - пастбищ. Это происходит в пределах 2-й пол.VI в. до н.э.- концаV в. до н.э. К концу V в. до н.э. были налажены устойчивые связи с Грецией, на территории Керченского и Таманского полуострово были основаны и стабильно функционировали греческие эмпории: Феодосия, Нимфей, Пантикапей, Фанагория. Создан торговый флот, обеспечивающий перевозку производимого зерна. К этому времени создается надполисное государственное образование Боспор со столицей в Пантикапее. Потребность в зерне возрастает пропорционально как с запросами правящей военно–племенной верхушки, так и потребностями рынков Греции. Производство зерна можно было увеличить только за счет освоения новых территорий и, соответственно, основания новых поселений.

В это время появляется 372 поселения (разведанных), от более ранних они отличаются своим месторасположением. Как правило, эти поселения находятся на южных склонах небольших возвышенностей, непосредственно на пахотных угодьях. Это деревни (по типологии И.Т. Кругликовой), состоящие из отдельно стоящих усадеб на расстоянии 50-100 м друг от друга. Таких усадеб в деревне может насчитываться от 5 до 15. К сожалению, сохранность подобных археологических памятников очень плохая, и подсчитать количество усадеб в каждой деревне невозможно, но при такомих количестве вступает в силу «закон больших чисел», по которому среднее арифметическое конечной выборки из фиксированного распределения близко к математическому ожиданию этого распределения, т.е.за постоянную единицу можно принять среднеарифметическое значение – (5+15):2 =10. В дальнейшем надо считать, что подобные деревни состояли их десяти отдельно-стоящих семейных усадебных хозяйств.Здесь необходимо определить и количественный состав семьи. Учитывая, что как минимум, совместно проживало три поколения, то за среднее значение можно принять по 10 человек в отдельном хозяйстве. Итого получаем, что среднестатистическое поселение – деревня середины VI-конца IV вв. до н.э. имела около 100 жителей.

Здесь стоит разобрать еще один вопрос, это количество поселений на территории Боспора. Если посмотреть на местоположение поселений там, где они сохранились наиболее целостно и можно определить границы, то можно отметить, что протяженность отдельных деревень достигало 1,5 км, расстояние же между ними было от 1,5 до 2,5 км, в зависимости от местных условий. Из разведанных поселений многие находятся на расстоянии 0,3-0,5 км, то есть, фактически являются одним поселением, и таких фактов довольно мно-

го, но в то же время, есть еще не выявленные поселения, или же полностью уничтоженные в ходе хозяйственной деятельности человека. Если мы будем считать, что количество раздробленных поселений примерно равно еще не выявленным и уничтоженным, то можно за постоянное количество принять известное число на сегодняшний день, а это 491 поселение, выявленное на территории Европейского Боспора, и 176 поселений на территории Азиатского Боспора. Из вышесказанного получается, что на территории Европейского Боспора могло проживать сельского населения 49100 чел., или ок. 50 000 чел., а на Азиатском Боспоре- 17600, что можно округлить до 20 000 чел.Итого, на территории Боспора к концу IV в. до н.э. могло проживать около 70 000 чел. сельского населения.

О количестве городских жителей говорить сложно, достоверно известно, что на Боспоретого времени было как минимум 5 городов: Феодосия, Нимфей и Пантикапей – на Европейском Боспоре, и Фанагория, Гермонасса – на территории Азиатского Боспора. Как это ни парадоксально, но даже более чем столетние раскопки этих городов не дали ответа на единственный вопрос, какова же была планировка городов в середине VI-конце IV вв. до н.э. Мы не знаем приблизительной площади этих городов даже без учета их затопленных частей, а некоторые города затоплены в большей своей части, например, Фанагория, да и Пантикапей своей большей частью находился на берегу залива, а уровень моря поднялся как минимум на 4 м. О том, что часть Пантикапея находится под водой, можно судить по археологическому материалу, найденному в районе мыса Ак-Бурун в районе сброса грунта, взятого при углублении каналов и фарватеров в Керченском заливе[17]. Единственный способ определить численность городского населения в IV в. до н.э., времени наибольшего экономического развития Боспора, это принять все население за 100%, а городское – за 10%-15% от общего количества населения, тогда оставшиеся 85%-90% будут составлять 70 тыс. чел. Такое соотношение сельского и городского населения характерно для аграрных государственных образований, каким и являлся в это время Боспор. Проведя несложные вычисления, получаем цифры (с округлением до тысячи) 8-12 тыс., т.е. от 8 до 12 тыс. чел. могло жить в городах, а общее количество жителей Боспорского царства составляло 78-82 тыс.

Далее рассмотрим «эталонный» район, где находится 4 поселения, существовавших в конце V – конце IV вв. до н.э. Это скорее микроэкономическая зона, в которой есть поселения, некрополи, пахотные земли и пастбища. Это район, где до начала 1940-х гг.находились деревни Кёзы и Большой Бабчик.Он представляет из себя плодородную долину, ограниченную со всех сторон скалистой грядой. С севера долину ограничивает гряда Ташкалак (Таш Аллах); гряда известна расположением на ней некрополя, который исследовался А.А. Дириным в 1895 г.[18] С запада долина ограничивается Бабчикской балкой, по которой протекает ручей, не пересыхающий даже в засушливые летние месяцы. Как в настоящее время, так и в древности, балка перегораживалась каменно-земляными дамбами, что дает и давало возможность сохранить запас воды как для потребления человеком, так и для скота. Там же до 1940-х гг. находилась дер. Большой Бабчик. Южная граница проходит по скалистой гряде, с проходящим по ней курганным могильником. Та же гряда опоясывает долину и с востока.

Список археологических памятников Кёзской микроэкономической зоны, а также памятники, находящиеся в непосредственной близости от нее (рис.10, 11). Нумерация соответствует общей нумерации памятников Европейского и Азиатского Боспора:

281 - поселение VII - начала III вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 1 от 26.01.09.

328 – поселение IV- начала III вв. до н.э., Малый Бабчик.

330 - поселение IV- начала III вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 1 от 09.03.09.

331 - поселение IV- начала III вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 2 от 09.03.09.

333 – поселение VII – начала VI вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 1 от 31.01.09.

334 - поселение VII – начала VI вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 2 от 31.01.09.

335 - поселение VII – начала VI вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 10 от 24.01.09.

336 - поселение IV- начала III вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 16-19 от 24.01.09.

337 - поселение IV- начала III вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 21 от 24.01.09.

338 - поселение VII - начала III вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 1-2 от 24.01.09.

339 - поселение IV- начала III вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 4 от 24.01.09.

340 - поселение VII – начала VI вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 5 от 24.01.09.

341 – поселение VI - начала III вв. до н.э., Мыс Чокрак (Масленников, Чевелев, 1981.С. 77-85).

342 – поселение VI - начала III вв. до н.э., Родник Чокрак (Масленников, Чевелев, 1981.С. 77-85).

343 - поселение IV- начала III вв. до н.э., выявлено КОАЭ под № 9 от 24.01.09.

345 – Мыс Чокрак (№ 505 по В.В. Веселову).

Площадь долины около 1200 га, из них около 1000 га находится под современной пашней, при этом поселения и в большей степени курганы распаханы. Общая площадь все «микроэкономической зоны около 3500 га. В конце V-конце IV вв. до н.э. предположительная площадь пахотных земель, с учетом расположенных в долине поселений, курганных некрополей, отдельных курганов и дорог (рис. 11) здесь составляла около 800 га. Проведя несложные расчеты, получаем, что на одно поселение приходилось около 200 га пахотных земель, учитывая, что уже в то время применялось двуполье, ежегодно жители одного поселения могли обработать и собрать урожай со 100 га земли, и, соответственно, на одну усадьбу приходилось около 10 га. Что касается урожайности зерновых, то здесь мнения разных исследователей не сильно отличаются, по В.Д. Блаватскому урожайность составляла около 8 ц. с га[19], эта цифра была принята и И.Т. Кругликовой[20] и др., С.Д. Крыжицкий и А.Н. Щег-

лов предложили для Северного Причерноморья цифру 8-14 ц с га[21]. Думаю, что если принять за среднюю урожайность 10 ц. с га, то мы будем недалеки от истины. Стоит обратить внимание на то, что кроме пахотных территорий, к поселениям прилегают и пастбища, которых приходится на «деревню» около 625 га (3500 – 1000 = 2500:4 = 625), этого достаточно для выпаса крупного и мелкого рогатого скота.Из вышесказанного следует, что Боспор в конце V – конце IV вв. до н.э. при 70 тыс. сельского населения в 491 поселении Европейского Боспора и 176 – Азиатского Боспора мог производить 66700 т зерна или 1 646 914 медимнов, при медимне= 51,84 л и насыпной плотности зерна 0,78-0,8 т/м^3 (один медимн в среднем будет равен 40.5 кг). Экспорт мог составлять от 30% до 50% от произведенного количества зерна, соответственно это составляло от 500 тыс. до 800 тыс. медимнов в год или 20 250 т – 35 240 т.

Выше упоминалось о царских усадьбах – эмпориях, современные исследователи называют подобные поселенческие структуры – царскими усадьбами[22] и относят их к «царской хоре». Если точнее, то А.А. Масленников весь приазовский район относит к «царской хоре»: «Мы предлагаем именовать их, а точнее - территорию, где они в основном располагались: «царской хорой-Боспора», в полной мере понимая всю относительность данного определения. Ведь, как известно, официально царский титул был принят в династии Спартокидов не ранее III в. до н.э., да и то не в его начале»[23].Здесь стоит вспомнить определение хоры: «Хора - (от греч. Χώρα -место, область, земля) - территория, использовавшаяся гражданами античного полиса для занятия сельским хозяйством. Являлась структурной частью большинства античных полисов.»[24] Если речь идет о Боспоре, то вся земля как Европейского, так и Азиатского Боспора была в той или иной степени царской, значит, по определению А.А. Масленникова – «царской хорой». Следует задать вопрос, надо ли заменить понятие «царские земли» - на «царская хора»? В каких случаях применять эти определения, и чем они отличаются?

На побережье Азовского моря (Караларском побережье) исследован ряд объектов, которые определяют условные границы этой хоры по А.А. Масленникову. Это «Чокракский мыс», «Бакланья скала», комплекс объектов с общим названием «Генеральское–Западное», «Пустынный берег I, II и III» и «Казантип-Западный» («Мысовое»).[25] Здесь не совсем понятен принцип, по которому эти памятники относятся к «царским». По моему мнению, основным признаком является наличие на памятнике остатков черепичной кровли с клеймами правителей Боспора (но не единичные находки фрагменты черепицы). К примеру, «Чокракский мыс» не относится к этому определению, он представляет собой небольшую крепость с башней постройки I в. до н.э., возведенной на месте неукрепленного поселения VI-начала III в. до н.э. На всей площади раскопок найдено всего несколько фрагментов черепицы и одно клеймо на боспорской черепице. Здесь следует заметить, что солены часто использовались как сковороды, что и объясняет наличие фрагментов соленов на памятниках разного времени. «Пустынный берег I» и «Казантип-Западный» также не подходят под определение «царских».

Остаются следующие объекты: «Бакланья скала», комплекс объектов с общим названием «Генеральское–Западное», «Пустынный берег II и III».Все эти объекты представляют собой сельскохозяйственные усадьбы, расположенные непосредственно на побережье Азовского моря на протяжении 5,5 км.

На расстоянии 2 км к западу от усадьбы «Бакланья скала» и в 3,5 км к востоку от усадьбы «Пустынный Берег III» расположен комплекс объектов под общим название «Генеральское–Западное». «Генеральское-Западное» на сегодняшний день это единственная исследованная укрепленная усадьба IV – начала III в. до н.э.[26] А.А. Масленников высказывал предположение, что «…его можно рассматривать как своего рода факторию»[27]. Я совершенно согласен с этими выводами, но с одной оговоркой, это не греческий эмпорий, а «царский». Усадьбы с винодельнями тоже «царские», и основным направлением их сельскохозяйственной деятельности было выращивание винограда и производство вина, а точнее – производство дешёвого импортозамещающего товара. Вино производилось на упомянутых усадьбах и хранилось в импортных, вторичного использования амфорах, затем обменивалось на зерно из ближайших неукрепленных поселений. Зерно временно хранилось в ямах – зернохранилища (две ямы объемом около 100 м^3 каждая). После этого зерно становилось собственностью правителя Боспора, и по мере заполнения ям вывозилось морем в Пантикапей, а затем уже продавалось в Грецию.

Подобных усадеб разведано еще как минимум две, это поселение № 311 по В.В. Веселову[28], в описании поселения говорится об остатках стен до 900 м протяженности, фрагментах черепицы как с клеймами, так и без них, большого количества фрагментов амфор Синопы, Фасоса, Гераклеи. Разведки, проводимые на поселении, подтвердили эти данные, хотя остатки стен были выявлены только с западной и южной сторон (рис. 1. № 299). Найдены были также и фрагменты черепицы и эллинистических амфор. Вторую подобную усадьбу мы исследовали в районе с. Бондаренково, разведки проводились 22.11.2008 г. У В.В. Веселова это поселение упоминается под № 509[29]. В ходе разведок выявлены остатки строений из рустованных блоков, остатки стен и зольник с большим количеством фрагментов эллинистических амфор (рис. 12. 2). При изучении космических снимков в районе поселения удалось выявить следы размежевания на площади около 50 га к северу и востоку от поселения (рис. 12. 1). В перспективе не исключено обнаружение еще подобных «царских» усадеб – эмпориев в районе мыса Чауда, горы Опук (поселение Опукское Восточное (?))[30], а также и город Китей может оказаться подобным комплексом, учитывая наличие следов размежевания на площади около 200 га северо-восточнее городища.

Из этого можно сделать вывод, что в IV в. до н.э. на территории Боспора правителями Боспора были организованы сельскохозяйственные винодельческие усадьбы (οἶκος) – эмпории, производящие импортозамещающий продукт – вино, которое обменивалось на зерно, что в значительной степени удешевляло начальную стоимость зерна, идущего на экспорт. Затем это дешевое зерно, ставшее уже собственностью боспорской правящей верхушки, перепродавалось в Грецию. Именно этим и объясняется богатство «царей», а также богатые подарки, найденные в скифских курганах Южной Украины, полученные из Боспора в виде дани. Со слов Демосфена, Боспор поставлял в Афины 400 000 медимнов зерна.

На третьем этапе, который начинается с III в. до н.э. и продолжается до начала I в. до н.э., принцип землепользования на всем Боспоре кардинально меняется. Это, в первую очередь, связано с изменением поселенческой структуры на всей территории Боспора. В это время были оставлены все неукреп-

ленные поселения и появляются небольшие города – крепости. Именно с этого периода можно говорить о городской хоре (χώρα), хотя под определение полис (πόλις), подходит только Пантикапей, Феодосия (?) и Фанагория, а остальные города Боспора – «малые города», не являющиеся полисами. В последнее время (последние 20 лет) стали доступны аэрофотоснимки Керченского и Таманского полуостровов, на которых были выявлены следы какой-то, вероятнее всего, древней, размежевки.

Исследуя Караларское побережье Азовского моря в районе прибрежных поселений,Т.Н. Смекалова, А.А. Масленников и др. пришли к выводу, что «валики» размежевки появляются уже после оставления поселений IV-начала III вв. до н.э., «… древняя система полей прошла по селищу, датируемому IV-III вв. до н.э. и, следовательно, теоретически, она моложе указанного времени. Весь этот район размежевания соседствует, по крайней мере, с тремя поселениями – городищами первых веков н.э: «Полянка», «Сиреневая бухта» и «Генеральское–восточное»[31]. Этот район размежевания прилегает непосредственно и к поселению III-II вв. до н.э. «Крутой Берег»[32]. Следы размежевания выявлены в районе Порфмия (традиционного) (рис. 13). Подобная размежевка есть и непосредственно у городища Китей[33]. Эти городища датируются 2-й третью III – концом II вв. до н.э., хотя Китей имеет и более широкую датировку.

Становится очевидным, что в ситуации, когда население вынуждено проживать в укрепленных поселениях (городах) с постоянной угрозой нападения врагов, наиболее рациональным и продуктивным способом выращивания сельскохозяйственной продукции будет обработка прилежащих земель в радиусе 1,5-2.5 км, а пастбища могли находиться за этим радиусом, хотя козы могли пастись и непосредственно около городища (крепости).Площадь наделов небольшая, от 1 до 2,5 га, но возможно, семья имела не один участок, учитывая что семья состояла из 2-3 поколений. Почти все разведанные городища этого времени располагались в непосредственной близости от моря или пролива, и совершенно естественно, что в рацион жителей входили и морепродукты, в зольниках находится большое количество раковин мидий и костей рыб. В этот период Боспор, видимо, еще не экспортировал рыбу, в ходе раскопок поселений III-II вв. до н.э. не выявлено рыбозасолочных ванн, видимо, в этот период речь шла скорее о выживании населения, чем о торговле новым видом экспортного товара. Данных об экспорте зерна из Боспора в этот период нет.

Следующий, четвертый этап, охватывает период с 80-70-х гг. I в. до н.э. по середину III в. н.э. С приходом на Боспор Митридата Евпатора с остатками своей армии строится четыре линии земляных оборонительных сооружений и начинается строительство десятков небольших городов–крепостей на ранее покинутой территории Боспора (рис. 3). Принцип землепользования в это время остается прежним, обрабатываются прилегающие к городам - крепостям земли. Существенные изменения происходят в рыболовстве и экспорте рыбной продукции. В ходе раскопок на городище Тиритака в слоях первых веков н.э. найдены рыбозасолочные комплексы – засолочные ванны, подобные ванны выявлены также на территории Пантикапея в слоях того же времени. Развивается виноделие, при раскопках Тиритаки, Мирмекия найдены винодельни. В Пантикапее в первых веках н.э. налажено производство амфор. Ма-

стерская по производству амфор найдена в г. Керчи по ул. Курсантов[34]. Экспорт зерна со слов Страбона составлял 180 000 медимнов в год.

На пятом и последнем этапе существования Боспорского царства, во 2-й пол.III в. н.э., количество «малых городов» резко сокращается (рис. 4), повторяется ситуация конца IV - начала III вв. до н.э., но в отличие от предыдущего периода, новые города–крепости не строятся, а все население перемещается в прибрежные города. Система землепользования остается прежняя, обрабатываются земли в радиусе до 2,5 км, пастбищами же становятся все незаселенные земли Боспора.Это не противоречит идее, разработанной Н.Н. Болговымдля позднеантичного периода о территориально-хозяйственных локальных микрозонах, в пределах которых располагались боспорские города[35]. В 576 г. с приходом тюрок на Боспор часть населения уходит в район Херсонеса. На этом история Боспорского царства заканчивается, и начинается новая история средневекового Крыма.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В VII-начале VI вв. до н.э. на территории будущего Боспорского царства существовало, как минимум, 163 поселения. Есть большая вероятность того, что жители этих поселений были легендарными киммерийцами, как ранее проживавшими на этой территории, так и пришедшими из южных степей после прихода туда скифов.

2. Начиная с первой половины VI в. до н.э., на территории Боспора налаживаются регулярные торговые связи с Грецией. Связующим звеном, с одной стороны, является производимое зерно, с другой стороны, греческие товары, в первую очередь, вино, оливковое масло, керамика и другие товары. На побережье Понта Евксинского и Боспора Киммерийского основываются греческие эмпории: Пантикапей, Фанагория, Феодосия, Китей, вокруг которых образуются варварские (киммерийские) протогорода. К IV в. до н.э. на территории Боспора существует уже 667 поселений, где выращивается зерно на экспорт (учитывая посевной материал и зерно, оставленное для питания)от 500 тыс. до 800 тыс. медимнов в год или 20 250 т – 35 240 т. В это время нет никакой городской хоры, и все зерно выращивается в варварских деревнях. В том же IV в. до н.э. правителями Боспора организуются сельскохозяйственные усадьбы – эмпории, где выращивают виноград, изготовляют вино и меняют его на зерно, тем самым удешевляя экспортный товар. Этим усадьбам – эмпориям дано название «царские» усадьбы.

3. В начале III в. до н.э. в результате каких-то катаклизмов население Боспора вынуждено покидать материковую часть полуострова и строить города-крепости на побережье, именно в это время появляется городская хора – участки земли, принадлежащие жителям этих крепостей и обрабатываемые ими.

4. В 1-й четверти I в. до н.э. начинается строительство небольших крепостей, фактически происходит вторичное освоение материковой части полуострова. Принцип землепользования сохраняется прежним – хора «малых городов Боспора» и хора полисов.

5. Во 2-й пол. III в. н.э. количество «малых городов Боспора» резко сокращается, и вновь население сосредоточено на побережье. Принцип землепользования – хора сохранившихся городов.

Приложение

Список поселений на территории Европейского и Азиатского Боспора

Поселения юго-восточной части Керченского полуострова:

1. Тиритака. 2. Нимфей. 3. Нижне-Чурбашское–1. 4. Нижне-Чурбашское–2. 5. Эльтиген-Западное. 6. Поселение по ул. Рубежной. 7. Эльтиген-Музей. 8. Героевка-6. 9. Героевка-4. 10. Эльтиген-2. 11. Героевка-3. 12. Героевка-2. 13. Героевка-1. 14. Героевка-5. 15. Тобечик-1. 16. Тобечик-2. 17. Тобечик-6. 18. Тобечик-3. 19.Тобечик-8. 20. Тобечик-9. 21. Тобечик-5. 22. Тобечик-7. 23. Южно-Чурбашское. 24. Чурбаш–2. VII-VI вв. до н.э. 25. Чурбаш-8. 26. Чурбаш-9. 27. Чурбаш-1. 28. Чурбаш-5. 29. Огоньки-6. 30. Огоньки-5. 31. Огоньки-4. 32. Огоньки-1. 33. Поселение V-IV вв. до н.э. Выявлено КОАЭ № 9. 01. 11. 08. 34. Огоньки-3. 35. Джанкойский Бугор 1. 36. Джанкойский Бугор 2. Поселение IV-III вв. до н.э. Выявлено КОАЭ. № 9. от 01. 11. 08. 37. Поселение VII-VI вв. до н.э. 38. Поселение № 97 (Веселов, 2005.Табл. 11). 39. Поселение IV-III вв. до н.э. Выявлено КОАЭ. №15 от 01.11.08. 40. Огоньки II (Кругликова, 1975.С. 261. № 164). 41.Поселение № 612 (Веселов, 2005.Талб. 65).VII-III вв. до н.э. 42. Поселение IV-III вв. до н.э. Выявлено КОАЭ. № 15. 01.11.08. 43. Поселение № 613 (Веселов, 2005.Табл. 65) 44. Поселение IV-III вв. до н.э. Выявлено КОАЭ. № 16 от 01.11.08. 45. Чурбашский Маяк–1. 46. Чурбашский Маяк–2. 47. Поселение IV-III вв. до н.э. Выявлено КОАЭ. № 30 от 01.11.08. 48. Поселение Огоньки 2 (Зинько, 2003.С. 206). 49. Поселение Чурбаш 3. 50. Поселение № 121 (Веселов, 2005.Табл. 14). 51.Поселение № 119 (Веселов, 2005.Табл. 14). 52.Поселение № 118 (Веселов, 2005.Табл. 14). 53. Акра. 54. Заветное 1. 55. Поселение VI-III вв. до н.э. Исследовано КОАЭ № 5 от 08.12.08. 56. Поселение VII-VI вв. до н.э. Выявлено КОАЭ. № 2 от 09.12.08. 57. Отдельная усадьба IV-III вв. до н.э. Выявлено КОАЭ. № 3 от 09.12.08. 58. Китей. 59. Поселение Чатр-Тау. V-III вв. до н.э. 60. Поселение Джурга-Оба Западное. VII-III вв. до н.э. 61. Поселение № 496/493.-12 (Веселов, 2005.С. 51). 62. Поселение IV-III вв. до н.э. расположено на территории современного села Заветное в южной его части. Выявлено А.В. Куликовым. Там же найдены фрагменты керамики VII-VI вв. до н.э. 63. Заветное IV. 64. Заветное V. 65. Поселение Костырино (Веселов, 2005. С. 49. № (154) 181/124.-10, Кругликова,1975. С. 260. № 154). 66.Поселение Кыз-Аульский маяк (Веселов, 2005. С. 50. № (157) 187/130.-4, Кругликова, 1975. С. 260. № 157. 67. Поселение № 495 (Веселов, 2005.Табл. 52). 68.Поселение № 498 (Веселов, 2005.Табл. 52). 69. Поселение выявлено КОАЭ №11-12 от 26.11.08. VIIв. до н.э. 70. Поселение выявлено КОАЭ №13-16 от 26.11.08. VII-VIвв. до н.э. 71. Поселение № 492 (Веселов, 2005.Табл. 52). 72. Поселение выявлено КОАЭ №18-21 от 26.11.08. VII-начало VI вв. до н.э.73. Поселение № 490 (Веселов, 2005.Табл. 52). 74.Поселение № 489 (Веселов, 2005.Табл. 52). 75.Поселение № 491 (Веселов, 2005.Табл. 52). 76. Поселение выявлено КОАЭ №26-29 от 26.11.08. VII-начало VI вв. до н.э. 77. Поселение № 138 (Веселов, 2005.Табл. 17). Обследовалось КОАЭ. 78. Поселение выявлено КОАЭ №9 от 27.11.08. VII-начало VI вв. до н.э. 79. Поселение выявлено КОАЭ. №12-14 от 08.11.08. IV-IIIвв. до н. э. 80. Поселение № 496 (Веселов, 2005.Табл. 52). Обследовалось КОАЭ. 81. Поселение выявлено КОАЭ №15 от 29.11.08. VII-VI вв. до н.э. 82. Поселение выявлено КОАЭ №7-13 от 29.11.08. VII-IIIвв. до н.э. 83. Поселение выявлено КОАЭ № 3 от 08.11.08. IV-IIIвв. до н.э. 84. Поселение выявлено КОАЭ № 6 от 27.11.08. VII-IIIвв. до н.э. 85. Поселение выявлено КОАЭ № 2 от 21.03.09. IV-IIIвв. до н.э. 86. Поселение выявлено КОАЭ №30-32 от 29.11.08. IV-IIIвв. до н.э. 87. Поселение № 110 (Веселов, 2005.Табл. 13). 88.МарьевкаIV. Исследовалось КОАЭ в ноябре 2008 г. VII-III вв. до н.э. 89. Поселение № 114 (Веселов, 2005.Табл. 13).VII-III вв. до н.э. 90. МарьевкаI, оно же поселение № 103 (Веселов, 2005.Табл. 12). 91.МарьевкаII. 92. ВязниковоIII. 93. Поселение № 104 (Веселов, 2005.Табл. 12). 94.Поселение № 487 (Веселов, 2005.Табл. 51).VII-III вв. до н.э. 95. Поселение № 486 (Веселов, 2005.Табл. 51).VII-III вв. до н.э. 96. Поселение № 105 (Веселов, 2005.Табл. 12).VII-VI вв. до н.э. 97. МарьевкаV. 98. Поселение № 485 (Веселов, 2005.Табл. 51).VII-IV вв. до

н.э. 99. МарьевкаIII, или № 106 (Веселов, 2005.Табл.12). Обследовалось КОАЭ. VII-VI вв. до н.э. 100. ВязниковоII. 101. Поселение выявлено КОАЭ №10-11 от 02.11.08. VII-III в. до н.э. 102. Поселение Чебацкое западное. 103. Поселение Чебацкое Южное, № 494 (Веселов, 2005.Табл. 52).VII-IV вв. до н.э. 104. Поселение выявлено КОАЭ, №20 от 01.12.08. 105. Поселение Опукское Восточное. V-III вв. до н.э. 106. Поселение выявлено разведками КОАЭ, значится под №13 от 15.11.08. VII-VI вв. до н.э. 107. Зольный холм на горе Опук, охватывающие период от конца VI-Vв. до н.э. до 1 пол. VI в.н.э. 108. Отдельные фр. керамики на плато Опук. Выявлено разведками КОАЭ под № 8 от 15.11.08. VII-VI вв. до н.э. 109. Поселение Холм А. VI-IV вв. до н.э. 110. Приозерная. Стоянка (поселение) и могильник эпохи поздней бронзы. 111. Сельская усадьба VI - начала V вв. до н.э. - 1 пол. III вв. до н.э. Повторное обследование усадьбы и стоянки проведено КОАЭ под № 15 и № 16 от 02.12.08. 112. Поселение Каяшское Северное. IV-III вв. до н.э. Обследовано КОАЭ под № 24-30 от 02.12.08. 113. Каяшский вал I. Датируется IV-III вв. до н.э. 114. Каяшский вал II. 115. Каяшский вал III. 116. Киркояшское Юго-Западное. 117. Киркояшское Восточное. 118. Киркояшское Второе. 119. Киркояшское Северо-Западное. 120. Киркояшское без названия (Последнее). 121. Киркояшское Северо-Восточное. 122. Поселение выявлено КОАЭ под №8-10 от 20.12.08. VII-III в. до н.э. 123. Поселение выявлено КОАЭ под №3 от 20.12.08. VII-III в. до н.э. 124. Поселение выявлено КОАЭ под №18 от 20.12.08. VII-IIIвв. до н.э. 125. Поселение выявлено КОАЭ под №7 от 20.12.08. VII-VIвв. до н.э. 126. Поселение выявлено КОАЭ под № 6 от 20.12.08. VII-VI вв. до н.э. 127. Поселение выявлено КОАЭ под № 2 от 20.12.08. VII-VI вв. до н.э. 128. Поселение выявлено КОАЭ под №11-15 от 20.12.08. VII-III в. до н. э. 129. Поселение № 449 (Веселов, 2005.Табл. 48). 130. Тамарино III. 131. Тамарино II. 132. Тамарино I. 133. Сокольское II. 134. Поселение выявлено КОАЭ в ноябре 2008 г. IV-IIIвв. до н.э. 135. Поселение № 617 (Веселов, 2005.Табл. 66). 136.Поселение № 101 (Веселов, 2005.Табл. 12). Исследовалось КОАЭ в ноябре 2008 г. VII-IV-III вв. до н.э. 137. МарфовкаVII. 138. МарфовкаV. 139. МарфовкаVI. 140. МарфовкаIII. 141. МарфовкаII. 142. МарфовкаIV. 143. Поселение № 437 (Веселов, 2005.Табл. 47).VII-VI вв. до н.э. 144. Поселение № 100 (Веселов, 2005.Табл. 14).VII-VI вв. до н.э. 145. Поселение № 566 (Веселов, 2005.Табл. 59).IV-III вв. до н.э. 146. Поселение № 99 (Веселов, 2005.Табл. 11).VII-VI вв. до н.э. 147. Поселение № 567 (Веселов, 2005.Табл. 59).IV-III вв. до н. э. 148. Поселение № 564 (Веселов, 2005.Табл. 59).VII-VI вв. до н.э. 149. Поселение № 553 (Веселов, 2005.Табл. 58).IV-III вв. до н.э. 150. Поселение № 558 (Веселов, 2005.Табл. 59).VII- IV-III вв. до н.э. 151. Поселение № 599 (Веселов, 2005.Табл. 63).VII-IV вв. до н.э. 152. Поселение № 593 (Веселов, 2005.Табл. 62).IV-III вв. до н.э. 153. Поселение № 556 (Веселов, 2005.Табл. 59).IV-III вв. до н.э. 154. Поселение № 593 (Веселов, 2005.Табл. 62).VII-IV вв. до н.э. 155. Поселение № 596 (Веселов, 2005.Табл. 63).IV-III вв. до н.э. 156. Поселение № 554 (Веселов, 2005.Табл. 58).VII-III вв. до н.э. 157. Поселение № 549 (Веселов, 2005.Табл. 58).IV-III вв. до н.э. 158. Поселение № 551 (Веселов, 2005.Табл. 58).VII-IV-III вв. до н.э. 159. Поселение МарфовкаI. 160. Поселение НовоселовкаI. 161. Поселение Фонтан. 162. Поселение выявлено КОАЭ под №28-38 от 20.11.08. VII-III вв. до н.э. 163. Поселение выявлено КОАЭ под №4 от 24.11.08. VII-III вв. до н.э. 164. Поселение выявлено КОАЭ под №24-27 от 20.11.08. VII-III вв. до н.э. 165. Поселение выявлено КОАЭ под №19-22 от 20.11.08. VII-III вв. до н.э. 166. Поселение выявлено КОАЭ под №1-9 от 20.11.08. VII-III вв. до н.э. 167. Поселение № 139 (Веселов, 2005.Табл. 17). Исследовалось КОАЭ в ноябре 2008 г. VII-III вв. до н.э. 168. Поселение № 122 (Веселов, 2005.Табл. 14). 169.Поселение № 121 (Веселов, 2005.Табл. 14). 170.Поселение № 484 (Веселов, 2005.Табл. 51).VII-III вв. до н.э. 171. Васильевка. 172. Поселение № 81 (Веселов, 2005.Табл. 10).IV-III вв. до н.э. 173. Поселение № 568 (Веселов, 2005.Табл. 59).IV-III вв. до н.э. 174. Поселение Каяшское Западное. 175. Поселение НовоселовкаIII. 176. Поселение НовоселовкаII. 177. Поселение Сазоновка II. 178. Поселение Сазоновка.

Поселения северо-восточной части Керченского полуострова:

179 - № 81 (Веселов. 2005. Табл. № 81). 180 - № 610. 181 – Огородное (Кругликова, 1975. Табл. 176). 182 – выявлено КОАЭ под № 3 от 29.03.09.Альцем 1. 183 - выявлено КОАЭ под № 1 от 29.03.09. Альцем 2. 184 - № 571 (Веселов, 2005. Табл. № 571). 185 - № 597 (Веселов, 2005. Табл. № 597). 186 - выявлено КОАЭ под № 2 от 18.05.08. 187 - № 652 (Веселов, 2005. Табл. № 652). 188 – ТасуновоIII. 189 - № 688 (Веселов. 2005. Табл. № 688). 190 – ТасуновоI. 191 - № 595 (Веселов. 2005. Табл. № 595). 192 - выявлено КОАЭ под № 1 от 23.05.09. 193 - № 641(Веселов. 2005. Табл. № 641). 194 – Горностаевка II. 195 – Горностаевка III. 196 - №147. 197 – ТасуновоII. 198 – Калиновка. 199 – Горностаевка I. 200 - выявлено КОАЭ под № 1-10 от 02.09.09. 201 - выявлено КОАЭ под № 11 от 02.09.09 (№ 646?). 202 - выявлено КОАЭ под № 12-16 от 02.09.09 (№ 658?). 203 - № 662. 204 - №145. 205 - № 661. 206 - №660. 207 – Новониколаевка II (обследовано КОАЭ под № 10-18 от 20.11.08). 208 - № 537. 209 - выявлено КОАЭ под № 10 от 24.11.09. 210 - №535. 211 - выявлено КОАЭ под № 35 от 24.11.09. 212 - выявлено КОАЭ под № 34 от 24.11.09. 213 - выявлено КОАЭ под № 33 от 24.11.09. 214 - выявлено КОАЭ под № 32 от 24.11.09. 215 – Ак-Бурун (Кругликова, 1975. С. 262). 216 – Госпиталь (Сапрыкин, Масленников, 2007. С. 117). 217 - № 620. 218 - № 619. 219 - № 618. 220 - № 626. 221 - № 577. 222 - № 329. 223 – № 328. 224 - № 297. 225 – Пантикапей. 226 – зольник по ул. Циолковского, г. Керчь (раскопки Куликова А.В., 2002 г.). 227 – поселение IV вв. до н.э. на территории рыбоконсервного завода, г. Керчь (раскопки КОАЭ, 2003 г.). 228 - № 299. 229 – Мирмекий. 230 – Партизаны II. 231 - выявлено КОАЭпод № 16 от 13.12.08. 232 – Змеиный мыс. 233 – Капканы II. 234 – Капканы V. 235 – Капканы III. 236 – Капканы I. 237 - №15. 238 - № 12. 239 - № 11. 240 - № 18. 241 - № 17. 242 - № 9. 243 - № 13. 244 - № 8. 245 – Глейки. 246 – Маяк I. 247 - № 4. 248 - № 39. 249 - № 34. 250 - № 58. 251 – Партизаны I. 252 – Партизаны III. 253 - № 31. 254 – Партизаны IV. 255 - № 37. 256 - № 5. 257 - № 45. 258 - № 41. 259 - № 42. 260 - № 48. 261 - № 50. 262 - № 49. 263 - № 53. 264 - № 52. 265 - № 51. 266 - № 393. 267 - выявлено КОАЭ под № 9-13 от 22.11.08. 268 – Бондаренково IV. 269 – Бондаренково I. 270 – Бондаренково VI. 271 - № 62. 272 - № 67. 273 – Бондаренково V. 274 - № 47. 275 – Бондаренково II. 276 – поселение обследовано КОАЭ под № 1 от 13.11.09 (выявленоранее Д.Ю. Бейлиным). 277 - выявлено КОАЭ под № 3 от 13.11.09. 278 – Тархан I. 279 – Тархан II. 280 – Тархан III. 281 – выявлено КОАЭ под № 1 от 26.01.09. 282 – Тархан IV.. 283 - выявлено КОАЭ под № 2 от 26.01.09. 284 - № 623. 285 – БондаренковоIII. 286 - № 519. 287 - № 520. 288 - № 75. 289 - № 481. 290 - № 71. 291 – Войково I. 292 - № 307. 293 - №74. 294 - № 72. 295 - № 472. 296 - № 628. 297 - № 628. 298 - № 473. 299 – МичуриноI. 300 - № 308. 301 – МичуриноII. 302 - № 574. 303 - № 576. 304 - № 578. 305 – Октябрьское III. 306 – Октябрьское II. 307 – Октябрьское I. 308 – Мичурино III. 309 – Восход I. 310 – Восход II. 311 - № 631. 312 - № 647. 313 – Октябрьское VII. 314 - № 579. 315 - № 312. 316 - № 311. 317 – Октябрьское V. 318 - № 649. 319 - № 644. 320 - № 687. 321 - № 668. 322 - № 322. 323 - № 474. 324 - № 332. 325 – Октябрьское VI. 326 – Октябрьское IV. 327 - № 318. 328 – Малый Бабчик. 329 - выявлено КОАЭ под № 9-10 от 11.10.08. 330 - выявлено КОАЭ под № 1 от 09.03.09. 331 - выявлено КОАЭ под № 2 от 09.03.09. 332 - № 332. 333 - выявлено КОАЭ под № 1 от 31.01.09. 334 - выявлено КОАЭ под № 2 от 31.01.09. 335 - выявлено КОАЭ под № 10 от 24.01.09. 336 - выявлено КОАЭ под № 16-19 от 24.01.09. 337 - выявлено КОАЭ под № 21 от 24.01.09. 338 - выявлено КОАЭ под № 1-2 от 24.01.09. 339 - выявлено КОАЭ под № 4 от 24.01.09. 340 - выявлено КОАЭ под № 5 от 24.01.09. 341 – Мыс Чокрак (Масленников, Чевелев, 1981. С. 77-85). 342 – Родник Чокрак (Масленников, Чевелев, 1981. С. 77-85). 343 - выявлено КОАЭ под № 9 от 24.01.09. 344 - № 507. 345 - № 505. 346 – Салачик (Масленников, 1998. С. 200-201). 347 -Генеральское Западное (Масленников, 1998. С. 50-59). 348 – Генеральское Западное (юго-западный склон) (Дановский, Масленников, 2005. С. 71-83). 349 – Пустынный Берег I (Масленников, 1998. С. 68-70). 350 – Пустынный Берег II (Ломтадзе, Масленников, 2003. С. 191-216). 351 – Куль Тепе I. 352 – Куль Тепе II. 353 – Куль Тепе селище (Масленников, 1998. С. 77). 354 – Золотое

Восточное I. 355 – Золотое Восточное. 356 – Золотое II. 357 – Золотое I. 358 – Чегене I (Винокуров, 1998. С. 58-59). 359 – ЧегенеII (Винокуров, 1998. С. 59-61). 360 – Золотое Восточное, Сююрташ скифское поселение (Масленников, 1998. С. 175-180). 361 - выявлено КОАЭ под № 5 от 24.05.08. 362 - выявлено КОАЭ под № 2 от 24.05.08. 363 - № 523. 364 – Артезиан (Масленников, 1998. С. 119). 365 – Маяк (Винокуров, 1998. С. 31-58). 366 – Салын (Винокуров, 1998. С. 31-58). 367 - № 142. 368 - № 563. 369 - №561. 370 – ДержавиноI. 371 - № 432. 372 - выявлено КОАЭ под № 1 от 30.06.08. 373 – Пресноводная I. 374 - № 418. 375 - выявлено КОАЭ под № 2 от 01.04.09. 376 – Ново-Отрадное II. 377 - № 421. 378 – Верхне-Заморское. 379 – Пресноводная II. 380 – Зеленый Яр II. 381 - № 426. 382 – Ново-Николаевка I. 383 – Зеленый Яр I. 384 – Зеленый Яр III. 385 - № 431.

Поселения западной части Боспора:

386 – Песочное I. 387 – Песочное II. 388 – Песочное III. 389 - № 400. 390 – Виноградное I. 391 - № 171. 392 - № 174. 393 – Виноградное II. 394 – Виноградное III. 395 - № 164. 396 - № 167. 397 - № 166 (обследовано КОАЭ под № 3 от 20.11.09). 398 - выявлено КОАЭ под № 1 от 20.11.09. 399 – СлюсаревоI. 400 – СлюсаревоII. 401 – СлюсаревоIII. 402 – СлюсаревоIV. 403 – СлюсаревоV. 404 – СлюсаревоVI. 405 – Ленинское I. 406 – Ленинское II (№ 159). 407 – Ленинское III (№ 160). 408 – Ленинское I (Мацкевой, 1977.С. 37). 409 - выявлено КОАЭ под № 6 от 04.04.09. 410 - выявлено КОАЭ под № 1 от 04.04.09. 411 – Кирово. 412 – Красная Горка. 413 – Королево. 414 - №188. 415 - № 546. 416 - № 542. 417 - № 544. 418 - № 545. 419 - № 547. 420 - № 192. 421 - № 193. 422 - № 226. 423 - № 225. 424 - № 227. 425 – Ленино I. 426 – Ленино II. 427 – Ленино III. 428 - Чапаевка III. 429 – Чапаевка IV. 430 – Чапаевка I. 431 – Чапаевка II. 432 – Красный Кут II. 433 - Красный Кут I (№ 215). 434 – Семеновка IV. 435 – Семеновка II. 436 – Семеновка III. 437 - Семеновка I (№ 529). 438 – Рыбное I. 439 – Рыбное II. 440 – Рыбное III. 441 – Мысовое II. 442 – КазантипII. 443 – КазантипIII. 444 – Мысовое. 445 - № 402. 446 - № 229. 447 – Батальное I. 448 – Батальное II (№ 181). 449 - № 182. 450 – Семисотка. 451 – Набережная I. 452 – Набережная II. 453 - № 239. 454 – Фронтовое I. 455 – Фронтовое II. 456 – ХолмогоркаI. 457 – ХолмогоркаII. 458 – Ячменная I. 459 – Ячменная II. 460 – Ячменная III. 461 – ВладиславовкаI. 462 – ВладиславовкаII. 463 – Тамбовка I. 464 – Тамбовка II. 465 – Тамбовка III. 466 – Тамбовка IV. 467 – Тамбовка V. 468 – Тамбовка VI. 469 – Береговое I. 470 – БереговоеII. 471 – Береговое III. 472 - № 391. 473 – Ближнее I. 474 – Ближнее II. 475 – Ближнее III. 476 – Донская. 477 – Романовка. 478 – Гоголевка. 479 – Айвазовское. 480 – Абрикосовка.

Поселения, выявленные А.В. Гавриловым[36]:

481 – Тепе-Оба. 482 – Куру-Баш. 483 – Насыпное. 484 – Узун-Сырт (подножие). 485 – Узун-Сырт (вершина). 486 – Патризаны 2. 487 – Партизаны 1. 488 – Лесопитомник. 489 – Ближнее. 490 – Дачи. 491 – Ближнее 5. 492 – Разъезд 107-й км. 493 – Корпечь. 494 – Тулумчак. 495 – Владиславовка. 496 – Водохранилище. 497 – Новопокровка 3. 498 – Журавки 2. 499 – Садовое 2. 500 – Маковка. 501 – Журавки 1. 502 – Новопокровка 1. 503 – Новопокровка 2. 504 – Васильковое. 505 – Островное. 506 – Красновка 1. 507 – Красновка 2. 508 – Синицыно. 509 – Шубино 1. 510 – Шубино. 511 – Мучное. 512 – Софиевка. 513 – Ореховка 1. 514 – Ильичово 2. 515 – Надежда. 516 – Криничкі 1. 517 – Партизаны 3. 518 - Пляж «Динамо». 519 – Приветное. 520 – Бабенково.

Поселения в районе мыса Чауда:

521 - выявлено КОАЭ под № 1 от 11.11.09. 522 - выявлено КОАЭ под № 2 от 1.11.09. 523 - выявлено КОАЭ под № 3 от 11.11.09. 524 - выявлено КОАЭ под № 4 от 11.11.09.

Поселения района мыса Чауда по А.В. Гаврилову[37]:

525 – Казека. 526 – Акбулат Оба. 527 – Охчи Оба. 528 – высота 37,9. 529 – Караколь 1. 530 – Караколь 2. 531 - Карангат. 532 – Качик 1. 533 – Дартколь. 534 – Устье Балки 1. 535 – Устье Балки 2.

Поселения к западу от оврага Сухой Индол:

536 – Лоховка (Гаврилов). 537 – Кривцово (Колтухов). 538 – поселение IV в. до н.э. (440-1, Колтухов).

Поселения Таманского полуострова (Азиатского Боспора) по Г.П. Гарбузову, А.А. Завойкину[38]:

701 – Патрей. 702 – Кепы. 703 – Фанагория. 704 – Гермонаса. 705 – Корокондама. 706 – Ильич 1. 707 – Ильич 2. 708 – Ильич 3. 709 – Ильич 5. 710 – Приазовский 1. 711 – Приазовский 2. 712 – Приазовский 3. 713 – Приазовский 4. 714 – Приазовский 5. 715 – Батарейка 1. 716 – Батарейка 2. 717 – Батарейка 4. 718 – Запорожская 1. 719 – Запорожская 2. 720 – Красноармейский 1. 721 – Красноармейский 2. 722 – Красноармейский3. 723 – Красноармейский 5. 724 – Красноармейский 6. 725 – Гаркуша 2. 726 - Гаркуша 4. 727 – Береговое 3. 728 – Береговое 4. 729 – Кучугуры 1. 730 – Кучугуры 2 731 – Кучугуры 3. 732 – Кучугуры 4. 733 – Кучугуры 5. 734 – Кучугуры 7. 735 – Кучугуры 8. 736 – Кучугуры 9. 737 – Кучугуры 13. 738 – Кучугуры 15. 739 – Кучугуры 16. 740 - Кучугуры 18. 741 – Кучугуры 19. 742 – Фонталовская 1. 743 – Фонталовская 2. 744 – Фонталовская 3. 745 – Фонталовкая 4. 746 – Фонталовская 5. 747 – Фонталовская 6. 748 - Фонталовская 7. 749 – Фонталовская 8. 750 – Волна Революции 1. 751 – Волна Революции 2. 752 – Волна Революции 4. 753 – Волна Революции 5. 754 – Юбилейный 1. 755 – Юбилейный 2. 756 – Юбилейный 3. 757– Юбилейный 4. 758 – Юбилейный 5. 759 – Юбилейный 9. 760 – Юбилейный 10. 761 – Юбилейный 11. 762 – Юбилейный 12. 763 – Юбилейный 13. 764 – Сенной 1. 765 – Сенной 2. 766 – Сенной 3. 767 – Сенной 4. 768 – Сенной 5. 769 – Сенной 7. 770 – Сенной 8. 771 – Сенной 9. 772 – Сенной 10. 773 – Соленый 3. 774 – Ахтанизовская 1. 775 – Ахтанизовская 2. 776 – Ахтанизовская 3. 777 – Ахтанизовская 4. 778 – Ахтанизовская 5. 779 – Ахтанизовская 9. 780 – Приморский 1. 781 – Приморский 2. 782 – Приморский 3. 783 – Приморский 5. 784 – Приморский 7. 785 – Приморский 8. 786 – Приморский 9. 787 – Приморский 12. 788 – Приморский 13. 789 – Приморский 14. 790 – Приморский 15. 791 – Приморский 16. 792 – Приморский 17. 793 – Приморский 18. 794 – Приморский 19. 795 – Приморский 20. 796 – Приморский 21. 797 - Приморский 23. 798 – Тамань 1. 799 – Тамань 3. 800 – Тамань 4. 801 – Тамань 5. 802 – Тамань 6. 803 – Тамань 7. 804 – Тамань 8. 805 – Тамань 9. 806 – Тамань 10. 807 – Тамань 11. 808 – Тамань 12. 809 - Тамань 13. 810 – Волна 1. 811 – Волна 2. 812 – Волна 3. 813 – Волна 4. 814 – Таманский 2. 815 – Таманский 3. 816 – Таманский 4. 817 – Таманский 5. 818 – Таманский 6. 819 – Таманский 7. 820 – Таманский 9. 821 – Артющенко. 822 – Веселовка 1. 823 – Веселовка 3. 824 – Веселовка 4. 825 – Веселовка 5. 826 – Веселовка 6. 827 – Прогресс 1. 828 – Прогресс 2. 829 – Виноградный 1. 830 – Виноградный 2. 831 – Виноградный 4. 832 – Виноградный 7. 833 – Виноградный 8. 834 – Виноградный 9. 835 – Виноградный 10. 836 – Вышестеблиевская 1. 837 – Вышестеблиевская 2. 838 – Вышестеблиевская 4. 839 – Вышестеблиевская 6. 840 – Вышестеблиевская 8. 841 – Вышестеблиевская9. 842 – Вышестеблиевская 10. 843 – Вышестеблиевская 11. 844 – Вышестеблиевская 13. 845 – Вышестеблиевская 14. 846 – Вышестеблиевская 16. 847 – Старотитаровская 1. 848 – Старотитаровская 2. 849 – Старотитаровская 3. 850 – Старотитаровская 5. 851 – Старотитаровская 7. 852 – Старотитаровская 8. 853 – Старотитаровская 13. 854 – Старотитаровская 14. 855 – Старотитаровская 15. 856 – Старотитаровская 16. 857 – Старотитаровская 17. 858 – Старотитаровская 18. 859 – Старотитаровская 19. 860 – Стрелка 1. 861 – Стрелка2. 862 – За Родину 1. 863 - За Родину 2. 864 - За Родину 3. 865 - За Родину 4. 866 - За Родину 5. 867 - За Родину 6. 868 – Пересыпь 1 «Тирамба». 869 – Голубицкая 2. 870 – Голубицкая 4. 871 – Темрюк 1. 872 – Темрюк 2. 873 – Темрюк 4. 874 – Темрюк 5. 875 – Курчанская 3. 876 – Приазовский 6.

Примечания:

1. Жебелев С.А. Основные линии экономического развития Боспорского государства. Изв. АН СССР. Отд. общ.наук. 1934. № 8. С.589-607; 1934. №9. С. 661-679; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1953. 387 с.

2. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. 208 с.

3. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. 622 с.

4. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1974. 51 с.; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. 300 с.; Кругликова И.Т. Сельская территория Боспора // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 108-125; Кругликова И.Т. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. С.123-144.

5. Масленников А.А., Безрученко И.М. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА. 1991. № 204. С.42; Масленников А.А. Сельская территория Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1993. 45 с.; Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998; Масленников А.А. Сельские поселения Европейского Боспора (некоторые проблемы и итоги исследований) // Боспорские исследования. Вып.1. Симферополь, 2001. С. 75-100; Масленников А.А. Царская хора Боспора на рубеже V-IV вв. до н.э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997. С. 87-88; Масленников А.А. Центры «царского» землевладения на Боспоре IV-III вв. до н.э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С.160-162; Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Том 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., 2010. 244 с. и др.

6. Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004. С. 7.

7. Габлиц К.И. Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической Губернии собранные из разных древних и средних времен писателей с тремя картами. СПб.,1803, карта №1.

8. Гаврилов А.В. Округа античной .... С. 33-35.

9. Отчет КОАЭ о полевых исследованиях – разведках в 2008 году. Керчь, 2009. С. 37-40.

10. Лесков А.В. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (Предскифский период). Киев, 1970. С. 7-59.

11.Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. //Древности Боспора. Supplementum.II. М., 2005. С. 65.

12. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. ... С. 149.

13. my3.getdt.ru/tw_files2/urls_12/15/d-14624/7z-docs/32.pdf

14. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд. АН СССР, 1953. С. 161-200.

15. Кутайсов В.А. Античный полис Керкинитида/ Материалы к археологической карте Крыма. Выпуск XII. Симферополь, 2013. С. 25-53.

16. Кутайсов В.А. Античный полис ... С. 30-32.

17. Федосеев Н.Ф.Граффити Боспора из-под воды // Древности Боспора. 13. М., 2009. С.461-476.

18. Дирин А.А. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 19. 1896. С.121–129.

19. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 158-159, 174.

20. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство ... С. 162.

21. Крижицький С.Д., Щеглов О.М. Про зерновийпотенціал античных держав ПівнічногоПричерномор'я // Археологія. 1991. № 1. С. 52, прим 19.

22. Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Том 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М., 2010.

23. Там же, с. 7.

24. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BE%D1%80%D0%B0_%28%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%29

25. Масленников А.А. Царская хора ... С. 7.

26. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 186-191.

27. Там же ... С. 66.

28. Веселов В.В. Сводная ведомость ... С. 34.

29. Там же. Табл. № 509.

30. Голенко В.К., Горлов Ю.В., Усачева О.Н. Отчет о работах Южно-Боспорской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1990 г. / Архив ИА РАН.

31. Смекалова Т.Н., Масленников А.А., Смекалов С.Л., Куликов А.В. Предварительные наблюдения о системах землевладения и землепользования античного Боспора//Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 325. Рис. 1.

32. Масленников А.А. Эллинская хора ... . С. 175-180,263-267.

33. Смекалова Т.Н., Масленников А.А., Смекалов С.Л., Куликов А.В. Предварительные наблюдения ... . С. 326. Рис. 2.

34. Отчет о раскопках Керченской охранно-археологической экспедиции за 2006 год. Керчь, 2007.

35. Болгов Н.Н. Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV-VI вв. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. С 72-100.

36. Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004. С. 264, рис. 3.

37. Гаврилов А.В. Результаты обследования следов размежевки в окрестностях мыса Чауда и озера Качик на Керченском полуострове// ДБ. 14. М., 2010. С. 88-104, рис. 1. 2010.

38. Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI-V вв. до н.э.) и составе державы Спартокидов (IV-начало III в. до н.э.) // ДБ. 16. М., 2012. С. 114-149.

Иллюстрации.

Рис. 1. Европейский Боспор в VII-начале III вв. до н.э.

Рис. 1а. Азиатский Боспор в VII-начале III вв. до н.э.

Рис. 2. Крым и Тамань в началеIII в. до н.э.

Рис. 3. Европейский Боспор в первой половине – середине I в. до н.э.

Рис. 4. Европейский Боспор в VI в. до н.э.

Рис. 5. Предполагаемое положение вала «Слепых». 1 – космический снимок района с. Приветное. 2 – трассы вала «Слепых» обозначен прерывистой линией и Акмонайского вала I в. до н.э. на карте с обозначенными поселениями VII-VI вв. до н.э. и V-начала III до н.э.

Рис. 6. Поселение «Альцем 1» ил № 182. 1 – остатки хозяйственных ям. 2 – керамика из хозяйственных ям.

Рис. 7. Поселение Джурга-Оба. 1 – строительные остатки усадьбы. 2 – лепная керамика из раскопа.

Рис. 8. Керамика с поселения, расположенного в 150 м восточней Узунларского вала в районе водохранилища.

Рис. 9. Кыз Аульская балка с поселениями VII-VI вв. до н.э. и VI-начала III вв. до н.э. 1 – трехверстовая карта Крыма ВТД 1865-1876 гг. Лист XXXIII-15-е. 2 – современная карта с поселениями VII-VI вв. до н.э.

Рис. 9а. Антропоморфные надгробия. 1 – Тиритака. 2 – Истрия. 3 – антропоморфное надгробие, найденное в верховьях Кыз-Аульской балки в 2000 г.

Рис. 10. Кёзская микроэкономическая зона.

Рис. 11. Кёзская микроэкономическая зона. Космическая съемка.

Рис. 12. «Царская» усадьба восточней пос. Бондаренково. 1 – усадьба, обведено желтым, выше и справа видны следы размежевания. 2 – фрагменты керамики из грабительского шурфа, видно ножки гераклейских, хиосских амфор и фрагменты черепицы.

Рис. 13. Следы размежевания в 600 м севернее поселения Порфмий (традиционного).

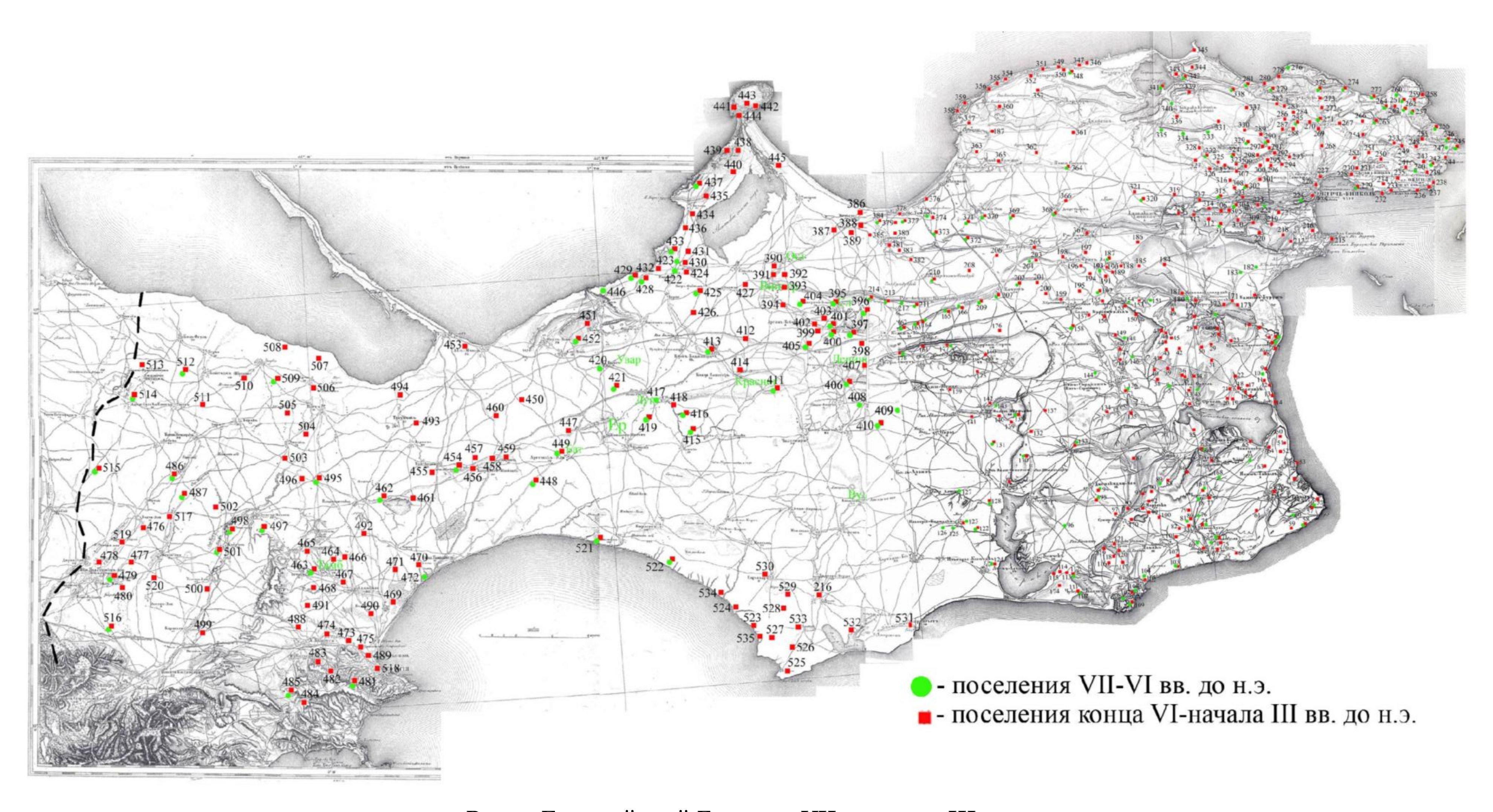

Рис. 1. Европейский Боспор в VII – начале III вв. до н.э

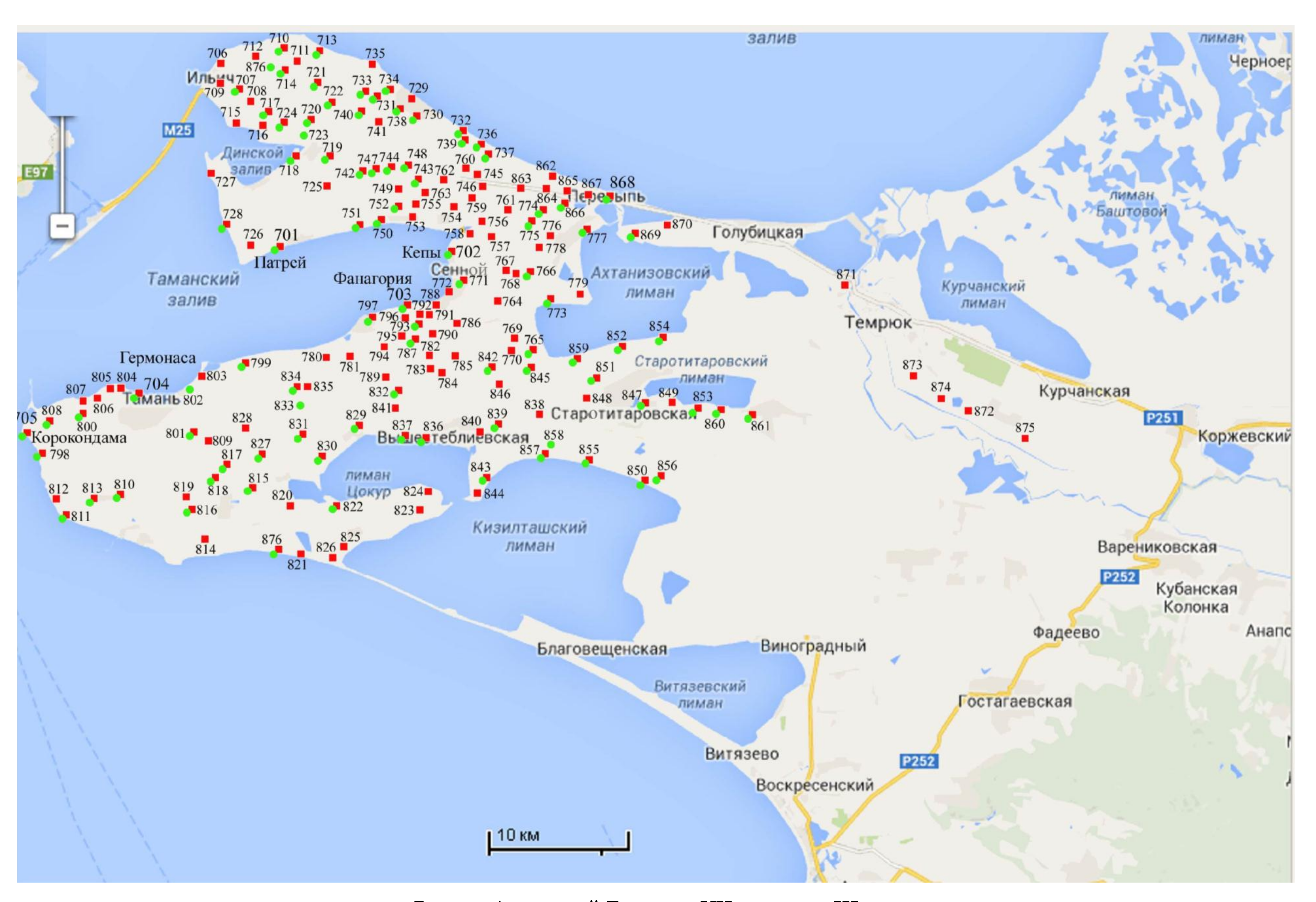

Рис. 1а. Азиатский Боспор в VII – начале III вв. до н.э

Рис. 2. Крым и Тамань в начале III в. до н.э

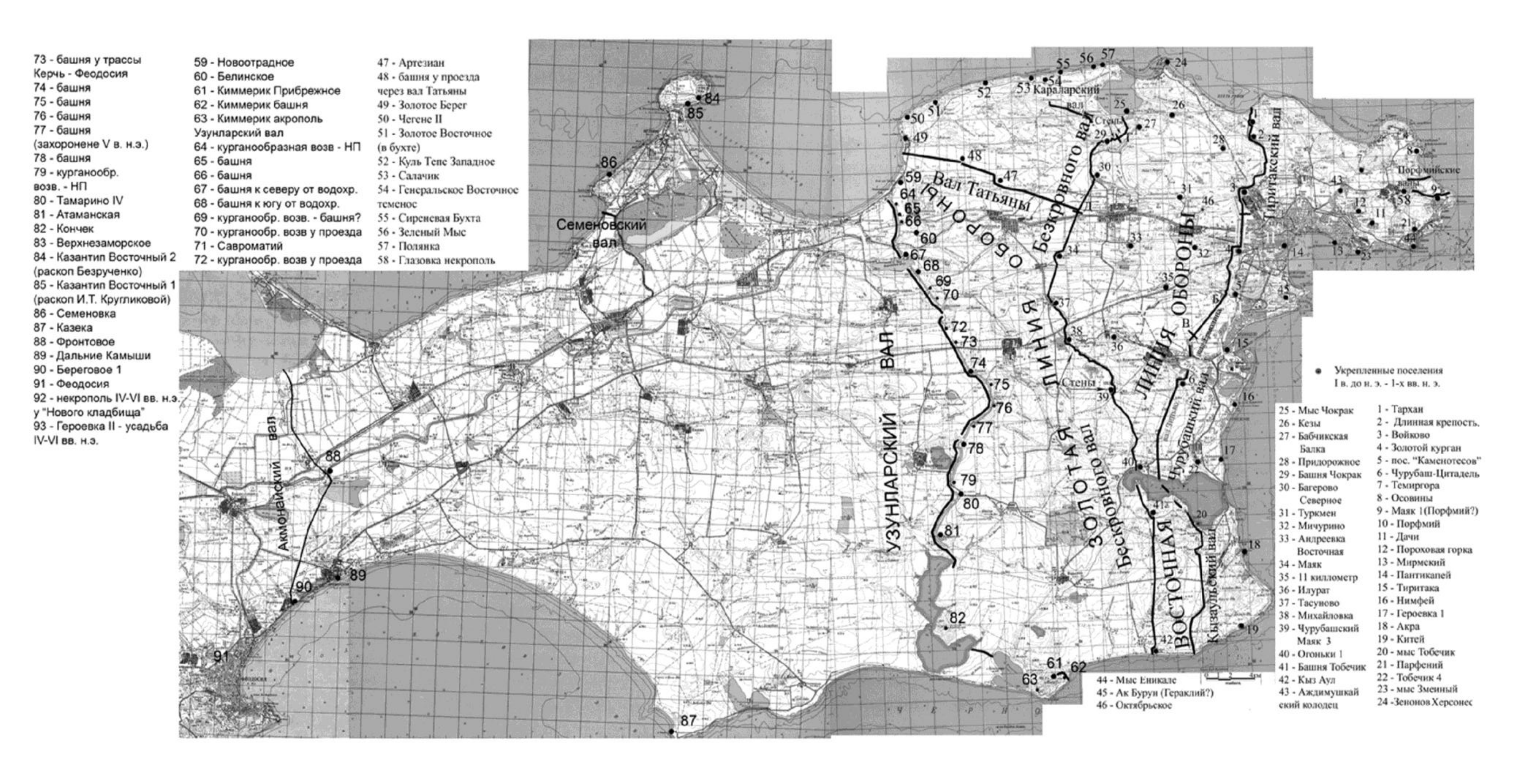

Рис. 3. Европейский Боспор в первой половине – середине I в. до н.э

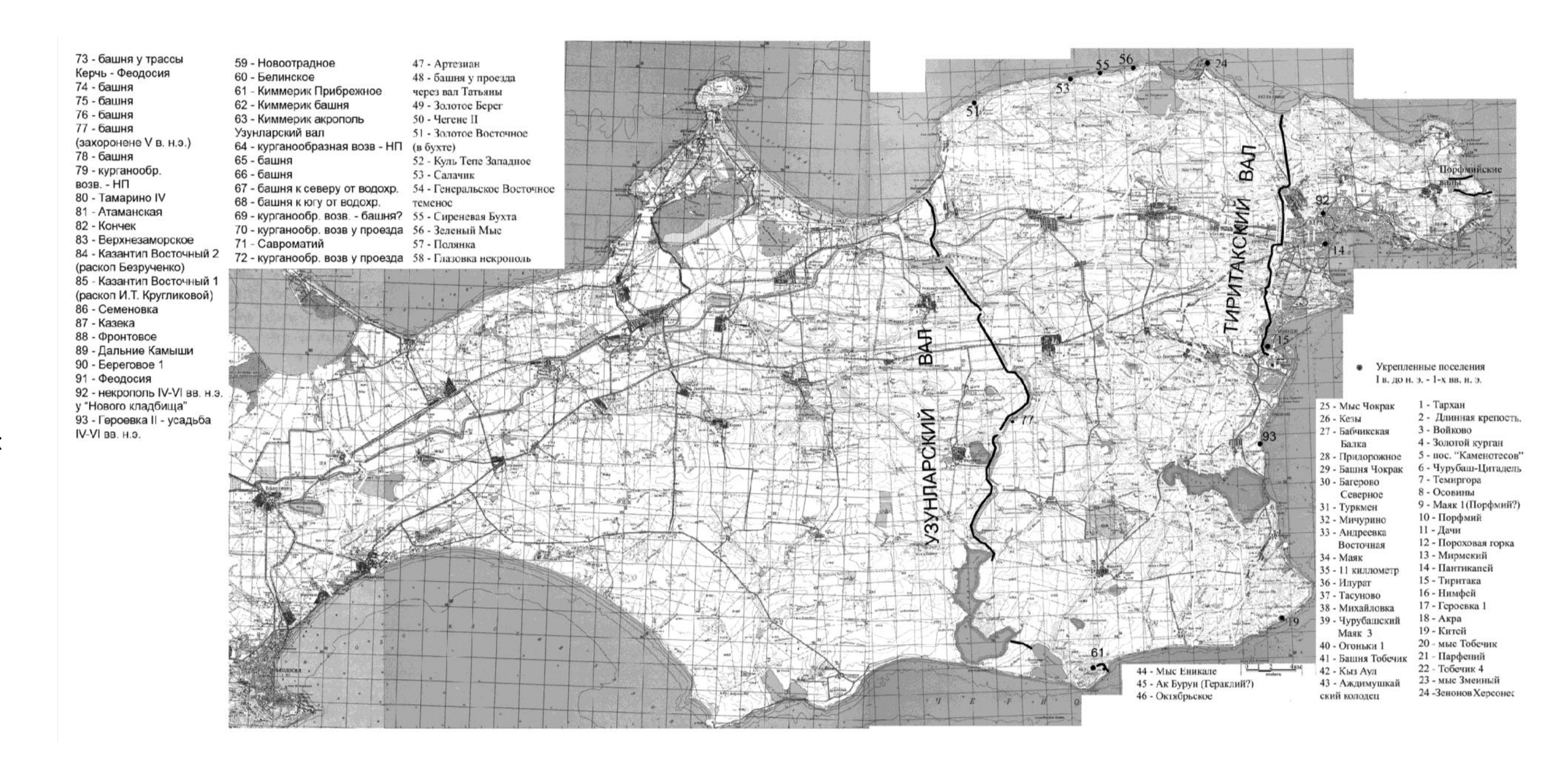
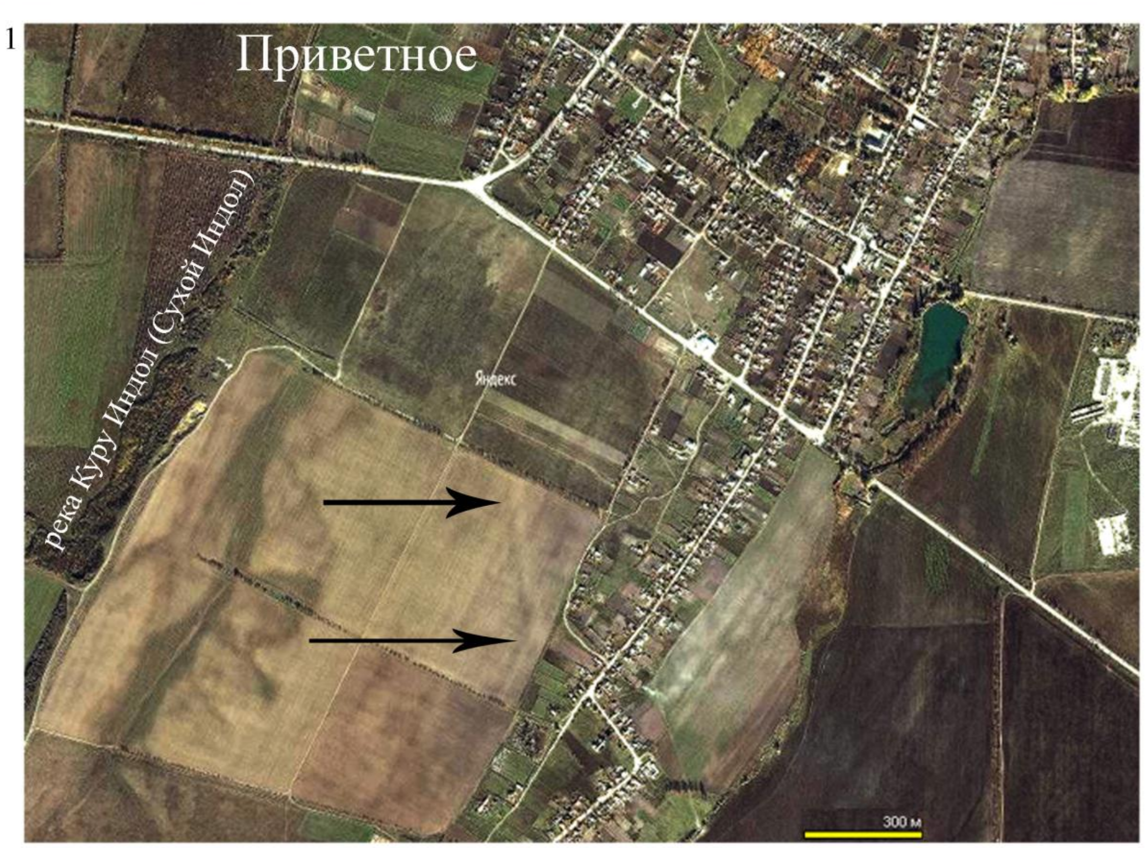

Рис. 4. Европейский Боспор в VI в. до н.э

1

Стрелками показан предполагаемый “Вал Слепых”

2

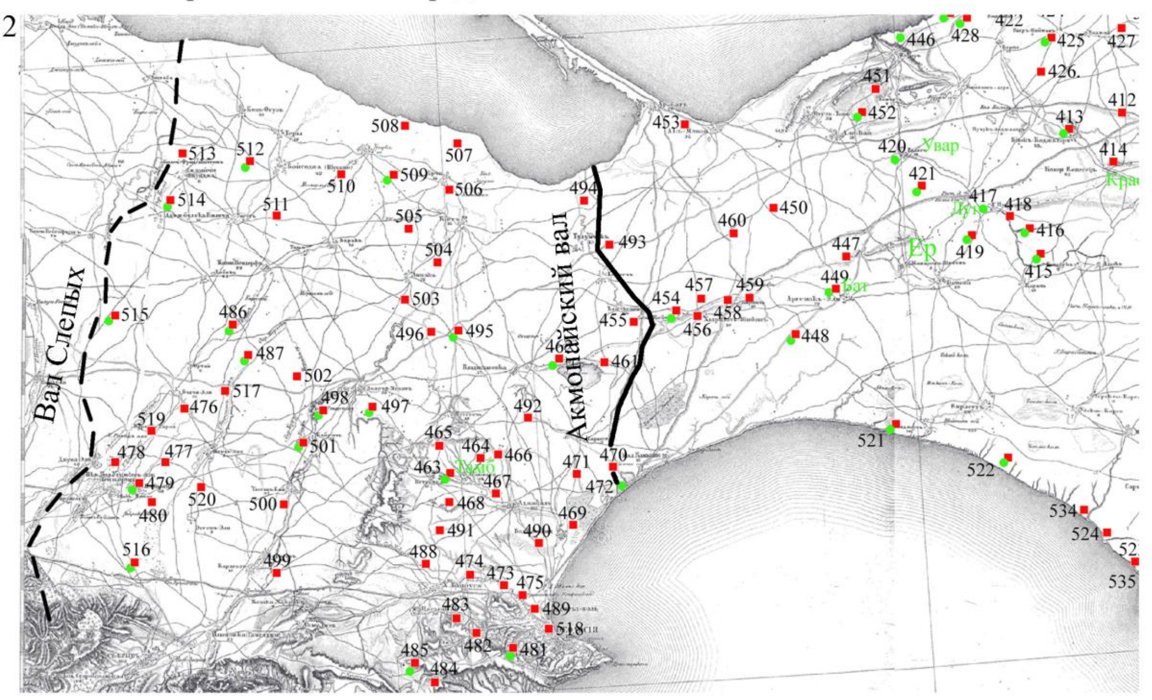

Рис. 5. Предполагаемое положение вала “Слепых”. 1 - космический снимок района с. Приветное. 2 - трассы вала “Слепых” прерывстой линией и Акмонайского вала I-го в. до н.э. на карте с обозначенными поселениями VII-VI вв. до н.э. и V-начала III до н.э.

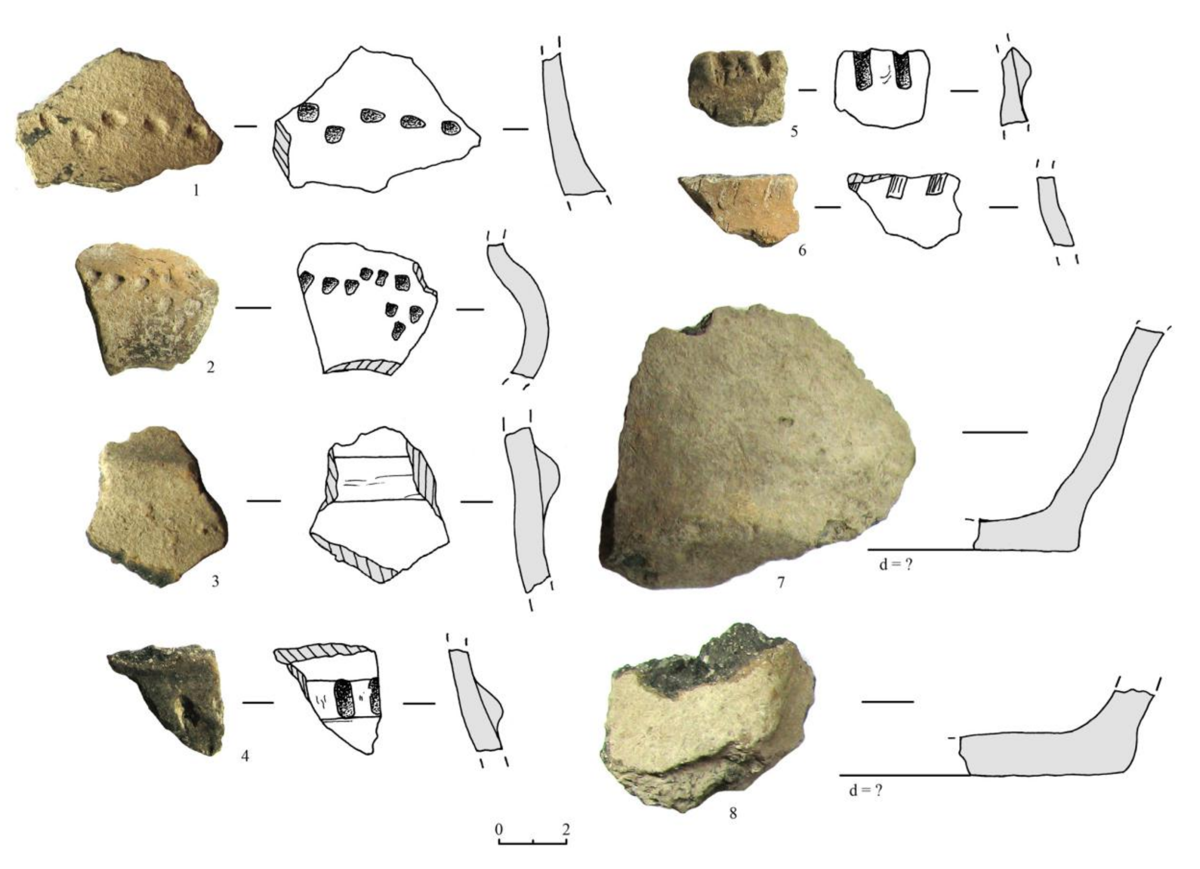

Рис. 6. Поселение “Альцем 1” или № 182. 1- остатки хозяйственных ям. 2 - керамика из хозяйственных ям.

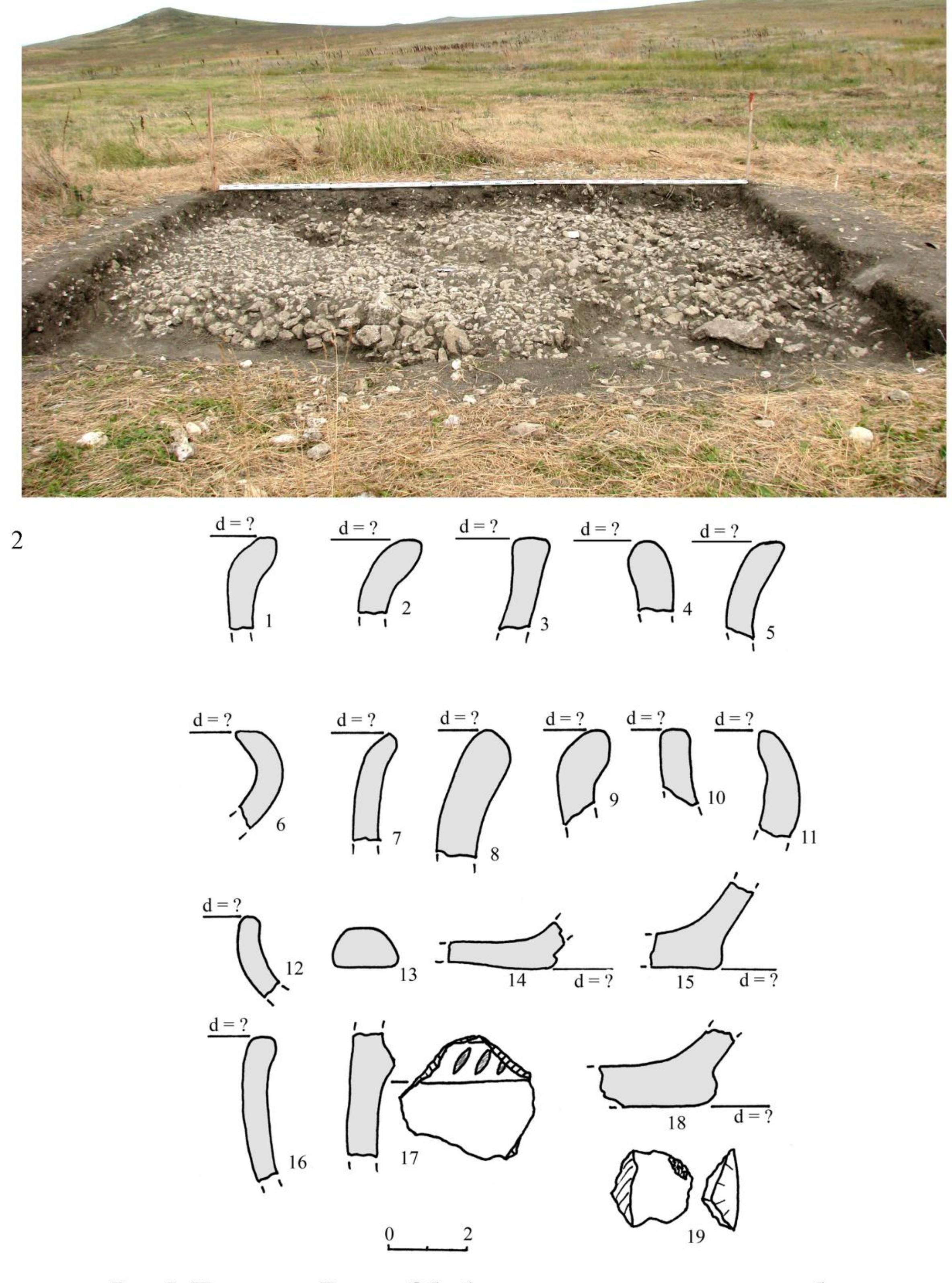

Рис. 7. Поселение Джурга Оба. 1 - строительные остатки усадьбы. 2 - лепная керамика из раскопа.

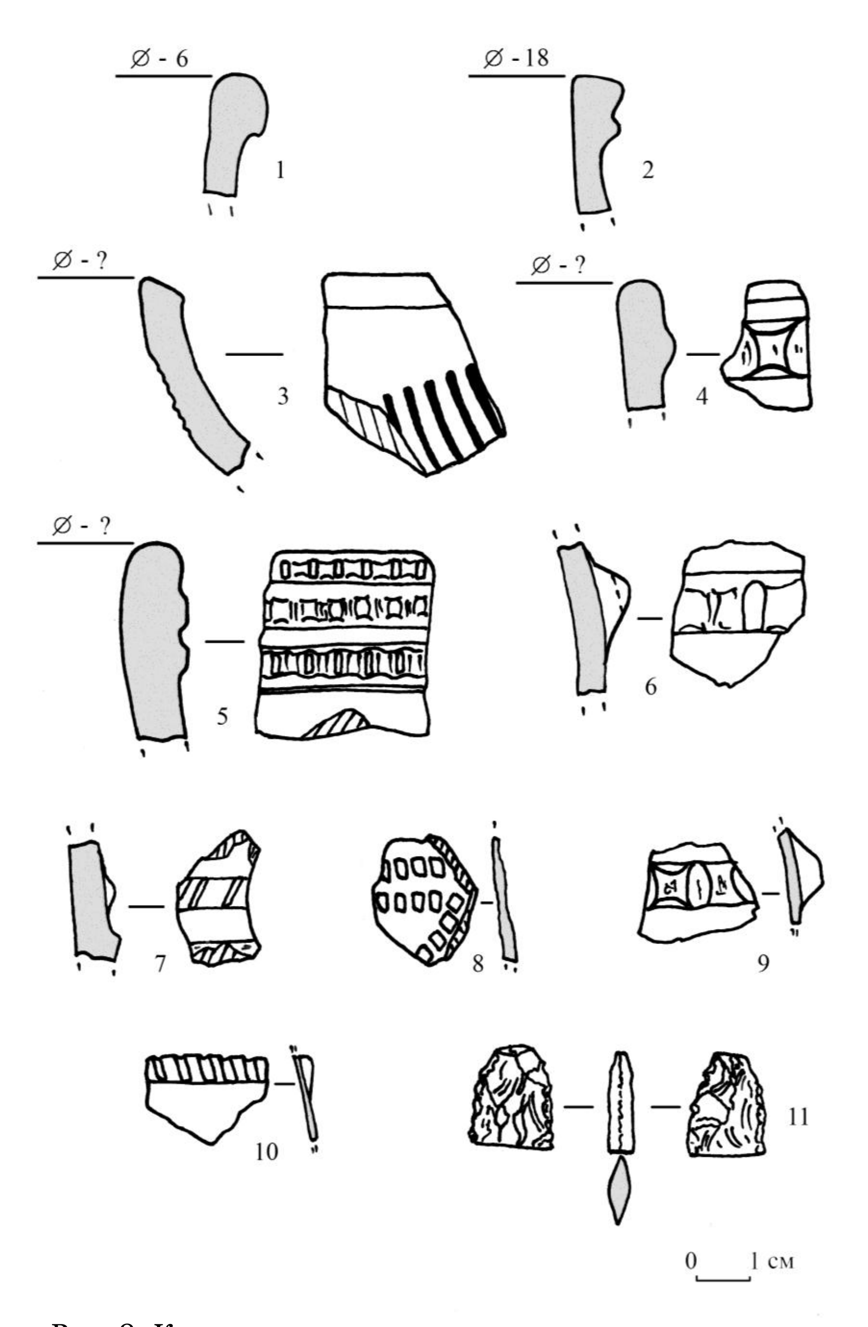
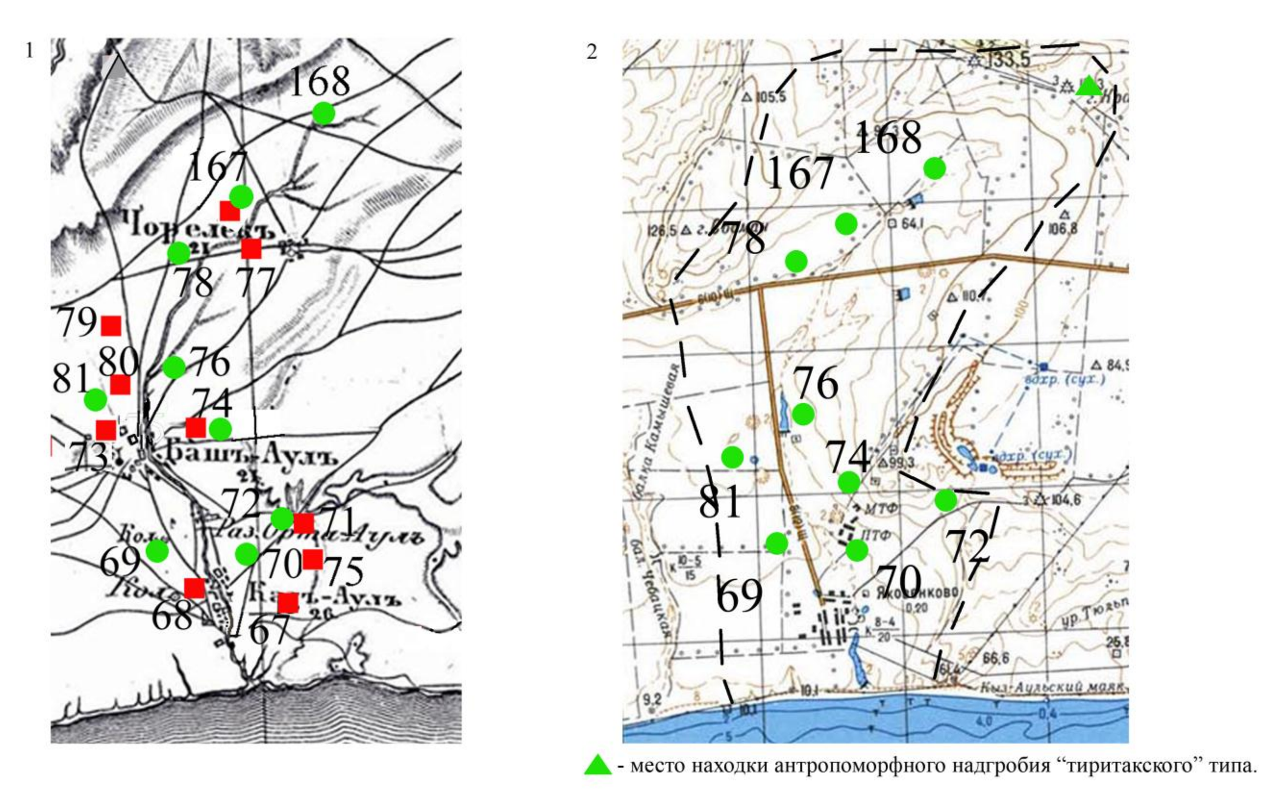

Рис. 8. Керамика с поселения расположенного в 150 м восточней Узунларского вала в районе водохранилища

▲ - место находки антропоморфного надгробия “тиритакского” типа.

Рис. 9. Кыз Аульская балка с поселениями VII-VI вв. до н.э. и VI-начала III вв. до н.э. 1 - трехверстовая карта Крыма ВТД 1865-1876 гг.. Лист XXXIII-15-е. 2 - современая карта с поселениями VII-VI вв. до н.э.

Рис. 9а. Антропоморфные надгробия. 1 - Тиритака. 2 - Истрия. 3- антропоморфное надгробие, найденное в верховьях Кыз Аульской балки в 2000 году.

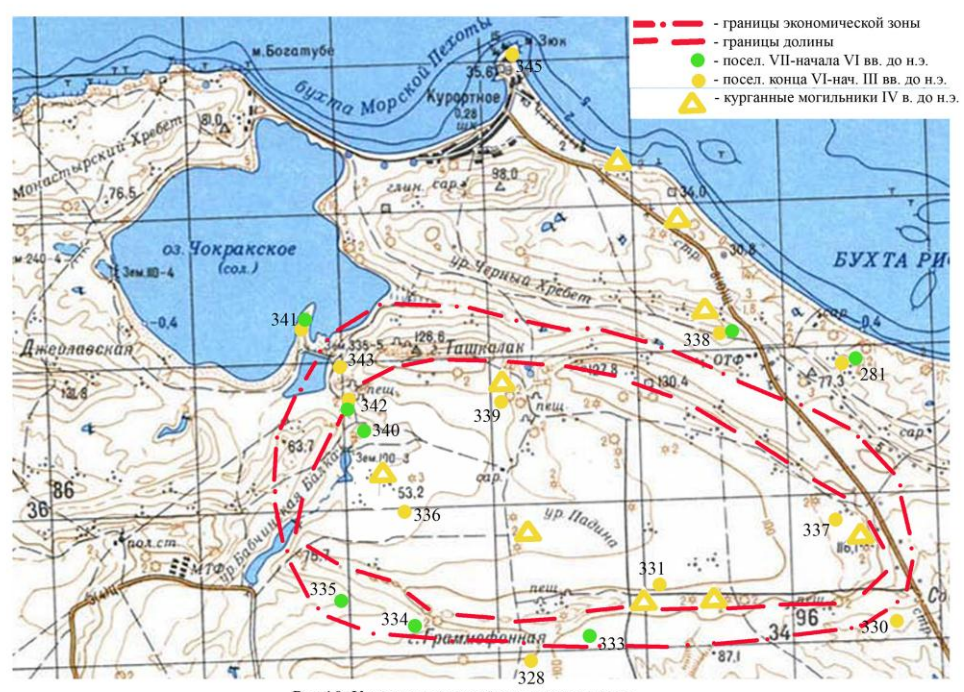

Рис.10. Кезская микроэкономическая зона.

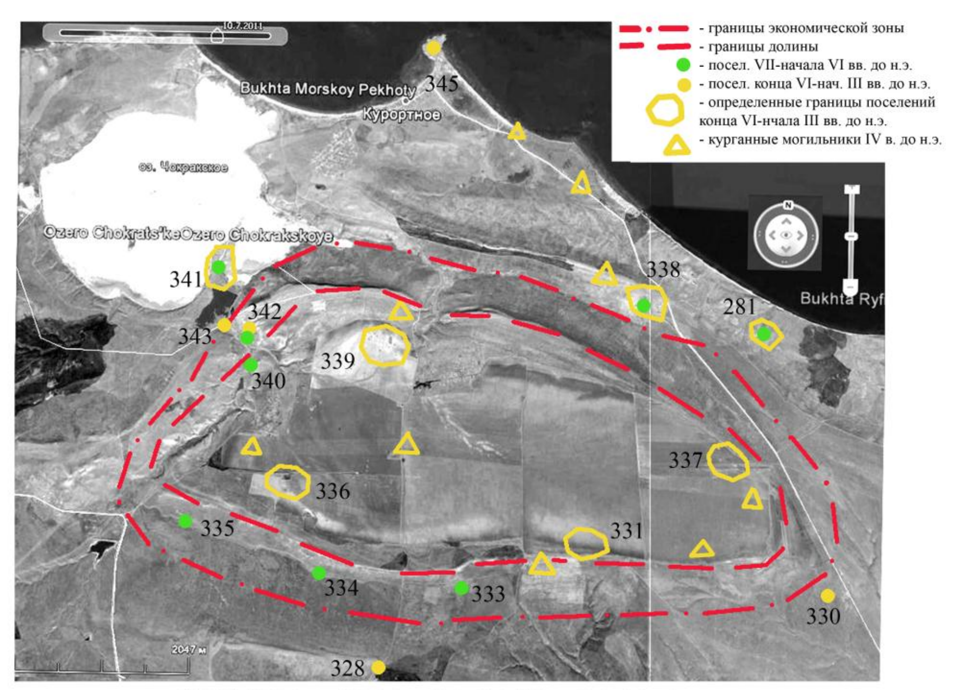

Рис. 11. Кезская микроэкогомическая зона. Космическая съемка.

Рис. 12. "Царская" усадьба восточней пос. Бондаренково. 1 - усадьба, обведено желтым, выше и справа видны следы размежевания. 2 - фрагменты керамики из грабительского шурфа, видно ножки гераклейских, хиосских амфор и фр. черепицы.

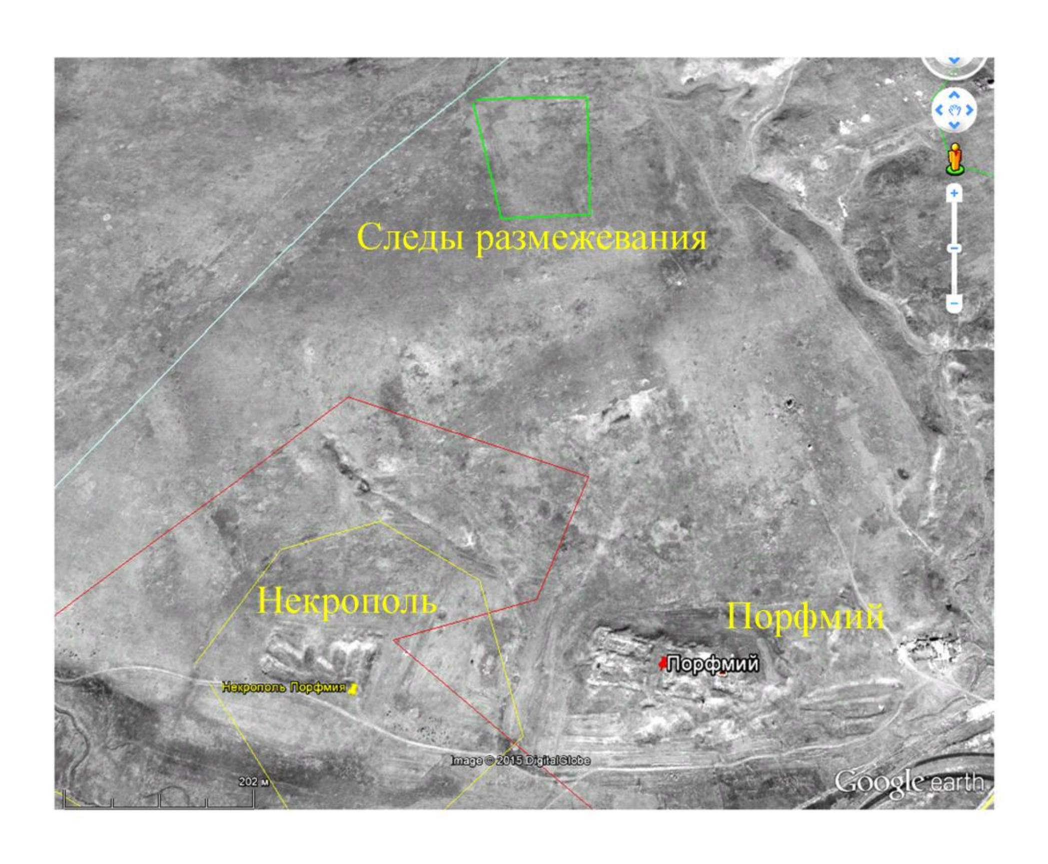

Рис. 13. Следы размежевания в 600 м севернее поселения Прфмий (традиционного).

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ПОСТРОЕНИЕ ПАЛЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ХОРЫ ГОРОДОВ БОСПОРА В VI – 1-Й ТРЕТИ III В. ДО Н.Э.[1]

С.Н. Прокопенко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена анализу подходов к подсчету численности населения Боспора в VI – 1-й трети III в. до н.э. Автор рассматривает наиболее уязвимые места демографических реконструкций. В работе нашли отражены общие результаты исследования демографического роста населения Боспора и влияния данного процесса на расширение хоры городов Боспора.
Ключевые слова: хора, Боспор, поселение, население.

THE POPULATION AND BUILDING OF PALEOECONOMY MODELS OF THE DEVELOPMENT OF CHORUS BOSPORUS CITIES 6 – FIRST THIRD OF 3 CENTURIES BC

S.N. Prokopenko
Belgorod National Research University

This article analyzes the approaches to the calculation of the population of the Bosporus from the sixth to first third of the fird BC. The author considers the most vulnerable places demographic reconstructions. The overall results of the study of demographic growth of the Bosporus population and the impact of this process on the expansion of city's choras were reflected in this paper.
Keywords: chora, Bosporus, settlement, population.

В отечественном антиковедении палеоэкономическая ситуация развития хоры полисов Северного Причерноморья смоделирована, преимущественно, в отношении наиболее крупных из них (Ольвия, Херсонес, Нимфей) периода их расцвета (IV в. до н.э.). В первом случае, это объясняется лучшей археологической изученностью, как городищ, так и их хоры, а также трудностью реконструкции ключевых показателей, положенных в основу построений исследователей для ранних периодов их истории, например, численность населения. Выявление численности населения того или иного античного поселения Боспора становится первоочередной задачей для проведения палеоэкономической реконструкции.

Трудно что либо установить в отношении демографии античного Боспора из письменных источников. Вычислить количество населения, проживающего в рассматриваемый период в зоне Керченского пролива возможно, только полагаясь на косвенные данные и данные археологических исследований.

Существует несколько подходов, выработанных учеными к подсчету численности населения античного Боспора. Во-первых, вычисления могут строиться на основе подсчета размеров обрабатываемых земель, урожайности и количества зерна употребляемого одним человеком в год. В этом случае, погрешности результатов подсчета численности населения будут большими. Причины этого, в большом разбросе данных, как по урожайности, так и по количеству зерна, употребляемого человеком в год. Например, потребность в зерновых (пшеницы) на 1 человека в год в античном мире оценивается учеными в значениях от 200 до 350 кг. В.Н. Зинько в палеоэкономическом моделировании оперирует цифрой в 237 кг, ссылаясь на Л. Фоксхолла и Х. Форбса[2], В.Д. Блаватский – 250 кг[3], а В.А. Кутайсов – 310 кг[4].

В оценке урожайности зерновых на Боспоре в античный период так же нет единого мнения. Страбон указывал, что урожайность зерновых составляла для Северного Причерноморья «сам»-30 (Strabo., VII. 4. 6). Эта нереальная цифра ставит исследователей в тупик, поэтому некоторые из них полагают, что это место у Страбона было испорченным и его следует понимать иначе. В.Д. Блаватский урожайность пшеницы в античном Северном Причерноморье (Боспоре в том числе) определил как «сам» 6-7 (7 ц/га)[5]. Эти данные были приняты И.Т. Кругликовой[6]. В.А. Кутайсов на основе анализа урожайности XIX – нач. XX в., подтвердил возможность указанных В.Д. Блаватским данных, но уточнил, что, из-за непостоянства природных условий она могла быть и несколько ниже – «сам» 4-5[7]. Совсем уж завышенными нам представляются цифры, превышающие среднюю урожайность в 10 ц/га. Например, Я.М. Паромов для азиатского Боспора античного периода в отношении урожайности зерновых указал данные около 12 ц/га[8]. Возможно, урожайность зерновых достигала указанных показателей, но это было эпизодическим явлением. На наш взгляд, данные В.Д. Блаватского заслуживают большего доверия, но представленная позиция требует уточнения; необходимо учитывать мозаичность земель как Керченского, так и Таманского полуостровов, следовательно, эти усредненные данные в будущем должны быть подвержены корректировке в отношении конкретных земель Боспора.

Во-вторых, для вычисления численности населения ученые могут использовать данные о размерах городищ и сельских поселений. Взяв за основу размеры населенного пункта, возможно, вычислить общее количество населения, проживавшего в нем в рассматриваемый период. Для этого можно, например, использовать предложенную С.Д. Крыжицким[9] - $P_t=(S_t-S_s)/S_h \times P_h$, где P_t – полная численность населения, S_t – общая площадь жилой застройки, S_s – полная площадь пространства улиц, S_h – средняя площадь одного жилого дома, P_h – средний размер семьи, проживающий в одном доме. При этом, по его наблюдениям в античных городах Северного Причерноморья размерами от 15 до 75 га, площадь застройки составляет приблизительно 60%, а площадь пространств улиц – 16 % от общей площади. Средний размер дома равнялся 150-200 кв. м., Состав семьи (включая рабов) насчитывал от 7 до 11 чел (в среднем 9 чел). При соответствующих подстановках А. Колесниковым уравнение было упрощено и приняло следующий вид: $Pt=226 \times St$, где Pt – полная численность населения городища (чел.), St – общая площадь жилой застройки (га)[10].

В-третьих, наиболее обоснованным и точным подходом подсчета численности населения поселения является вычисления по материалам некрополя, например по «интуитивной» формуле С.Л. Смекалова[11]. Если известен период существования поселения (T) и средняя продолжительность жизни (t) и известно число захоронений (N), при условии, что захоронения производились только в одном месте, то можно вычислить среднюю численность населения поселения по формуле: $n=N*t/T$. Но, в отношении Боспора данный подход, за редким исключением, не применим, т.к. на Боспоре отсутствует максимально исследованный некрополь какого либо поселения.

Анализируя исследования, проведенные учеными по подсчету численности населения Боспора в рамках вышеуказанных подходов, мы можем констатировать, что все полученные данные не точны. Причина этого нам видится в упущении, на наш взгляд, целого ряда «второстепенных» деталей. Выделяя

размеры обрабатываемых древнегреческими поселенцами земель, не учитывается, что часть земель использовалась как пастбища, и для выращивания огородных культур, а также под сады и виноградники. Учеными упускается из внимания, какая часть земли использовалась для выращивания фуражного ячменя. Не учитывается исследователями и количество зерна оставляемого поселенцами как семенной запас на следующий год, а это, к слову, 1/5 или 1/7 часть от урожая, т.е. 14-20% от урожая. Не всегда берутся в расчет и особенности землепользования на Боспоре, а именно, функционирования системы двуполья. В демографических построениях учеными редко учитывается, что часть урожая зерновых не употреблялась в пищу, а расходовалась на религиозные нужды (10% от урожая). Зачастую, в подсчетах количества населения античного Боспора так же не находит отражение учет особенностей его ландшафта. Исследователи редко прибегают к анализу плотности населения через призму особенностей политической и социальной организации территории Боспора. Плотность населения может быть различной на «царской», городской хоре и общинно-варварских территориях входивших в состав Боспорского государства. Необходимо учитывать и хозяйственную специфику и специализацию поселения, микрозоны при подсчетах численности населения, что большинство исследователей не делает. Например, на Боспоре выделяется ряд поселений с ярко выраженной животноводческой направленностью в хозяйственной деятельности[12]. Следовательно, в районе этих поселений структура распределения сельскохозяйственных культур могла сильно отличаться от стандартных полисных владений с общепринятыми соотношениями культур.

Учитывая все вышеизложенное, мы полагаем, что подсчеты численности населения Боспора в целом, в различные исторические периоды крайне затруднительны. Более продуктивна реконструкция численности населения в отношении отдельных территорий или зон (ландшафтные микрозоны), как обозначил М.Х. Хансен применяя метод «дробовика» («Shotgun»)[13]. Нечто подобное мы уже делали в отношении Китея и его сельской округи[14].

Отметим, что анализируя опыт В.Д. Блаватского[15], В.Н. Зинько[16], А.А. Масленникова[17], В.А. Кутайсова[18], С.Л. Смекалова[19], А.В. Одрина[20], Д.О. Евдокимова[21] и других исследователей в изучении вопросов демографии античного Боспора, мы можем констатировать, что население Боспора количественно росло на протяжении всего исследуемого периода. Увеличение численности населения Боспора по разным подсчетам было крайне существенным. Одни населенные пункты в исследуемый нами период по численности населения увеличились в десятки раз (малые города Боспора), другие в сотни раз (Пантикапей, Фанагория).

Так численное количество населения городов Боспора к кон. IV в. до н.э. могло составлять нижеследующие показатели. Пантикапей –100 га[22], следовательно, население насчитывало приблизительно 22600 чел (2510 семей); Фанагория – 65 га, население – 14690 чел (1632 семьи); Горгиппия – 40 га[23], население – 9040 чел (1004 семьи), Кепы – 20-25 га, население – 4520-5650 чел (502-628 семей); Нимфей - 9 га[24], население - 2034 чел (226 семей); Мирмекий – 8 га[25], население – 1808 чел (201 семья); Китей – 10 га[26], население 2260 чел (251 семья); Акра – 3-4 га, население – 678-904 чел (75-100 семей); Порфмий – 0,65 га, население – 147 чел (16 семей); Зенонов Херсонес – 0,3-0,4 га, население – 68-90 чел (8-10 семей).

Население хоры городов Боспора рассматриваемого времени, в большинстве своем трудно поддается реконструкции. Это связано, с невозможностью применения тех же принципов расчета плотности населения, что и в отношении городов, слабой исследованностью поселенческой структуры сельской округи большинства полисов. Но некоторые соображения по представленному вопросу мы себе позволим высказать. Предложенная А.А. Масленниковым цифра в 100 и более человек[27] (10-20 семей), на наш взгляд, соответствует крупным аграрным поселениям, в средних поселениях проживало от 3 до 5 семей[28] (30-50 чел), в ойкосах соответственно 1 семья (7-11 чел). Исходя из представленных цифр, В.Н. Зинько пришел к выводу, что население сельской округи Нимфея насчитывало 1270-1550 чел.[29], что составляет около 50% от количества городского населения, или 1/3 от общего населения полиса. Такое же соотношение городских и сельских жителей с небольшими отклонениями, как в меньшую, так и в большую сторону (40-60%) характерно и для других полисов Боспора. Это соотношение характерно для периода расцвета Боспора при Спартокидах, когда хора античных городов была максимальной в размерах. При этом отметим, что в средних и малых городах Боспора численность сельского населения была меньше, что полностью согласуется с данными, полученными учеными Центра полисных исследований[30].

Учитывая все вышесказанное, можно прийти к следующим усредненным минимальным данным населения Боспорских полисов во 2-й четв. IV – 1-й четв. III вв. до н.э.: Пантикапей – ок. 30000-35000 чел (3300-4000 семьи); Фанагория – ок. 20000-22000 (2200-2500 семьи); Горгиппия – ок. 15000 чел (1700 семей), Кепы - ок.7000-8000 чел (770-890 семей); Нимфей – ок. 3000-3500 чел (330-340 семей); Мирмекий – ок. 2500 чел (280 семей); Китей – ок. 3000 чел (330-340 семей); Акра – ок. 1000-1500 чел (110-170 семей).

Показатели увеличения роста численности населения за неполных триста лет в сотни раз не могли быть достигнуты путем естественного прироста. Это стало возможным в результате включения в состав жителей Боспора представителей варварской культуры и новых поселенцев прибывших извне.

Примечания:

1. Некоторые положения статьи были изложены в рамках докладов на научных конференциях «Классическая и византийская традиция - 2014» (Белгород, 2014) и «Власть и общество: практики взаимодействия и конфликтов» (Воронеж, 2015).

2. Зинько В.Н. Хора городов европейского Боспора // Боспорские исследования. Вып. XV. Симферополь-Керчь, 2007. - С. 285; Foxhall L., Forbes H.A. Σιτομετεία: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity // Chiron. Band 12. - München, 1982. P. 72.

3. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 175, 177.

4. Кутайсов В.А. Палеоэкономическая модель развития хоры классического полиса Северного Причерноморья (на примере Керкенитиды) // ПИФК. Вып. X. М.-Магнитогорск: Изд-во МагГУ, 2000. С. 135; Он же. Керкенитида в античную эпоху. Киев: КОРВИН-ПРЕСС, 2004. С. 37.

5. Блаватский В.Д. Указ. соч. С. 159.

6. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. С. 162.

7. Кутайсов В.А. Об урожайности основных зерновых культур в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Ч.2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. С. 258.

8. Паромов Я.М. К вопросу о хозяйственном и экономическом потенциале Азиатского Боспора в эллинистический период // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 60-61.

9. Крыжицкий С.Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1982. С. 47-48.

10. Колесников М.А. Метод грубой оценки динамики роста численности населения и возраста греческой колонии по полной площади городища // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 63.

11. См. подр.: Отрешко В.М. Население Нижнего Побужья в архаическое время // Ольвийские древности. Киев: Изд-во ИА НАНУ, 2009; Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. Вып. 8. М., 1995; Смекалов С.Л. Основные результаты работ 2010 г. по проекту РФФИ «Демографическая топография античного Боспора» (Грант РФФИ №08-06-00303) [Эл. ресурс] // Археологическая карта Крыма. Режим доступа - http://www.archmap.ru/rffi2010.htm Дата доступа - 13.09.2014 г.

12. См. напр.: Каспаров А.К. Скотоводческое хозяйство поселения Волна 1 // Таманская старина. Вып.3. СПб., 2002. С. 160.

13. Hansen M.H. The Shotgun Method: The Demography of the Ancient Greek City-State Culture. Columbia, University of Missouri Press, 2006. 243 p.

14. Прокопенко С.Н. Сельская округа Китея в кон. V – нач. III в. до н.э. // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. Воронеж: Истоки, 2013. С. 291-297.

15. Блаватский В.Д. Указ. соч. С. 174-178.

16. Зинько В.Н. Указ. соч. С. 263-291.

17. Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К, 2007. С. 341-350.

18. Кутайсов В.А. Керкенитида... С. 5-51.

19. Смекалов С.Л. Указ. соч.

20. Одрин А.В. Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI-IV вв. до н.э. // Боспорский феномен. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 51-55.

21. Евдокимов Д.О. Демографическое и экономическое развитие Боспорского царства в первые века нашей эры // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). История. Вып. 46. С. 10–15.

22. Толстиков В.П. Акрополь Пантикапея – столицы боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье: Дикое Поле, 2007. С. 244.

23. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. С. 83.

24. Худяк М.М. Из истории Нимфея VI-II вв. до н.э. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С.10.

25. Бутягин А.М.; Виноградов, Ю.А. Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 7.

26. Болгов Н.Н. Город Китей в позднеантичный период: особенности топографии и новые материалы // Боспорский феномен. Ч.1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 171.

27. Маслеников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Боспора в VI-I вв. до н.э.) // Боспорский сборник. №8. М., 1995. С. 65.

28. Зинько В.Н. Указ. соч. С. 284.

29. Там же.

30. Hansen M.H. The Shotgun Method. P. 116.

СВЯТИЛИЩЕ У ЗАПАДНОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ В БОСПОРСКОМ ГОРОДЕ КИТЕЕ

Е.А. Молев, Н.В. Молева
Нижегородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются материалы исследования одного из святилищ боспорского города Китея, расположенного у западной крепостной стены города. Сакральное отношение греков к своим фортификационным сооружениям было традиционным, и в Китее оно прослеживается достаточно ярко. Данный объект публикуется впервые.

Ключевые слова: Китей, святилище, крепостная стена, Боспор.

SANCTUARY AT THE WESTERN FORTRESS WALL IN THE BOSPORUS CITY KYTA

E.A. Molev, N.V. Moleva
Nizhny Novgorod National Research University

The article deals with the study material of one of the sanctuaries of the Bosporus city of Kyta, located at the western fortress wall of the city. Sacral attitude of the Greeks to their fortifications was traditional and in Kyta it can be traced quite clearly. This object is published first.

Keywords: Kyta, the sanctuary, the fortress wall, the Bosporus.

В результате 34-х летних археологических исследований на городище Китей стало очевидным, что этот боспорский город являлся не только мощной крепостью на южной границе государства, не только важным сельскохозяйственным и ремесленным центром, но и местом, где значительную роль играла сакральная жизнь. К настоящему времени в Китее раскопаны шесть святилищ, четыре из которых носили общественный характер и были общегородскими, и два домашних. Самым большим было центральное святилище – зольник, функционировавшее со второй половины V в. до н.э. по V в. н.э. Его холм и сейчас возвышается над центром города.

Особое значение имели святилища, примыкающие к оборонительным сооружениям города. Сакральное отношение греков к своим фортификационным постройкам было традиционным, но в Китее оно прослеживается особенно ярко. Это выразилось в закладных жертвах в виде собачьих черепов в крепостных стенах и башнях[1], присутствии антропоморфного изваяния в цоколе башни, помещении монет в кладки при строительстве оборонительных сооружений. Отметим, что все линии стен Китея (северная, западная и восточная) маркированы культовыми постройками. У северной стены, перед входом в городские ворота имелось сооружение, похожее на алтарь с золой и терракотами; святилище с алтарями и ботросами есть у восточной крепостной стены; в южной части западной стены обнаружено около десятка алтарей и святилище, примыкающее к ней с внутренней стороны города.

Наша статья посвящена характеристике святилища, примыкающего к западной крепостной стене. До сих пор материалы этих раскопок не были опубликованы в силу сложности исследования памятника, связанного с разными периодами истории города и неоднократными перестройками. В западной части раскопа I в первой половине II в. до н.э. возводится крепостная стена, прослеженная в квадратах 21-22 (кладка 79), и примыкающая к ней прямоугольная башня «И».

В I в. н.э. они были восстановлены, вероятно, после землетрясения, а в III в. н.э. усилены дополнительными кладками[2]. Более ранних фортификационных сооружений под крепостной стеной и башней не выявлено. Зато выяснилось, что эта конструкция во II в. до н.э. перекрыла слои значительного по площади «зольника», частично прослеженного в квадратах 21-23 с находками, в том числе и вотивными, относящимися к IV-III вв. до н.э.[3]

Стало очевидным, что еще до сооружения крепостной стены и башни, на западной окраине Китея между кладками 85 и 86 (рис. 1-2) существовал «зольник», связанный с отправлением культов хтонических богов, о чем свидетельствует сам характер этого памятника. Он, в значительно меньших размерах, продолжал функционировать и в позднеэллинистический период, и в первые века н.э., будучи ограничен крепостной стеной с запада и городскими кварталами с востока. Вероятно, для того, чтобы предотвратить его расползание в сторону города, там возводятся ограждающие стены, не совпадающими с направлениями городской планировки: диагональная кладка 86 позднеэллинистического времени и полукруглая кладка 74 позднеантичного периода. По поводу последней Е.А. Молевым было высказано предположение, что она могла принадлежать раннехристианской базилике[4] (рис. 3), однако находок столь позднего времени в слое нет, и потому мнение о том, что эта стена ограждала зольник, кажется на сегодня более предпочтительным.

Зольник состоял из регулярных напластований, в которых чередуются прослойки глины, печины, золы с угольками, керамики и створок раковин мидий. Встречаются также мелкие камешки и кости животных. Прослойки идут с уклоном к западу и югу. Подавляющее большинство находок – фрагменты амфор. Среди них преобладают фрагменты II-I вв. до н.э. Кроме того, есть обломки гончарной и лепной посуды, фрагменты терракот, светильников, миниатюрных гончарных и лепных сосудов. Характер слоя и состав находок позволили нам определить данный зольник как святилище.

Содержание и характер отправлявшихся здесь культов можно предположительно восстановить по терракотовым статуэткам и граффити. Что касается последних, то они представлены лигатурами и одиночными буквами на доньях и стенках краснолаковой и гончарной посуды. Иногда они встречаются и на стенках амфор. Такой набор керамики свидетельствует о скромном достатке населения, совершавшего приношения в этом небольшом святилище. Некоторые из этих граффити (по аналогии с центральным зольником) могут быть истолкованы как посвящения Афродите. Однако большинство монограмм и отдельных букв не поддаются интерпретации[5].

Что касается их временных рамок, то в большинстве своем они совпадают с датами функционирования этого зольника: самые ранние относятся к IV-III вв. до н.э., самые поздние к I-II вв. н.э.[6] К позднеэллинистическому времени (II-I вв. до н.э.) относится одно граффити на донце краснолаковой чаши[7]. Тот факт, что все они обнаружены в контексте находок культового комплекса, позволяет предположить их посвятительный характер.

Более определенные выводы о характере этого святилища можно сделать, изучая фрагменты терракот, найденные в его слоях. Среди них присутствуют изображения Кибелы (Табл. № 1), Афродиты (Табл. № 2), Деметры (Табл. № 3), Диониса-Винограда (Табл. № 7), стоящих женских фигур, задрапированных в хитон и гиматий (Табл. № 4,6), глиняная модель фаллического

хлебца (Табл. № 5). По своей иконографии все эти терракоты тяготеют к III-II вв. до н.э., в большинстве – к III в. до н.э. Из других находок особо отметим два фрагмента терракотовой статуэтки Диониса. Терракота была выполнена формовкой с тщательной доработкой незаурядным мастером. Особенности иконографии и яркая индивидуальность исполнения позволяют считать статуэтку делом рук мастера Греции или Малой Азии[8].

Отметим также факт находки фрагментов терракот и граффити в основании кладок крепостных стен и башни «И» (Табл. № 3, 6). Эти терракоты относятся к более раннему времени, не позже начала III в. до н.э. Вероятно, при сооружении западной линии крепостной стены они при перекопе грунта культурного слоя попались строителям и были специально помещены ими в цоколи этих сооружений, с сакральными целями. Подобный случай известен еще в одном культовом комплексе Китея на восточной окраине центрального святилища, сооруженного во II в. н.э.[9]

Из других находок, явно предназначенных для вотивных приношений и имеющих сакральное значение, отметим фрагменты светильников, а также миниатюрные гончарные и лепные сосуды. В частности, находки светильников в святилищах еще Н.И. Новосадский рассматривал как вероятные атрибуты культа Деметры[10], применявшиеся регулярно в элевсинских мистериях. А находки миниатюрных сосудов в боспорских городах встречаются исключительно в сакральных комплексах.

Таким образом, разнообразный ассортимент находок, связанный с отправлением культов и, в особенности, терракотовые статуэтки, позволяет видеть в святилище на западной окраине Китея место, где совершались отправления в честь богов плодородия, близких элевсинскому кругу: Деметры, Афродиты, Кибелы, Диониса. Ближе к позднеэллинистическом времени, сакральный акцент смещается к культам Диониса и Афродиты. Видеть в этом зольнике только святилище Диониса, как предполагал ранее Е.А. Молев[11], повидимому, нет достаточных оснований.

Примечания:

1. Молева Н.В. Жертвоприношения собак в фортификационных сооружениях античного Китея // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н.Новгород, 2002. С. 12-16; Молева Н.В. Антропоморфные изваяния в боспорских городах: случайность или традиция? // Боспорские исследования. Т. XXV. Симферополь-Керчь, 2011. С. 115-116.

2. Молев Е.А. Боспорский город Китей. Симферополь-Керчь, 2010. С. 41.

3. Там же. С. 47.

4. Там же. С. 70.

5. Там же. Каталог граффити. № 137, 138, 159, 242, 246, 247.

6. Там же. Каталог граффити. № 159, 242; 137, 246, 247.

7. Там же. Каталог граффити. № 138.

8. Молева Н.В. Культ Диониса в боспорском городе Китее // Из истории античного общества. Вып. 8. Н.Новгород, 2003. Табл. 2, 1а-б; Молева Н.В. Культ Диониса и театр на Боспоре // Античность и драматургия. Керчь, 2003. С. 38; Molev E.A., Moleva N.V. Sacral complexes of Kytaia // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki, 2010. P.332. Fig.7.

9. Молева Н.В. Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // Боспорские исследования. Вып. XIX. Симферополь-Керчь, 2008. С. 139.

10. Новосадский Н.И. Елевсинские мистерии. СПб., 1887. С. 178.

11. Молев Е.А. Боспорский город Китей. С. 56.

Список иллюстраций:
Рис. 1. Зольник между кладками 85-86.
Рис. 2. План района святилища у западной крепостной стены.
Рис. 3. Кладка 74 – ограда святилища с востока.
Рис. 4. Таблица терракот.

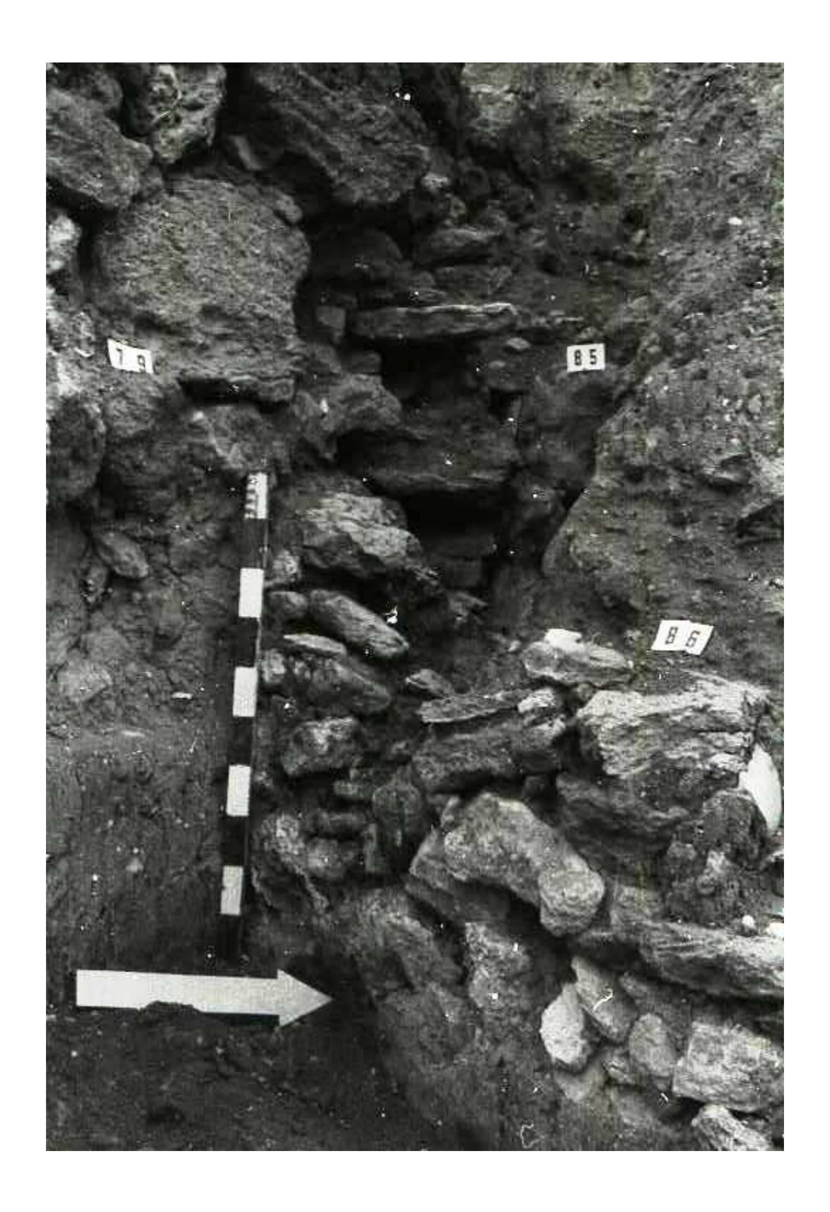

Рис. 1. Зольник между кладками 85-86.

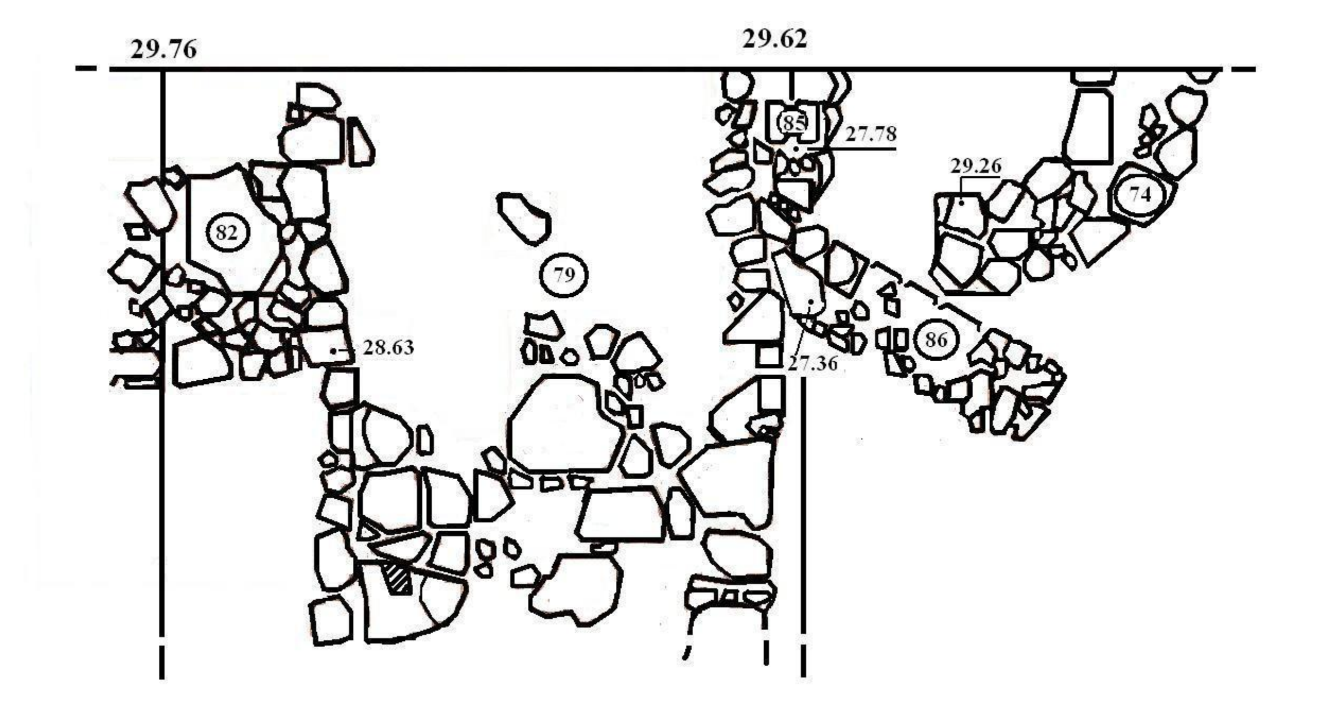

Рис. 2. План района святилища у западной крепостной стены.

Рис. 3. Кладка 74 – ограда святилища с востока.

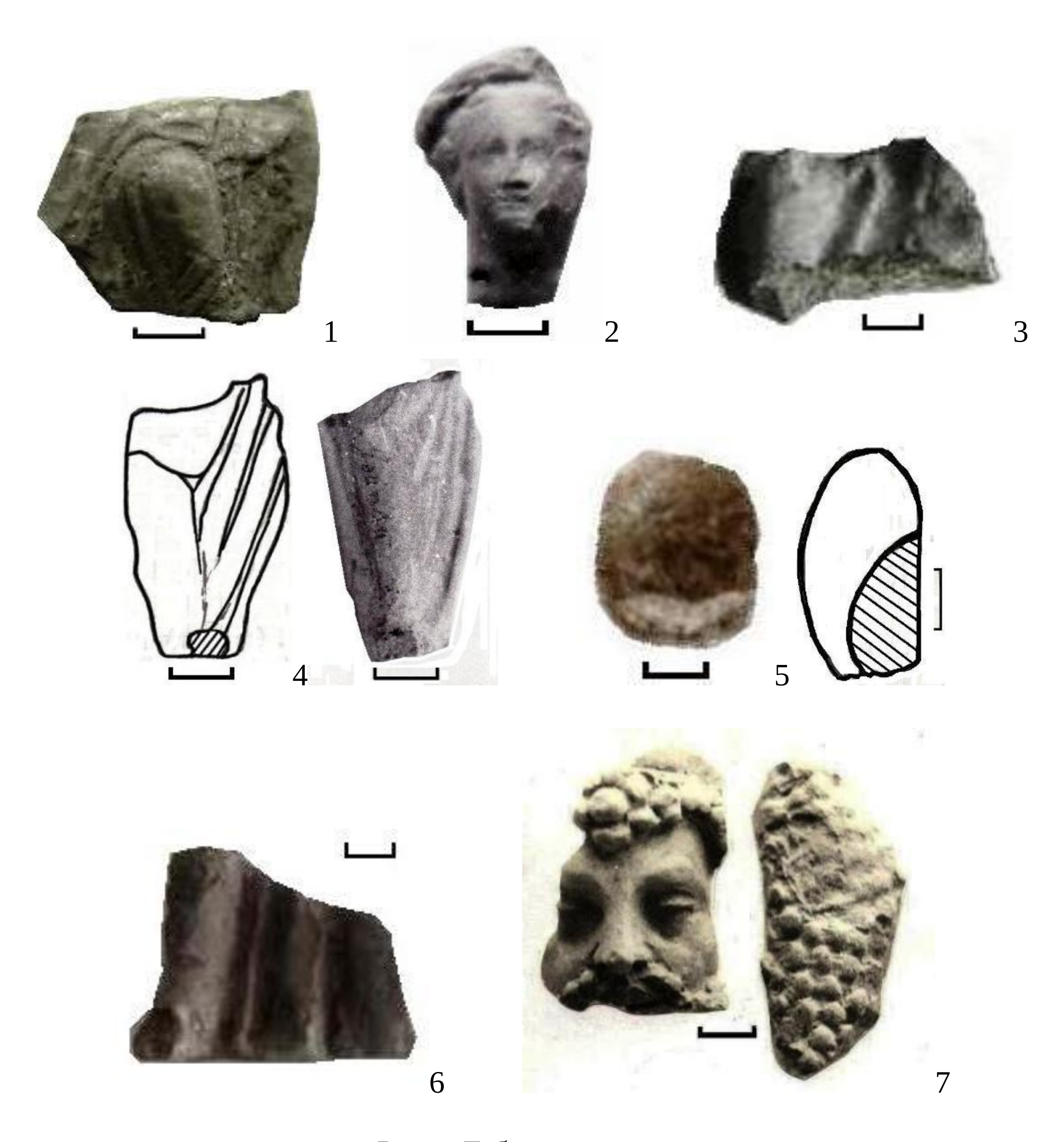

Рис. 4. Таблица терракот

ОБ АСПУРГИАНАХ В ФАНАГОРИИ

А.П. Медведев
Воронежский государственный университет

В статье рассматривается проблема аспургиан – народа, сыгравшего важную роль в смене династии в Боспорском царстве на рубеже эр. Приводятся новые археологические материалы, свидетельствующие об их появлении в Фанагории не ранее начала I в. н.э. Это конские захоронения на площади Восточного некрополя, имеющие аналогии как на территории Азиатского, так и Европейского Боспора. С захоронениями аспургиан автор связывает выразительные боспорские надгробия с рельефными изображениями всадников с вооружением сарматского типа.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспор, Фанагория, некрополь, аспургиане, захоронения лошадей, боспорские надгробные рельефы.

ON THE ASPURGIANS IN PHANAGORIA

A.P. Medvedev
Voronezh State University

The article deals with the Aspurgians – an ethnos, which played an important role in changing of dynasties in the Bosporan kingdom at the turn of the Common Era. It contains new archaeological materials suggesting that the Aspurgians did not appear in Phanagoria until the early 1st century AD. These materials include horse burials in the territory of the Eastern necropolis, having analogies in both Asian and European Bosporus. According to the author, the Aspurgian burials are connected with indicative Bosporan gravestones with relief images of horsemen with weapons of the Sarmatian type.

Key words: Northern Black Sea region, Bosporus, Phanagoria, necropolis, Aspurgians, horse burials, Bosporan tomb reliefs.

Проблемы истории Боспора на рубеже эр в силу важности произошедших в это время исторических событий для последующей судьбы этого крупнейшего античного государства Северного Причерноморья всегда привлекали внимание исследователей. Однако явный дефицит нарративных источников, особенно для времени от конца правления Асандра до начала правления Аспурга во многом обусловил дискуссионный характер решения ряда принципиально важных вопросов боспорской истории. В частности, к ним относится проблема аспургиан – одна из самых сложных и запутанных в истории Боспорского царства[1]. Впервые их имя упоминается в «Географии» Страбона в связи с рассказом о династической борьбе на Боспоре в конце I в. до н.э. - начале I в. н. э.

При описании азиатской части Боспора географ отнес аспургиан к меотским племенам. «К числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также … и некоторые другие. К ним относятся аспургианы, живущие на пространстве в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией (Strabo. XI. 2, 11)[2]. В другом месте географ оставил ценное свидетельство, позволяющее локализовать «страну так называемых аспургианов», принадлежащих к числу варварских племен около Синдики (XII. 3, 29). Исходя из этих сообщений, можно сделать весьма однозначное заключение, что владения аспургиан во времена Страбона находились в южной части современного Таманского полуострова где-то между Фанагорией и

Горгиппией и примыкали к Синдике. Там сейчас их локализуют практически все исследователи. Также понятно, почему Страбон выделил аспургиан из перечня прочих варварских племен. По его рассказу, именно они пресекли попытку Рима поставить на Боспоре своего ставленника. «Когда царь Полемон, напав на аспургиан под предлогом заключения договора о дружбе, не сумел однако скрыть своего намерения, они перехитрили его и, захватив в плен, убили» (XI 2, 11). По данным нумизматики это событие произошло в 8/7 г. до н.э. В дальнейшем они, видимо, сыграли решающую роль в победе над соперниками их предводителя Аспурга, который к 14 г. н.э. стал царем Боспора, основателем новой боспорской династии. Косвенно на особое положение аспургиан указывает и то обстоятельство, что в надписях они никогда не упоминаются в титулатуре боспорских царей (включая самого Аспурга) среди подчиненных им племен.

По проблеме аспургиан к началу XXI в. накопилась богатая историографическая традиция. Мы сейчас не будем разбирать эту тему во всей ее сложности – это в свое время прекрасно сделал С.Ю. Сапрыкин[3]. Отметим лишь основные направления в ее разработке, имеющие отношение к нашему исследованию. Сто лет назад М. И. Ростовцев пришел к выводу, что «аспургиане есть не племя, а та дружина царя Аспурга, которую он вывел с собой с берегов Азовского моря или из глубины Сарматии»[4]. Эта гипотеза имеет сторонников среди современных исследователей, которые связывали аспургиан с сарматской кочевой средой[5]. Некоторые из них пошли еще дальше, утверждая, что аспургиане это не народ, а сословие тяжеловооружённых воинов-всадников, находившихся на службе у боспорских владык[6]. Высказывалась также догадка, что аспургиане – не этническое понятие, а название последователей Аспурга, от имени которого они его и получили[7].

Со временем встал вопрос об археологических следах присутствия аспургиан на той территории, которую отводил им Страбон. Но здесь исследователей сразу ожидало разочарование – между Фанагорией и Горгипией не обнаружено каких-либо могильников сарматского (или меотского) типа, которые можно было бы связать с ними[8].

На поселенческих археологических материалах проблему аспургиан попытался решить Н.И. Сокольский. Он полагал, что аспургиане выделились из среды меотов еще около середины II в. до н.э., о чем говорят материалы поселений Тамани, на его взгляд, близкие культуре племен Прикубанья[9]. В более ранней работе Н.И. Сокольский считал аспургиан одним из сарматских племен или частью сарматского племени[10]. В этом ключе исследователь атрибутировал раскопанную им крепость у пос. «За Родину» как резиденцию Хрисалиска – одного из предводителей аспургиан, приближенного царя Асандра. Полученные при раскопках данные не оставляли у него сомнений в этнической принадлежности как самого Хрисалиска, так и его ближайшего окружения – они были ираноязычными аспургианами, из среды которых формировалась новая боспорская аристократия. Правда, автор вынужден был признать отсутствие в материалах раскопок крепости достаточно выразительных черт иранского мировоззрения ее обитателей. А те археологические факты из «резиденции Хрисалиска», которые были опубликованы, сейчас, конечно, не могут служить се-

рьезным аргументом в пользу присутствия в этой крепостце негреческого населения с меотскими или сарматскими культурными традициями.

Это направление исследования проблемы аспургиан довел до логического конца С.Ю. Сапрыкин, поддержавший тех исследователей, которые отрицали в их имени этническое понятие. Он привлек ряд дополнительных аргументов главным образом общеисторического характера в пользу понимания аспургиан как военных поселенцев-катойков, которые служили боспорским правителям еще с начала I в. до н. э. и проживали в крепостях-»батарейках»[11]. В дальнейшем эти крепости были восстановлены Асандром и Аспургом. Поэтому поселенцы-катойки могли попасть в поле зрения источников Страбона как «аспургиане», получившие это наименование по имени человека, который особое внимание уделял укреплению юго-восточных рубежей царства[12]. В исследованиях С.Ю. Сапрыкина гипотеза об аспургианах как военных поселенцах на службе боспорских царей с I в. до н. э. приобрела стройный и законченный вид. Ее разделяют многие, если не большинство, исследователей Боспора.

Археологические раскопки укрепленных поселений на юго-восточных и восточных рубежах Боспора показали, что они сооружались и перестраивались на протяжении всего I в. до н.э., а многие и позже в римское время. В них вполне могли проживать военные поселенцы, служившие еще наместникам Митридата и последующим боспорским правителям. Но весь вопрос в том, были ли среди них тогда аспургиане?

В свое время М.И. Ростовцев предположил, что страбоновы сведения об аспургианах, могли восходить к Гипсикрату из Амиса, писавшему о временах Фарнака, Асандра и Полемона I[13]. Его мнение разделяют и современные исследователи[14]. Однако, в контексте первого упоминания аспургиан у Страбона в связи с убийством Полемона в 8 г. до н.э. у нас нет никаких данных датировать их выход на арену истории более ранним временем. Географ вставил пассаж об аспургианах вполне определенно в связи с этим событием самого конца I в. до н.э. Весьма существенно, что до него такого меотского племени античные авторы не знали. Если бы аспургиане пребывали в пределах Боспора уже с середины — второй половины II в. до н. э., сведения о них, наверно, отразились бы в повествованиях о событиях Митридатовой эпохи. Но, как известно, среди варварских воинских контингентов на службе у правителей Боспора I в. до н.э. упоминаются лишь сарматы (савроматы) и конкретные сарматские племена: среди варварских племен, живущих по Танаису, значатся союзные Митридату Евпатору сарматы (App. Mithr.15); его сопровождали при высадке в Грецию «так называемые савроматы царские и язиги» (App. Mithr. 69); царь сираков Абеак предоставил Фарнаку 20000 всадников, царь аорсов Спадин – якобы 200 тыс. конников, а верхние аорсы – и того больше (Strab. XI. 5, 8); спешившиеся сарматы участвовали в последней битве Фарнака с Асандром (App. Mithr. 120) и др. Но при обилии упоминаний сарматов у авторов, писавших о боспорских правителях I в. до н. э., никто из них аспургиан не заметил, что странно, если бы последние действительно в это время находились на царской службе и играли важную роль.

Если вернуться к археологическому аспекту проблемы, то нужно согласиться с теми исследователями, которые считают, что в крепостях на восточных рубежах Боспора и относящихся к ним некрополях нет сколь-нибудь вы-

разительных следов присутствия воинственных выходцев из варварской меото-сарматской среды ранее начала I в. н. э.[15]

В этом автор смог убедиться при ознакомлении с материалами из раскопок таманских «батареек», а также во время археологических работ Восточнобоспорской экспедицией ИА РАН в окрестностях «резиденции Хрисалиска» в 2008 г. Открытый в том же году к северу от указанной крепости некрополь не содержал погребений ранее первых веков н.э. Отсутствие археологических следов аспургиан на памятниках типа «резиденции Хрисалиска» мне представляется весьма слабым звеном в системе доказательств сторонников гипотезы об аспургианах как военных поселенцах, проживавших в боспорских крепостях еще с I в. до н.э. Поэтому вряд ли правомерно таманские крепости-»батарейки» называть «поселениями аспургиан» [16], по крайней мере, до времени Аспурга.

С другой стороны, последние археологические открытия свидетельствуют, что вовсе не исчерпаны возможности и другой гипотезы, сторонники которой усматривают в аспургианах не дружину Аспурга из потомков боспорских катойков I в. до н.э., а изначально конкретное варварское племя, появившееся на Боспоре, скорее всего, лишь в самом конце I в. до н.э. Четверть века назад именно так, в строгом соответствии со свидетельством Страбона предложил понимать статус аспургиан А.А. Масленников[17]. Он же обратил внимание на то, что попытки связать аспургиан с военно-административной структурой Боспора противоречат свидетельству о месте их расселения у Страбона.

Как известно, в обоих вышеупомянутых пассажах географ отнес аспургиан к меотским племенам. «Этнического» толкования их названия помимо Страбона придерживались некоторые более поздние авторы, в частности, Элий Геродиан (VII.180) и Стефан Византийский (s.v.'Ασπουργιανοί), а также, скорее всего, и Клавдий Птолемей (V. 8, 17), упомянувший их среди восточных и юго-восточных соседей Боспора (между тирамбами и арихами), правда, несколько исказив их имя ('Αστουρικανοί). Как представляется, новейшие археологические материалы открывают новые возможности для решения проблемы происхождения аспургиан именно в этом направлении. Рассмотрим две категории археологических находок, которые проливают новый свет на эту проблему.

В первую очередь, это захоронения с конями, открытые на некрополях античных поселений[18]. Они иногда встречались и раньше, но как-то не привлекали должного внимания исследователей[19]. Ситуация изменилась после раскопок А.А. Малышевым Цемдолинского могильника[20]. Им исследовано не менее 20 погребальных комплексов с конями. Среди них были погребения людей, сопровождаемые конскими захоронениями, а также отдельные захоронения коней («объекты» 1-10). Палеоантропологические исследования костных останков «всадников» выявили индикаторы механического стресса, связанные с верховой ездой[21]. А.А. Малышев убедительно идентифицировал их по месту и времени как погребения аспургиан[22]. Для выяснения истоков этой традиции важно, что по погребальному обряду и инвентарю последние, оказались, несомненно, связаны с меото-сарматским населением Кубани. При этом важно, что лишь часть погребений, сопровождае-

мых конями, принадлежала тяжеловооруженным воинам с мечами и копьями, а некоторые еще и с защитным кольчужным доспехом. Основная же масса погребений Цемдолинского некрополя – рядовые захоронения, в том числе женщин и детей.

В последнее время на Европейском Боспоре также стали известны конские захоронения, совершенные в специальных гробницах, в частности, в античном некрополе городища Артезиан: в гробнице 4/2000 – один конь, в гробнице 5/2000 – три коня[23]. Укажем, что собственно сарматам обычай подобных конских захоронений был чужд. Истоки указанной погребальной традиции, действительно следует искать, прежде всего, на Кубани, Северо-Западном Кавказе среди древностей меотского или меото-сарматского круга, где этот обычай зафиксирован со времен скифской архаики. Этот надежно установленный археологический факт хорошо согласуется со свидетельством Страбона, который отнес аспургиан к меотским племенам. Так в свете новейших исследований на Боспоре аспургиане стали приобретать черты вполне определенной археологической реальности.

Античные авторы не оставили сведений о присутствии аспургиан в Фанагории, хотя Страбон упомянул их где-то по соседству со столицей Азиатского Боспора. Однако в последние годы в ее некрополе открыты яркие свидетельства ритуала сопутствующих конских захоронений, близкого (хотя полностью и не идентичного) Цемдолинскому могильнику. Справедливости ради надо сказать, что они спорадически встречались и ранее, но как-то не привлекали внимания исследователей. До недавнего времени их было принято считать поздними захоронениями павших лошадей, не имеющих отношения к античному некрополю. Видимо, на такое скептическое отношение к подобным объектам повлияло наблюдение В.Д. Блаватского, наткнувшегося в 1939 г. на свежее захоронение трех конских трупов под западной стенкой раскопа 1938 г.[24].

В 2006-2007 гг. в Восточном некрополе Фанагории открыто семь конских захоронений: одиночных, парных и тройных (рис. 1). Большинство из них занимали весьма компактную центральную часть раскопа 2006 г. и лишь погребение 95 обнаружено несколько севернее в раскопе 2007 г.[25]. По формальным признакам эти весьма необычные для античного некрополя комплексы следует разделить на две группы: погребения умерших, сопровождаемые конскими захоронениями, где связь погребенного и коня очевидна, и захоронения только одних коней, которые не удалось связать с конкретными погребениями. При этом первые, за исключением одного случая, совершены значительно глубже захоронений лошадей, которых, как правило, оставляли на уровне древней дневной поверхности. Кажется, последнее обстоятельство раньше и затрудняло их идентификацию как сопровождающих человеческие погребения и имеющих отношение к древнему некрополю.

По соотношению погребенных людей и коней интересующие нас захоронения делятся на три вида: в одной могильной яме (погр.95), на древнем горизонте у края могилы (погр. 59 и 82), в отдельной яме у могилы (погр.65).

Что можно сказать о назначении исследованных фанагорийских объектов с захоронениями коней. Кости ног лошадей и черепа, вероятно, представлявшие остатки заупокойной или жертвенной пищи, неоднократно находили в погребениях Фанагории[26]. В нашем же случае целые скелеты лошадей – явно не заупокойная пища, так как они неоднократно сопровождались железными удилами, найденными in situ. То есть, речь идет о захоронениях упряжных коней. В погр.42 открыто тройное конское захоронение, совершенное в трех подбоях с одной входной шахтой (рис.1, а, б, в, г), но без следов погребений людей. При этом в каждом подбое лежало по скелету лошади. Скорее всего, оно представляло кенотаф, посвященный погибшему на стороне соплеменнику – в зеве коня 1 сохранились железные удила. Отметим одну специфическую деталь этого и некоторых других погребенных коней – под брюхом коня 1 встречены пучки загадочных стержней (рис. 1, б). Они напоминали связку минерализованных стеблей тростника длиной 35-40 см, толщиной 0,7–1 см. Парное конское захоронение в специальной квадратной яме на уровне древней поверхности совершено у изголовья погр. 65 и частично его перекрывало (рис. 1, д). При этом череп южного коня вместе с железными удилами провалился в могилу (на фото могила еще не расчищена). Под брюхом и в грудине обоих коней лежали такие же минерализованные стержни, что и в погребении 42. Их назначение осталось неясно, да и аналогии неизвестны.

Во-вторых, некоторые из погребений с конями принадлежали не только мужчинам, но женщинам и даже детям (погр.59 и 95)[27]. То есть, совместно с конями в некрополе Фанагории хоронили не представителей какого-то сословия, например, конных воинов-дружинников (таковых в фанагорийском некрополе пока не обнаружено), а членов какой-то особой этносоциальной группы (племени, сегмента племени?), включавшей помимо мужчин женщин и детей.

В-третьих, захоронения с конями появляются в Восточном некрополе Фанагории не ранее рубежа – первых десятилетий I в. н.э. (погр.82), они совершаются во 2-ой его половине (погр. 59 и 95) и позже во II в. н.э. (погр. 65). Еще раз обратим внимание на то, что как и в других античных некрополях, время появления конских захоронений в Восточном некрополе совпадает с появлением аспургиан на Боспоре по данным «Географии» Страбона.

Обычай совершать на городском некрополе захоронения с верховыми конями, на что, подчеркнем, определенно указывают находки железных удил, может свидетельствовать о притоке в Фанагорию где-то с рубежа эр нового варварского населения. Для него был характерен старый меотский ритуал сопутствующих конских захоронений[28]. Важно, что среди этой группы фанагорийского населения он сохранялся не только на протяжении I в., но и позже, по крайней мере, и во II в., на что указывает погребение 65 с характерной для этого времени северной ориентировкой, сопровождаемое парой коней.

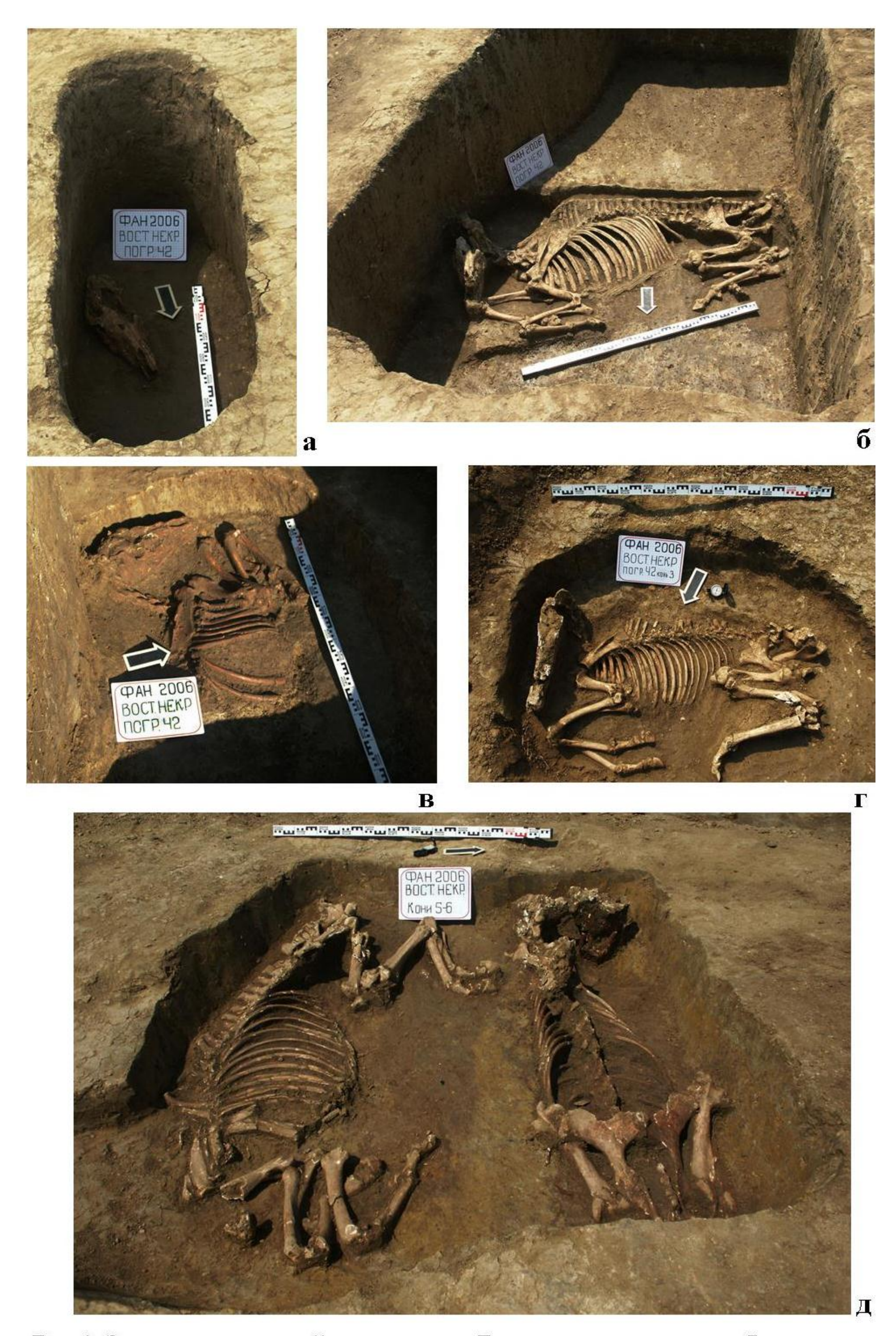

Рис.1. Захоронения коней на площади Восточного некрополя Фанагории

Известно, что в разных индоевропейских, особенно в индо-иранской традициях существовало представление о коне, как о мировой жертве, медитаторе, соединяющем разные уровни мироздания[29]. Но археологически он проявлялся по-разному. В кавказоведении принято считать, что конские захоронения являются археологическим эквивалентом хорошо описанного осе-

тинского обряда посвящения коня усопшему[30]. Если это так, то, скорее всего, обычай совершать на некрополе захоронения с конями может свидетельствовать не только о появлении в Фанагорию где-то к рубежу н.э. группы нового варварского населения, но и о том, что этому населению на протяжении ряда поколений дозволялось совершать такие «варварские» ритуалы посреди городского некрополя. Возможно, это были те самые аспургиане – выходцы из меото-сарматского мира Прикубанья, точнее та их часть, которая находилась на службе у боспорских правителей. В их этнониме, как и в имени их первого предводителя Аспурга, может быть далеко не случайно звучит иранская основа aspa – «лошадь», «конь»[31]. Отталкиваясь от звучания этнонима аспургиан, одни лингвисты интерпретируют их имя как «имеющие сильных коней» («мощноконные»), другие полагают, что в основе его лежало иранское слово «aspabara" – буквально «конник», «всадник»[32]. Поэтому, возможно, далеко не случайно тамга рода Аспурга, известная по его монетам и многочисленным портативным предметам, отмеченным этим знаком, имела схему, в которой можно усмотреть изображение скачущей лошади.

В связи со всем вышесказанным вполне вероятно, что выразительные надгробия боспорского типа с рельефами всадников, выступающих друг за другом, неоднократно находимые не только в Пантикапее, но и в Фанагории, изначально могли ставить над могилами аспургиан, из которых состояла конная дружина Аспурга и его преемников. Среди мужских надгробий таковых не менее одной трети[33]. Если раньше эти надгробия датировали широко, с I в. до н.э., то сейчас их по надписям передатировали почти на столетие позже[34]. Для нашей темы важно, что самая ранняя стела Матиана, сына Заидара с изображением всадника-катафрактария найдена в окрестностях Темрюка, на земле, близкой локализации аспургиан у Страбона. Она поставлена от имени царицы Динамии и поэтому определенно датируется не ранее самого конца I в. до н.э. Исследователи не без основания видят в этом персонаже одного из аспургианских вождей[35]. Более поздние двухярусные рельефные надгробия с изображениями боспорских всадников встречены в Восточном некрополе Фанагории в 2003, 2004, 2006 и 2010 гг. К сожалению, во всех случаях они использовались вторично, в качестве закладов в камеры склепов конца II-III в. Может быть, неслучайно на них высекались двухярусные рельефы нередко в характерном сочетании варварских (вооруженные конные воины) и эллинских (сцены загробной трапезы, прощания) сюжетов. Если наше предположение подтвердится, мы получаем уникальную возможность видеть образы воинственных аспургиан, запечатленные на некоторых боспорских рельефах.

Недавно подробный анализ вооружения на боспорских надгробиях проделал М.Ю. Трейстер[36]. Он высказал интересную мысль о принадлежности рельефов с изображениями всадников, вооруженных на сарматский манер, погребениям боспорян высокого социального ранга. Таковыми и должны быть аспургиане – конные воины, имевшие вооружение сарматского типа, иногда погребаемые по меотскому обычаю вместе с конями. Весьма существенно то, что их захоронения на боспорских некрополях появляются не ранее рубежа эр. Более ранних археологических свидетельств присутствия аспургиан на Боспоре мы пока не имеем.

Примечания:

1. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. СА. 1985. № 2. С. 65.

2. Здесь и ниже свидетельства Страбона приведены в переводе Г.А. Стратановского: Страбон. География. М., 1994.

3. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. С. 65-78.

4. Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Т.XXV. М., 1916. С. 16.

5. Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII - I вв. до н. э.). Материалы междунар. науч. конф. Тамань, октябрь 2000. СПб., 2006. С. 43.

6. Щукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического семинара). Часть I. Новочеркасск, 1992. С.119.

7. Каллистов Д.П. Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1940. С.71; Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии. Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987. С. 35–39.

8.Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.,1990. С. 81.

9. Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89, 106-107.

10.Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 28.

11.Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. С. 65, 70-73; Он же. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С.143, 177-233.

12. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. С.73-76.

13. Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора // Сб. статей в честь В.П. Бузескула. Харьков, 1914. С. 380.

14. Молев Е.А. Аспургиане у Страбона // Древности. Вып.1. Харьков, 1995. С. 60–63.

15. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. С. 81; Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. –III в. н.э.). СПб., 2009. С. 247.

16. Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. С.73.

17. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. С. 82.

18. Хршановский В.А. Конь в погребально-поминальной обрядности античного Боспора // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1994–1995 гг. СПб., 1997. С. 96-98.

19. Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Кеп в 1962-1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 104; Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Вып.2. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982. С.34.

20. Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора. М., 2008. С.132-133.

21. Медникова М.Б. Данные антропологии к реконструкции образа жизни древнего населения Цемесской долины // Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора. М., 2008. С.251-253.

22. Малышев А.А. В стране аспургиан (древние иранцы на современной территории России) // Родина. 2001, май. С.7-10; Он же. Заключение // Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора. С. 278.

23. Винокуров Н.И. Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. // Античный мир и варвары на Юге России и Украины. Запорожье, 2007. С.365-366.

24. Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг.// МИА. 1951. № 19. С. 205. Заметим, что такое отношение археологов к скелетам лошадей, открытым при раскопках античного некрополя, сохранялось до 2005 г.

25. Медведев А.П. О некоторых результатах изучения некрополя Фанагории римского времени // Вестник ВГУ. История. Политология. Социология. 2012 . № 1. С. 50. Рис.3, 2.

26. Кобылина М.М. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагориив 1948 г. // МИА. 1951. № 19. С.249; Она же. Фанагория // МИА. 1956. № 57. С.80.

27. Антропологические определения доктора исторических наук М.В. Добровольской.

28. Беглова Е. А. Воинские погребения Тенгинского грунтового могильника // Материальная культура Востока. 5. М., 2010. С. 149-166; Раев Б.А. Гекатомбы Новолабинского могильника // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т.II. Казань, 2014. С. 156-158.

29. Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 173; Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С.96-119; Юрченко А.Г. Жертвенный конь и концепт пути в погребальном обряде кочевников Центральной Азии // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 187–190.

30. Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999. С. 187–195.

31. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С.281.

32. Harmatta J. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia. Budapest, 1952. P. 43-45; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der Nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S.75.

33. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского. С.161.

34. Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1992. Вып. 10. С. 358.

35. Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже нашей эры. С.44.

36.Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв. н.э. // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 484-561.

ВАРВАРСКОЕ «ЦАРСТВО» ФАРЗОЯ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ С СЕВЕРНОЙ ЕВРОПОЙ*

С.В. Ярцев
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого

Статья посвящена сложному вопросу первых контактов между Причерноморьем и Северной Европой в I в. н.э. По мнению автора, данный феномен необходимо рассматривать в контексте событий по установлению союзных отношений империи с варварским царем Фарзоем и вхождению его «царства» в систему буферных причерноморских государств. При этом на некоторые северные племена римской администрацией, скорее всего, была возложена обязанность в организации бесперебойной поставки янтаря с Балтийского побережья в Римскую империю, транзитом через Северное Причерноморье. Гарантом такой янтарной торговли, скорее всего, и выступило варварское «царство» Фарзоя.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Северная Европа, Римская империя, сарматы, готы, Фарзой.

FARZOY'S BARBARIAN «KINGDOM» IN THE CONTEXT OF RELATIONS WITH NORTHERN EUROPE *

S.V.Yartsev
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University

The article is devoted to sophisticated issue of first contacts between Black Sea Region and Northern Europe in I A.D. This phenomenon must be considered in the context of events related to establishment of union relations of the Empire with barbarian King Farzoi and inclusion of his «kingdom» into system of buffer states of Black Sea. Possibly Roman administration imposed an obligation on some northern tribes to provide continuous delivery of amber from Baltic Sea coast to Roman Empire, including transit through North Black Sea Region. Guarantor of this amber trade was barbarian kingdom of Farzoi.

Keywords: North Black Sea Region, Northern Europe, Roman Empire, the Sarmatians, Goths, Farzoi.

Тема «царства» Фарзоя, неразрывно связанная с римской стратегией в Северном Причерноморье, всегда вызывала интерес в исторической науке. Во многом это объясняется проблемным характером многих вопросов, связанных с внешней политикой империи. Это наглядно демонстрирует критика гипотезы Большой римской стратегии, выдвинутой в свое время Э. Латтваком[1]. Из отечественных ученых, необходимо отметить Н.Н. Болгова[2] и С.М. Перевалова[3], исследования которых выявили особенности римской стратегии на кавказском участке восточной границы в первых веках нашей эры. По мнению авторов, в указанном регионе буферная зона Римской империи состояла не только из укреплений «Каппадокийского лимеса»[4], но и из особой системы «клиентских» государств. При этом, помимо собственно государств (Иберия, Албания, Армения), к «друзьям и союзникам» римлян здесь были отнесены и некоторые племенные образования Колхиды[5]. За регулярные субсидии и имперское покровительство союзники Рима защищали не столько свои собственные рубежи, сколько дальние подступы к империи. Дружественный правитель обычно утверждался в Риме, получая от императора регалии своей власти. При этом империя открыто пользовалась ресурсами своих союзников, нередко в виде различных выплат (напоминающих форму налогообложения), взимая их, в том числе, и несением службы[6].

Очевидно, что схожая ситуация наблюдалась и в Северном Причерноморье. Внешнеполитические устремления Рима в данном регионе подробно изучались М.И. Ростовцевым[7], В.Н. Дьяковым[8], Е.С. Голубцовой[9], Д.Б. Шеловым[10], В.И. Кадеевым[11], Г.А. Цветаевой[12], П.О. Карышковским и И.Б. Клейманом[13], Ю.Г. Виноградовым[14], В.М. Зубарем[15], Д.А. Костромичёвым[16]. Результаты проведенных исследований, несомненно, свидетельствуют о целенаправленных действиях римлян по созданию в Северном Причерноморье мощной эшелонированной системы обороны дальних подступов к империи с опорой на античные государства. Видимо, еще во времена правления Нерона в империи была осознана опасность, исходившая из степной зоны Северного Причерноморья. Это и явилось главным фактором, под воздействием которого и происходило формирование стратегии внешней политики Римской империи в указанном регионе[17]. Известно, например, что Боспорское царство не только активно снабжало римлян хлебом, рыбой, скотом и кожей[18]. В Северо-Восточном Причерноморье боспорские цари успешно удерживали ситуацию под контролем посредством выплаты части римских субсидий союзным племенам[19] и предоставляя римлянам оперативную информацию о передвижении варваров в регионе[20].

Однако, на наш взгляд, существовала еще одна особенность римской стратегии в Северном Причерноморье в период расцвета империи. На нее косвенно указывает прекращение чекана монет варварских царей Фарзоя и Инисмея, о которых к концу I в. н.э. уже ничего не известно. Возможно, это не является случайностью, ведь такой разрыв отношений с бывшими союзниками хорошо согласуется с действиями римлян по поддержке боспоро-фракийской группировки, первый представитель которой Котис I (45/46 – 62/63 гг.) был возведен на боспорский престол силой римского оружия еще до появления Фарзоя[21]. То, что данная партия власти опиралась не на варваров, а в основном на жителей античных городов и была ориентирована на Рим[22], скорее всего, отражает главную специфику внешнеполитической стратегии империи в указанный период. В этой связи союз римлян с Фарзоем носил вынужденный характер и был необходим, в первую очередь, для разрешения кризисной ситуации в регионе. Заметим также, что только при установлении союзных отношений с этим царем у римлян появилась возможность влияния на варварское царство с целью подрыва его единства изнутри, после чего, скорее всего, с ним и был разорван договор. Причиной таких действий, по-видимому, явилось то, что варвары «царства» Фарзоя и Инисмея, как и другие сильные сарматские племена, были достаточно могущественны и независимы от римлян и тем самым представляли собой значительную опасность для античного мира.

Таким образом, римляне пошли на такой союз исключительно под грузом тяжелых обстоятельств, и по этой причине, отношения с независимыми и могучими варварскими царями, вряд ли могли быть долговременными. Уже то, что такой договор с достаточно сильным врагом, совершенно не вписывался в главную направленность римской стратегии, свидетельствует о нем, как о кратковременном дипломатическом явлении. Он явно противоречил, как претензии Рима на мировое господство, так и борьбе римлян против взаимодействия цивилизации и варварства, на том же Боспоре. Конечно, римская внешняя политика, как и развитие римской стратегии, максимально зависели от личных пристрастий, и даже капризов принцепсов[23]. Тем не менее, несмотря на всю непоследовательность политики Нерона, договор был заключен и, может быть даже подкреплен экономическими отношениями. Во всяком слу-

чае, не исключено, что именно с ним можно будет связать вторую хронологическую волну поступления к сарматам римского импорта, которая датируется второй половиной I – серединой II в. н.э.[24] По-видимому, договор с Фарзоем явился заслугой главным образом Плавтия Сильвана, который действовал с известной долей самостоятельности, также как, например, и другой выдающийся полководец Нерона — Гней Домиций Корбулон, успешно решивший, в это время, армяно-парфянскую проблему.

В этой связи, обращает внимание еще одно обстоятельство, имеющее прямое отношение к указанным событиям. Речь идет об установлении именно в данный период загадочных контактов сарматов с северными варварами, что явно не выглядит простой случайностью. Ведущая роль в установлении отношений между сарматскими и германскими вождями, по нашему мнению, вполне может также принадлежать римской дипломатии. Во всяком случае, весь известный фактический материал на эту тему, свидетельствует именно об этом.

Впервые на связь «царства» Фарзоя с северными варварами обратили внимание в результате обнаружения целого ряда любопытных находок. Так, в богатых курганах «Садовый» и «Высочино» на Нижнем Дону, вместе с вещами бирюзово-золотого стиля были выявлены железные умбоны щитов (германские, типа Цилинг I-1), типичные для культур Центральной Европы первой половины I в. н.э. При этом в одном случае щит был очень дорог для владельца – он был укрыт в тайнике вместе с серебряными сосудами[25].

Более того, на ряде германских копий была выявлена целая энциклопедия инкрустированных серебром сарматских знаков[26], в том числе и тамга Фарзоя. Так как многие из них не находят аналогов среди сарматских знаков, очевидно, что германцы восприняли лишь саму идею тамги, которая получила у них дальнейшее развитие[27]. С этим хорошо соотносится и то, что большинство указанных копий датируются второй половиной II – первыми тремя десятилетиями III в. н.э.[28], когда «царства» Фарзоя и Инисмея уже не существовало. Ученые по-разному интерпретируют данные артефакты. Обычно их считают магическими символами[29], хотя Э. Дроберъяр и Я. Пешка в некоторых знаках видят буквы старшерунического алфавита[30]. М.Б. Щукин, наоборот, пишет о том, что громкая слава о Фарзое была широко распространена в военно-аристократической среде и дружеские контакты на уровне воинов-дружинников приводили к заимствованию тамги этого удачливого царя, а наемники с севера могли даже служить его телохранителями[31]. Г. Добжаньская говорит о готском нашествии, перед лицом которого кочевники, обитавшие в бассейнах Прута и Днестра, объединились с носителями пшеворской культуры, что и привело к размещению сарматских знаков на германских копьях[32]. По мнению же С.В. Воронятова и Д.А. Мачинского, тамги на копьях могли являться трофейными знаками и таким образом, как воплощение силы и удачи, переходить на службу к победителям[33].

Любая из приведенных выше гипотез может оказаться верной, ведь обстоятельства и характер установленных связей между Северной Европой и Причерноморьем, нам неизвестны. Для их уточнения необходим комплексный анализ всех имеющихся категорий источников.

В первую очередь, обратим внимание на существование других свидетельств наличия связей Причерноморья с Северной Европой в указанное время. Так, в I в. н.э. появляются, а в начале III в. н.э. исчезают многочисленные богатые ювелирные изделия, изготовленные в античной технике зерни и филиграни, но в соответствии со вкусами варварского заказчика-потребителя.

При этом все эти находки, очень близкие между собой по технике изготовления, странным образом концентрируются в Северной Европе, доходя до территории современной Чехии и в Северном Причерноморье, где они были популярны еще в скифское время[34]. Техника зерни-филиграни была известна еще кельтам и римлянам, поэтому не совсем понятно, почему распространение она получает в первых веках нашей эры, причем именно в указанных районах. Судя по тому, что подобными предметами пользовались еще представители зубовско-воздвиженской группы археологических памятников, можно согласиться с утверждением М.Б. Щукина о местном производстве таких изделий. Например, их могли изготавливать в Восточном Средиземноморье или в Причерноморье, в том числе и непосредственно на Боспоре[35]. По мнению М.Ю. Трейстера, многие из дорогих предметов, украшенных зернью и филигранью, изготавливались в Ольвии по заказу сарматских царей[36].

Особую группу из данных изделий составляют массивные золотые гривны, распространение которых не может быть связано с торговлей. Такие предметы, являясь неотъемлемым атрибутом высокого ранга и престижа, были очень дорогими и изготавливались только на заказ. При этом находки шести известных гривен типа Хавор (с колбовидным окончанием), украшенных зернью и филигранью, загадочным образом вновь распределились между Северной Европой и Причерноморьем[37]. При всей спорности с датировкой этих предметов[38], обратим внимание на их стилистическое сходство[39] и концентрацию исключительно в двух достаточно отдаленных друг от друга регионах[40].

Представляет интерес и золотая гривна из погребения у села Пороги. Она хотя и другого типа, но, тем не менее, также находит свои параллели, как среди достаточно древних кельтских гривен, так и в ювелирном искусстве эпохи позднего эллинизма и в первых веках нашей эры[41]. Ажурный замок гривны, состоящий из 20 золотых колец, образующих круг, часто украшает золотые подвески и булавки первых веков нашей эры из Скандинавии. При этом любопытно, что подобные ажурные кольца имеются и на манжетах гривны из Хавора[42]. На самой же гривне из Порогов, на одной из конских головок, помещена тамга, напоминающая знак Инисмея[43]. Дорогая вещь явно была сделана на заказ, о чем свидетельствует тот факт, что тамга была выполнена посредством припаянной к изделию золотой проволоки[44].

Дорогие золотые гривны, если их датировать первым веком нашей эры, свидетельствуют не просто о случайных и спонтанных варварских контактах, а о союзных отношениях на уровне вождей и царей. Если это так, то возможно, что подобные связи, которые обычно закреплялись династическим браком и заложили правовую основу продвижения германцев в Северное Причерноморье.

Свидетельства приведенных артефактов нуждаются в подтверждении данными других источников. В этой связи, необходимо обратить внимание на некоторые загадочные обстоятельства заключения мирного договора римлян с царем Фарзоем. Так, не совсем понятно, зачем Плавтию Сильвану, находившемуся в 63 г. с римским войском в Северном Причерноморье для замирения с неизвестными ранее и враждебными Риму царями, надо было специально приводить их к берегу (Дуная?), который он, как легат Мёзии, защищал (CIL, XIV, 3608=Dessau 986)[45]? Не означает ли это то, что на переговорах и заключении мира с варварами должны были присутствовать какие-то важные посредники, прибывшие с римской стороны? Заметим, что к указанному времени у Рима были установлены достаточно тесные взаимоотношения именно с миром германских племен за Дунаем, а некоторым из союзных вождей, были

даже предоставлены политические убежища на территории империи. Еще в 19 г. с разрешения цезаря Тиберия, нашел пристанище в Равенне могущественный в прошлом Маробод (Tac. Ann., II, 62-63). Вскоре Рим принял и Катуальду – знатного человека (вождя дружины?), в свое время уничтожившего союз племен Маробода[46]. Любопытно, что Катуальд был родом из гутонов / готонов (Strabo, VII, 1; Plin. NH., IV, 99; XXXVII, 36; Tac. Ann., II, 61; Tac. Germ., 44; Ptolem., III, 5, 8), которых отождествляют с густовской группой памятников в низовьях Одера. Предполагается, что эти варвары являлись самыми первыми готскими выходцами из Скандинавии[47]. В империи Катуальда был отправлен в один из городов Нарбоннской Галии, а дружины обоих вождей разместились за Дунаем (Tac. Ann., II, 63). Учитывая то что, предоставляя политическое убежище, римляне всячески пытались использовать варварских вождей в своих отношениях с Барбарикум[48], при заключении союза с Фарзоем, со стороны Рима вполне мог участвовать любой посредник, тесно связанный с варварским миром Северной Европы[49].

Пролить свет на предполагаемый союз сарматской и готской знати поможет факт отправки Нероном к берегам Балтики римского военного отряда, состоящего из воинов XV легиона из Карнунта, во главе с всадником Квинтом Атилием Примом, причем буквально накануне интересующих нас событий (до 62 г.)[50]. Дорога из Карнунта (около 900 км)[51] до Нижней Вислы была длительной, она проходила по территории разных племен[52] и заняла два месяца[53]. Это подтверждается находками римского вооружения I в. н.э. на Янтарном берегу[54]. Целью похода являлся янтарь, из которого изготавливались дорогие предметы роскоши и даже сетка, ограждающая императора в амфитеатре от возможных случайных опасностей[55].

Организация такой экспедиции свидетельствует о том, что Рим испытывал проблемы с поставкой янтаря, торговля которым ранее всецело находилась в руках венетов[56]. Напомним, что именно в это время (10-70-е гг.), рядом с густовской группой памятников, в низовьях Вислы происходила медленная трансформация памятников оксывской культуры[57] в вельбакскую, связанная, в том числе и с притоком новых готских переселенцев с территории Скандинавии[58]. Все это могло стать одной из причин перебоев с поставкой янтаря. Тогда понятнее становится и направление маршрута римского отряда и цель, которую он должен был достичь — организовать согласованную с местными вождями янтарную торговлю с империей и обеспечить ее безопасность[59]. То, что переговоры с варварами прошли успешно, свидетельствует Плиний, упомянувший 13-ти фунтовый (4,257 кг) кусок янтаря (Plin. NH., XXXVII, 45), который по словам Солина передал Нерону в дар некий «царь Германии» (rex Germania)[60]. Если посредником в переговорах и в заключение мира с Фарзоем, являлся римский всадник Квинт Атилий Прим, тогда в указанном договоре могло оговариваться обязательство сарматского царя по беспрепятственному и безопасному пропуску северных дружин через свою территорию[61]. В этом случае маршрут данных воинов должен был проходить по Висле – Западному Бугу – Южному Бугу (или Днестру). Такой обходной путь в империю, транзитом через Тиру и Ольвию, по всей видимости, представлялся более безопасным и надежным, чем через Центральную Европу[62], где пролегали древнейшие торговые пути[63], иначе в Риме не возникло бы проблем с янтарем. Археологические данные, действительно свидетельствуют об установлении в это время контактов носителей вельбаркской культуры (в низовьях Вислы уже в 10-70 гг.)[64] с варварами Янтарного берега, причем явно на основе включения

местных племен в торговлю по Янтарному пути. Как считает О.А. Хомякова, именно дельта Вислы, помимо важного значения в торговле янтарем, сыграла роль основного «фильтра» и источника влияний и инноваций для племен, проживающих восточнее р. Паслёнка[65]. Это объясняет, почему со второй половины I в. н.э. здесь распространяется мода на упрощенные бронзовые дериваты гривен типа Хавор[66], оригинальные золотые образцы которых местные варвары в любом случае должны были хорошо знать. Несмотря на то, что объем поступления янтаря в империю продолжал оставаться скромным[67], в дальнейшем именно этот путь у готов стал основным, ведь именно по нему продолжала поддерживаться связь Южной Прибалтики с Причерноморьем[68].

Подведем выводы нашего исследования. Очевидно, что проблему первых контактов между Северной Европой и Причерноморьем в I в. н.э. необходимо рассматривать в контексте событий по установлению союзных отношений империи с варварским царем Фарзоем и вхождению его «царства» в систему буферных государств. Варварское «царство» Фарзоя, безусловно, заняло одно из самых главных звеньев в системе северопричерноморских буферных государств, которое затрудняло внешним врагам подступ к римским границам со стороны степей. Несмотря на явное противоречие с римской стратегией, на какое-то время, именно это обстоятельство способствовало стабилизации ситуации в регионе, что позволило римлянам продолжать успешно решать здесь свои внешнеполитические задачи. При этом, на некоторые северные племена имперской администрацией, вполне могла быть возложена обязанность в организации бесперебойной поставки янтаря с Балтийского побережья в Римскую империю, транзитом через Северное Причерноморье. Гарантом такой янтарной торговли, скорее всего, и выступало варварское «царство» Фарзоя. Готским вождям, в свою очередь, такой союз, как с римлянами, так и с царями Фарзоем и Инисмеем, открывал относительно безопасную и, самое главное, беспрепятственную дорогу на юг, что в дальнейшем и сыграло свою ключевую роль в истории Восточной Европы.

Примечания:

** Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).*

1. Luttwak E.N. The Grand Strategy of the Roman Empire. Baltimore; L., 1974; Ferrill A. The of the Roman Empire Grand Strategy. N.Y.; London, 1991; Wheeler E.L. Methodological Limits and the Mirage of Roman Strategy // Journal of Military History. 1993. 57. № 1. P. 7-41. № 2. P. 215-240; Ле Боэк Я. Римская армия эпохи Ранней империи. М., 2001; Kagan K. Redefining Roman Grand Strategy // JMH. 2006. Vol. 70. P. 333-362.

2. Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV-VI вв.): дескриптивный обзор // Болгов Н.Н. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991-2001. Белгород, 2002. С. 31-46.

3. Перевалов С.М. Римская стратегия на Кавказе в Каппадокийское легатство Флавия Арриана // Перевалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов (Сер. Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 2010. С. 302-380.

4. Перевалов С.М. Указ. соч. С. 308-316.

5. Перевалов С.М. Указ. соч. С. 327.

6. Болгов Н.Н. Указ. соч. С. 32-33.

7. Ростовцев М.И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. 1900. Март. С. 140-158; Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. Вып. 23. С. 1-20; Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древ-

ности: Труды Импер. Моск. археол. об-ва. 1916. Т. 25. С. 1-23; Ростовцев М.И. Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 1-21; Ростовцев М.И. Понт, Вифиния и Боспор // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1-2. С. 111-130; Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918; Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.

8. Дьяков В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. №3-4. С. 71-88; Дьяков В.Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. // ВДИ. 1941. №1. С. 87-97; Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. Записки МГПИ им. В.И.Ленина / кафедра истории древнего мира. 1942 Т.28. Вып. 1. С. 3-92.

9. Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э. М., 1951.

10. Шелов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. №4. С. 52-63.

11.Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981.

12. Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979.

13. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985.

14. Виноградов Ю.Г. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 27-32; Виноградов Ю.Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. №3. С. 130-139.

15. Зубарь В.М. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. н.э. (SHA, 9,9) // РА. 1993. №2. С. 185-189; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. Киев, 1994; Зубарь В.М. Ольвия, сарматы и Рим во второй половине I в. // ВДИ. 1994. №3. С. 218-223; Зубарь В.М. О так называемой «тавро-скифской» войне в истории Ольвии // РА. 1997. №2. С. 85-90; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. Киев, 2004.

16. Костромичёв Д.А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V вв. (по данным археологии) // STRATUM plus. 2011. №4. С. 15-164.

17. Зубарь В.М. Северный Понт ... С. 87.

18. Ростовцев М.И. Понт ... С. 111.

19. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М; Л., 1949. С. 345-346; Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // Античные города Северного Причерноморья. М; Л., 1955. С. 181; Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. B; Amsterdam, 1971. С. 367-368.

20. Gracey M.H. The Armies of the Judaen client kings // BAR. 1986. Vol. 297. P. 312.

21. Зубарь В.М. Северный Понт ... С. 40.

22. Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых вв. н.э. М., 1990. С. 169.

23. Панов А.Р. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н.э. – начало II в н.э.). Автореф. дис. ... д. и. н. Иваново, 2009. С. 30, 33-34.

24. Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. С. 159.

25. Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der spätlaténe und römischen Kaiserzeit im freien Germanien // B.A.R. Intern. ser. 505. Vol. I-III. Oxford, 1989. Bd. I, 27, 1a; Bd. III, 12-13; Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 72.

26. Yatsenko S.A. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranien-Speaking Peoples of Iran, Earsten Europe, Transoxiana and South Siberia // Traditional Marking Systems. London, 2010. P. 133-154.

27. Мельникова Е.А.Скандинавские рунические надписи. М., 2001. С. 94; Dobrzańska H. Contacts between Sarmatians and the Przeworsk Culture community // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st-5th centuries A.D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód-Nyiregyháza. Aszód; Nyiregyháza, 2001. S. 109; Щукин М.Б. Готский путь ... С. 72-73.

28. Kaczanowski P. Chronologia inkrustowanych grotów broni drzewcowej z okresu wpływów rzymskich z obszaru europejskiego Barbaricum // Scripta Archaoeologica / Uniwersytet Jagielloński Varia. Warszawa; Kraków, 1988. CCXXXI. S. 61-63.

29. Droberjar E., Peška J. Die Waffen // Peška J., Tejral J. Das germanische Königsgrab von Mušov in Mähren (RGZM Monografhien, Bd. 55, Teil 1). Mainz, 2002. S. 111; Kontny B. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich I początkach okrcsu wędrówek ludów // Leiber Ch., Andrzejowski J., Kokowski A. Wandalowie. Strażnicy burstynowego szlaku. Katalog wystawy. Wid. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin; Warszawa, 2004. S. 148-149; Andrzejowski J. Groty włóczni ze znakami symbolicznymi ze Stryczowic // Z Otchłani Wieków. 61/1-2. Warszawa, 2006. S. 147; Peška J. Das Königsgrab der älteren Römischen Keiserzeit bei Mušov in Südmähren / Tschechische Republik // Rom und die Barbaren. Europa zur Zeit Völkerwanderung. Bonn, 2008. S. 57.

30. Droberjar E., Peška J. Die Waffen ... S. 111.

31. Щукин М.Б. Готский путь ... С. 72.

32. Dobrzańska H. Op. cit. S. 111, 112.

33. Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania-Sarmatia II: сб. научн. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы посвященный памяти М.Б.Щукина. Калининград, 2010. С. 69-73. Размещение знаков на копьях, по их мнению, связано со стремлением наделить оружие особыми сверхъестественными свойствами (Воронятов С.В., Мачинский Д.А. Указ. соч. С. 65-66). При этом такие копья могли играть роль своеобразных отличительных воинских знаков (Бочкарев В.С. О функциональном назначении петелек-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель / Сб. статей, посв. 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004. С. 404-405; Воронятов С.В., Мачинский Д.А. Указ. соч. С. 71).

34. Nylén E. Die älteste Goldschmiedekunst der nordischen Eisenzeit und ihr Ursprung // RGZM. 1968 (1970). №15. S. 93; Andersson K. Romarotida I guldsmide I Norden. I. Katalog. Uppsala, 1993; Andersson K. Romarotida I guldsmide I Norden. III. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadgrupper. Uppsala, 1995. P. 119-122; Щукин М.Б. Готский путь ... С. 73-83.

35. Щукин М.Б. Готский путь ... С. 82-83.

36. Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская I в. н.э. в Северном Причерноморье (к находке из сарматского погребения в Петриках) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П.Сорокиной. Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 159. С. 245-258.

37. Гривны из Северной Европы включают в себя изделие из болота в Дронниглунде в Дании, случайную находку из Западной Швеции вблизи реки Гота-Альф – западной границы Вестергётеланда и гривну из клада бронзовых сосудов ступени B_2 (70-170 гг.) на острове Готланд. Обращает внимание, что все предметы обнаружены вблизи или непосредственно в местах, имеющих прямое отношение к этногенезу готов в I в. н.э. (именно здесь было отмечено уменьшение населения, появление запрета на помещение оружия в могилу или появление каменных конструкций на могильниках) (Щукин М.Б. Готский путь ... С. 48-57, 73-74). Другие подобные предметы происходят уже из Северного Причерноморья. Две гривны обнаружены в 1876 году у села Залевки (Черкасская область) в разрушенном крестьянами захоронении (предположительно 20-80 гг.), где помимо предметов, в том числе изготовленных в технике зерни и филиграни и бирюзово-золотого стиля, находилась золотая погребальная маска. Такие маски, по мнению М.Б. Щукина, находят параллели в Парфии. Третья гривна обнаружена в окрестностях Ольвии, при случайных обстоятельствах и тоже с золотой маской. Последнюю находку сопровождали золотые сережки, возможно, эллинистического времени. Однако М.Б.Щукин обратил внимание, что данное захоронение располагалось непосредственно на территории Ольвии, что могло произойти только после 50 г. до н.э. (Щукин М.Б. Готский путь ... С. 74-79).

38. Подобная гривна явно изображена на шее одного из кельтских или германских богов на котле Гундеструпа в Дании первой половины I в. до н.э., что позволило Э.Нюлен предположил, что гривна Хавор – предмет более раннего времени, чем римские бронзовые сосуды из того же комплекса. При этом ученый пытался связать данную гривну с коническими, украшенными зернью, золотыми бусинами ожерелья с острова Эланд (Nylén E. Op. cit. S. 75-76). М.Б.Щукин же в своем исследовании установил некоторую схожесть указанных гривен с предметами кельтского круга. Но даже если форма гривен типа Хавор действительно восходит к ранним прототипам (Щукин М.Б. Готский путь ... С. 81-82), определить по этой особенности время их изготовления не представляется возможным.

39. Щукин М.Б. Готский путь ... С. 79.

40. Щукин М.Б. Готский путь ... С. 76.

41. Трейстер М.Ю. Гривна из сарматского погребения у с. Пороги // ВДИ. 1995. №1. С. 148-151; Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская ... С. 250.

42. Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская ... С. 250.

43. Трейстер М.Ю. Гривна из сарматского погребения ... С. 149; Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская ... С. 254; Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001. С. 49-50.

44. Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская ... С. 253.

45. Pârvan V. Getica o protoistorie a Daciei. Bucureşti, 1926. P. 128-129; Patsch K. Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa: Bis zur Festsetzung der Römer in Transdanuvien // SBAW in Wien. Philos.-hist. Kl. Wien; Leipzig, 1932. S. 164; Pippidi D.M. Tiberius Plautius Aelianus şi frontiera Dunarii de Jos in sec. I e.n. // Contribuţii la istoria veche a Romîniei. Bucureşti, 1967. P. 559-561; Dobó A. Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975. N 840.

46. Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I-IVв. н.э. М., 2000. С. 40-46; Щукин М.Б. Готский путь ... С. 41-43.

47. Щукин М.Б. Готский путь ... С. 45-48. Во времена Фарзоя собственно вельбаркская культура (с которой связывают письменных готов) только формировалась, и многие участники этого процесса находились еще на территории Скандинавии. Связующим звеном между ними и вельбаркской культурой на континенте, по-видимому, как раз и выступали готоны Катуальды (Щукин М.Б. Готский путь ... С. 48-57).

48. «Маробода поселили в Равенне, всячески давая понять, что ему будет возвращена царская власть, если свебы начнут своевольничать» (Tac. Ann., II, 63).

49. Yartsev S.V. Regarding first contacts between North Europe and Black Sea Region // Life Science Journal — Acta Zhengzhou University Overseas Edition. New York, 2014. 11(7s). S. 331-334.

50. Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 225; Кулаков В.И. Янтарная лихорадка в эпоху Юлиев-Клавдиев // Памятники старины. Концепции, открытия, версии: Памяти В.Д.Белецкого. СПб.; Псков, 1997. Вып. I. С. 360-361.

51.Kolendo J. A la recherche de l'ambre baltique. Warszawa, 1981. P. 13 et suiv., 59, 61-62, 76-78 et suiv; Brogen O. Trage between the Roman Empire and the Germans // JRS. 1936. N XXVI. P. 221 ff.

52. Некоторые из них, такие например, как вандалы могли осуществлять охрану определенных участков Янтарного пути (Czarnecka K. Arystokraci Bursztyniowego szlaku-władcy, wodzowe czy kapłany? // Wandalowie. Strażnicy Bursztyniowego szlaku. Lublin; Warszawa, 2004. S. 118).

53. Колосовская Ю.К. Указ. соч. С. 170.

54. Кулаков В.И. Следы контактов с Римом в материальной культуре Янтарного берега (I-VI вв. н.э.) // РА. 2008. №1. С. 88-89.

55. Оружие гладиаторов, которое менялось ежедневно, триумфальный въезд, носилки, дверь, через которую уносили убитых воинов – все также украшалось янтарем (Plin. NH., XXXVII, 42-45) (Колосовская Ю.К. Указ. соч. С. 170).

56. Данным этнонимом в древности обозначали разные народы, в том числе кельтов и германцев (Шелов-Коведяев Ф.В. Плиний // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I-VI вв.). М., 1994. С.34).

57. Любопытно, но низовья Вислы связал с венетами еще Плиний (Plin. NH., IV, 13, 96-97). Несмотря на то, что венеды у этого автора упомянуты в контексте архаичных, неясных, полусказочных представлений (Шелов-Коведяев Ф.В. Указ. соч. С. 32), Р.Волонгевич отождествил с этим народом носителей оксывской культуры (Wołagiewicz R. Kultura wielbarska – problemy interpretacii etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk, 1981. S. 96). Существует также мнение, что венеты это жители римской провинции Венетия, проникающие по делам торговли в Прибалтику (Щукин М.Б. Готский путь ... С. 70).

58. Щукин М.Б. Готский путь ... С. 38, 57.

59. Кулаков В.И. Следы контактов с Римом ... С. 89.

60. Julii Solini. Collectanea rerum memorabilium / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1895. P. 98; Kolendo J. Op. cit. P. 15.

61. Которые уже с этого времени вполне могли передвигаться на ладьях, используя речные пути. Военный корабль начала IV в. н.э. из болота Нюдама, Шлезвига, водоизмещением 7,8 т плюс 1 т балласта, был рассчитан на 15 пар гребцов и рулевого. При этом фиксированные уключины встречались и на более ранних кораблях, например на корабле из Хальснея (Норвегия), построенного около 200 г. н.э. (Щукин М.Б. Готский путь ... С. 53; Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М, 2005. С. 215-218).

62. Stawiarska T. Paciorki szklane z obszaru Polski pólnocnej w okresie wplywów rzymskich. Wrocław, 1985. S. 125-132.

63. Dolenz H. Altstrassen und Altsiedlungen im Stadtgebiete von Villach // Carinthia. 1958. Bd. 148. H. 1-3. P. 235-271.

64. Wołagiewicz R. Op. cit. S. 96.

65. Хомякова О.А. Хронология компонентов женского убора самбийско-натангийской культуры // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012. С. 259.

66. Щукин М.Б. Готский путь ... С. 85; Хомякова О.А. Указ. соч. С. 259.

67. Jankuhn H. Archäologische Bemerkunden zur Glaubwürdigkeit des Tacitus in der Germania // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse. 1966. 10. P. 417. По всей вероятности, это было связано с обострением ситуации после смерти Нерона, причем как в районе Дунайского лимеса, так и в Северном Причерноморье. Гражданская война конца 60-х гг. ослабила римские границы, через которые возобновились вторжения сармат и даков. Последующие войны Домициана и Траяна с даками (Зубарь В.М. Северный Понт ... С.52-56; Колосовская Ю.К. Указ. соч. С. 67-97), также не способствовали развитию торговли в данном регионе. В Северном Причерноморье, несмотря на то, что клан Фарзоя и Инисмея после появления алан, безусловно, сохранил свое влияние и даже, возможно, определенные права на ряд территорий, варварское «царство», не намного пережило императора Нерона. Уже Дион Хрисостом, посетивший Ольвию на исходе I в. н.э., ничего не знает о варварских покровителях города и рисует нам тяжелую картину противостояния его жителей с окрестными племенами (Dio Chrys., XXXVI). Все это сильно ограничивало проникновение выходцев с севера в Причерноморье, которое еще долго не выходило за рамки передвижения отдельных небольших дружин.

68. Магомедов Б.В. Черняховская культура: проблема этноса. Lublin, 2001. С. 110.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

М.Л. Рябцева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В данной статье рассматриваются основные черты полихромного стиля, получившего широкое распространение в Эпоху Великого переселения. Его можно считать отражением эпохи, сочетающей в себе кровь и золото. Ношение подобных элементов одежды являлось социальным показателем, особенно выделяющимся в среде варварской знати. Кроме того, в статье приводятся различные точки зрения на дискуссионный вопрос о центрах возникновения стиля.

Ключевые слова: полихромный стиль, клуазоне, Эпоха Великого переселения, гунны, готы.

ON THE ISSUE OF THE ORIGIN OF CLOISONNÉ STYLE OF GREAT MIGRATION EPOCH

M.L. Ryabtseva
Belgorod National Research University

The paper considers the main traits of cloisonné style, which was widespread in Great Migration time. It can be considered as the reflection of this epoch, combining blood and gold. The carrying of similar clothing's elements was the social indicator especially distinguishing for the environment of barbarian gentlefolks. In addition, in the article the different points of view on a debatable question about the centers of origin of style are given.

Keywords: cloisonné style, Great Migration epoch, huns, goths.

Эпоха Великого переселения уникальна во всех отношениях. Материальная культура народов на всем протяжении: от Западной Европы до Урала в этот период приобретает универсальные черты, сформировавшиеся во многом под влиянием вкусов варваров (гуннов, германцев, сарматов).

Сочетания мерцания золота и красных камней, напоминающих капли крови, соответствовали вкусам варварских князей и аристократии. Ношение подобных элементов одежды являлось и социальным показателем, определяя их принадлежность к варварской знати. Византийский двор и сановники пытались подражать варварским царькам, на фоне которых их одеяния меркли.

Прокопий Кесарийский отмечал, что во времена Юстиниана византийцы перенимали от гуннов моду на ношение накидок, штанов, обуви[1]. Следует обратить внимание на то, что под названием «гунны» понимались все те народы, которые входили в пестрый этнический конгломерат во главе с гуннами[2]. Под определением гуннского союза стоит понимать многоэтничное образование, где одним из доминирующих компонентов (кроме гуннов) являлся германский[3]. О роли германского элемента в гуннском племенном союзе свидетельствует и то, что при Аттиле появляется новое замкнутое сословие знати, в состав которой входили и готы, о котором участник посольства ко двору Аттилы Приск Панийский сказал λογαδοι («избранные, отборные»)[4]. Это так называемые логады, главными сферами деятельности которых были дипломатия и разнообразная хозяйственная служба при дворе Аттилы[5].

Во временя Великих Миграций значительное распространение получил полихромный стиль. Дискуссии о его прародине продолжаются и поныне. Данный высокохудожественный стиль едва ли мог родиться в варварской сре-

де, восходя скорее к античным, с элементами восточных, традициям. Но в среде варваров (германцев, гуннов) он получил дальнейшее распространение и приобрел черты, подходящие их вкусам. Техника перегородчатой эмали и оправы драгоценных камней золотом и серебром, восходящей к античности, получила при посредстве готов самое широкое распространение во всей Западной Европе в течение 350-550 гг.

Интересны мотивы, присутствующие в орнаментации некоторых ювелирных изделий. Популярна «звериная орнаментика», в которой облик зверя изменялся совершенно неузнаваемо: отдельные части животного: голова, морда, шея, нога, туловище — превращались в самостоятельный орнаментальный мотив, в условную схему. Иногда такая роль выпадала даже на долю глаз, пасти, губ, сочленений. Из них составлялись совершенно произвольные сочетания, бесконечно усложняемые тем, что они комбинируются с ленточной плетенкой.

Одним из наиболее излюбленных изображений, которые встречаются на деталях одежды, украшениях, отделки оружия варваров-германцев, является птичья тематика. Изделия с изображением орлов имели широкий ареал распространения. Данный мотив закрепился на фибулах и пряжках италийских и гепидских мастеров, большое количество находок обнаружено в Крыму[6]. А.Г. Фурасьев обращает внимание на то, что орел был неотъемлемым символом римских легионов, и его изображение могло таким образом распространиться в среде варваров-федератов[7]. Не исключено, что изображение орла идет из германской мифологии. В ней есть символ мироздания – дерево ясеня Иггдрасиля, на вершине которого восседает орел, воплощение власти, величия, победы.

Изображение на деталях одежды парных птиц можно связать с символами Вотана, которого по преданию везде сопровождала пара воронов. Конечно, связь мифологии с реальным воплощением птичьей тематики является предположением. Кажется более очевидным, что это идет как раз от римских легионеров, тем более что широкое распространение изображение птиц в варварской среде получает к середине V в. Но и влияние германской мифологии исключать полностью не стоит.

Ювелирные изделия эпохи Великого Переселения достаточно разнообразны по технике исполнения: в одних случаях для вставки используются круглые и овальные камни-кабошоны, в других — беспорядочно рассыпанные мелкие треугольные и трапециевидные кусочки граната, иногда в сочетании с зернистой орнаментацией, в-третьих — вся поверхность предмета сплошь покрыта пластинками граната с тонкими золотыми перегородками между ними[8]. В последнем случае это техника так называемой перегородчатой инкрустации, или, как принято называть на Западе, клуазоне (cloisonne). Перегородки могут быть как простыми, так и ступенчатыми, дрожащими.

Споры исследователей о происхождении полихромного стиля начались в конце XIX в. И в настоящее время ученые пока не пришли к единому мнению в этом вопросе. Бернштам и Гольстем связывали данный стиль с приходом гуннов; де Бай высказывался о готском происхождении стиля; Э. фон Штерн полагал, что стиль возник в боспорских мастерских; И. Вернер полагал, что на запад он привнесен гуннами, а изделия производились в мастерских Боспора. М.И. Ростовцев в полихромной стиле видел развитие греко-сарматских традиций, продолжающих иранскую ветвь «звериного стиля»[9].

По мнению А.Л. Якобсона, в развитии стиля можно проследить три этапа[10]. Для первого характерны золотые украшения, усыпанные драгоценными

камнями. Преобладают красные камни, вставленные в гнезда, образованные вертикально напаянными перегородками. Находки первого периода представлены на Боспоре, также по пути передвижения разноплеменных дружин из Причерноморья в Восточную Европу и далее на запад. Хронологически это первая половина IV в. Следует обратить внимание на тот факт, что стиль предстает в уже сложившейся форме[11].

В течение второго периода постепенно рельефная инкрустация была заменена плоскостной, усилена полихромность. Камни – альмандины, янтарь, гранат, стекло. Применяется паста. Данные изменения обусловлены, по мнению М.И. Ростовцева, новой волной в лице германских племен[12]. Но Якобсон отрицает здесь роль германцев. Данный стиль проник в Западную Европу в IV-V вв. из боспорских мастерских и получил там новую жизнь[13]. Изделия известны в Трансильвании, Венгрии, Австрии, Северной Франции. Распространение данной культуры было связано с аланами, следовавшими в обозе гуннов.

Для третьего этапа развития данного стиля на стыке IV и V вв. характерно вырождение самого стиля. Это связано с увеличением роли варваризации Боспора. Популярны звериные и птичьи изображения, в чем, по мнению исследователя, влияние скифо-сарматских традиций. (Змея – олицетворение стихии земли, а птица воплощает стихию неба).

А.К. Амброз считал центром формирования нового стиля, форм украшений и деталей Подунавье. Изделия, изготовленные в этом стиле, распространялись на заказ, как подарок, военная добыча, приданное.

М.И. Артамонов полагал, что на Боспоре развивалась торговля и ремесла, направленные в основном на удовлетворение нужд соседней варварской знати. Здесь и выработались украшения полихромного стиля[14].

В вышедшей в 1971 г. книге Биргит Аррениус «Гранатовые украшения и геммы из северных находок раннего средневековья»[15] обращалось внимание на различия в технике изготовления вещей, которые были обусловлены хронологически. При первом способе изготовления напаивались перегородки и далее в них подгонялись камни. Немного выступающая поверхность обтачивалась, выравнивалась. Получить гранатовые пластинки абсолютно одинаковой толщины трудоемко. Это привело к эволюции в технике изготовления. Поэтому при втором способе пространство между нижней поверхностью камня и золотой и серебряной основой предмета стали заполнять специальной пастой, чтобы камни не проваливались и находились на одном уровне. Паста была мягкой и вязкой в момент изготовления, а затем затвердевала. Данная техника изготовления очень напоминает мозаику. Это дало основание Б. Аррениус полагать, что техника клуазоне могла зародиться в центрах на территории Римской империи и, особенно, в ее восточных провинциях.

Б. Аррениус отмечает, что, возможно, существовала некая центральная мастерская, скорее всего в столице, в Константинополе, где нарезались камни, и делались высококлассные вещи для императорского двора, чтобы преподносить их иностранным послам, вождям варваров-федератов и т.п.

Известно, что в Империи действительно существовали специальные фабрики — барбарикаты, выпускавшие оружие и другие вещи, предназначенные именно для варваров. Исследователь допускает, что были и дочерние предприятия, вероятно в Пантикапее, Подунавье и Прирейнье, возможно, и в Карфагене, которые сами камни не нарезали, а только подгоняли их и монтировали в изделия, заказываемые варварами.

М.Б. Щукин и И.А. Бажан построили свою теорию с учетом ряда факторов, таких как: наличие сырья; существование древних традиций обработки драгоценных камней и ювелирного дела вообще; наличие потребителей и заказчиков (варваров-федератов, в первую очередь, поскольку непосредственно на территории Империи все еще действовал, хотя, вероятно, иногда и нарушался, закон против роскоши, введенный Августом)[16]. По мнению исследователей, все эти условия соответствовали территории Иберии. При этом они уточняют, что мастера из Иберии не были первооткрывателями, а принимали участие в возрождении данных ювелирных традиций.

Хотя, если быть более внимательным, то можно отметить, что вещи, обнаруженные на территории Империи и на Востоке, имеют ряд отличий либо в технике изготовления, либо в ассортименте использованного материала. Так, находка детали золотого пояса или портупеи из квадратных пластинок, так же как и рукоять кинжала, обнаруженная в Грузии[17], изготовлены таким образом, что камни вставлены в вырезанное сквозное отверстие.

Так и на территории Боспорского царства (Аджимушкайская каменоломня в Керчи) есть находка навершия меча догуннского периода, изготовленного в технике красно-зеленого клуазоне. Навершие обнаружено вместе с монетой Рескупорида III (212-229 гг.). Это объяснимо, т.к. на всем огромном пространстве Империи неравномерно распределены те или иные природные ресурсы, необходимые для изготовления полихромных вещей, к тому же накладывают отпечаток местные традиции мастеров, выработанные задолго до позднеантичного времени.

А.Г. Фурасьев полагал, что полихромный стиль возник на Ближнем Востоке, в Иране в первые века н.э. Техника зерни была усовершенствована античными мастерами. Возможно, в среде варваров такие изделия изготовлялись пленными античными мастерами, т.к. изготовлены они были в безупречной манере[18].

В хрониках VI-VII вв. говорится, что лучшими золотых дел мастерами у германцев были ромеи[19]. Известно, что в IV-VI вв. в Константинополе существовали ювелирные мастерские, которые изготовляли украшения для варварской знати.

Наиболее комплексно, на наш взгляд, к вопросу о происхождении стиля подошла И.П. Засецкая. Исследовательница обращает внимание на стилистические особенности изделий, обнаруженных на всей огромной по масштабам территории их распространения.

И.П. Засецкая среди полихромных изделий выделяет пять стилистических групп и две хронологические[20]. К гуннской эпохе на Боспоре относятся полихромные вещи, идущие из престижных погребений. На Тамани: мечи с перекрестием и рукоятью, украшенные в технике перегородчатой инкрустации. Похожий меч идет из погребения на р. Дюрсо, датированного серединой – второй половиной V в. Железное массивное перекрестие, инкрустированное красными камнями в золотой перегородке, идет из Керчи. Исследовательница отмечает мечи: из склепа 181 и 198 в Керчи, из могилы 50 Фанагория[21].

Автор учитывает следующие факторы:

- появление техники перегородчатой инкрустации как бы в готовом виде, т.е. ее импортный характер,
- распространение данной техники на востоке,
- наличие данных вещей в большом количестве в погребениях боспорской знати, где сосредоточены импортные вещи.

В самой технике выполнения инкрустации можно выделить некоторые отличия. Во-первых, это изделия, сочетавшие в себе золотой фон со вставками в напаянных гнездах камней. Во-вторых, это техника клуазоне, когда вся поверхность была разделена вертикально напаянными перегородками, сплошь покрытыми вставками камней. И.П. Засецкая отмечает также отличия в технике орнаментации и в характере декора[22]. На Боспоре достаточно широко представлены изделия в технике перегородчатой инкрустации с геометрическим орнаментом.

В выделенном исследовательницей первом периоде существования боспорского некрополя (последняя четверть IV – середина V в.) вещи, изготовленные в стиле полихромии, отнесены к четвертой стилистической группе. Для всех их характерно наличие золотой пластинчатой основы, на которую напаивались узкие перегородки, образующие гнезда-ячейки разнообразных геометрических форм в виде треугольников, квадратов, ромбов и др. При этом сначала гнезда наполнялись цветной массой (зеленоватой или белой), покрывались сверху золотым листочком, после чего в них помещались вставки камней (альмандинов, гранатов, сердоликовые). И.П. Засецкая обращает внимание на то, что дальнейшее развитие данный стиль получил не на Боспоре, а на территории Центральной и Западной Европы, где при подобной технике изготовления данные вещи имеют иную орнаментацию (пятая стилистическая группа)[23]. Данные изделия бытуют в Европе в последней четверти V – VI в., на Боспоре же их единицы. Таким образом, исследовательница приходит к выводу о том, что боспорские вещи, изготовленные в технике перегородчатой инкрустации, не могли быть произведены по западным образцам, так как являлись более ранними. Западные же изделия имеют общие корни с боспорскими.

По вопросу о локализации мастерских, по мнению исследовательницы, нельзя дать однозначного ответа[24]. Это объясняется тем, что данные вещи по своим стилистическим особенностям не являются однородными. Это может свидетельствовать о нескольких центрах производства данных изделий.

Таким образом, И.П. Засецкая приходит к выводу о том, что широкое распространения в южнорусских степях изделий полихромного стиля относится к гуннской эпохе и связано с образованием в первой половине V в. в Северном Причерноморье союза племен во главе с гуннами[25].

Таким образом, подводя некоторые итоги, следует отметить, что для Боспора данный стиль изготовления предметов изначально не был характерен. Скорее всего, это восток Римской империи[26]. Возможно, сама Византия. Предметы, производимые на Боспоре, могли быть изготовлены несколько по иной технологии, характеризующейся наличием вставок в напаянных отдельно расположенных гнездах и филигранного орнамента из проволоки и зерни. Именно в этом и находят свое место ювелирные традиции боспорского искусства.

Для варваров полихромные изделия являлись, своего рода, признаком их социального положения. Вероятно, сами кочевники в условиях постепенного перехода к оседлой жизни, условно «полукочевого» образа жизни не могли изготовлять высококачественные ювелирные изделия. Зато это могли производить мастера на заказ либо в столичных мастерских (таковые были в Константинополе), либо находившиеся при варварских царьках. В Подунавье при непосредственном участии античных мастеров могли существовать мастерские по изготовлению данных изделий. Вместе с германцами эти вещи попали на Боспор. Они могли послужить новым импульсом, вдохнувшим

новшества в боспорское производство. А.И. Айбабин утверждает, что по дунайским образцам изделия, изготовленные в технике полихромии, стали распространяться на Боспоре и производиться в мастерских столицы[27]. Расцвет же полихромии, на наш взгляд, наблюдается в более поздних изделиях стиля клуазоне, которые обнаружены в Западной Европе и связаны непосредственно с варварами.

Примечания:

1. Procopius Caesariensis Anecdota, 32.

2 Bóna I. Das Hunnen-Reich. Budapest, 1991. P. 282.

3. Kazanski M.M. The Sedentary Elite in the «Empire» of the Huns and its Impact on Material Civilization in Southern Russia during the Early Middle Ages (5 th. – 7 th. Centuries AD) // Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe. Aldershot, 1993. P. 233-235.

4. Приск Панийский. Готская история / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4.

5. Черниенко Д.А. Гунны в Европе: Историко-этнографический очерк. Ижевск, 2003. С. 38.

6. Фурасьев А.Г. Эпоха Меровингов: орлы Рима и вороны Вотана. СПб., 2007. С. 23.

7. Там же. С. 24.

8. Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005. С. 340; Бажан И.А., Щукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазонне эпохи Великого переселения народов // АСГЭ. 1990. № 30. С. 83-84; Shchukin M., Bazhan I. The Cloisonné style: Danubian, Bosphorian, Georgian or Sassanian? // Acta archaelogica. 1994. V. 65. P. 234.

9. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 327.

10. Якобсон А.Л. Средневековый Крым: очерки истории и истории материальной культуры. М.-Л., 1964. С. 13.

11. Там же. С. 14.

12. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 138.

13. Якобсон А.Л. Средневековый Крым: очерки истории и материальной культуры. С. 14.

14. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 88.

15. Цит. по: Щукин М.Б. Готский путь. С. 342.

16. Щукин М.Б. Готский путь. С. 344.

17. Бажан И.А., Щукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазоне... С. 95-96.

18. Фурасьев А.Г. Эпоха Меровингов... С. 13.

19. Там же. С. 16.

20. Засецкая И.П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // МИА. 1986. № 27. С. 84-85.

21. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (кон. IV-V вв.). СПб., 1994. С. 30-32.

22. Там же. С. 72.

23. Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982. С. 20.

24. Засецкая И.П. Некрополь Боспора // МАИЭТ. III. 1993. С. 32-34.

25. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских... С. 121.

26. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 36.

27. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 79.

ЕЩЁ РАЗ О ХРОНОЛОГИИ СОБЫТИЙ ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЁХ ЭПИЗОДОВ ХЕРСОНЕССКИХ СЮЖЕТОВ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО*

В.Г. Зубарев
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

В статье рассматривается вопросы интерпретации античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного. Автор отвергает предложенную Л.Г. Грацианской хронологию событий, основанную на ономастике сюжетов, и предлагает собственное видение проблемы. В основу предлагаемой интерпретации положены материалы археологических раскопок сельских поселений Европейского Боспора и, в первую очередь, городища «Белинское».

Ключевые слова: Константин Багрянородный, херсонесские хроники, Европейский Боспор, городище «Белинское», Савромат IV, Радамсад, Рескупорид VI.

ON THE CHRONOLOGY OF THE EVENTS OF THE FIRST FOUR EPISODES OF THE CHERSONESE STORIES BY CONSTANTINE PORPHYROGENNETOS

V.G. Zubarev
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University

The article deals with the problems of interpretation of the antique Chersonese stories by Constantine Porphyrogennetos. The author rejects offered by L. G. Gratzianskaya chronology of the events based on the onomastics of the events and offers his own vision of the problem. In the basis of the offered interpretation is the materials of the archeological excavations of Europian Bosporus rural settlements, and in the first place - settlement Beelinskoye.

Keywords: Constantine Porphyrogennetos, the Chersonese chronicles, the settlement Belinskoye, Sauromátes, Rhadamsades, Rhescuporis VI .

Интерес к херсонесским хроникам, включённым Константином Багрянородным в его сочинение «Об управлении империей», в последние десятилетия не только не ослабевает (хотя казалось бы все аргументы «за» и «против» аутентичности этого повествования уже сказаны), но, напротив, только усиливается. Связано это с тем, что, пожалуй, хроники являются единственным письменным источником (из дошедших до нас), который даёт относительно целостную картину политических событий на Крымском полуострове на протяжении довольно длительного времени в рамках периода поздней античности.

В небольшой статье нет необходимости подробно останавливаться на историографии вопроса, учитывая, что она отражена во многих работах, в том числе и в одной из статей автора[1]. Поводом же для написания данной статьи послужила новая интерпретация хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного, предложенная Л.И. Грацианской[2]. Эта хронология основана на источниковедческом исследовании текста хроник и существенно отличается от ранее известных трактовок. Кроме того, материал из раскопок городища «Белинское», накопленный после выхода в свет нашей прежней статьи (2006 г.), посвящённой истории Боспорского царства во второй половине III - начале V вв. н.э., позволяют несколько скорректировать позицию по этому вопросу.

Прежде всего, обратимся к хронологии событий, предложенной Л.И. Грацианской. В её версии лишь один эпизод из четырёх, а именно вто-

рой, «отражает некую реальность начала IV в. н.э. (или конца III в. н.э.)». Этот эпизод исследовательница с наибольшей долей вероятности связывает «с компанией против сарматов летом 323», допуская, впрочем, как более ранние версии (294, 310 или 318 г.), так и более позднюю версию (334). Не исключается и возможность идентичности данного эпизода походу варваров 322 г., упоминаемого у Зосима (Zosim, II.21.1-3) [3] . Три оставшихся эпизода Л.Г. Грацианская относит ко времени конца II – первых трёх четвертей III в. н. э.[4]. Основывается этот вывод на тщательном анализе ономастики сюжетов и сравнении её с эпиграфическими данными и данными нумизматики. Результаты этого анализа, по мнению исследовательницы, исключают общепринятую точку зрения, т.е. возможность отнесения первого, третьего и четвёртого эпизодов к концу III - началу IV в. н.э. [5] Однако, посмотрим как такой вывод согласуется с данными археологических исследований, которые Л.Г. Грацианская, к сожалению, практически не использует в своём исследовании.

Примерно с середины I в. н.э. на территории современного Керченского полуострова (античный Европейский Боспор) по данным археологических изысканий велись масштабные строительные работы. Связаны они были с активизацией внешней политики Боспорского царства в сторону экспансии в западном направлении против позднескифского царства в Крыму. На протяжении по меньшей мере полутора столетий на этой территории были возведены заново или реконструированы многочисленные населённые пункты, часть из которых представляли собой небольшие военные крепости, а часть – крупные поселения смешанного типа. Не исключено, что определённую помощь в застройке этой стратегически важной территории оказали римские инженеры, по крайней мере, при возведении укреплений Илурата. Общая картина, сложившаяся к началу II в. н.э., нашла, по-видимому, отражение в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея[6]. К концу II в. н.э., при Савромате II, к этим поселениям добавилось ещё какое-то их количество, в частности Новониколаевское городище (Савроматий) и Андреевка Северная. Какая-то строительная деятельность велась здесь и позднее, о чём, например, свидетельствует обломок строительной надписи с тамгой времени Рескупорида III из раскопок городища «Белинское».

В результате на Керченском полуострове сложилась весьма эффективная и глубоко эшелонированная линия обороны, прикрывавшая прибрежные города, включая Пантикапей, со стороны степного Крыма, не преодолев которую выйти к столице Боспора по суше было невозможно. Вероятно, именно эти стратегически важные пункты и фигурируют под общим названием «крепости на Меотиде» у Константина Багрянородного в первом эпизоде его херсонесских хроник. Следовательно, допустимо предположить, что какие-то следы захвата этих крепостей должны были бы сохранитmся, и наиболее ранние из них могут рассматриваться как нижняя граница того хронологического периода, в рамках которого происходили события боспоро-херсонесских войн.

В качестве определённого эталона для выяснения этой хронологической границы мы используем результаты девятнадцатилетних исследований городища «Белинское», расположенного в северной части Керченского полуострова в непосредственной близости от Узунларского вала. Такой выбор, на наш взгляд, является вполне корректным. Во-первых, это одно из самых крупных городищ на территории Европейского Боспора, несомненно, игравшее ключевую роль в системе обороны этой части Боспора. Во-вторых, время его суще-

ствования (II – первая четверть V вв. н.э.) полностью вписывается в рамки интересующего нас периода. И, наконец, в-третьих, степень его изученности к настоящему времени такова, что позволяет делать достаточно аргументированные выводы о хронологии тех или других событий.

Прежде всего, отметим, что по данным раскопок городища его расцвет приходится на время II – середины-третьей четверти III вв. н. э. В этот период территория интенсивно застраивается, а само первоначально военное поселение эволюционизирует в сторону небольшого городка с населением смешанного типа[7]. Никаких следов внешних разрушений ни на одном участке городища, по крайней мере, в период до конца 60-х гг. III вв. н. э. не выявлено. Более того, в основании кладки фундамента одного из помещений на северном участке городища была найден денарий Рескупорида V, вес которого (3,51 г.) и качество изображения соответствует четвёртой группе медной чеканки этого царя, датируемой временем после 267 г. н.э[8]. Попал этот денарий под фундамент в момент строительства помещения. Продолжал к этому времени функционировать и некрополь. В частности, в одном из семейных склепов среди погребального инвентаря был также обнаружен денарий Рескупорида V. Таким образом, можно констатировать, что никакой угрозы до начала третьей четверти III в. н. э. для поселения не существовало.

Вполне согласуется с этим обстоятельством и ситуация на других крепостях и поселениях сельской хоры Европейского Боспора. А.А. Масленников относит разгром большинства поселений в Восточном Крыму к 267 г. н. э[9]. Основанием для этого служат находки наиболее поздних экземпляров монет. Однако, известно, что с 268 по 274 гг. н. э. на Боспоре была прекращена чеканка статеров. Отсюда следует, что 267 г. не может быть однозначно определён, как время попадания монет на то или другое поселение. Более того, известен Тиритакский клад 1937 года, который охватывает период с 234 по 276 гг. н. э[10]. Ближе к концу III в. н. э. определяется и время разрушения античного Мирмекия[11]. Таким образом, именно последняя четверть III в. н. э. является наиболее вероятной нижней границей рассматриваемого хронологического периода.

Верхняя хронологическая граница менее очевидна, хотя, скорее всего, можно говорить, что таковой следует считать захват гуннами Крымской степи и разрушение Феодосии[12]. После этого какие-либо столкновения между Херсонесом и Боспором стали просто невозможны.

Итак, анализ археологических данных в целом исключает возможность отнесения какого-либо эпизода ко времени ранее последней четверти III в. н. э. Поэтому, на наш взгляд, то, что Л.Г. Грацианская допускает в качестве «весьма маловероятной возможности», а именно, обратный процесс, в ходе которого «Константин Багрянородный берёт за основу 53-й главы DAI некие херсонесские хроники времён Диоклетиана – Константина Хлора – Константина Великого, убирает из них синхронную херсонесскую и боспорскую ономастику, а потом почему-то раскрашивает текст ономастикой из херсонесских же хроник, но конца II – третьей четверти III в. н. э. и боспорской ономастикой («Савроматы») этого же времени»[13], очень даже возможен. Впрочем, в отношении боспорской ономастики вероятно и другое объяснение, если первого из боспорских правителей, участвовавших в конфликте с Херсонесом, действительно звали Савромат.

Таким Савроматом мог быть Савромат IV, время правления которого (275 - 276 гг. н.э.) вполне вписывается в логику событий. С этим в принципе

согласна и Л.Г. Грацианская, связывая первый сюжет хроник с возможным реальным участием Савромата IV в походе в Лазику и Понтику летом 275-276 гг. н. э[14]. Разрушения на хоре Европейского Боспора и, в частности на городище «Белинское», в этом случае связаны именно с этим походом. В дальнейшем «Савромат», скорее всего, уже не означал личного имени правителя, но связывал ту линию на боспорском престоле, которая была враждебна Риму и Херсонесу.

Третий и четвёртый эпизоды херсонесских хроник отделены от первого событиями Дунайского похода варваров Меотиды. Обратим внимание на то, что в хрониках выступление второго Савромата отделено от этого похода неким промежутком времени («через некоторое время после того, как это случилось…»). Насколько этот промежуток был длительным? А главное, какая компания против сармат нашла отражение в хрониках?

Материалы раскопок городища «Белинское» свидетельствуют, что с конца 80-х гг. н.э. в правлении Фофорса здесь ведутся интенсивные строительные работы. Причём характер этих работ однозначно указывает на резкое усиление оборонительных функций[15]. Новая фортификационная система, вероятно, явилась следствием разгрома 275-276 гг. н.э. и предполагала усиление противотаранных функций по периметру оборонительной стены, а также переоборудование башен под бастион с целью использования метательных орудий. Обратим внимание на то, что данная тенденция была характерна в это времени не только для городища «Белинское», но и для других поселений Европейского Боспора, например, Китея[16]. Что касается городища «Белинское», то, по крайней мере, до конца первой четверти IV в. н. э. мы наблюдаем его интенсивное развитие, вряд ли свидетельствующее о серьезных проблемах на внешнеполитическом фронте.

Ситуация кардинально меняется на рубеже первой и второй четверти IV в. н.э. В комплексе амфор «Делакеу» из заполнения одной из ям, стратиграфически связанной со временем разрушения, в восточной части городища в 2013 г. был обнаружен статер Рескупорида VI, датируемый 324–325 гг. н.э. Следующая по времени выпуска монета этого правителя, датируемая 326 г. н.э., происходит из слоя, перекрывающего строительные остатки периода разрушения. Таким образом, можно предположить, что какие-то, явно неблагоприятные для Боспора события имели место в самом конце первой четверти IV в. н.э. Однако, с третьим ли эпизодом связаны эти события? Ведь сражение, о котором речь идёт в третьем эпизоде произошло к западу от городища и, учитывая условия последовавшего за сражением договора, скреплённого клятвой, никак не могло отразиться на его состоянии. А вот события четвёртого эпизода, судя по всему катастрофические для боспорян, затронуть ближайшее к местности Кафа поселение могли. Попробуем разобраться с этой проблемой.

Последняя эмиссия монет царя Радамсада относится к 322 г. н.э., т.е. ко времени варварского похода на Дунайские провинции Рима. Это обстоятельство легло в основу отождествления варварского предводителя Равсимода с боспорским Радамсадом. Но в этом случае последний никак не мог принять участие в событиях третьего эпизода хроник, если этот эпизод идентичен версии Зосима, согласно которой Равсимод был убит (Zosim, 11, 21). С другой стороны в сообщении Зосима нет и намёка на участие Херсонеса в сражении. Тогда, возможно, речь во втором эпизоде действительно идёт о другом событии, никак не связанном с повествованием Зосима? Л.Г. Грацианская не исключает такую версию, отмечая в качестве вариантов сарматские компании Лициния 310 или 318 гг. н. э[17].

В 310 г. Радамсад был единоличным правителем Боспора. Если допустить, что в третьем эпизоде участником событий был он, то резонно спросить, кто же тогда выступает под именем «другого Савромата» в четвёртом эпизоде, коль скоро этот эпизод явно следует связать с ситуацией на городище «Белинское» в конце первой четверти IV в. н. э.? Рескупорид VI на эту роль явно не подходит. Он продолжал царствовать и в дальнейшем. Тогда Равсимод, но это противоречит с третьим эпизодом. Остаётся предположить, что под именем второго Савромата выступает Рескупорид VI, а наиболее вероятным событием второго эпизода следует признать компанию 318 года. В этом случае логика событий будет соблюдена.

Рескупорид VI вступает на престол в 314 году. Будучи внуком Савромата IV, он предпринимает попытку взять реванш за поражение деда, проигрывает битву и уходит восвояси. Через некоторое время «лругой Савромат», т.е. соправитель Рескупорида VI Радамсад, повторяет попытку и погибает. Границы устанавливаются в районе Киверника (Киммерика). Отметим, что именно этим временем датируется и возведение комплекса крепости на горе Опук[18]. Что касается городища «Белинское», то жизнь здесь продолжается, по крайней мере, до конца первой четверти V в. н. э. Однако, прежнюю роль оно уже не играет, превратившись в обычное неукреплённое поселение. Меняется и состав жителей. Исчезают захоронения в вырубных склепах сарматского типа, появляются погребения в зольниках на городище, меняется хозяйственный уклад. И. возможно, утверждение в конце четвёртого эпизода, о том, что «с тех пор, впрочем, царство савроматов в Боспоре было уничтожено», является констатацией того факта, что влияние прежней группы сармат на политический курс Боспора было подорвано и уже никогда не возродилось вновь.

Примечания:

** Работа выполнена в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища «Аджиэль» и городища «Белинское»)» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799).*

1. Зубарев В.Г. Из истории Боспорского царства во второй половине III - начале Vвв. н.э.// БИ. 2006. Вып. XI, С. 189-190

2. Грацианская Л.И. К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного // GAUDEAMUS IGITUR. Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова. 2010. С. 128-137.

3. Там же. С. 131.

4. Там же. С. 137.

5. Там же С. 129

6. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М. 2005. С.284.

7. Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища «Белинское» во II – первой половине V вв. н. э // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 251-255.

8. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. 1997. Часть I. М. С. 67.

9. Масленников А.А. Системный кризис III в. н. э. на Боспоре и крах античного военного искусства // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков. 2004. С.58.

10. Фролова Н.А. Указ.. соч. С. 175.

11. Бутягин А.М. К вопросу о времени разрушения античного Мирмекия // Проблемы истории и археологии Украины. 2004. Харьков. С. 59.

12. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. 1999. Симферополь. С. 73, 77.

13. Грацианская Л.И. Указ. соч. С. 136-137.

14. Грацианская Л.И. Указ. соч. С. 135.
15. Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Указ. соч. С.255-256.
16. Молев Е.А. Система обороны Китея // БИ. Вып. II. 2002. Симферополь. С.304.
17. Грацианская Л.И. Указ. соч. С. 131.
18. Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. 2007. Симферополь. С. 107-112, 125.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА БОСПОРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI – VIII ВВ.

Ю.М. Могаричев
Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования, г. Симферополь
С.Б. Сорочан
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина)

Проблема административно-территориального устройства Боспора во второй половине VI-VIII вв. во многом остается неразработанной. Традиционно считается, что административный центр византийских владений здесь располагался в бывшей столице государства – Пантикапее, получившем на заре средневековья название Боспор (Воспор). Однако, данные источников, на наш взгляд, позволяют скорректировать эту устоявшуюся гипотезу. Согласно строительной надписи 590 г., обнаруженной в Тамани в 1803 г., после ухода тюрок византийскими территориями здесь управлял дука Херсона Евпатерий, который по поручению императора Маврикия «на Боспоре великолепное кесарское здание возобновил». Очевидно, что имперские владения на Европейском и Азиатском Боспоре вошли в состав дуката с центром в Херсоне. При этом Боспором византийцы в конце VI в. именовали не только бывший Пантикапей, но и свои земли на обоих берегах Керченского пролива. Увековечивание надписью «возобновления кесариона» подчеркивает важность данного события, которое вполне могло быть связано с обустройством имперских структур на Таманском полуострове, скорее всего, в Горгиппии (Таматархе) или Фанагории - единственных крупных центрах, уцелевших после тюркской экспансии. В очень близкое время византийцы основывают крепость в Сугдее, на крайних границах бывшего Боспорского царства. Скорее всего, ранние археологические комплексы здесь могут быть отнесены здесь ко второй половине VI - первой половине VII в. и второй половине VII в. Подтверждают это и данные так называемого судакского архива печатей (на данный момент выявлено не менее 500-600 экземпляров). Моливдулы датируются второй половиной VI – первой половиной XII вв. В соответствии с сообщениями Феофана Исповедника и Патриарха Никифора, повествующими о бегстве свергнутого императора Юстиниан II к хазарам и его пребывании в Фанагории, там можно констатировать нахождение двух хазарских чиновников, причем один из них имел должность «архонта Скифского Боспора» и не был хазарином. Представляется маловероятным, что местом их дисклокации был другой город. По крайней мере, в источниках об этом нет и намека. Отметим, у Никифора при описании событий 711 г. так же фигурирует архонтия Боспор, которая стоит в едином смысловом блоке с Херсоном и другими территориями, подчиненными Византии. Если наша трактовка надписи 590 г. верна, это, скорее всего, не бывший Пантикапей, а византийские владения на территории Европейского и Азиатского Боспора. Таким образом, источники позволяют предполагать изменение административ-

но-территориального устройства Боспора в конце VI в. Избавившись от тюркской угрозы, византийская администрация Крыма, вероятно, несколько корректирует свою систему управления территорией основательно потрепанного бывшего Боспорского царства. В Крыму место разрушенного тюрками города Боспор занимает новая крепость Сугдея. Управление же землями на Азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова, из отстраивавшихся Горгипии или Фанагории. Этим можно объяснить восстановление здесь дукой Евпатерием именно «кесарского здания». Хазары, укрепившись на восточной стороне Керченского пролива, местом расположения своих наместников тоже избрали Фанагорию. Когда город Боспор вновь стал административным центром? Скорее всего, вернуться к городу Боспору как административному центру византийцы были вынуждены не первой половины VIII столетия. Появление на Керченском полуострове переселенцев с территории Хазарского каганата, основавших под контролем Византии порядка 250 новых поселений тем более требовало нахождения здесь административного центра.

Ключевые слова: Византия, Боспор, Крым, Херсон, Керченский полуостров, Хазарский каганат.

ON THE EVOLITON OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE BOSPORUS AT THE SECOND HALF OF 6-8 CENTURIES

Y.M. Mogarichev
Crimean In–Service Teacher Training Institute
S.B. Sorochan
V.N. Karazin Kharkiv National University (Ukraine)

The problem of Bosporus administrative-territorial structure at the second half of 6-8 cent. remains largely undeveloped. It is generally believed that administrative center of the Byzantine possessions here was located in the former capital of the state - Panticapaeum, which at the dawn Middle Ages received the name of the Bosporus (Vosporus). However, the sources data allow to correct this well-established hypothesis. According to the building inscription of 590 year which was found in Taman in 1803, after Turk's leaving the Byzantine territories here were ruled by Cherson Doukas Evpatery, who ordered by Emperor Mauricius «resumed in the Bosporus Caesars' magnificent building». It is obvious that the imperial possessions in the European and Asian Bosporus became a part of Dukatos with the center in Cherson. At the same time Byzantines at the end of the sixth cent. called Bosporus not only a former Panticapeum, but also their lands on both banks of the Kerch Strait. The perpetuation of the phrase «resumption of Caesarion» emphasizes the importance of this event, which might well be due to the arrangement of imperial structures on the Taman Peninsula, most likely in Hermonassa (Tamatarha) or Phanagoria the only major centers survived after Turkic expansion. At a very close time Byzantines founded a fortress in Sougdea, at the borders of the former Bosporus kingdom. Probably the earliest archaeological complexes here can be attributed to the second half of the 6-8 centuries. Also the data and the so-called Sudak seals archive confirm this. According to the information of Theophanes the Confessor and Patriarch Nicephorus, who were narrating about the escape of deposed Emperor Justinian II to the Khazars and his stay in Phanagoria, can be stated a presence there of two Khazar officials, one of whom had a position of «archon of Bosporus Scythian» and was not a Khazar. It seems unlikely that the place of of their dislocation was another city. At least there is not even a hint at this in the sources. It should be noted that also in the Nicephorus description of events 711 year there is Archon Bosporus in the same semantic unit with Cherson and other areas, subordinated to Byzantium. If the proposed interpretation of the inscription 590th year is correct, it is likely not a Panticapeum but Byzantine possessions in the European and Asian Bosporus. Thus, the sources allow to assume the change of Bosporus administrative-territorial structure at the end of the sixth cent. Freed from the Turkic threat,

Byzantine administration of the Crimea probably corrected a little its control system of fundamentally ravaged territory of the former Bosporus Kingdom. In Crimea, a new fortress Sugdeya began to occupy the position of the Bosporus city destroyed by Turks. Management of lands in the Asian Bosporus was carried out from the Taman Peninsula, from rebuilding Germonassa or Phanagoria. This may explain the «Caesars' building» recovery here by dukas Evpaterius. The Khazars, entrenched on the eastern side of Kerch Strait, the location of their deputies also elected Phanagoria. The Byzantines were forced to return to the Bosporus city as the administrative center more likely at the first half of eighth century. The appearance on the Kerch Peninsula settlers from the territory of the Khazar Khaganate, who founded in hand of the Byzantine Empire about 250 new settlements, even more required the location here an administrative center.
Keywords: Byzantine, Bosporus, Crimea, Cherson, Kerch Peninsula, Khazar Khaganate.

Н.Н. Болгов получил заслуженное признание в научной среде, во многом, благодаря своим трудам по истории Боспора позднеантичного – раннесредневекового времени. Отдавая дань уважения юбиляру, мы предлагаем обратить внимание на один слабо изученный и спорный аспект указанной проблематики.

Большинство современных исследователей считают, что окончательно в состав Византийской империи Боспор попал при Юстиниане I в промежутке между 527 и 534 гг. В 576 г. его захватили и разграбили тюрки. В 581 г., после смерти кагана Арсилы, их государство распалось, вскоре тюрки были вынуждены уйти из Крыма и здесь восстанавливается византийская власть[1].

История Боспора конца VII–VIII вв. остается предметом острых споров. Основные проблемы, по которым разворачиваются дискуссии: время прихода сюда хазар; кто доминировал на Боспоре в «хазарский период» - хазары, Византия, или был установлен кондоминиум[2].

В этой связи обращает на себя внимание неразработанность проблемы административно-территориального устройства во второй половине VI–VIII вв. византийских владений на территории бывшего Боспорского царства, а именно, одного из ключевых вопросов - где в это время находился их центр? Традиционно считается, что он постоянно располагался в бывшей столице государства – Пантикапее, получившем на заре средневековья название Боспор (Воспор). Однако данные источников, на наш взгляд, позволяют подвергнуть сомнению эту устоявшуюся гипотезу.

В этом плане особенно показательна мраморная плита с барельефами и надписью 590 г., случайно обнаруженная П. И. Сумароковым в 1803 г. в Тамани. В.В. Латышев опубликовал такой ее перевод: «Сверх прочих великих и дивных деяний и сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М[авр]икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука Херсонского. Индикта 8-го». Данный эпиграфический источник, вероятнее всего, отражал события, связанные с освобождением Боспора от тюрок[3]. Очевидно, выражением «собственный (истинный, природный, настоящий) раб» Евпатерий стремился подчеркнуть свою особую преданность и покорность императору, какую стало принято выражать византийским чиновникам перед лицом государя (despotes, dominus)[4]. Показной, триумфальный характер надписи подчеркивали барельефные изображения двух Ник с венками и пальмовыми ветвями, которые в VI в. окончательно трансформировались в христианских ангелов и одновременно персонажи, прославляющие победы государя[5].

Б. В. Кёне приписывал Евпатерию военное освобождение Боспора и других мест, до этого занятых в Крыму и Приазовье тюрками[6]. Однако отметим, что последние покинули эти территории в результате успехов не византийского оружия, а дипломатов, добившихся заключения мира в 589 / 590 г., а также под влиянием собственных внутренних неурядиц. Некоторая кратковременная стабильность в Тюркском каганате наступила не ранее 598-600 гг. Об этом сообщило посольство хагана, прибывшее в Константинополь (Феофилакт Симокатта. История. VII. 7, 7-9). Поэтому, надо полагать, подчеркивание «подвигов» носило в 590 г., скорее, идеологический характер, в духе обычной ромейской политической пропаганды.

Несомненно, что речь шла именно о строительстве «кесарского» - имперского здания, возможно, дворца или претория, а не о восстановлении некоего храма, культовой постройки, как иногда полагают. Конечно, кесарионами называли римские храмы императорского культа[7]. Однако, применительно к христианской эпохе такое было немыслимо. По мнению А. И. Айбабина, подобным образом мог быть назван керченский базиликальный комплекс VI в. с мраморными полами и архитектурными деталями, возможно, с крещальной купелью – резервуаром примерно 1 х 1 м, отстроенный боспорцами в районе церкви Иоанна Предтечи[8]. Однако исследование сочетания циклов обнаруженной в слое керамики позволяет заключить, что эта общественная постройка возникла в конце второй четверти VI в. и просуществовала до конца VI - начала VII вв., то есть как раз до того времени, когда стараниями дуки Евпатерия был возобновлен «кесарион»[9]. Надо также учесть, что такого рода сооружения, если даже они не имели баптистерия, были связаны с литургической практикой, отвечали интересам Церкви и это обстоятельство, - обстоятельство особой святости, а не пышности, славности (to lampron) постройки, - не могло не оказаться отмеченным в строительной надписи на ней, чего нет. В любом случае, подразумевалось восстановление конкретного «царского здания», не исключено – резиденции дуки, а не в переносном значении - византийского правления[10].

Жители как Европейского, так и Азиатского Боспора не позднее 30-х гг. VI в. были подчинены имперским «военачальникам», среди которых, судя по данным нарративных и эпиграфических источников, был трибун, возглавлявший имперский экспедиционный отряд войск, в который, по данным Иоанна Малалы, входили «италийцы, называемые испанцами»[11]. Таким образом, формально ромейское правление не прекращалось на Боспоре со времен если не императора Юстина I (518-527 гг.), то (что более вероятно) начала правления Юстиниана I (527-565 гг.), за исключением непродолжительных моментов, когда Боспор оказывался в руках гуннов или тюркютов. Но ромеи не прbдавали значения таким случайным, непродолжительным превратностям судьбы, смотря на здешние крымские и таманские земли как на законное и потому неотчуждаемое наследие, которое они пока еще не собирались делить с «варварами». Недаром Иоанн Малала подчеркивал, что после событий, связанных с убийством гунского вождя Грода в Боспоре-Патикапее и входа в город проконсула Иоанна с готским войском (meta boetheias Gotthiaes), кораблей с экзархом и солдат стратига Вадуария, «мир был восстановлен в Боспоре, населенном ромеями» (kai gegonen en eirene e Bosporos, ypo Romaion oikoumene)[12]. О том, что власть империи не ограничивалась западной стороной Боспора Киммерийского, но простиралась и на Таманский полуостров, убедительно свидетельствуют остатки Ильичевской крепости эпохи Юстиниа-

на I, где размещался ромейский гарнизон[13], а также известняковая строительная надпись с рельефным крестом и указанием индикта, относящегося к 533, 548 или 563 году[14]. В ней упоминался автократор август Юстиниан, его комит (?) и трибун[15]. Надпись была найдена в конце XIX в. и происходила из «Суворовской крепости близ Тамани»[16].

Согласно упомянутому эпиграфическому источнику 590 г., очевидно, что имперские территории на Европейском и Азиатском Боспоре тогда входили уже в состав дуката с центром в Херсоне. При этом институт дуки уверенно фиксируется в Крыму со времен Юстина II, если не раньше, и сохранялся в первой половине VII в.[17]. Вместе с тем нет абсолютно никаких свидетельств в пользу того, что указанная надпись принадлежит именно Пантикапею - Боспору, то есть была выломана в Керчи и переправлена на Таманский полуостров. Это не более чем умозрительные предположения позднейших исследователей, исходивших из посыла, что наиболее выдающиеся случайные находки должны быть автоматически привязаны к столице края – городу Пантикапею - Боспору. В. В. Латышев, признавая происхождение таких находок именно с Таманского полуострова, Гермонассы, Фанагории, тем не менее отмечал, что нельзя исключать и предположения о возможности их перевозки «...с керченского берега если иметь в виду бывшую при постройке крепости (Суворовым в Тамани – Авт.) настоятельную надобность в строительном материале и удобство морского сообщения между берегами Керченского пролива»[18]. Со временем это мнение превратилось в историографический штамп и стало восприниматься безоговорочно, хотя шансы и у той, и у другой возможности, по меньшей мере, равновелики. Между тем сам первооткрыватель надписи 590 г., нашедший ее в «заросших буграх» Таманской земляной крепости, то есть на остатках античной Гермонассы – раннесредневековой Таматархи, полагал, что «сей камень, уверяя содержанием своим о бывшем великом здании, подкрепляет мысль о существовании важного здесь города»[19]. Его мнение разделял профессиональный археолог и византинист Ю. А. Кулаковский, отмечавший: «Нам кажется весьма вероятным предположение, что Евпатерий действовал на Боспоре, и при том на азиатском его берегу»[20]. К слову, он полагал, что обстоятельства находки позволяют относить принадлежность строительной надписи с упоминанием императора Юстиниана либо к Фанагории, либо к Гермонассе[21].

При интерпретации надписи 590 г. важно рассмотреть вопрос, что именно византийцы в раннесредневековый период именовали Боспором.

Прокопий Кесарийский в сочинении «Война с персами» (I. 12) сообщает: «(6) Василевс Юстин ... отправил племянника прежнего василевса, Анастасия, патрикия Прова с большими деньгами в Боспор, чтобы, склонив дарами войско гуннов, послать их на помощь в качестве союзников ивирам. (7) Боспор - город приморский; кто вплывает в так называемый Понт Эвксинский, для того он находится налево, а от Херсона, самого отдаленного города римской земли, он находится на расстоянии двадцати дней пути. Расположенные между Херсоном и Боспором местности заняты гуннами. (8). Жители Боспора издревле жили независимо, но недавно они отдали себя под власть василевса Юстина»[22]. В другой работе этого автора – «Война с готами» (IV.5) можно прочитать: «(26) ... За этими племенами (гуннами, скифами, таврами – Авт.) расположен приморский город по имени Боспор, не так давно ставший (27) подчиненным римлянам. Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в

приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю область между (28) ними занимают варвары из племени гуннов» [23]. Особо отметим, что Кепы и Фанагурис (Фанагорию) на Таманском полуострове данный автор помещал рядом с Херсоном, то есть относил их к одной земле с Боспором. И наконец, в трактате «О постройках» (III. 7) присутствует следующий пассаж: «10. Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу <Эвксинского Понта> за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими. ... 12. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян»[24].

Феофан Исповедник в «Хронографии» под 527/528 гг. отмечает: «...пришел к императору царь гуннов, [живущих] поблизости от Босфора, по имени Горда, стал христианином и был просветлен. Император принял его и, дав ему много даров, отослал в его страну охранять ромейское государство и город Босфор. ... они (гунны, противники Горда – Авт.) внезапно подступили к городу Босфору, убили трибуна Далмация и стратиотов»[25].

Патриарх Никифор в «Бревиарии», повествуя о бегстве Юстиниана II из Фанагории, сообщает: «архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее ... таким же образом он (Юстиниан – Авт.) убивает и архонта Боспора». Далее, уже вернув себе императорский трон, Юстиниан «поставил некоего патрикия Стефана, по прозвищу Асмикт, и послал его с приказом истребить мечом весь народ в Херсоне, Босфоре и других архонтствах». Затем «архонты же тех областей (подразумевается и Боспор – Авт.), ... направили послов к хазарам, чтобы они прислали войско для их охраны и спасли тех из них, кто остался в живых»[26].

Монах Епифаний, путешествия по местам апостольской проповеди Андрея Первозванного между 815 и 820 гг., указывает: «Оттуда он (Андрей – Авт.) пришел в Боспор, город на том берегу Понта»[27].

В Житии Феодора Студита (Vita B) в сюжете о прелюбодеянии Константина VI упоминаются «царь Лонгобардский, царь Готфский и наместник Воспорский» и «жившие в странах области Херсонской и Воспорской епископы и пресвитеры»[28].

Неизвестный инок Психаитской обители, составивший после 843 г. Житие Иоанна Психаита[29], сосланного в Херсон при Льве Армянине (813-820 гг.), повествует, что в город, «расположенный по пути к Боспору» (diathemenos epi Chersona ten polin chorei ten parakeimenen te Bosporo), стекались «народы, жившие около (попутно) Боспора» (ton parakeimenon ethnon te Bosporo)[30].

Несколько раз упоминает территорию Боспор и Константин Багрянородный. «Пачинакия занимает всю землю [до] Росии, Боспора, Херсона, Сарата, Бурата и тридцати краев». «От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние - 300 миль. За Боспором находится устье Меотидского озера». «Самый же залив Меотиды тянется в направлении к Некропилам, находящимся близ реки Днепр, мили на четыре, и сливается [с ними] там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив [таким образом] находящуюся внутри всю землю Херсона и Климатов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше. Из-за множества истекших лет этот канал, засыпался и превратился в густой лес, и имеются через

него лишь два пути, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам». «Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха»[31].

Таким образом, как показывает обзор источников, Боспором в VI–X вв. византийцы именовали как бывший Пантикапей, так и свои владения на обоих берегах Керченского пролива, то есть земли как Европейского, так и Азиатского Боспора, часто не разделяя эти понятия[32]. При этом упоминания Боспора, равно как и Херсона, часто использовались в качестве ориентиров для восточных и западных границ местных климата[33].

Кроме того, топоним «Боспор» имел и третье, церковное, значение. В раннем средневековье в Восточном Крыму функционировала Боспорская епархия, известная как по Notitiae episcopatuum[34] и легендам на моливдовулах[35], так и по письмам Константинопольских патриархов[36]. Причем, не приходится сомневаться, что границы епархии, равно как и другой раннесредневековой крымской церковной административно-территориальной единицы – Херсонской епархии[37] распространялись далеко за пределы крепостных стен этих городов. Боспорская епархия фиксируется источниками не позднее IV в. и, скорее всего, ее прихожанами было христианское население территории Боспорского царства. В начале VI в. отдельная епископская кафедра (наряду с Боспорской) фиксируется и в Фанагории. Однако, вероятно, после окончательного включения Азиатского Боспора в состав империи, она были ликвидирована. Во второй половине VII в. Нотиции фиксируют функционирование Зихийской епархии с церковными центрами в Херсоне, Боспоре и Никопсисе. Можно предполагать, что христианское населения на восточной стороне Керченского пролива тогда подчинялось епископу Боспора. Восстановление же отдельной христианской церковно-административной единицы источники отмечают там не ранее конца IX – начала X вв. Но ее центр находился уже не в Фанагории, а в Таматархе[38].

Увековечивание надписью «возобновления кесариона», то есть некоего имперского, административного здания, подчеркивает важность данного события, которое вполне могло быть связано с обустройством византийских властей именно на Таманском полуострове, скорее всего, в Гермонассе (Таматархе) или соседней с ней Фанагории, потому что это были единственные крупные боспорские центры, куда лучше, в отличие от Боспора-Пантикапея, уцелевшие после тюркской экспансии.

Кроме того, в очень близкое время византийцы основывают крепость в Сугдее, на крайних западных границах бывшего Боспорского царства. Конечно, на данный момент надежная хронология ранних археологических комплексов здесь пока не может быть установлена. Однако, скорее всего, они могут быть отнесены ко второй половине VI - первой половине VII вв. и второй половине VII в.[39]. Подтверждают это и данные так называемого судакского архива печатей. В настоящее время общая численность печатей этого городского архива составляет не менее 500-600 экземпляров. Моливдулы датируются второй половиной VI - первой половиной XII вв[40]. Для второй половины VI – начала VIII вв. их немного, - меньше, чем в византийском Херсоне, где для этого периода известно около 25 печатей (среди них печати императоров Тиверия, Маврикия, Фоки, Ираклия, патрикиев, архонтов, царских спафариев, ипатов, нотариев, коммеркиариев)[41]. В Сугдее же их число достигает 12 экземпляров из указанного выше общего количества и они, главным образом, частные или коммер-

киариев[42]. Впрочем, количество моливдулов этого времени в Крыму и Приазовье вообще не многочисленно. В городе Боспоре и его ближайших окрестностях выявлено всего не более десятка моливдулов[43]. При этом к VI в. относится лишь одна личная печать Максима[44] . Кроме того, в Херсоне найдена печать епископа Боспора Петра Пистика VI-VII вв., причем без гарантии, что его епископская кафедра располагалась именно в городе Боспоре[45]. На этом фоне Боспору ничем не уступает, а по сути, превосходит Гермонасса - Таматарха, где известно два моливдула VI-VII вв. из общего количества 96 печатей (личная печать Григория VI в. и печать Евфимия VII вв.)[46]. Конечно, разница может быть объяснима и тем, что в Херсоне и Сугдее, в отличие от других византийских городов Крыма и Приазовья, выявлены городские архивы моливдулов. Но, в любом случае, мизерное количество печатей, как считается, в главном административном центре Боспора не может не обратить на себя внимание и, по меньшей мере, косвенно подтверждает наше предположение в отношении более высокого статуса как Сугдеи, так и Гермонассы в VI-VII вв.

В соответствии с сообщениями Феофана Исповедника и Патриарха Никифора, Юстиниан II после бегства к хазарам женился на сестре хагана и жил в Фанагории. Однако хаган поддался уговорам Тиверия III Апсимара выдать экс василевса живым или мертвым. По Феофану: «Хаган … приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только дадут им знать. Но, как через слугу хагана об этом была извещена Феодора, (все) стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; так же (Юстиниан поступил) и с архонтом Валгицем». По Никифору: «Архонту из единоплеменников, жившему при Юстиниане, а также архонту Скифского Боспора хаган приказывает выжидать, пока он не поручит им убить Юстиниана как можно быстрее. Но об этом извещает Феодору один из слуг ее отца, а она донесла о заговоре мужу. Тогда Юстиниан, призвал того местного хазарина (к себе) и уединившись с ним, задушил его петлей; таким же образом он убивает и архонта Боспора»[47]. Следовательно, можно вполне определенно констатировать нахождение в Фанагории начала VIII в. двух хазарских чиновников, причем один из них имел должность «архонта Скифского Боспора» и не был хазарином. Представляется маловероятным, что местом их дислокации был другой город, а не Фанагория. По крайней мере, в источниках об этом нет и намека: события развивались настолько стремительно, что у Юстиниана не было ни малейшей возможности доставить в Фанагорию из достаточно отдаленного города Боспора этого архонта - не хазарина. Напомним, у Никифора при описании событий 711 г. так же фигурирует архонтия Боспор, которая стоит в едином смысловом блоке с Херсоном и другими территориями, подчиненными Византии[48]. Во всяком случае «босфориан» он перечислял наряду с «херсонитами» и «остальными климата» (архонствами).

Таким образом, источники позволяют предполагать изменение административно-территориального устройства Боспора в конце VI в. Избавившись от тюркской угрозы, византийская администрация Крыма, возможно, несколько корректирует свою систему управления территорией основательно потрепанного, опустевшего бывшего Боспорского царства. В Юго-Восточном Крыму место разрушенного тюрками города Боспор, занимает новая крепость Сугдея, обладавшая удобными морскими связями как с западной, так и с восточной частью Крыма. По крайней мере, обнаруженные здесь печати византийских чиновников таможенной и налоговой служб, ипатов и отставных ипа-

тов, эпархов, табуллариев, хартулариев, позволяют предполагать, что уже вскоре после своего основания она стала не просто береговым укреплением и временной стоянкой для судов, но и неким важным центром. Отметим, что уже с середины VIII в. здесь располагалась резиденция главы одноименной епархии[49]. Не случайно, количество византийских золотых монет, обнаруженных за последние 20 лет в Судаке, в два раза превосходит все известные находки подобных монет в Крыму[50]. Управление же землями на Азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова, из отстраивавшихся Гермонассы или Фанагории. Этим можно объяснить восстановление здесь дукой Евпатерием именно «кесарского здания». Ведь не случайно хазары, обосновавшись на восточной стороне Керченского пролива, местом расположения своих наместников тоже избрали Фанагорию.

Когда город Боспор вновь стал ведущим административным центром Восточного Крыма? Отметим, что В. Е. Науменко, а вслед за ним и Н. Н. Болгов, предполагают, что во второй половине VIII в. центр Боспорской епископии был на короткое время перенесен в Сугдею. Основанием для такого предположение послужило отсутствие среди участников VII Вселенского собора в Никее (787 г.) представителя Боспора[51]. Уже в начале IX в. Епифаний Монах отмечает Боспор как место дислокации епископа Колимвадия и некого «ипопсифия» Георгия. Являлся ли Георгий местным светским правителем или кандидатом в епископы[52] – предмет дискуссий, но центр епархии, несомненно, вновь был здесь. Скорее всего, вернуться к городу Боспору не только как к церковному, но и полноценному административному центру византийцы были вынуждены, когда хазары окончательно закрепились на Азиатском Боспоре, то есть не позднее первой половины VIII столетия. Появление на Керченском полуострове переселенцев с территории Хазарского каганата, основавших под контролем Византии порядка 250 новых поселений[53], тем более стало настоятельно требовать нахождения здесь административного центра. Это же объясняет, почему именно тогда была создана отдельная от Боспора Сугдейская епархия.

Мы понимаем, что нашу доказательную базу было бы полезно усилить анализом археологического материала из поселений Европейского и Азиатского Боспора. Однако, как показывает изучение стратиграфии культурных напластований по имеющейся на данный момент отчетной археологической документации, надежных археологических контекстов города Боспора конца VI в. практически нет. Аналогичная ситуация и в Таматархе. В Фанагории выделяются слои до третьей четверти VI в., далее - слой, который датируется началом VII – серединой IX в., но при внимательном изучении выявляется, что это мог быть и слой второй половины VIII - первой половины IX в. Таким образом, надежные контексты 580 г. - первой половины VII в. в боспорских городах отсутствуют[54].

Примечания:

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 94-95, 133-142; Айбабин А. И. Крым в VI–VII вв. (под властью Византийской империи). Боспор // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология. М., 2003, С. 27-30; Болгов Н. Н. Боспор Византийский: очерки истории // Проблемы истории, филологии, культуры. М. - Магнитогорск, 1998. Вып. 6. С. 116, 118; Могаричев Ю. М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в): история, религия, культура. Симферополь, 2014. С. 10-11; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007. С. 19, 34; Сазанов А. В. Города и поселения Се-

верного Причерноморья раневизантийского времени: Автореф. дисс. ... докт ист. наук. М., 1999. С. 35-36; Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 382; Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина Х вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. Харьков, 2005. С. 146-149; Чхаидзе В. Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008. С. 256-260; Зінько О. В. Єтнічна історія Східного Криму (друга половина III – середина VII ст.) : Автореф. дис. ... канд.. іст. наук. Київ, 2009.С. 9-11 и др.).

2. Об историографии подр. см.: Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина Х вв.). Очерки истории и культуры. С. 279-345, 468-477; 2014; Сорочан С. Б. Размышления над критикой (К статье А. И. Айбабина О византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму) // Хазарский Альманах. Киев - Харьков, 2014. Вып. 12: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 39-41.

3. Перевод надписи: Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896. С. 105-109. См. также; Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // Византийский временник. 1894. № 1. Вып. 3-4. С. 662-672; Сазанов А. В, Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. (по данным письменных источников) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Труды Государственного Исторического музея. № 159. М., 2006, С. 124: Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012. С. 260-261. А.Ю. Виноградов предложил несколько иное прочтение: «Вдобавок к прочим великим и удивительным свершениям и этот славный Кесарион на Воспоре возобновил Маврикий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, посредством искреннего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дуки Херсона, в 8-й индикт» (Виноградов А. Ю. Ранневизантийская эпиграфика // Античное наследие Кубани. Т. II. М., 2010. С. 156).

4. Латышев В. В. ПONTIKA. СПб., 1909. С. 212 – 317.

5. Залесская В. Н. Образы небесных вестников на некоторых памятниках прикладного искусства Византии // Античная древность и средние века. Вып. 29. Екатеринбург, 1998. С. 245.

6. Кёне Б. Херсонес // Журнал Министерства народного просвещения. № 88. Вып. 11-12. СПб., 1855 (отд. оттиск). С. 44.

7. Ruggendorfer P. Zum Kaisareion von Alexandria // FREMDE ZEITEN. Festschrift für Jürgen Borchhardt zum sechzigsten Geburtstag am 25. Februar 1996 dargebracht von Kollegen, Schülern und Freunden, № 2. Wien, 1996. P. 213-223.

8. Айбабин А. И. Боспор в конце VI - VII вв. // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 5.

9. Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII - начале VIII вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 12. М. - Магнитогорск, 2002. С. 475-483.

10. А. Ю. Виноградов предполагает, что под термином «Кесарион» следует понимать город. То есть, такое имя в VI в. якобы носила античная Гермонасса (Ранневизантийская эпиграфика. С. 157). Однако убедительной доказательной базы в поддержку своей версии данный автор не представил. Его предположение выглядит еще менее аргументированным, если учесть, что название города в надписи Юстиниана I (см. далее) он читает именно как Гермонасса. Поэтому мы следуем традиционной интерпретации данного эпиграфического памятника, предложенной В. В. Латышевым.

11. См: Прокопий Кесарийский. Война с Персами, I. 12. 6-8, II. 3. 40; Ioannis Malalae Chronographia ex rec. L. Dindorfii. 1-2. Bonnae, 1831. P. 431 – 432; Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 51; Кулаковский Ю. А. К истории Боспора Киммерийскогов конце VI века (По поводу изъяснения надписи Евпатерия) // Визан-

тийский временник. № 3. Вып. 1. 1896. С. 5; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Материалы и исследования по археологии СССР. М, 1959. С. 34-35; Артамонов М.И. История хазар. СПб, 2001. С. 88; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 94-97; Храпунов Н. И. О взаимоотношениях Боспора и Византии при Юстиниане I // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 253-254.

12. Ioannis Malalae Chronographia. P. 433.

13. Николаева Э. Я. Боспор после гуннского нашествия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М, 1984. С. 14–16.

14. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С. 98–105; Виноградов А. Ю. К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // Херсонесский сборник. Вып. 11. Севастополь, 2001. С. 71; Виноградов А. Ю. Ранневизантийская эпиграфика. С. 153–155.

15. Перевод надписи по А. Ю. Виноградову: « [Этот ... в Гермонас]се форум (?) возобновлен отчасти в царствование Юстиниана, вечного августа и самодержца, стараниями... светлейшего комита этого города, при содействии Ангулы, светлейшего трибуна и подрядчика, в месяце мае, в 11 индикт» Данный автор приводит аргументы в пользу датировки надписи 548 г. (Ранневизантийская эпиграфика. С. 154).

16. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С. 98.

17. Подр. см.: Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 150-200; Сорочан С. Б. О дуках византийской Таврики и их моливдулах // Сугдейский сборник. Вып. 3. Киев - Судак, 2008. С. 200-216; Сорочан С. Б. Размышления над критикой. С. 334-338; Храпунов Н. И. К дискуссии о должности дуки Херсона // Византийский временник. № 70 (95). М., 2011. С. 37-50.

18. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С. 103.

19. Сумароков П. И. Досуги Крымского судьи. СПб, 1805. С. 127. Рис. 19.

20. Кулаковский Ю. А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI века. С. 12.

21. Кулаковский Ю. А. К объяснению надписи с именем императора Юстининана, найденной на Таманском полуострове // Византийский временник. № 2. 1895. С. 189-198.

22. Цит. по: Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Перевод А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 36

23 Цит. по: Прокопий из Кесареи. Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 388.

24. Цит по: Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. Перевод С. П. Кондратьева. М., 1996. С. 223-224.

25. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 51.

26· Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 163, 165.

27 Виноградов А.Ю. Греческие предания о св. апостоле Андрее. Т. 1. СПб., 2005. С. 311.

28. Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 1374, 1378.

29. Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period. // Iconoclasm. Birmingham, 1975. P. 117; Auzepy M.-F. Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Вып. 7. Симферополь, 2000. Р. 325 – 326.

30. La Vie grecque de S.Jean le Psichaite, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813-820) // Le Museon. Etudes philologiques, historiques et religieuses. Nouvelle Serie. V. 3. Louvain, 1902. P. 118 – 120; Лопарев Хр. М. Византийские жития святых VIII-IX веков // Византийский временник. Т. 18. СПб., (1911) 1913. 11-12.

31. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М, 1989. С. 173, 175.

32. Сазанов А. В, Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII в. (по данным письменных источников). С. 124.

33. Nesbitt J, Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. V. 1. Washington, 1991. P. 182.

34. Науменко В.Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII-IX вв. // Античная древность и средние века. Вып 34, Екатеринбург, 2003.

35. Алексеенко Н. А. Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Вып. 2. Севастополь - Краков, 2001.

36. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 118-119.

37. Иные крымские епархии – Готская, Сугдейская и Фульская основываются не ранее середины – второй половины VIII в. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 177 – 182; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В, Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009. С. 200 – 2007: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э., Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Т. 1. Харьков, 2012. С. 355 – 359.

38. Чхаидзе В. Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 291 – 295; Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М., 2012. С. 258 – 272.

39. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В, Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 125-134.

40. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. С. 310 - 326; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В, Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 133-134, 176.

41. Алексеенко Н. А. Моливдовул императора Маврикия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма: Симферополь, 1995. С. 159; Алексеенко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 5. Симферополь, 1996; Алексеенко Н. А. Моливдовулы адресантов Херсона VII - XI вв. (новые находки) // Древности. 1996. Харьков, 1997; Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997 - 1998. Харьков, 1999. С. 145-147: Алексеенко Н.А. Архонтия Херсона VIII - IX вв. по данным сфрагистики // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Вып. 9. Симферополь, 2002. С. 455-500; Панченко Б. А. Шесть моливдовулов из Парфенита // Известия императорской археологической комиссии. Вып. 18. СПб, 1906. С. 163; Соколова И. В. Византийские печати VI - первой половины IX в. из Херсонеса // Византийский временник. Т. 52. М., 1991. С. 202-208; Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым. Античная древность и средние века. Вып. 26. Барнаул, 1996. С. 193-194.

42. Подр. см: Степанова Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // Античная древность и средние века. Вып. 32. Екатеринбург, 2001. С. 97-108; Степанова Е. В. Печати из Судака (к вопросу об интерпретации) // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев - Судак, 2005. С. 537-545; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В, Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 177.

43. Степанова Е. В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Вып. 13. Симферополь. 2007. С. 369; Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Вып. 12. Т. 2. Симферополь, 2006; Алексеенко Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма // Античная древность и средние века. Вып. 40. Екатеринбург, 2011. С. 128.

44. Алексеенко Н.А. Новые находки византийских печатей на территории Крыма. С. 128.

45. Алексеенко Н. А. Моливдовулы боспорских епископов из Херсона // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. С. 131-132; Алексеенко Н. А. Печати церковных иерархов из Херсона // Notos. Т. 28/29. Krakow, 1999/2000. С. 99.

46. Чхаидзе В. Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 240 – 250; 2013, 41; Степанова Е. В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н. П. Лихачева. С. 369.

47. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 62-63, 163.

48. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. С. 164.

49. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В, Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. С. 206-207; Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 310-326.

50. Гурулева В. В. Золотые монеты Константина V (741-775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. Киев - Судак, 2004. С. 435

51. Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 25; Болгов Н. Н. Боспор Византийский: очерки истории // Проблемы истории, филологии, культуры. № 6. М. - Магнитогорск, 1998. С. 10.

52. Подр. см.: Виноградов А.Ю. Греческие предания о св. апостоле Андрее. С. 311-312.

53. Подр. см.: Могаричев Ю. М. О некоторых спорных вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // Херсонесский сборник. № 13. Севастополь, 2004: Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 140-143, Сорочан С.Б. Византийский Херсон. С. 326-345.

54. Сазанов А. В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // Советская археология. № 4. 1989; Сазанов А. В. Боспор у ранньовізантійский час // Археологія. № 2. Київ, 1991; Сазанов А. В. Хронология слоев средневековой Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 5. М.- Магнитогорск, 1998; Сазанов А. В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. // Древности Боспора. Вып. 3. М., 2000; Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII - начале VIII вв; Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К., Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». С. 39-79; Чхаидзе В. Н. Тамартаха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. С. 43-257; Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. С. 128-214. Авторы выражают благодарность А. В. Сазанову за подробную и профессиональную консультацию по данному вопросу.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ, РИМА, ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

СТРАТЕГИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 328 Г. ДО Н.Э.[1]

А.А. Клейменов
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

В статье рассматривается стратегия, реализованная Александром Македонским в рамках военной кампании 328 г. до н.э. Для подавления вспыхнувшего в Бактрии и Согдиане восстания македонский царь разделил свою армию на несколько автономных экспедиционных корпусов. Один из подобных отрядов, возглавляемый Кратером, сумел нанести поражение Спитамену в Бактрии. Полная победа Александра над лидером антимакедонских сил Средней Азии также стала следствием выбранной в 328 г. до н.э. стратегической линии.
Ключевые слова: Александр Македонский, стратегия, Спитамен, Бактрия, Согдиана.

ALEXANDER THE GREAT'S STRATEGY IN MILITARY CAMPAIGN OF THE 328 BC

A.A. Kleymeonov
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University

Alexander the Great's strategy in military campaign of the 328 BC is under consideration in the article. The Macedonian king divided his army to several self-contained divisions for crushing the Bactria and Sogdiana's rebellion. One of such troops leading by Craterus crushed Spitamen's army in Bactria. Alexander won a victory over the anti-macedonian forces in Central Asia thanks to his strategy of the 328 BC.
Keywords: Alexander the Great, strategy, Spitamenes, Bactria, Sogdiana.

Македонский царь Александр III, с древности именуемый Великим, является одним из самых известных военачальников в мировой истории. Тем не менее, ряд составляющих его полководческого искусства нуждается в более внимательном изучении. В частности, на страницах современных военно-исторических исследований мы гораздо чаще встречаем характеристику Александра как тактика, одержавшего громкие победы при Гранике, Иссе, Гавгамелах и Гидаспе. Стратегическое мастерство великого завоевателя становится предметом исследования значительно реже, что обусловлено спецификой источниковой базы. Как справедливо отметил А. Беллинджер, у нас есть данные о подготовке Александра к генеральным сражениям, но полностью отсутствует информация о планировании масштабных наступательных операций, которое, судя по успехам македонской армии, осуществлялось весьма основательно[2]. В большинстве случаев понять характер стратегических замыслов великого полководца можно лишь post factum, на основании данных о ходе кампаний и их итогах. Подобная ситуация возникает и при изучении среднеазиатского похода, ставшего, безусловно, серьезной проверкой стратегических и тактических талантов Александра Македонского, тяжелым испытанием, из которого молодой завоеватель вышел триумфатором.

Стратегическая обстановка, возникшая в Средней Азии накануне кампании 328 г. до н.э., была крайне сложной. И в Согдиане, и в Бактрии развер-

нулось антимакедонское движение. Его лидером являлся Спитамен, сумевший годом ранее уничтожить часть армии завоевателя в сражении на Политимете[3]. Как сообщает Арриан, Александр, проведя зиму 329–328 гг. до н.э. в Бактрии, получил донесение о том, что большое количество согдиан собрались в укреплениях и отказываются признать власть сатрапа, поставленного македонским царем (Anab., IV, 15, 7). В общих словах о восстании в Согдиане говорит и Курций Руф (VII, 10, 13). Масштабы антимакедонских выступлений в Согдиане были, судя по всему, весьма значительными. Оставленные там накануне зимовки три тысячи пехотинцев под командованием Певколая (Curt., VII, 10, 10) никак не могли повлиять на ситуацию. Сопротивление завоевателям началось и на территории Бактрии (Arr. Anab., IV, 16, 1). Изменить положение дел предстояло самому Александру и его лучшим полководцам.

Как сообщает Арриан, оставив в Бактрии Полиперхонта, Аттала, Горгия и Мелеагра для поддержания контроля над регионом и подавления уже начавшегося восстания (Anab., IV, 16, 1), македонский царь отправился к Оксу. Когда армия располагалась лагерем на берегу Окса, неподалеку от палатки царя забили два источника – водяной и масляный, что посчитали хорошим предзнаменованием (Anab., IV, 15, 7-8). О движении Александра из Бактрии к Оксу для окончательного уничтожения восстания и чудесном появлении источника воды в палатке царя рассказывает и Курций Руф (VII, 10, 13-14). Согласно Арриану, Александр, войдя в пределы Согдианы, разделил имеющееся у него в распоряжении войско на пять частей. Во главе первой части армии находился Гефестион, второй руководил Птолемей, сын Лага, телохранитель, третьей – Пердикка, четвертым отрядом командовали Кен и Артабаз. Во главе пятой части сам Александр двинулся к Маракандам, а остальные действовали по своему усмотрению, захватывая укрепления и принимая в подданство сдававшихся. Пройдя по большей части Согдианы, войско в полном составе прибыло в Мараканды (Arr. Anab., IV, 16, 1-3). Курций Руф так же сообщает о разделении войска на части для замирения Согдианы, однако говорит о трех отрядах, возглавляемых Гефестионом, Кеном и Александром, под началом которого были наиболее крупные силы (VIII, 1, 2). Представляется, что к истине ближе Арриан, использовавший данные Птолемея, принимавшего, в отличие от других авторов «первой волны», личное участие в тех событиях. У нас отсутствует информация о маршруте движения корпусов, достоверно известно лишь то, что соединились они в районе Мараканд. В специальной совместной статье Ф. Гренет и К. Рапин осуществили попытку определить маршрут движения каждой из пяти колонн македонской армии. Так, по их предположению, Александр двинулся прямым маршрутом к Маракандам, пройдя через «Железные ворота» Дербента. Гефестион действовал в районе реки Пяндж, Птолемей очистил долину Вахша, Пердикка – Кафирнигана, а Кен и Артабаз вели независимо друг от друга боевые операции в разветвленной долине Сурхандарьи[4]. Эта гипотеза была полностью поддержана Ф. Хольтом[5]. Представляется, что при всей своей кажущейся логичности данное предположение является чисто умозрительным и не имеет сколь-нибудь прочной опоры на источники, хотя зоны деятельности отрядов действительно должны были совпадать с долинами самых значимых рек региона, о чем писал еще Т.А. Додж[6]. Следует также отметить, что у нас нет никаких оснований считать, что Кен и Артабаз действовали независимо друг от друга ни в данном эпизоде, ни в последующих.

Говоря о составе каждой из частей армии, необходимо отметить, что трое из четырех упомянутых Аррианом командиров в последующих разделах

его сочинения названы гиппархами. Во всяком случае, при описании индийской кампании упоминаются гиппархии Гефестиона (Anab., V, 12, 2; 21, 5), Кена (Anab., V, 16, 3), Пердикки (Anab.,V, 12, 2; VI, 6, 4). Сложно точно установить, когда именно указанные командиры возглавили гиппархии, однако большинство современных исследователей считают, что произошло это не позднее 328 г. до н.э.[7] Как было справедливо отмечено А.К. Нефедкиным, введение гиппархий Александром было связано с тем, что ему необходимы были крупные соединения кавалерии, способные взаимодействовать с легкой конницей и пехотой в составе экспедиционных корпусов[8]. Новые черты армейской структуры была использована весной 328 г. до н.э. Как справедливо отмечает В. Хеккель, конница была главной ударной силой во время этой кампании[9]. Впрочем, считать действовавшие вместе с царем в Согдиане корпуса чисто кавалерийскими, как это делает Дж. О'Брайн[10], нет никаких оснований: сформированные автономно действующие отряды решали весьма широкий спектр задач от принятия в подданство покорившихся до штурма укреплений. Для последнего, конечно, была необходима пехота, однако значительная часть пеших подразделений была в тот момент времени в Бактрии. Как уже было отмечено, Александр, отправляясь в Согдиану, оставил в Бактрии Полиперхонта, Аттала, Горгия и Мелеагра. В предшествующее и последующее время Полиперхонт и Мелеагр были командирами таксисов фаланги. Аттал, видимо, как и спустя полгода, также командовал таксисом (Arr. Anab., IV, 22, 1). Вероятнее всего, это был полк, которым ранее командовал погибший при осаде неизвестного городка Аминта[11]. Из сочинения Арриана известно, что Горгий также командовал таксисом педзетайров в битве при Гидаспе (Anab., V, 12, 1). Полагают, что Горгий сменил Кратера на посту командира его таксиса[12]. Согласимся с теми исследователями, которые говорят о присутствии в Бактрии как минимум четырех подразделений фаланги[13].

Благодаря осуществлению весной 328 г. до н.э. комбинированного военного похода пяти экспедиционных корпусов, с неорганизованным сопротивлением македонской экспансии на пространстве от Окса до Мараканд было практически покончено. Впрочем, оставалась существенная проблема в лице Спитамена и его соратников. Решить ее Александр планировал с помощью отдельного экспедиционного корпуса. Известно, что после соединения войска в Маракандах Александр отправил Кена и Артабаза против скифов, у которых, согласно имеющимся донесениям, скрывался Спитамен. Сам же царь с остальной частью армии прошел по тем районам Согдианы, которые еще контролировали повстанцы, и без большого труда покорил их (Arr. Anab., IV, 16, 3). Экспедиционный корпус Кена выполнял особую, отдельную от остального войска задачу. Возможно, в его состав входили подвластные Артабазу согдийские и бактрийские воины[14], причем сам Артабаз, видимо, должен сыграть важную роль в ходе переговоров с местными жителями и подтолкнуть их к сотрудничеству с Александром[15]. Однако, заметим, что считать проведение переговоров главной задачей, возложенной на Кена и Артабаза, как утверждают некоторые исследователи[16], не следует. Корпус Кена должен был либо ликвидировать Спитамена, либо лишить его свободы маневра и не дать поддержать восстание в Согдиане.

Как видно из характера последующих событий, сковать действия отряда Спитамена Кену не удалось. Пока Александр был занят усмирением Согдианы, лидер повстанцев объявился в Бактрии (Arr. Anab., IV, 16, 4; Curt., VIII, 1, 3). Арриан указывает, что к Спитамену и согдийцам, бежавшим вместе с ним в

земли массагетов, присоединились 600 всадников-массагетов (Anab., IV, 16, 4). Схожие данные приводит и Курций Руф, сообщающий, что против македонян действовали изгнанники-бактрийцы и 800 всадников-массагетов (Curt., VIII, 1, 3). Стоит отметить, что Курций Руф не упоминает имени вождя антимакедонских сил, однако в целом сведения римского автора не противоречат тем данным, которые приводит Арриан. Отряд Спитамена сумел захватить посредством неожиданного нападения небольшую крепость в Бактрии, уничтожить ее гарнизон и пленить фрурарха (Arr. Anab., IV, 16, 5). Курций Руф отмечает, что бактрийцы и массагеты разоряли ближайшие (видимо, к Зариаспам) селения (VIII, 1, 3). Согласно Арриану, воодушевленные успехом, повстанцы подошли к Зариаспам, однако напасть на город не решились и ушли с большой добычей. В городе находились из-за болезни несколько всадников-гетайров, среди которых был Пейфон, сын Сосикла, управляющий царским двором в Зариаспах, и кифаред Аристоник. Узнав о набеге скифов, они, взяв с собой 80 наемных кавалеристов, входивших в гарнизон Зариасп, а так же некоторых «царских юношей», бросились за массагетами. Напав на не ожидавших этого скифов, македоняне отняли у них всю добычу, перебив немалое число неприятелей. После этого македоняне, возвращаясь обратно в беспорядке из-за отсутствия командира, попали в засаду, устроенную Спитаменом и потеряли 7 гетайров и 60 наемных всадников. Аристоник, сражаясь как доблестный воин, пал в бою, а Пейфон был ранен и взят в плен скифами (Anab., IV, 16, 5-7). По версии Курция Руфа, Аттин, наместник этого региона, желая обуздать неприятеля, выступил против него с тремя сотнями всадников, не подозревая об устроенной засаде. Воины противника были укрыты в лесу, а несколько человек гнали скот, играя роль приманки. Аттин и его воины, не соблюдая порядка, бросились к добыче. Когда македоняне достигли леса, засевшие там неожиданно атаковали их и всех перебили (Curt., VIII, 1, 3-5). Таким образом, из данных римского автора следует, что скифы целенаправленно заманили македонян в ловушку, используя захваченную ранее добычу в качестве приманки. И Арриан, и Курций Руф описывают уничтожение относительно небольшого кавалерийского отряда, попавшего в засаду, однако если первый отмечает, что у македонян не было командира, то согласно второму отряд возглавил наместник Аттин. Информацию Арриана о подвиге кифареда Аристоника подтверждает и Плутарх, указывающий, что музыкант пал, доблестно сражаясь в битве. В его честь по приказу Александра в Дельфах была поставлена статуя, изображающая Аритоника с кифарой и копьем (Moral., 334e-f). Как предполагается, районом действия Спитамена и его союзников была северо-западная пограничная область Бактрии[17]. Захват Бактр позволил бы восставшим лишить Александра главной базы в регионе и разрушить основной узел коммуникаций македонской армии[18]. Не следует также сбрасывать со счетов и тот урон, который Спитамен наносил захватчикам, разоряя прилегающую к Бактрам-Зариаспам местность и угоняя скот, имевший в местной экономике большое значение[19]. Начало рейда по Бактрии было для восставших удачным: несмотря на то, что столица сатрапии осталась в руках македонян, Спитамен при поддержке скифской кавалерии подверг местность разорению, захватил небольшую крепость и уничтожил отряд македонской кавалерии, вышедший из Бактр-Зариасп.

Ответный удар завоевателей не заставил себя ждать. Как сообщают источники, Кратер, как только узнал о произошедшем, стремительно двинулся на массагетов (Arr. Anab., IV, 17, 1; Curt., VIII, 1, 6). О составе его отряда можно

судить по данным Курция Руфа, который пишет, что Кратер прибыл со своей кавалерией (qui cum omni equitatu supervenit) (VIII, 1, 6). Неизвестно где точно находился Кратер в тот момент, когда до него дошла информация о событиях в окрестностях Зариасп. Он не упоминается ни среди командиров, отправившихся с Александром в Согдиану, ни среди тех, кто остался в Бактрии. Следует признать необоснованным предположение о том, что Кратер осуществлял верховное командование всеми греко-македонскими силами в Бактрии[20]. Более оправданным представляется мнение о том, что Александр после непродолжительного личного пребывания в Маргиане оставил Кратера во главе некоторых сил для окончания покорения этой области, после чего последний вернулся к Бактрам-Зариаспам[21]. Это вполне возможно, учитывая фрагментарную информацию античных авторов о македонском завоевании Маргианы (Curt., VII, 10, 15; Plin. Nat. Hist., VI, 18, 47) и определенное подтверждение этого в археологическом материале[22]. С большой долей уверенности можно утверждать, что ядром корпуса Кратера была гиппархия, командиром которой этот военачальник стал после реорганизации македонской кавалерии. Во всяком случае, есть упоминание об участии гиппархии Кратера в сражении при Гидаспе (Arr. Anab., V, 11, 3)[23]. Когда Спитамен вторгся на территорию Северо-Западной Бактрии, четыре таксиса македонской фаланги не смогли организовать ему отпор (видимо, из-за того, что рассредоточились по территории сатрапии для борьбы с мятежниками), зато Кратер со своей гиппархией, находившийся в Маргиане или возвращавшийся из ее пределов, сумел за относительно короткое время достичь района боевых действий.

Арриан сообщает, что массагеты, узнав о приближении Кратера, как можно быстрее двинулись в сторону пустыни. Македоняне преследовали противника и настигли его у границы пустынных земель. К Спитамену к этому времени присоединилась еще тысяча всадников-массагетов. В разыгравшемся жарком сражении македоняне победили. Пало полторы сотни скифов, остальные укрылись в пустыне, где македоняне не могли их уже преследовать (Arr. Anab., IV, 17, 1-2). Согласно Курцию Руфу, массагеты успели скрыться, однако в разыгравшемся сражении была убита тысяча дахов. После их гибели закончилось сопротивление всей области (VIII, 1, 6). На первый взгляд свидетельства Арриана и Курция Руфа представляются противоречащими друг другу, однако при сопоставлении двух сообщений очевидны точки соприкосновения[24]. Как представляется, корпус под командованием Кратера участвовал не в одном сражении, как заявляют некоторые исследователи[25], а в двух боевых столкновениях, так как только этим объясняются столь разные последствия боевых столкновений с македонянами для массагетов (потеря полутора сотен воинов и бегство в пустыню) и дахов (гибель тысячи человек). Первое сражение корпус Кратера провел против отряда Спитамена. Эта битва закончилось победой македонян, уничтоживших относительно небольшое количество массагетов, но не сумевших окончательно истребить подвижную скифскую кавалерию, скрывшуюся в пустыне и тем самым оказавшуюся вне досягаемости. Разгром дахов, видимо, произошел в рамках второго сражения, которое Арриан оставил без внимания. Судя по замечанию Курция Руфа об окончании сопротивления всей области после гибели дахов (VIII, 1, 6), в предшествующее время их отряд, воспользовавшись успехами Спитамена, начал самостоятельные военные действия против завоевателей[26]. После разгрома дахов македоняне вернули себе полный контроль над Бактрией.

На завершающей стадии кампании 328 г. до н.э. Александр принял меры для пресечения новых нападений со стороны Спитамена. Согласно Арриану, царь оставил на прежних позициях Кена вместе с таксисами его и Мелеагра, четырьмя сотнями всадников-гетайров, всеми конными дротометателями и теми согдийцами и бактрийцами, которыми командовал Аминта. Они все подчинялись Кену и должны были остаться в Согдиане на зимовку, чтобы держать ее под контролем, а если выясниться, что зимой в каком-либо месте появился Спитамен, то устроить ему засаду и захватить его (Anab., IV, 17, 3). Очевидно, прежние позиции, на которых остался Кен – северо-западная часть Согдианы на границе со скифскими землями[27], куда ранее он был отправлен со своим отрядом из Мараканд для противодействия Спитамену, а не Мараканды, как об этом говорит ряд исследователей[28]. Видимо, бóльшая часть оставшихся с Кеном подразделений входила в состав корпуса, которым он командовал еще в начале кампании. В частности, среднеазиатские воины, возглавляемые Аминтой, предположительно, ранее подчинялись предыдущему сатрапу Бактрии Артабазу[29]. Исключением являлся таксис Мелеагра, который весной 328 г. до н.э. находился в Бактрии. Это подразделение, как полагают, было специально переброшено из Бактрии в Согдиану для усиления отряда Кена[30]. Возможно, упомянутые Аррианом «все конные дротометатели» (Anab., IV, 17, 3) также были переданы Кену непосредственно перед зимовкой для помощи в борьбе с подвижной конницей восставших. Это полностью соответствовало тем задачам, которые поставил Александр перед группой Кена – обеспечить контроль над Согдианой, а в случае необходимости оперативно среагировать на появление отряда Спитамена в регионе и уничтожить его. Очевидно, Александр стремился не дать противнику оправиться от удара, нанесенного Кратером[31]. Включение в состав корпуса туземных отрядов Аминты весьма примечательно и говорит о том значении, которое Александр придавал действиям отряда Кена: Аминта занимал должность сатрапа Бактрии после трагической смерти Клита (Arr. Anab., IV, 17, 3; Curt., VIII, 2, 14).

Оценивая стратегию, выбранную Александром для военной кампании 328 г. до н.э., следует констатировать, что ее характерной чертой было разделение войска на отдельные экспедиционные корпуса. Посредством этого полководец обеспечил синхронное уничтожение очагов восстания на широких пространствах Бактрии и Согдианы, не давая инсургентам объединить свои силы. Осуществление операции подобного рода стало возможным, в том числе, благодаря реформированию структуры македонской армии, осуществленному накануне рассматриваемых событий. Впрочем, в короткие сроки ликвидировать угрозу, исходившую от Спитамена, не получилось. Несмотря на выдвижение корпуса Кена и Артабаза в район предполагаемого нахождения лидера восставших, последний смог нанести неожиданный удар по позициям завоевателей в Бактрии. Предполагается, что Спитамен и его соратники перемещались по Каракумам – пустыне, находившейся примерно на одинаковом расстоянии и от массагетской Скифии, и от Согдианы, и от Бактрии[32]. Можно ли считать появление восставших в районе Бактр-Зариасп следствием наличия просчетов в стратегии македонского царя? По мнению М. Смита, возникновение угрозы на коммуникациях македонской армии было последствием того риска, на который пошел Александр разделяя свои войска[33]. С этим выводом сложно согласиться, так как именно разделение македонской армии на отдельные корпуса позволило завоевателям в конечном итоге ликвидировать угрозу у себя в тылу. В частности, удар по лидеру восставших нанес Кратер,

чей кавалерийский отряд не только вынудил Спитамена и массагетов уйти из Бактрии, но и смог подавить антимакедонское выступление дахов.

Как показывают дальнейшие события, сам Александр оценивал выбранную стратегическую линию как вполне удачную. Отправляясь на зимовку, полководец оставил на прежней позиции корпус Кена, численно увеличив его. Перед Кеном стояла старая задача – разгромить Спитамена и его соратников при их появлении в регионе. Расчет Александра вполне себя оправдал. Согласно Арриану, Спитамен и его люди, видя, что македоняне разместили везде гарнизоны и что бежать им некуда, двинулись на Кена, решив, что они смогут его победить. Спитамен заручился поддержкой 3000 скифских всадников, однако в жестокой битве победу одержал Кен. Лидер восставших с остатками отряда бежал в пустыню (Anab., IV, 17, 4-7). Это был закономерный итог стратегической линии, которой придерживался Александр начиная с весны 328 г. до н.э. Создание подвижных корпусов в совокупности с системой укрепленных пунктов не давали Спитамену возможности глубоко проникнуть на территорию Согдианы извне или задерживаться в каком-либо регионе без боевого соприкосновения с мобильными отрядами Александра[34]. Вождь антимакедонского движения был вынужден принять бой на явно невыгодных условиях. По образному выражению Ф. Хольта, была соткана паучья сеть, в которую попали Спитамен и его соратники[35]. Конечным результатом этих событий стала смерть самого лидера восставших, предательски убитого своими бывшими соратниками (Arr. Anab., IV, 17, 7; ср.: Curt., VIII, 3, 1-16). Последовательно реализуемая Александром стратегия, подразумевавшая ведение активных наступательных действий силами нескольких автономных боевых соединений, принесла свои плоды.

Примечания:

1. Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5688.2014.6 (договор от «03» февраля 2014 г. № 14.Z56.14.5688-МК).

2. Bellinger A.R. Essays on the Coinage of Alexander the Great // American Numismatic Society Study. №. 11. 1963. P. 38.

3. Подробнее см.: Клейменов А.А. Битва при Политимете: крупнейшее поражение армии Александра Македонского // ВИ. 2014. № 12. С. 84 – 97.

4. Grenet F., Rapin C. Alexander, Ai Khanum, Termez: remarks on the spring campaign of 328// Bulletin of the Asia Institute, n.s. Vol.12, 1998. P. 82.

5. Holt F. Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan. Berkeley – Los Angeles – London, 2005. P. 68.

6. Dodge T.A. Alexander. Great Captains. Boston – New York. 1890. P. 488.

7. Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма: дисс,… докт. ист. наук. Ставрополь, 2007. С. 103 – 104; Brunt P.A. Alexander's Macedonian Cavalry // JHS. Vol. 83. 1963. P. 30; Hammond N.G.L. Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 BC // Historia. Bd. 47. 1998. Hf. 4. P. 418; Heckel W. The marshals of Alexander's empire. London – New York, 1992. P. 52. Anm. 16; P. 127.

8. Нефедкин А.К. Указ. соч. С. 107.

9. Heckel W. Op. cit. P. 65. Anm. 85.

10. O'Brien J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. London – New York, 1994. P. 135.

11. Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 2. Cambridge, 1948. P. 142; Heckel W. Op. cit. P. 166; Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC. Jefferson, 1998. P. 35.

12. Tarn W. W. Op. cit. P. 145; Heckel W. Op. cit. P. 297; Ashley J.R. Op. cit. P. 35.

13. Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 478; Bosworth A.B. Alexander the Great Part I: The events of the reign // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / Edited by D.M. Lewis, J. Boardman. Cambridge, 1994. P. 823.

14. Holt F. Into the Land of Bones… P. 74.

15. Holt F. Alexander the Great and Bactria: The Formation of a Greek Frontier in Central Asia. Leiden, 1988. P. 60.

16. Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 262.

17. Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского // ВДИ. 2005. №1. С. 125.

18. Holt F. Into the Land of Bones… P. 71.

19. Holt F. Spitamenes against Alexander // Ιστορικογεωγραφικά 4. 1994. P. 56 – 57.

20. Шофман А.С. Указ. соч. С. 480; Holt F. Into the Land of Bones… P. 67; Heckel W. Op. cit. P. 107.

21. Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н. Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 2000. №1. С. 13; Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского. С. 125. Прим. 56.

22. Рахманова Р.М. Средняя Азия V – IV вв. до н.э. и поход Александра Македонского: автореф. дисс,… канд. ист. наук. Л., 1964. С. 21.

23. Ср.: Hammond N.G.L. Collected studies III: Alexander and his successors in Macedonia. Amsterdam, 1994. P. 76.

24. Основные мнения о первоисточниках см.: Пьянков И.В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов (Собрание отрывков и комментарии). Душанбе, 1972. С. 47; Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского. С. 124. Прим. 55.

25. Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Указ. соч. С. 262.

26. Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского. 122.

27. Holt F. Into the Land of Bones… P. 79.

28. Пьянков И.В. Указ. соч. С. 49; Bosworth A.B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988. P. 116.

29. Holt F. Into the Land of Bones… P. 79.

30. Hamilton J. R. Three Passages in Arrian // CQ. Vol. 5. 1955. № 3-4. P. 220; Heckel W. Op. cit. P. 108.

31. Worthington I. Alexander the Great: Man and God. London, 2004. P. 187.

32. Коське Ф.Я. Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием // ВДИ. 1962. №1. С. 123.

33. Smith M. The Failure of Alexander's Conquest and Administration of Bactria-Sogdiana // Hirundo: The McGill Journal of Classical Studies. Vol. 8. Montreal, 2009. P. 67.

34. Ashley J.R. Op. cit. P. 300.

35. Holt F. Into the Land of Bones… P. 79.

СТАНОВЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРОВИНЦИЙ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

А.П. Беликов
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

В статье рассматриваются причины отказа римской Республики от политики иностранной клиентелы и перехода к провинциальному устройству державы. Этот перелом произошёл примерно в середине II в. до н.э. Во многом он обусловлен ослаблением позиций старой нобильской аристократии, выступающей за прежние способы эксплуатации покорённых территорий.

Для последующей истории Рима это имело большое значение. Провинции долго оставались объектом безудержного грабежа со стороны гражданского коллектива римского полиса, но в дальнейшем наметились тенденции к романизации и формированию единого экономического пространства державы.

Ключевые слова: Провинция, внешняя клиентела, нобилитет, социальная борьба, эксплуатация провинций, предпосылки кризиса римского полиса.

THE FORMATION OF PROVINCIAL STRUCTURES OF THE ROMAN REPUBLIC: CAUSES AND CONSEQUENCES

A.P. Belikov
North-Caucasus Federal University, Stavropol'

This article discusses the reasons for rejection of the Roman Republic from foreign clientele policy and the transition to the provincial power device. This change occurred about the middle of the Second century BC. In many ways, it is due to the weakening of the old aristocracy of nobles, advocating for the former modes of operation conquered territories.

For the subsequent history of Rome it was of great importance. Provinces were remained for a long time as an object of unbridled plunder of the civil population of the Roman police, but at a later date the tendencies of Romanization and the formation of a single economic space powers were outlined.

Keywords: Province, foreign clientele, nobility, social struggle, exploitation of the provinces, the preconditions of the crisis of the Roman policy.

Почти с самого начала II в. до н.э. в Риме не только между высшими слоями общества, но и среди простого народа дискутировался вопрос о судьбе покорённых территорий: превращать ли их в провинции, или оставлять на положении зависимых стран и народов. Провинции уже существовали и доказали свою эффективность. Но господствующая нобильская аристократия предпочитала устройству провинций следование принципу внешней клиентелы, когда племена и цари становились клиентами победившего их римского полководца. В этом случае и моральные, и материальные дивиденды от победы доставались не только государству, но и самим нобилям, поскольку они представляли интересы побеждённых в сенате, получали от них дары, укрепляли свой личный авторитет. Замкнувшееся на себя нобильское сословие не давало ходу «новым людям», не желая делиться ни властью, ни извлекаемыми из неё доходами. Однако рационально настроенный сенат, менее удачливые нобильские рода, всадники, торговцы, и даже простой люд указывали на то, что провинциальное устройство выгоднее всему населению и государству, а не только узкому слою аристократов. Параллельно шла борьба за более широкий доступ к властным структурам государства. В обществе зрело понимание того, что от устаревшей концепции внешней клиентелы следует отказать-

ся. К началу 3 Македонской войны некоторый перевес уже был на стороне «новаторов». Старая знать не была отстранена, лишь потеснена. В консулы стали прорываться и «выскочки», для упрочения своего положения и личного обогащения нуждающиеся в войнах и серьёзных внешнеполитических успехах. В значительной степени этим и объясняется возросшая агрессивность Рима. В целом период 80-50 гг. II в. до н.э. можно назвать переходным. В переходном периоде социальное движение не обходится без зигзагов, неодолимость нового – лишь общий итог развития[1].

Всемогущество нобилитета было несколько ослаблено, что устраивало и сенат, который не позволял никому из своих членов стать слишком сильным. Младшая знать получила более широкий доступ к власти. Делиться со всадниками особо не желали, их по-прежнему оттесняли от «государственной кормушки». То, что они не смогли добиться большего, свидетельствует о преувеличении их значения и об отсутствии единства внутри движения, ограничившего аристократию. Это был долгий процесс. За старыми, обветшалыми политическими формами стояли определённые социальные группы со своими узкими интересами, но от этого не менее яростно ими защищавшимися. На закате жизни «империалист» Катон изменил свою позицию и выступал против создания «лишних провинций». Тому были две главные причины. Первая: его основная цель – ограничение нобильского всевластия - во многом была достигнута. Вторую чётко сформулировал М.И. Ростовцев: Цензор был ярым противником чуждого (особенно греческого) влияния на римское общество и сторонником патриархальности. А разлагающее влияние на Рим из провинций должно было оказаться несравненно сильнее, нежели из зависимых стран, контакты с которыми для большинства квиритов были ограничены[2].

Со смертью политиков типа Сципиона, Эмилия или Катона пришли люди новой формации. Выросшие в новых условиях, они легко взяли курс на аннексию. Провинция – дело более хлопотливое, чем зависимое государство, но провинция давала больше гарантий спокойствия в ней. А главное – провинции вовлекались непосредственно в экономическую структуру государства, что позволяло безудержно их эксплуатировать, принося пользу почти всему населению державы. События 149-146 гг. до н.э. можно считать переломными – Рим перешёл к прямой аннексии, и теперь каждая успешная война сопровождалась захватом новой территории[3].

Первые две провинции, Сицилия и Корсика с Сардинией, были образованы в 227 г. до н.э. Только через 30 лет, в 197 г. до н.э., к ним добавились ещё две в Испании: Бетика и Тарраконская Испания. После этого 50 лет (!!!) не предпринималось ни одной попытки создать новую провинцию. Все вышеописанные перипетии внутриполитической борьбы происходили на фоне существования всего лишь четырёх провинций, две из которых были очень маленькие, а две другие находились довольно далеко от Италии. При всей их важности степень их влияния на экономику и внутреннюю жизнь Рима была достаточно скромной. Сороковые годы II в. до н.э. стали переломными: 147 г. до н.э. – провинция Македония, 146 г. до н.э. – Африка, 133 г. до н.э. – Азия, 120 г. до н.э. – Нарбоннская Галлия... В 146 г. до н.э. было всего 6 провинций, при Сулле – 10, после восточных побед Помпея – 14[4]. Утверждения, что сенат был против экспансии[5] и вплоть до I в. до н.э. не спешил с аннексиями[6], являются ошибочными, поскольку противоречат фактам.

Проблема управления покорёнными народами сочеталась с проблемой необходимости снижения напряжённости между бедными и богатыми квири-

тами[7]. Не менее четверти граждан выигрывало от войн и расширения державы: воины получали часть добычи и землю, квириты были освобождены от налогов, получали хлебные раздачи, участвовали в откупах[8]. По мнению Полибия, в Риме было так много публиканов и их компаньонов, что казалось – в откупах участвуют все (см.: Polyb. VI.17). В спекуляциях участвовали очень многие (см.: Val.Max. VIII.15.6; Cic. Ad Quint.I.1.33). Эстет Цицерон не считал крупную торговлю позорным занятием (см.: Cic. De off.I.2). Даже сенаторы не могли устоять перед искушением обогатиться в кредитных операциях[9].

В Рим сказочным потоком хлынули деньги. Однако доставались они немногим – властной верхушке. Отсюда борьба за равное участие в прибылях, которую вели обделённые слои населения. Ситуация накалялась, социальное единство общины рушилось. Бедность стала постыдной. Деньги становились верховной властью республики[10]. Власть давала богатство, поэтому все пути к власти казались пригодными. Поскольку власть стала выгодной как никогда прежде, за неё велась ожесточённая борьба. Выпячивались интересы сословий и отдельных лиц, часто даже в ущерб государству.

Старые полисные рамки были взломаны, традиционные римские «доблести» отмирали, на смену им шли иные качества. Налицо были признаки кризиса полиса, затянувшегося на долгие годы. С ним пытались бороться законодательным путём. К 60-40 гг. II в. до н.э. относится ряд постановлений, направленных против внешних проявлений кризиса. 161 г. до н.э. – Lex Fannia против роскоши[11], 159 г. до н.э. – закон против подкупа избирателей. 149 г. до н.э. – созданы постоянные судебные комиссии о вымогательствах должностных лиц. Подобные законы принимались и позже, что доказывает их малую эффективность.

Можно говорить об идеологическом переломе. Рим, как всякий полис, представлял собой общество закрытое. Насильственное его раскрытие, связанное с войнами и ростом территории, привело к серьёзным сдвигам. Только принципы государственного устройства и управления оставались неизменными. Такое несоответствие не могло существовать долго. Нарастало внутреннее понимание необходимости перемен. Важен и формально-правовой аспект.

Общепризнанно, что римское право, как никакое другое, наиболее тщательно и детально регулировало отношения собственности. При этом провинции, как государственную собственность, формально, в меньшей степени – и фактически, можно считать своеобразной формой коллективной собственности всех квиритов. Естественно, верховное управление провинциями осуществлял сенат. Чисто финансовая выгода от их эксплуатации поступала в казну в виде налогов, таможенных, портовых и прочих сборов, доходов от государственных земель и рудников. С другой стороны, свою долю выгоды от существования провинций получали отдельные граждане, занимающие государственные должности. Провинция была обязана содержать наместника и его свиту. Одновременно обогащались аристократы, патроны территорий, ставших римскими провинциями, поскольку отношения клиентелы не прекращались и после изменения статуса зависимого государства. Наконец, откупщики налогов, официально или в приватном порядке использующие государственные структуры (наместник, администрация, войска) для того, чтобы выбить из провинции сумму, многократно превосходящую внесённую ими в казну. При этом наместники не столько контролировали публиканов, сколько сотрудничали с ними[12].

Все три случая (наместники, патроны, откупщики) – пример скорее «промежуточной формы эксплуатации», которую, видимо, можно обозначить

как государственно-частную. Это когда провинции служили для обогащения отдельных лиц, прикрывающихся государственными должностями, положением в сенате или полномочиями, полученными для сбора налогов.

Однако можно говорить и о прямой эксплуатации провинций всем коллективом граждан в целом, поскольку каждый квирит в отдельности получал свою личную пользу от завоёванных им чужих земель. Продовольствие, поставляемое из провинций в качестве налогов, могло распределяться между малоимущими римскими гражданами – по чисто символическим ценам, а иногда и бесплатно. Дешёвое зерно, поступавшее из провинций, позволяло снижать в Италии цены на сельхозпродукты. Арендованные гражданами земли защищались провинциальными судами практически как собственность. Таким образом римляне посредством possessio ac usufructus[13] фактически приобретали право провинциальной собственности на землю. Граждан в провинциях было мало, пользуясь своим привилегированным положением, они могли заправлять здесь очень многим. Составляя довольно замкнутую общину, иногда они серьёзно контролировали внутриполитическую и экономическую жизнь провинции. Ростовщики римляне и италийцы, пользуясь безденежностью провинциалов, ссужали им деньги под немыслимо высокие проценты. Благоустройство города Рима, строительство бесплатных бань для народа, общественных зданий, храмов, акведуков, дорог и мостов осуществлялось за счёт налогов из провинций. В провинциях всё недвижимое имущество становилось собственностью государства. Часть его римляне оставляли местному населению, но ценой тягостных податей, поземельного, а иногда и подушного налога.

Государство воспринималось квиритами как политическая и юридическая организация римского народа (res publica populus romanus), при совокупности его прав и обязанностей действующее в общественных интересах. Провинции рассматривались как общее достояние римлян. Как отмечал уже в период Империи Гай, земли в провинциях принадлежат «или римскому народу, или императору» (Inst.II.7), все остальные имеют лишь право владения или полного пользования. Не следует забывать, что вообще первоначальным и главным источником собственности римляне считали occupatio bellica или occupatio rerum hostilium. Это касалось всего, отнятого во время войны у врага (res hostiles). Имущество врагов приравнивалось к вещам бесхозным (res nullius) и переходило в собственность квиритов посредством occupatio. «По общенародному праву нам принадлежит также то, что мы захватили у неприятелей» (Inst.II.65). Так как вражеская земля завоёвывалась римлянами, то формально она переходила в категорию вещей «omniam communes», т.е. принадлежащих всем гражданам римского государства.

Эти формально-правовые аспекты, вероятно, являлись дополнительным обоснованием законности требований народа о равных правах на получение пользы от эксплуатации провинций. Право распоряжаться ими народ делегировал сенату, а вот пользование и выгода должны были распределяться «по справедливости». Чисто формально для отношения государства к провинциям можно даже употребить термин detentio, что означает «фактическая власть над вещью без намерения обладать ею исключительно для себя». Действительно, и фактически и юридически, провинция стала «делом общенародным» или «вещью общественной».

Таким образом, провинции периода Римской республики можно трактовать как своеобразную форму коллективной собственности квиритов. Раньше они были почти собственностью немногих нобилей. Теперь же – «у римлян, как у древних народов вообще, частная собственность в целом проявляет

себя по отношению к толпе в качестве общественной собственности: либо в виде затрат на поддержание внешнего блеска республики, либо в виде учреждений, имеющих характер роскоши и служащих всеобщему благу (бань и т.д.)»[14]. Однако должно было пройти какое-то время, чтобы Сенека смог чётко сформулировать мысль, выражающую уже устоявшееся новое восприятие вещей: каждый человек имеет право на долю общего блага, из которого каждому даётся его часть (De clem. II.6). Лозунг salus populi – suprema lex, пусть во многом декларативный, всё-таки до какой-то степени давил на сознание политиков, вынужденных демонстрировать заботу о народе

Несовершенство римской полисной системы замедляло переход к провинциям, но он был неизбежен.

Следует отметить несколько пунктов, расположенных в порядке значимости. Более действенными, очевидно, были внутренние причины. 1. Дискредитация и падение политики иностранной клиентелы. 2. Социальная борьба за получение равных прибылей от эксплуатации покорённых территорий. 3. Чисто финансовая заинтересованность государства и народа в провинциях: налоги, земли, откупа. 4 Соответствие провинциального устройства интересам почти всех квиритов. 5. Осознание необходимости и психологическая привычка к провинции как новому типу отношений с побеждёнными врагами. 6. Желание надёжно укрепиться. 7. Стратегическая необходимость, создание опорных пунктов для дальнейшей экспансии.

Вышеперечисленные семь пунктов и сам процесс исторического развития подвели к необходимости принять провинциальную систему. Более развитое общество отличается более сложной структурой, и без изменения самой структуры невозможно дальнейшее развитие. Система государств-клиентов не отвечала интересам формирующейся державы. Оставался один путь – включение. Оно не означало немедленного органичного слияния. Предпосылки к нему появились, но провинции ещё долго оставались лишь «объектами грабежа, поверхностного обдирания»[15], а не развития и создания прибыльной хозяйственно-экономической системы. Идеологического, культурного и этнического единства державы долго не было.

Сказывались пережитки полисной системы, которую пытались обходить, нарушать, изменять. А нужна была коренная ломка, неприспособление. Для ведения успешных войн и управления завоёванными территориями требовалась чёткая централизация, единоначалие, жёсткий контроль над управлением провинциями, невозможные при полисной структуре. Несоответствие сильной державы с её примитивной организацией, не отвечающей новым условиям, и привело в конечном счёте к переходу к Империи. Неслучайно лишь в ранней империи удалось достичь внутреннего единства державы, но уже на имперских принципах. Речь идёи не о трансформации полиса, а об установлении принципиально новой политической системы, по сути – монархической, с жёстким единоначалием, но прикрывающейся красивым названием «принципат».

В заключение – ещё один чрезвычайно важный аспект, связанный с ролью провинций в римской истории. Общеизвестно, что значительную часть государственного бюджета Рима (иногда – до 2/3) давала война – трофеи, контрибуции и т.п. В то же время, согласно некоторым подсчётам, расходы на войну (в том числе - содержание армии) составляли от 2/3 до 3/4 бюджета[16]. Отсюда следуют два принципиальных вывода, на наш взгляд, не получивших должного отражения в мировой историографии.

1. Война кормила войну, оставляя не так уж и много для самого государства. Расходы были перманентными, а доходы – эпизодическими: от войны к войне, от победы к победе. Получался замкнутый круг: войны съедали почти все деньги, которые они же и приносили в казну.

Возможно, это и есть главная причина появления пресловутой антинаучной теории о «генетически врождённой римской агрессивности». Мифическая кровожадность квиритов здесь абсолютно вымышленное и не имеющее ни малейшего отношения к действительности утверждение. На самом деле Рим просто не мог прекратить экспансию, которая долго была главным источником доходов и пополнения казны. Других столь же весомых и значительных источников получения денег долго просто реально и не существовало.

2. Поэтому можно предположить, что в период ранней Империи, вопреки общепринятой версии, экспансия Рима остановилась совсем не потому, что он «упёрся в естественные границы». Скорее, главная причина кроется совсем в другом обстоятельстве: провинции стали приносить настолько стабильный доход, что отпала сама потребность в непрерывных войнах для пополнения государственной казны.

Вероятно, именно благодаря переходу к провинциям в середине II в. до н.э. римляне в начале I в. н.э., при уже чётко налаженной системе эксплуатации провинций – и смогли получить возможность мирной передышки. Без такой передышки едва ли были бы полноценно возможны и Pax Romana, и Pax Augusta.

Примечания:

1. Сухов А.Д. Прогресс и история. М., 1983. С. 12.

2. Rostovtzeff M. A History oif the Ancient world. Vol. II. Rome. Oxford, 1927. P. 78.

3. Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 29.

4. Stevenson G.H. The Provinces and their government // CAH. Vol. IX. Cambridge, 1932. P. 443.

5. Badian E. Roman imperialism in the late republic. 2nd ed. Ithaca; New York, 1981. P. 29-43.

6. Brunt P.A. Laus Imperii // Imperialism in the Ancient world / Ed. by P.D.A. Garnsey and C.R. Whittaker. Cambridge, 1978. P. 172.

7. См.: Wender H. The rise and fall of the Ancient world. New York, 1976. P. 187.

8. Hopkins K. Conquerers and slaves. Cambridge, 1978. P. 183.

9. См.: Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т. 1. СПб., 2000. С. 33.

10. Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. 1. М., 1915. С. 42.

11.Нобили научились обходить запреты таких законов – см.: Квашнин В.А. Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2004. С. 112.

12. Cambridge introduction to the history of mankind. Book 2. The Romans and their empire / Ed. T.Cairns. Cambridge, 1970. P. 27.

13. См.: Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения). М., 1989. С. 252.

14. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. С. 348.

15. Это была примитивная «политика эксплуатации» - Barrow R.H. The Romans. London, 1949. P. 58. К чему она приводила, хорошо показал Цицерон: - «Мы прибыли в погубленную провинцию, внести подати люди не могут, всё, что можно продать – уже продано, всюду стоны и плач, им вообще в тягость жизнь» (Att. V.16.2). Документальное свидетельство эпохи сравним с примером явной идеализации римлян и их провинциальной политики: - «Замечательно, что все дела рим-

ляне старались решать в пользу слабых и обиженных» - Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. Кн. 1. Война. Воронеж, 1996. С. 116 = Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. М., 1998. С. 259.

16. См.: Mattern S.P. Rome and the enemy: Imperial strategy in the principate. Berkeley, 1991. P. 126.

НАДПИСЬ ИЗ ДЕЛЬФ (SEG. I. 153): КВЕСТОР – ЛУЦИЙ ЛИЦИНИЙ ЛУКУЛЛ?*

В.В. Дементьева
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

В статье анализируются две греческие надписи – одна из города Гипаты с названием должности Лициния Лукулла как ταμίας (квестор), другая из Дельф, в которой сохранилась часть названия той же должности, но утрачено имя ее носителя (определяется только имя его отца). Предположение Х. Помтова о том, что в надписи из Дельф стояло имя Л. Лициния Лукулла, в историографии обычно не поддерживается, но автор статьи считает его вполне допустимым и приводит аргументы в пользу данной точки зрения. При отнесении надписи из Дельф к квесторской деятельности Л. Лукулла ее следует датировать 87 г. до н.э., – именно такая датировка его квестуры преобладает в современном антиковедении и является наиболее обоснованной, как показывает проведенный автором анализ исследований по теме, опубликованных в течение двух последних десятилетий.

Ключевые слова: Луций Лициний Лукулл, квестор, эпиграфика, Гипаты, Дельфы, община энианов.

THE INSCRIPTION FROM DELPHI (SEG. I. 153): QUAESTOR - LUCIUS LICINIUS LUCULLUS?

V.V. Dementeva
P.G. Demidov Yaroslavl State University

In this article two Greek inscriptions are analyzed: one inscription from the town of Hypata contains indication of Licinius Lucullus job title as ταμίας (quaestor), another inscription from Delphi saved a part of the name of the same job title, but the name of the person appointed to this job was lost (it could be defined just the name of his father). H. Pomtow's suggestion that there was the name of L. Licinius Lucullus in the Delphi inscription usually is not supported in historiography, but the author of this article considers that opinion as quite acceptable and she argues this point of view. In case of attributing the Delphi inscription to L. Lucullus quaestor activity it should be dated 87 year BC. This dating of his quaestura is common in contemporary Classics community and it is the most well-grounded point of view as it shown in the author's analysis of the researches published last twenty years regarding this theme.

Keywords: Lucius Licinius Lucullus, quaestor, epigraphy, Hypata, Delphi, aenianes community.

Юбилей Николая Николаевича Болгова для всех его коллег – значимый и приятный повод провести «застольную беседу», в которой каждый изложит, конечно, свои сюжеты, но они, так или иначе, будут соприкасаться если не с тематикой и историческим периодом научных изысканий самого юбиляра, то, как минимум, будут находиться в рамках крупных направлений антиковедческих штудий, в русле которых он столь плодотворно трудится. Позволяет нам это сделать широта интересов Николая Николаевича, включающих в себя самые разные сферы исторического знания. На пересечении любимых им просопографии и эпиграфики я и хочу привлечь внимание к одному небольшому вопросу.

В научной литературе обычно принимается, что при наличии целого ряда надписей о проквестуре Луция Лициня Лукулла (консула 74 г. до н.э.), преимущественно грекоязычных[1], имеется только один эпиграфический памятник, который создан в бытность его квестором (по-гречески – ταμίας), т.е. относится к тому времени, когда Л. Лукулл только начал свой cursus honorum и при этом не действовал в качестве квестора pro praetore (такой его статус, по-гречески выраженный как ταμίας καὶ ἀντιστράτηγος, фиксирует найденная в конце 80-х гг. XX в. надпись из Мопсуестии[2], но о ней разговор должен идти отдельно). Надписью, зафиксировавшей первую ступеньку должностной лестницы Лукулла, является эпиграфический источник на греческом языке из Гипаты (название города – Гипата или во мн. числе – Гипаты: ἡ Ὕπάτη или τὰ Ὕπάτα, Hypata).

Находка была сделана в 1899 г. Размеры камня 0,8 x 0,61 м; высота букв 0,20 м, интервал между их рядами 0,10 м, верхняя часть повреждена, концовки текста каждой строки утрачены.

Публикация этой надписи была осуществлена в начале XX в. Отто Керном при участии Фридриха Хиллера фон Гертингена (IGS. 38)[3] в следующем виде:

ιι Ο̣ Ν̣ Τ̣ Ω Ν Α Ι Ν Ι Α Ν Ω̣
Ο̣ Ν Λ Ι Κ Ι Ν Ι Ο Ν Λ Ε Υ Κ Ι Ο Υ
Λ Ε Υ Κ Ο Λ Λ Ο Ν Τ Α Μ Ι Α̣ Ν Ε̣ Υ̣ Ε̣ Ρ Γ Ε̣

[Τὸ κοιν]ὸν τῶν Αἰνιάνω[ν]
[Λεύκι]ον Λικίνιον Λευκίου [υἱὸν]
Λεύκολλον ταμίαν εὐεργ[έταν].

Затем надпись была опубликована Вильгельмом Диттенбергером (SIG^{3} 743)[4]. Его реконструкция отличается от предшествовавшей одной предпоследней буквой последнего слова (в первом случае была α, теперь она была заменена на η):

[τὸ κο]ινὸν τῶν Αἰνιάνω[ν Λεὐκι]ον Λικίνιον Λευκίου [υἱὸν] Λεὐκολλον ταμίαν εὐεργ[έτην].

Дадим перевод:

«Община энианов Луция Лициния, сына Луция, Лукулла, квестора, благодетеля {почитает}.»

Примечание. В квадратных скобках греческого текста реконструируемые буквы, в фигурных скобках перевода указываются подразумеваемые слова. Примечание относится и к следующей, приведенной в статье, надписи.

Энианы (энианцы) – греческое племя, упомянутое еще в Илиаде (Il. II. 748), жившее в разных местностях Фессалии, их главным городом был Гипата, находившаяся к югу от г. Сперхея. Страбон (I. 3. 21) сообщает, что они мигрировали, называя их «нынешними соседями этолийцев» и отмечая, что «некогда они жили около Дотия и горы Оссы, среди перребов» (Перевод текста Страбона здесь и далее Г.А. Стратановского), были оттеснены лапифами на гору Эту (IX. 5. 22; X. 2. 1), где они «утвердили свое господство, отняв у дорийцев известные части страны и у малиев – вплоть до Гераклеи и Эхина, некото-

рые из них остались около Кифа, перребской горы с одноименным поселением»; были пограничными локрам (IX. 4. 10), подвергались нападению этолийцев и эпирского племени афаманцев (IX. 4. 11). Таким образом, энианы жили на Севере Греции, – речь в надписи, судя по локализации находки, идет об общине главного их города Гипаты. Степень сохранности текста не позволяет усомниться в том, что община энианов оказала уважение Лицинию Лукуллу, занимавшему магистратуру квестора.

В начале 20-х гг. XX в. известный немецкий исследователь античных Дельф Ханс Помтов[5] проанализировал еще одну греческую надпись, найденную в этом городе в ходе археологических раскопок летом 1896 г.[6] Находка представляет собой фрагмент базы статуи из известняка, слева и справа имеющей сколы: высота 0,15 м, ширина 0,82, толщина 0,15 м. В этой надписи очень вероятным, судя по сохранившимся буквам, является упоминание квесторской должности, хотя от ее обозначения осталась только первая часть слова ταμ[ίαν]. Реконструкцию именно словом ταμίας в аккузативе предложил Х. Помтов, до этого составители инвентарной описи зафиксировали окончание [ταν], – предположение явно несостоятельное. Логика Х. Помтова при предложенном им прочтении слова очевидна: после имени обычно в подобных надписях следует должность, и выбор вариантов здесь, при имеющихся трех начальных ее буквах, сводится к одному – квестуре.

От зафиксированного в надписи имени носителя квесторской должности осталось, к сожалению, только пять букв генетивного окончания имени его отца, позволяющих считать, что речь идет о сыне Луция. Через два года после того как Х. Помтов опубликовал эту надпись в журнале «Klio», она была издана в первом томе Supplementum Epigraphicum Graecum (SEG. I. 153)[7] – в идентичной реконструкции:

Τὸ] κοινὸν τῶν [Αἰνιάνων? Λεύκιον Λικίνιον?
Λε]υκίου υἱόν, ταμ[ίαν Ῥωμαίων, ἀρετᾶς ἕνεκα]
καὶ] εὐνοίας τᾶς ἐν [αὐτὸ Ἀπόλλοωνι Πυθίωι].

Перевод: «Община энианов? {статую} Луция Лициния? сына Луция, римского квестора, из-за {его} доблести и благосклонности Аполлону Пифийскому в храм {посвящает}.

Х. Помтов предложил свою реконструкцию по аналогии с текстом надписи из Гипаты, заполнив лакуну в первой строке примерно из восьми букв таким же названием общины. Поскольку дельфийская плита была повреждена только справа и слева, она должна была, на его взгляд, располагаться в качестве нижней (0,15 м в высоту) и в таком случае была в ширину минимум 1,15 м, т.е. являлась частью статуи всадника, которую энианы установили в Дельфах. Такую статую он и связал с персоной Л. Лукулла.

Х. Помтов при этом считал, что два брата, старший Луций и младший Марк (Марк Терренций Варрон Лукулл), оба были квесторами в 87 г. до н.э. в Греции при Сулле, а затем Луций Лициний отправился зимой 87/6 г. в Египет и до 80 г. вел в Азии военные действия против Митридата, а Марк Терренций оставался при Сулле и в 83 г. высадился с ним в Италии[8]. В надписи из двух братьев мог быть упомянут именно Л. Лициний, поскольку младший брат, усыновленный Марком Теренцием Варроном, носил его родовое имя и прозвище (хотя сохранил и cognomen Лукулл), – сыном Луция указывался старший. На чем основывался немецкий исследователь в признании М. Теренция Варрона Лукулла квестором 87 г. до н.э. – нам неясно (мы можем только утверждать,

что оба они были проквесторами в 83 г. до н.э.[9]). Для данного года, 87 г. до н.э., Томас Роберт Броутон, автор фундаментального справочника по римским магистратам, в качестве квесторов назвал во втором томе Л. Лициния Лукулла и – под вопросом – Гая Клавдия Марцелла[10], претора 80 г. до н.э., со ссылкой на надпись, найденную на острове Самофракия и дошедшую до нас в копии итальянского гуманиста Кириака Пиццеколи (публикации см: CIL.III. Suppl. I.1. P. 1328; CIL. I^2 . 662. P. 516), в которой когномен значится как Аарцелл (Aarcellus), употребленный с падежным окончанием аблатива (Aarcello). Такой когномен нигде в источниках более не встречается, самое близкое по написанию из зафиксированных римских семейных прозвищ – Марцелл (Marcellus), которое исследователи давно уже и приняли как исходное в этом тексте[11]. Однако отожествление Марцелла, названного проквестором в надписи из Самофракии 113 г. до н.э. (она датируется по именам консулов Гая Цецилия и Гнея Папирия, указанных в ней), с претором 80 г. до н.э. и дальнейшее предположение Т.Р. Броутона о том, что Гай Клавдий Марцелл, прежде чем достиг претуры, был в 87 г. квестором, в одной магистратуре с Л. Лукуллом, поскольку его карьера в сулланский период была примерно параллельной карьере Лукулла[12], мы поддержать не можем. Историки и ранее высказывали в этом сомнения: так, болгарская исследовательница Нора Миткова Димитрова, касаясь отождествления Т.Р. Броутоном упомянутого в надписи Аарцелла/Марцелла с претором 80 г. до н.э., отметила, что «возможно, последний был его сыном»[13], а итальянский автор Франческо Мусколино счел ее гипотезу ненадежной, так как Гай Марцелл-претор – сын не Гая, а Марка Клавдия, но и предположение Т.Р. Броутона тоже не поддержал[14], с чем мы абсолютно согласны. Ведь если следовать Т.Р. Броутону, разрыв между проквестурой Марцелла 113 г. и его квестурой 87 г. до н.э. составил добрых два с половиной десятка лет, что представляется слишком большим и противоестественным. В принципе, человек мог занимать проквестуру раньше квестуры, например, будучи легатом, получить полномочия проквестора, находясь в самом начале почетного должностного пути[15]. Но четверть века перерыва вроде бы начавшейся карьеры выглядят чем-то неправдоподобным. Даже если квестуру Гая Марцелла датировать немногим ранее, а именно 92 г. до н.э., как это иногда делается[16], пятилетняя поправка не покроет двух десятилетий «должностного простоя», тем более странного на самом раннем этапе cursus honorum (более естественными выглядят ситуации, когда длительный перерыв возникает при переходе от нижних ступенек должностной лестницы к верхним). Изложенное заставляет нас сильно усомниться в том, что Гай Марцелл-проквестор 113 г. и Гай Марцелл-претор 80 г. до н.э. – одно и то же лицо, а следовательно, и отказаться рассматривать его квестором 87 г. до н.э. Тем более, отца его звали отнюдь не Луций, поэтому к дельфийской надписи он иметь отношение в любом случае не мог, и имени хотя бы еще одного квестора, одновременно с Л. Лукуллом занимавшего данную магистратуру, мы пока не находим.

На взгляд Х. Помтова, есть основания предполагать, что особые заслуги Л. Лукулла перед энианами на первом году войны, которую вел Сулла на Востоке, заключались в облегчении их положения, и наличие надписи из Гипаты делает вполне реальным неоднократное выражение благодарности за это квестору Л. Лицинию Лукуллу, но эпиграфист не исключал и названия иной общины в лакуне текста дельфийской надписи.

Исследователи обычно очень скептически относятся к реконструкции, предложенной Х. Помтовом, текста дельфийской надписи с включением в не-

го имени Луция Лициния[17], в первую очередь из-за отсутствия семейного имени (для которого не хватает места). Действительно, когномен Лукулл в большинстве надписей, дошедших до нас с именем Л. Лициния, присутствует, но, тем не менее, есть и примеры, когда он опущен. Так, в надписи (SIG3 № 747), содержащий сенатусконсульт 73 г. до н.э. (SC de Amphiarai oropii agris)[18], указаны имена консулов предшествовавшего 74 г. до н.э., когда Л. Лициний Лукулл занимал эту должность вместе с Марком Аврелием Коттой: имена их даны в таком виде: …ἐ[πὶ Λευκί]ου Λικινίου Μαάρκου Αὐρηλίου ὑπάτων… Как видим, сомневаться в том, что в данной надписи речь идет о Л. Лукулле, не приходится, поскольку его имя начертано в связке с коллегой по консулату, хотя cognomen и отсутствует.

Следовательно, отсутствие когномена и в интересующей нас сейчас дельфийской надписи – не аргумент против отождествления упомянутого в ней человека с Луцием Лицинием Лукуллом. Другое дело, что об имени персоны этой надписи мы знаем только то, что данное лицо было, по всей видимости, сыном Луция. Однако в связке с упоминанием должности, при отсутствии других явных кандидатов из числа известных квесторов, которые были бы сыновьями человека по имени Луций, находились бы в Греции, причем на хронологическом отрезке, когда для благодарности от греческих общин римским квесторам было не так много поводов, да и количество лиц, заслуживавших посвящения статуй Аполлону в Дельфах из их числа, насколько можно судить по дошедшим до нас источникам, было явно не велико. Поэтому остается либо считать, что нам не известно имя римского квестора, которому греки посвятили статую, поставив ее у входа в храм Аполлона Пифийского (в надежде на особое покровительство ему со стороны бога, сделав это, безусловно, за особые заслуги), либо отождествить – фактически безальтернативно – с Луцием Лицинием Лукуллом. В последнем случае датировка надписи из Дельф (как и надписи из Гипаты) должна совпадать с датировкой квестуры Л. Лукулла. Рассмотрим поэтому, хотя бы и предельно кратко, как обстоит с этим дело на современном этапе научных изысканий.

Вопрос о датировке квесторской должности Л. Лициния Лукулла был предметом дискуссий, начатых еще Т. Моммзеном, – на рубеже XIX-XX вв. часто исследователи называли 88 г. до н.э.[19] К концу 20-х гг. XX в. с выходом тринадцатого тома энциклопедии Георга Виссова, содержащего статью Маттиаса Гельцера о Л. Лицинии Лукулле, где он отнес квестуру Л. Лициния Лукулла к 87 г. до н.э.[20], мнение о том, что ее следует датировать именно так, стало распространенным. Этой даты, 87 г. до н.э., придерживались автор биографического труда о Лукулле Жюль ван Оотехем[21] и, как мы отметили выше, Томас Роберт Броутон[22], труд которого вышел первым изданием в начале 50-х гг.

Но в начале 60-х гг. Эрнст Бэдиан вернулся к датировке квестуры Лукулла 88 г. до н.э.[23] Датировка Э. Бэдиана была поддержана Артуром Кевенеем[24] и заставила Т.Р. Броутона изменить в третьем томе фундированного справочника свое первоначальное мнение[25].

Категорически не согласился с отнесением квестуры Л. Лукулла к 88 г. до н.э. Гюнтер Шютц, посвятивший свою диссертацию раннему периоду его карьеры[26], обосновывавший датировку 87 годом тем, что надпись из Гипаты содержит название должности Л. Лукулла как квестор (ταμίας), в противоположность пяти (он так считал) надписям из малоазийских и островных городов (Эфеса, Синнады, Фиатиры, Родоса и Делоса), в которых Лукулл назван

уже проквестором (ἀντιταμίας, pro q.). Г. Шютц подробно аргументировал утверждение, что Л. Лукулл не мог ранее 87 г. до н.э. вступить на греческую землю в качестве магистрата, и только один год из многих лет, проведенных им на Востоке, собственно, 87 г. до н.э., и находился в Греции.

Ханс Тойбер, продатировав надпись из Мопсуестии 86 г. до н.э. (где должность Лукулла значится как ταμίας καὶ ἀντιστράτηγος), не предложил, тем не менее, датировать и квестуру Лукулла этим годом, а поддержал датировку его квестуры 87 г., солидаризировавшись в возврате к ней с Г. Шютцем[27].

Не согласился с Э. Бэдианом в отнесении квестуры Л. Лукулла к 88 г. до н.э. и Питер Тонеманн[28], через 10 лет после диссертации Г. Шютца опубликовавший свою небольшую статью, не сославшись на диссертацию предшественника, однако также исходивший из того, что на основе надписи из Гипаты квестура Л. Лукулла должна быть отнесена к 87 г. до н.э.

В 2006 г. Бернд Крайлер снова затронул вопрос о датировке квестуры Л. Лукулла[29]. Он также полагал, что квестура Л. Лукулла относится к 87 г. до н.э.[30], но не давал отсылок на работы своих предшественников (ни на диссертацию Г. Шютца, ни на статью П. Тонеманна) в аргументации этой датировки, указав только надпись из Гипаты основанием для таковой. Мануэль Трёстер, через два года подробно проанализировавший биографию Л. Лукулла в жизнеописаниях Плутарха[31], касаясь вопроса о датировке его квестуры, отметил, что, действительно, один релевантный текст с ее упоминанием, происходящий из материковой Греции, который может с уверенностью быть отнесен к 87 г. (надпись из Гипаты), и пять более поздних надписей из Эгеиды и Малой Азии, в которых статус Лукулла обозначен как проквесторский, находятся в соответствии с интерпретацией, данной Г. Шютцем и П. Тонеманном.

В целом, как видим, квестура Луция Лициния Лукулла датируется в современных антиковедческих работах 87 г. до н.э. (долгое время конкурировавшая дата – 88 г. – фактически отвергнута). Поэтому, если признать, что надпись из Гипаты и надпись из Дельф относятся к почитанию греческой общиной (одной или разными) одного и того же римского квестора, то тогда и дельфийский эпиграфический памятник надо датировать 87 г. до н.э., как это, собственно, и сделал Х. Помтов. Если в датировке квестуры Л. Лициния Лукулла он опередил свое время, то может быть, и в отнесении надписи из Дельф к квестуре этого римского политика и полководца он сделал тоже самое?

Примечания:

[*] Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ по проекту № 91 «Междисциплинарные исследования политико-правового и культурно-исторического наследия Античности с применением информационных технологий» в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ.

1. См. Дементьева В.В. Греческие надписи о квестуре и проквестуре Л. Лициния Лукулла // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. №4. С. 14-19.

2. Sayar M., Siewert P., Taeuber H. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis- und Sarapisheiligtum von Mopsuhestia (Ostkilikien) // Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd. 9. S. 113-130; Rigsby K.J. Asylia. Territorial Inviolability in The Hellinic World. Berkeley, 1996. P. 465-471; Suplementum Epigraphicum Graecum (SEG). №1227. Vol. XLIV. 1994. Amsterdam, 1997. P. 436-438.

3. Inscriptiones Graeciae Septentrionalis. Vol. VII et VIII. №38. Berolini, 1908. P.15.

4. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 2. №743. Lipsiae, 1917. P. 423-424.

5. Он является автором, в числе других работ, очерка о дельфийской хронологии: Pomtow H. Delphische Chronologie. Stuttgart, 1901.

6. Pomtow H. Delfische Neufunde. V: Zusätze und Nachträge // Klio. 1921. Bd. 17. S. 163-164.

7. Supplementum Epigraphicum Graecum. Vol. 1. № 153. Lugduni Batavorum, 1923. P. 31.

8. Pomtow H. Delfische Neufunde... S. 164.

9. См.: Дементьева В.В. Делосская латинская надпись о проквестуре Лукулла: Луций или Марк? // Проблемы истории, филологии и культуры. 2013. №4. С.54-62.

10. Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Allanta, Georgia, 1986. Vol. II. P. 47.

11. См.: Дементьева В.В. Надпись из Самофракии 113 г. до н.э.: кто был римским проквестором? // Демидовский временник. Материалы науч. конф. / Отв. ред. В.В. Дементьева, Ю.Ю. Иерусалимский. Ярославль, 2013. С. 3-11.

12. Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. II. P. 52.

13. Dimitrova N. M. Theoroi and Initiates in Samothrace. The Epigraphical Evidence. Athens, Princeton, New Jersey, 2008. P. 152.

14. Muscolino F. I monumenti di Olympis e di C. Claudio Marcello a Taormina // Rendiconti della pontificia Accademia Romana di Archeologia. 2009–2010. Vol. 82. P. 417.

15. См.: Дементьева В.В. Легаты-проквесторы в Римской республике конца III-I вв. до н.э // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Доклады Междун. интернет-конф., проведенной Научно-образовательным Центром антиковедения ЯрГУ в 2011/12 г. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 132-147.

16. См.: http://ancientrome.ru/genealogy/person.htm?p=712

17. См., например: Ameling W. Licinius Lucullusw in Chios // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1989. Bd. 77. S. 99. Anm. 10; Sayar M., Siewert P., Taeuber H. Op. cit. S. 118. Anm. 13.

18. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Vol. 2. №747. Lipsiae, 1917. P. 427.

19. См. Дементьева В.В. Делосская латинская надпись о проквестуре Лукулла... С. 54-62.

20. Gelzer M. L. Licinius Lucullus // RE. 1926. Vol. XIII. S. 377.

21. Ooteghem J., van. Lucius Licinius Lucullus. Brussels, 1959. P. 19.

22. Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. II. P. 47.

23. Badian E. Studies in Greek and Roman Histoty. Oxford, 1964. P. 220.

24. Keaveney A. Lucullus. A Life. London and New York, 1992. P. 17-18.

25. Broughton T.R.S. Op. cit. Vol. III. P. 121.

26. Schütz G.L. Licinius Lucullus. Studien zu den frühen Jahren eines Nobilis (117-75 v. Chr.). Regensburg, 1994. S. 54-58.

27. Sayar M., Siewert P., Taeuber H. Op. cit. S. 118.

28. Thonemann P.J. The Date of Lucullus' Quaestorship // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2004. Bd. 149. P. 80-82.

29. Kreiler B.M. Der Prokonsul Lentulus, der Imperator Murena und der Proquästor Lucullus // Tyche. Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 2006. Bd. 21. S. 73-82.

30. Kreiler B.M. Op. cit. S.79.

31 Tröster M. Themes, Character and Politics in Plutarch's Life of Lucullus. The Construction of a Roman Aristocrat. Stuttgart, 2008. P. 79-80.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ ФЛАВИЕВ. К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ВТОРОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ДИНАСТИИ РИМА

В.Н. Парфенов
Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

Автор доказывает, что император Домициан заботился о будущем династии Флавиев. После смерти своего сына он усыновил двух мальчиков, которые были детьми его близких родственников. Трагическая участь родителей не повлияла на положение наследников трона, но в день убийства Домициана заговорщики не допустили перехода власти к ним. Предположительно, важную роль при этом сыграла Домиция Лонгина, вдова Домициана.
Ключевые слова: Флавии, Домициан, дети, наследование, власть, династия.

THE LAST FLAVIANS. ON THE ISSUE OF THE DESTINY OF THE SECOND IMPERIAL DYNASTY OF ROME

V.N. Parfenov
Yuri Gagarin Saratov State Technical University

The author suggests, that the Emperor Domitian took care of the Flavian dynasty's future. When his own son died, he adopted two boys, who were the children of his closed relatives. The tragic fate of their parents has not influenced to the position of the successors of throne, but on the day of Domitian's killing the conspirators had hindered to their succession of the imperial power. The important role in this events probably belonged to Domitia Longina, the widow of Domitian.
Keywords: the Flavians, Domitian, children, the succession, the power, the dynasty.

В исторической традиции Домициан относится к самым «невезучим» императорам, с устойчивой репутацией тирана, вдобавок одержимого манией величия и всячески насаждавшего собственный культ[1]. Автору этих строк уже довольно давно приходилось отмечать, что реноме двенадцатого цезаря нуждается, как минимум, в очень серьезной корректировке, поскольку оно сформировано с позиции сената, бывшего антагонистом Домициана и сделавшего всё для того, чтобы с уже безопасной временной дистанции исказить его реальную политику[2]. Принадлежность Домициана к «плохим» императорам объясняется и тем, что он не оставил наследников, которые защитили бы его память[3].

Если учесть, что для Флавиев, начиная с Веспасиана, династическая составляющая их политики была одним из приоритетов, подобное пренебрежение будущим династии со стороны Домициана выглядит по меньшей мере странно: едва ли он воспринимал всерьез лесть со стороны поэтов-современников, особенно Стация, который гарантировал ему чуть ли не бессмертие[4]. Разумеется, император не мог знать, какой именно из многочисленных заговоров против него будет успешно реализован, но, будучи реальным политиком, на плечах которого лежало тяжкое бремя ответственности за огромную державу, не учитывать такую возможность он просто не мог. И действительно, Светоний цитирует Домициана, предвидевшего собственную участь: «Он говорил, что жребий государей самый несчастный, ибо, когда они раскрывают заговор, им не верят, пока их не убьют»[5].

Чтобы понять логику действий Флавиев, в том числе Домициана, следует вспомнить, казалось бы, далекое от них прошлое и династическую политику Августа, основателя принципата, на пример которого вольно или невольно оглядывались его преемники. В свое время М.Л. Гаспаров проницательно за-

метил, что современному исследователю «нужно помнить то живое ощущение родовых связей, которое так характерно для античного человека, даже столь позднего времени, и так трудно дается современному: Август, сам лишь приемыш в роде Юлиев, во что бы то ни стало хотел, чтобы наследники его принадлежали к роду Юлиев, и ради этого шел на самые, казалось бы, неразумные комбинации»[6].

Веспасиан, бывший, как и Август, основателем династии, не скрывал своего намерения во что бы то ни стало обеспечить наследование власти за своими сыновьями[7]. Тит и Домициан продолжали следовать тем же курсом на обеспечение преемственности принципата по принципу кровного родства. При Веспасиане, имевшем двух взрослых сыновей, будущее династии казалось максимально обеспеченным. Первоначально его династическая схема работала без сбоев: после смерти Веспасиана власть без каких-либо сложностей перешла к Титу, популярность которого в течение его принципата только возрастала и обещала долгое и блестящее правление.

Ситуация резко изменилась в результате его внезапной смерти – новым принцепсом стал Домициан. Судя по всему, иные кандидатуры и не рассматривались, так что в этом отношении проект Веспасиана оказался полностью выполненным[8]. Хотя сенат послушно вотировал его избрание, молодой император оказался перед лицом многочисленных проблем, одной из которых была необходимость обеспечить в будущем переход власти к преемнику, бывшем с ним в кровном родстве. Первоначально решение, казалось, лежало на поверхности: еще в 73 г. Домиция Лонгина родила ему сына. Имени мальчика мы не знаем, известно только, что он умер и был обожествлен вскоре после того, как его отец стал императором[9]. Похоже, Домиция в 90 г. вновь подала своему супругу надежду: Марциал (VI.3) желает императору рождения сына, который станет его наследником и соправителем – однако и эта надежда не сбылась[10].

Прямых наследников у Домициана больше не было. Поэтому он пошел по пути Августа, когда-то усыновившего двоих внуков, сыновей Агриппы и Юлии, своей единственной дочери. Домициан, за отсутствием внуков, усыновил и сделал своими наследниками внучатых племянников: сыновей двоюродного брата, Флавия Клемента, и родной племянницы, жены Клемента, Флавии Домициллы, которая была дочерью покойной сестры Тита и Домициана (Suet. Dom. 15.1)[11]. Таким образом, кровное родство императора с приемными сыновьями было обеспечено как по мужской, так и по женской линии[12].

Оба мальчика получили новые имена: старшего переименовали в Веспасиана, младшего – в Домициана[13]. Их наставником был назначен знаменитый Квинтилиан, выразивший за это свою благодарность императору[14]. Таким образом, приемных сыновей Домициан намеревался серьезно готовить к государственной деятельности. Особое значение их воспитания и образования было подчеркнуто тем фактом, что Квинтилиан вместе с назначением получил ornamenta consularia (Auson. Gratiar. actio (VIII) 7.31) – отличие, беспрецедентное для ритора. В далекой Смирне успели отчеканить бронзовую монету с портретом молодого человека и легендой «Веспасиан-младший» аверса[15].

Но в 95 г. на родителей мальчиков обрушилась гроза. Ее причины неизвестны до сих пор, известны только последствия: Флавий Клемент был казнен, а Домицилла отправлена в ссылку[16]. Хотя данному событию, фатальным образом сказавшемуся на судьбе династии и самого Домициана[17], посвящена обширная литература[18], в данном случае нас интересует только одно: каким образом эта катастрофа сказалась на судьбе наследников Домициана?

В имеющихся источниках какая-либо информация по этому поводу отсутствует, что открывает простор для разного рода предположений. К примеру, в католической науке уверены, что, поскольку Домицилла была христианкой, то «вполне вероятно, что оба этих парня (lads) были обращены своей благочестивой матерью в христианство, и, таким образом, возможно, два ребенка-христианина в конце первого века были предназначены для императорского пурпура в Риме»[19]. По мнению Э. Стауффера, «два мальчика, Веспасиан и Домициан, видимо, не пережили катастрофу, которая постигла их родителей. Они исчезли из истории без следа. Предположительно, Домициан без лишнего шума покончил с ними и, таким образом, намеренно уничтожил будоражащую воображение возможность христианской монархии за два столетия до Константина»[20].

Разумеется, возможность торжества христианства в Римской империи за два века до Миланского эдикта едва ли доказуема. Что же касается приписываемой Домициану расправы со своими приемными сыновьями, то это обвинение явно несостоятельно, прежде всего потому, что столь яркая деталь отсутствует в списке его злодеяний, заботливо составленном Тацитом, Светонием и Плинием Младшим. Причин для уничтожения наследников и последней надежды на сохранение династии у Домициана просто не было. Трагическая участь их родителей в данном случае значения не имела, поскольку усыновитель был их родственником по восходящей линии и, соответственно, дети перешли под его полную власть через in iure cessio[21], так что, по нормам римского права, их отцом считался он сам.

Кроме того, он должен был помнить и учитывать, что при Августе опала Юлии Старшей никак не сказалась на судьбе Гая и Луция Цезарей, а при Тиберии гибель Агриппины и ее старших сыновей не помешала Калигуле стать его наследником и преемником: известно, что мемуары Тиберия были настольной книгой Домициана (Suet. Dom. 20); надо полагать, не из-за литературных красот этого произведения, а в качестве своего рода «рецептурного справочника» в области политики.

Таким образом, больше оснований допустить, что на момент убийства Домициана заговорщиками его официальные наследники были налицо. Рассуждая, почему же власть не перешла к ним, Штайн указывает: «Вследствие последовавшего за убийством Домициана аннулирования всех его актов наследование трона этими мальчиками из рода Флавиев, естественно, потеряло силу, если они и были еще живы»[22].

Логика, на первый взгляд, безупречная, поскольку принятое сенатом постановление о damnatio memoriae Домициана (Suet. Dom. 23) должно было уничтожить всякую память о нем и, в частности, сделать акт усыновления (adoptio) юридически ничтожным. Однако не так давно Э. Коллинс доказал, что 18 сентября 96 г., в день убийства Домициана, заседания сената не было, оно состоялось только на следующий день, когда и было принято соответствующее senatus consultum, а к этому времени вопрос о преемнике Домициана был уже решен. По мнению исследователя, заговор был подготовлен так, чтобы минимизировать роль сената в выборе нового императора; решающую роль в приходе Нервы к власти, как обычно в таких случаях, сыграла гвардия[23].

Но хорошо известно, что престиж Домициана в войсках вообще и среди преторианцев в частности был высок, известие о его убийстве гвардия встретила с возмущением: Occisum eum... miles gravissime tulit (Suet. Dom. 23). В та-

ком случае неизбежен вопрос, почему же императорская власть не перешла к его законным наследникам?

Ответ на этот вопрос пытались найти давно. По мнению С. Гзеля, ключевую роль здесь должно была сыграть осуждение Флавия Клемента, которое «должно было резко понизить престиж двух сыновей Клемента, усыновленных императором, в глазах приверженцев, которые еще сохранились у династии Флавиев: ее враги могли больше не тревожиться по этому поводу; отныне они были уверены, что любой Флавий будет не в состоянии унаследовать его власть»[24]. Но эту точку зрения едва ли можно признать убедительной по приведенной выше причине: решающую роль здесь играла позиция самого Домициана по отношению к приемным детям, а вовсе не участь их родного отца.

К. Уотерс видит главную причину падения династии в том, что «она пресеклась из-за убийства в тот момент, когда в наличии не было взрослых наследников; различные кандидатуры отвергались принцепсом (Домицианом. – В.П.) по причине их нелояльности или откровенного предательства; оставались только два маленьких мальчика, которых Домициан предназначал в свои преемники»[25]. Таким образом, ключевым моментом здесь становится возраст претендентов на трон.

Сколько лет было приемным сыновьям императора в момент его убийства, неизвестно. Говоря об усыновлении, Светоний (Dom. 15.1) называет их малышами (parvulos), но мы не знаем, когда это усыновление состоялось, можно лишь предполагать, что между 90 (неудачная беременность Домиции) и 95 (консулат и гибель Флавия Клемента) годами. Дж. Грейнджер определяет их возраст как подростковый (boys in their early teens) и считает, что именно поэтому они в качестве преемников Домициана «явно не воспринимались серьезно»[26]. Но он же, анализируя ситуацию уже после начала принципата Нервы, рассуждает: «Жена Домициана была еще жива, как и мальчики, которых он избрал в свои наследники, Домициан и Веспасиан. Они были молоды, только вступили в подростковый возраст, но Нерону было лишь семнадцать, когда он принял власть; иными словами, молодость не была препятствием, даже если Нерон едва ли был удовлетворительным прецедентом. При опекунстве Домиции Лонгины они вполне могли быть приемлемы для многих»[27]. Однако в таком случае непонятно, почему же «вдовствующая императрица» не разыграла эту партию сразу после убийства своего супруга?

Думается, ответ кроется в том, что существовал круг лиц, которых такой вариант развития событий не устраивал категорически: это были непосредственные исполнители убийства и, что самое важное, те, кто стоял за ними и мог оказывать решающее влияние на ход дела в ближайшие часы после устранения Домициана. По Светонию (Dom. 14.1), император погиб «в результате заговора ближайших друзей, включая жену, и вольноотпущенников» (oppressus est amicorum libertorumque intimorum conspiratione, simul et uxoris). Эпитоматор Диона Кассия сообщает важную деталь (уточняя, правда: как говорят) – что в заговоре, наряду с императрицей, участвовали оба префекта претория. И это (т.е. заговор) было известно и Домиции, его жене, и префекту претория Норбану, и его коллеге Петронию Секунду (LXVII.15.1).

Не говоря уже о том, что перед покушением те, кто намеревался принять в нем непосредственное участие, должны были заручиться от организаторов какими-то гарантиями собственной безопасности, переход власти к официальным наследникам Домициана все они должны были исключить в принци-

пе, так как в этом случае «сыновний долг» потребовал бы от тех расправиться с убийцами и их вдохновителями (здесь можно вспомнить, какие колоссальные политические дивиденды извлек Октавиан, объявив себя мстителем за смерть «божественного Юлия». Кроме того, был еще по меньшей мере один настораживающий и более близкий по времени прецедент: казнь Клавдием преторианских офицеров, убийц Калигулы, хотя, по сути дела, благодаря им он стал императором).

Физически устранить приемных сыновей Домициана было бы слишком опасно, если учесть популярность покойного среди военных и то обстоятельство, что гвардия присягала на верность всему императорскому дому (praetorianos toti Caesarum domui obstrictos. – Tac. Ann. XIV.7.4). Но изолировать их, пока решался вопрос о новом принцепсе, заговорщики были вполне в состоянии, и, может быть, это было делом рук Домиции Лонгины: отсюда то подчеркнутое уважение, с которым к ней относились первые Антонины, которые в таком случае могли быть обязаны своим положением не в последнюю очередь ей.

Нечто подобное уже имело место 13 октября 54 г., когда Агриппина Младшая сразу после смерти Клавдия не допустила, чтобы его родной сын Британник попался на глаза преторианцам, пока власть не перешла к Нерону. Показательно, что, при этом, по словам Тацита, «некоторые воины заколебались: озираясь по сторонам, они спрашивали, где же Британник; но так как никто не призвал их к возмущению (nullo in diversum auctore), им только и оставалось покориться» (Ann. XII.68.2–69.1. Перев. А.С. Бобовича).

18 сентября 96 г. сложилась в чем-то похожая ситуация: убийство Домициана было делом очень узкого круга лиц и для преторианцев оказалось совершенно неожиданным. Светоний (Dom. 23.1) подчеркивает, что они жаждали отомстить, но тогда у них не нашлось лидеров (miles... paratus et ulcisci, nisi duces defuissent). В столь накаленной атмосфере невозможно было игнорировать враждебность гвардии по отношению к убийцам и ее гнев по поводу убийства императора. С другой стороны, преторианцы непосредственно после смерти Домициана ничего не знали о наиболее видных участниках заговора. Поэтому последним и удалось добиться одобрения гвардией компромиссной фигуры Нервы[28]. На следующий день кандидатуру «бесцветного политика, который оставался в фаворе при Нероне и Флавиях»[29], одобрил сенат.

Если юным Флавиям удалось пережить падение Домициана, то об их дальнейшей судьбе можно только догадываться. Известно, что Нерва возвратил всех сосланных Домицианом (Dio Cass. LXVIII.1.2) и, таким образом, из ссылки должна была вернуться их мать. В таком случае бывшие наследники трона, ставшие теперь частными лицами, возвратились к ней и навсегда исчезли из истории. Для новой власти они не представляли столь серьезной опасности, чтобы она озаботилась их устранением, которое к тому же наверняка вызвало бы негативную реакцию военных. Возможно, они, как и Домицилла, действительно вошли в христианскую общину города Рима, но сведений об этом традиция не сохранила.

Примечания:

1. В античной историографии «Домициан стал воплощением автократии, подлинным тираном на троне. Возможно, исключительно благожелательное изображение его предшественников, отца и брата, было намеренно выражено в

такой манере, чтобы создать таким образом разительный контраст с Домицианом» (Mrosewicz L. Roman Empire during the Reign of the Flavians. Principal Trends of Development and Threat. Warszawa, 2010. P. 35).

2. Парфенов В.Н. Pessimus princeps. Принципат Домициана в кривом зеркале античной традиции // Античная история и классическая археология. М., 2006. С. 212–221.

3. По остроумному замечанию К. Уотерса, «последний из династии – всегда наихудший». Здесь же он отмечает, что, по словам Геродиана (IV.2.1), обожествлены были те императоры, что оставили после себя сыновей-преемников. Таким образом, при других обстоятельствах Домициан мог бы удостоиться обожествления (Waters K.H. The Second Dynasty of Rome // Phoenix. 1963. Vol. 17. No. 3. P. 210).

4. «Домициан сравнивается и идентифицируется с Юпитером, тогда как его жена Домиция ассоциируется с Юноной. Император и всё, что принадлежит ему (possessions), священны, и он является отцом и правителем Рима и всего мира. Он – владыка и бог, его нумен и гений являются объектом поклонения... Он – воплощение красоты, великолепия, достоинства – и большей своей частью является богом. Сияние его взгляда подобно пламени, его лицо лучезарно. ... Он дает мир и радость человечеству. Он сравним с богами и полубогами, и его патронесса Минерва ткет ему одеяние. Месяцы носят его имя, и священные статуи из благородных металлов ставятся в его честь. Фамилия Флавиев божественна, а ее покойные члены вознесены на небеса... Домициан – основоположник нового золотого века, и Стаций предсказывает, что он будет жить и увековечивать всё это много дольше, чем прошло лет легендарного прошлого» (Scott K. Statius Adulation of Domitian // American Journal of Philology. 1933. Vol. 54. No. 3. P. 259).

5. «Condicionem principum miserrimam aiebat, quibus de coniuratione comperta non crederetur nisi occisis» (Suet. Dom. 21).

6. Гаспаров М.Л. «Ибис» и проблема ссылки Овидия // Вестник древней истории. 1977. № 1. С. 119.

7. Веспасиан официально заявил сенату, что его наследниками будут либо сыновья, либо никто (ausus sit affirmare senatui, aut filios sibi successuros, aut neminem) (Suet. Vesp. 25. Ср.: Dio Cass. LXVI.12.1; Eutrop. VII.20.3). Светоний не случайно употребляет выражение «дерзнул заявить сенату». Дело в том, что формально избрание принцепса было прерогативой сената, хотя в действительности, начиная со смерти Августа, вопрос о преемнике императора решала армия: в зависимости от ситуации – либо преторианцы, либо легионы. Веспасиан, победитель в гражданской войне, впервые столь недвусмысленно дал понять «отцам-сенаторам», что является сторонником принципа наследственной монархии, что не могло не вызвать оппозиции традиционалистов внутри высшего сословия. Оппозиция эта была не только духовной, она порождала заговоры против императора. При Домициана ситуация максимально обострилась, что в конечном счете и стоило ему жизни.

8. См.: Morford M. The Training of Three Roman Emperors // Phoenix. 1968. Vol. 22. No. 1. P. 71 f.

9. Suet. Dom. 3.1; Stat. Silv. I.1.74,97; IV.3.139; Sil. It. Pun. III.625, 629; Martial. IV.3.8. Согласно нумизматическим данным, это случилось до 84 г. – монеты, свидетельствующие об обожествлении сына Домициана, выпущены в 81–84 гг. (Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. 2me éd. P.; L., 1880. T. 1. P. 535 suiv. No. 5–10; Mattingly H., Sydenham E.A. The Roman Imperial Coinage. Vol. II. Vespasian to Hadrian. Macon, 1926. P. 181. No. 440–443; Stein. Domitia Longina // Pauly' s Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart, 1905. Bd. 5. Sp. 1513 f.; Susplugas M. Les monnaies de Domitien, témoins de sa politique // Latomus. 2003. T. 62. Fasc. 1. P. 90).

10. Обстоятельства неизвестны, но, во всяком случае, ребенок был потерян (McFayden D. The Occasion of the Domitianic Persecution // American Journal of Theology. 1920. Vol. 24. No. 1. P. 60. Ср.: Stein. Op. cit. Sp. 1514).

11. С точки зрения римских традиций, семья Клемента и Домициллы являлась образцом: в ней было по меньшей мере семеро детей. Эта интересная деталь выяснилась, когда в 1865 г. знаменитый итальянский археолог Джованни Батиста де Росси («отец христианской археологии») опубликовал найденную им надпись кормилицы детей Домициллы. Аутентичность надписи не подлежит сомнению, но сохранилась она не полностью (утрачены окончания строк). Позднее она вошла в наиболее известные своды латинских надписей (CIL VI 8942= ILS 1839). Текст ее, восстановленный Т. Моммзеном, читается так:

Tatia Baucyl[is, nu]/trix septem lib[erorum, pronepotum]/ divi Vespasian[i, filiorum Fl. Clementis et]/ Flaviae Domitil[lae, uxoris eius, divi]/ Vespasian[i] neptis, a[ccepto loco ei]/us beneficio hoc sephulcru[m feci]/ meis libertis libertabus po[sterisque eorum].

Перевод: «Я, Татия Бавкилида, кормилица семерых детей, правнуков божественного Веспасиана, детей Флавия Клемента и Флавии Домициллы, его жены, внучки божественного Веспасиана, получив это место в качестве ее благодеяния, основала это кладбище для моих вольноотпущенников, вольноотпущенниц и их потомков».

12. На то, что Домициан явно следовал здесь примеру Августа, обратил внимание С. Пфайфер (Pfeiffer S. Die Zeit der Flavier. Vespasian – Titus – Domitian. Darmstadt, 2009. S. 76).

13. «... cuius (sc. Clementis) filios, etiam tum parvulos, successores palam destinaverat, et abolito priore nomine, alterum Vespasianum appellari iusserat, alterum Domitianum...» (Suet. Dom. 15.1).

14. «cum vero mihi Domitianus Augustus sororis suae nepotum delegaverit curam...» (Quintil. Inst. orat. IV. Prooem. 2).

15. Cohen. I^2. P. 539. Отсутствие монет его брата Домициана Штайн объясняет «кратковременностью их положения как наследников трона» (Stein. (T. Flavius) Vespasianus) // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart, 1909. Bd. 6. Sp. 2623).

16. Suet. Dom. 15.1; Dio Cass. LXVII.14.1–2; Euseb. HE. III.18.4.

17. «Quo maximo facto maturavit sibi exitium» (Suet. loc. cit.).

18. См.: Парфенов В.Н. Император Домициан и христиане. К оценке современного состояния проблемы // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2013. Вып. VII. С. 168–184; его же: Христиане рядом с императорским троном? К вопросу о вероисповедании Флавия Клемента и Домициллы // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2014. Вып. VIII. С. 144–156.

19. Healy P. Flavia Domitilla // Catholic Encyclopedia. N.Y., 1909. Vol. 6. – Режим доступа: http://www.newadvent.org/cathen/06098b.htm. – Дата обращения: 15.02.2015.

20. Stauffer E. Christ and the Caesars. Historical Sketches. Philadelphia, 1955. P. 164. Ниже (p. 268) автор, по собственному усмотрению повысив в ранге обоих детей, без тени сомнения именует Домициллу: «the Christian mother of the last Flavian emperors».

21. Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения) / Пер. с чешск. – М., 1989. С. 22 сл.

22. Stein. (T.Flavius) Domitianus // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung von G. Wissowa u.a. Stuttgart, 1909. Bd. 6. Sp. 2597.

23. Collins A.W. The Palace Revolution: the Assasination of Domitian and the Accession of Nerva // Phoenix. 2009. Vol. 63. No. 1/2. P. 98 ff.

24. Gsell S. Essai sur le règne de l'empereur Domitien. Thèse de doctorat. P., 1893. P. 316.

25. Waters K.H. The Second Dynasty... P. 217.

26. Grainger J.D. Nerva and the Roman Succession Crisis of AD 96–99. L.; N.Y., 2003. P. 20.

27. Ibid. P. 67 f.

28. «Можно только догадываться, как Нерва был представлен войскам. Так как он был тесно связан с династией Флавиев и занимал ординарное консульство 90 г. вместе с императором, войска, вероятно, видели в нем лояльного приверженца и придворного Домициана» (Collins A.W. Op. cit. P. 100. Ср.: Grainger J.D. Op. cit. P. 2 ff.; Kienast D. Nerva und das Kaisertum Trajans // Historia. 1968. Bd. 17. H. 1. S. 51–71; Murison Ch.L. M.Cocceius Nerva and the Flavians // Transactions of the American Philological Association. 2003. Vol. 133. P. 147–157).

29. Waters K.H. Op. cit. P. 217.

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

И.В. Зайцева
Белгородский юридический институт МВД РФ

В статье освещаются вопросы, связанные с деонтологическими основами в преподавании раннехристианского отца церкви, руководителя Александрийской школы Климента Александрийского. Его деятельность имела не только религиозную окраску, но, прежде всего, в своей работе он пытался максимально расширить знания слушателей, привить им любовь к изучению наук и подвести к пониманию нравственности и долга.

Ключевые слова: деонтология, Климент Александрийский, Александрийская школа, трилогия.

DEONTOLOGICAL BASIS IN TEACHING ACTIVITY OF CLEMENT OF ALEXANDRIA

I.V. Zaitseva
Belgorod Law Institute Russian
Ministry of Internal Affairs of Russia

The article highlights the issues related to the deontological basics in the teaching of early Christian church father, the head of the school of Alexandria, Clement of Alexandria. His work was not only religious but, above all, he tried to maximize students' knowledge, cultivate them a love for the study of the sciences and lead to the understanding of morality and debt.

Keywords: deontology, Clement of Alexandria, Alexandria School, trilogy.

Начало преподавательской деятельности Климента Александрийского связывают со знаменитой Александрийской школой, в которой он провел определенный отрезок своей жизни и где шла активная борьба со взглядами, которые мешали ему укреплять и развивать христианское училищное дело[1]. В своей работе, ему приходилось сталкиваться с людьми, которые утверждали, что «следует заниматься вещами лишь самыми необходимыми, каковы элементарные положения веры, и что будто бы учения внешние (то есть науки, какие были у язычников), нам (христианам) чуждые и ненужные, следует обходить молчанием, потому что они будто бы будут лишь обременять нас и при том совершенно понапрасну и отвлекать нас к делам, не имеющим отношения к нашему спасению»[2]. Другие, по словам Климента, выражали мнение, что «философия (под понятие которой тогда подводилась вся наука) проникла в жизнь людей лишь на горе и на гибель им, и что она имеет злой корень»[3].

Ввиду таких взглядов на науку, Клименту приходилось доказывать, что «философия сама по себе вовсе не влияет гибельно на человеческую жизнь, и что не она является причиной возникновения ложных мнений и дурных дел, и что от веры она не отвлекает нас, как если бы это были чары какого-либо волшебного искусства»[4]. То есть, можно сказать, что Климент видел в изучении философии определенный долг и это можно считать первой деонтологической основой его преподавательской деятельности.

Программу обучения Климента Александрийского можно проследить по его трилогии (opus magnus). Основа «Увещевания к язычникам» – лекции, подготовленные ректором для, условно говоря, «1-го курса» возглавлявшегося им училища, т.е. для тех представителей эллинистической традиции, которые заинтересовались христианством и готовились к крещению. «Педагог» представлял собой курс нравственного богословия, предназначенный, очевидно, для «2-го курса», т. е. для новокрещеных. Что же касается «Стромат», то они отражали сокровенный христианский гносис: они предназначались для тех, кто стремился постичь возвышенное божественное знание. Возможно, именно поэтому они были составлены в такой хаотичной системе, чтобы понять смысл данного произведения мог лишь тот, кто на самом деле пришёл к пониманию нового вероучения[5].

При такой гибкой и академически продуманной программе дидаскал Александрийской школы был не только преподавателем богословия, но и в собственном смысле «детоводителем», духовным наставником своих учеников в вере и аскетической практике. Согласно Клименту, постижение божественных тайн неотделимо от спасения, поэтому христианское образование есть исполнение воли Божией, есть христианский подвиг веры[6]. Это можно считать второй деонтологической основой, поскольку долг любого христианина получить христианское образование.

Трилогия Климента дает ясное представление о том, какой курс наук преподавался им в Александрийском училище. На начальных этапах студенты знакомились с науками и искусствами, составляющими «мирскую мудрость», а также со всем многообразием античного философского наследия[7]. Затем изучалось Священное Писание Ветхого Завета, причем упор делался на поиск параллелей между античной и ветхозаветной традицией. Наконец, изучались памятники христианской письменности, в частности, Евангелия и послания св. апостола Павла. Предметом изучения было и собственно церковное Предание, которое сравнивалось с «преданиями» еретиков. Климент обращал особое внимание на опровержение гностических учений: им противопоставлялся истинно христианский «гносис»[8]. В этом нам также видится определенная деонтологическая задумка Климента, поскольку первоначально христиане получали религиозное образование именно с помощью изучения гностических учений и только Климент, установил, что долгом христианина является получения знания через постижение настоящего, а не интерпретированного гносиса.

Большую роль Климент отводил изучению светских наук и философии, поскольку полагал, что неученый человек не сможет ни отличить истину ото лжи, ни должным образом защитить христианскую веру перед ее врагами: «Некоторые же полагают весьма разумным ни с диалектикой, ни с философией дела не иметь, ни естественных наук не изучать, но довольствоваться лишь простой и чистой верой. Но это все равно, как если бы утверждали они, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно лишь посадить ее, чтобы иметь потом гроздья... При уходе же за виноградной лозой... приходится пользоваться ножом, заступом и другими земледельческими орудия-

ми... Подобным же образом свести все к истинному учению может лишь человек основательно ученый. Для защиты веры от посягательств на нее он пользуется многим и из геометрии, и из музыки, и из грамматики, и из философии» (Strom. IV,13). Здесь долг христианина перекликается с долгом любого образованного человека и гражданина своего государства. С этой же целью Климент обращал внимание на изучение «подготовительных» или «начальных» наук (музыки, геометрии, грамматики, ораторского искусства), которые сами по себе позволяют стать христианину энциклопедически образованным, чтобы поставить себя на службу христианству[9]: «Насущным делом истинного мудреца является познание. Но уважение к познанию как таковому располагает его и к наукам подготовительным... ведь в каждой из них он отыскивает оружие, содействующее защите истины. Музыка своим обусловленным мерой ритмом и гармонией аккордов учит его согласию с самим собой. Арифметика... объясняет, что большая часть вещей и их связи подчинены числовым соответствиям. Углубляясь в геометрию... он, благодаря навыку в созерцании, привыкает к умопредставлению сплошного пространства и насущного, т.е. неизменного бытия, отличного от вещей земных. Астрономия возносит его ум за пределы земли... Но истинно мудрый не останавливается на этом. Он изучает также и диалектику... Именно она учит его проникать в сущность предметов... [Истинный мудрец] должен быть знаком со всем кругом школьных наук и всей эллинской мудростью. Но сами по себе они не имеют для него никакого значения; он видит в них полезную и лишь по времени и обстоятельствам необходимую принадлежность жизни. В руках еретиков науки эти служат средством для распространения лжи и зла, в его же руках – орудием добра и истины» (Strom. III,6).

Придавая большое значение философии, он полагал, что не следует противопоставлять философии христианскую веру[10]. По его учению, «философия не отвращает от веры», напротив, «мы ограждаемся ею, как неким прочным оплотом, приобретая в ее лице своего рода союзника, вместе с которым утверждаем и свою веру» (Strom. III,18). Согласно Клименту, «путь к истине один, но в него вливаются различные потоки, соединяясь в реку, текущую в вечность» (Strom. III,22). Одним из таких потоков является древнегреческая философия, которая является подготовительным видом обучения, прокладывающим путь к Господу. Философия была дана эллинам как божественный дар, как «воплощенный образ (икона) истины»; для эллинов она – такой же детоводитель ко Христу (Гал. 3:23-24), каким было для евреев Писание Ветхого Завета. Сам термин «философия» употребляется Климентом в расширительном смысле: для него философия – не учение Платона, Эпикура или Аристотеля, но «то лучшее, что каждая из этих школ говорит о справедливости и благочестивом знании»[11].

«Истинная философия», по Клименту, есть любовь к истине и стремление к познанию истинного Бога[12], что также является долгом. Если у эллинов философия нередко вырождается в софистику, то для христиан она всегда остается путем к приобретению мудрости: «...Философия есть поистине искусство правильной мудрости, дающее опыт в вещах жизненно важных; она – твердое познание того, что касается Бога и человека; некое прочное и непоколебимое обладание, скрепляющее воедино настоящее, прошедшее и будущее – то, чему научил нас Сам Господь Своим пришествием или через пророков. Она неизменна как переданная от Сына... и как познанная через Него является всецело истинной. Она и вечна, и полезна для целей временных... Философами же мы

называем тех, кто любит мудрость Творца и Учителя всех, то есть познание Сына Божия, а эллины – тех, кто состязается в словах о добродетели» (Strom. I,26).

При всем уважении, которое испытывал Климент к философии, он понимал, что ее изучение является, в свою очередь, подготовительной ступенью к постижению истинной мудрости – христианского гносиса[13]. Поэтому после обзора античных философских систем Климент переходил к Священному Писанию Ветхого Завета: он рассказывал ученикам о его греческом переводе и о его «авторе» – Моисее. Далее следовал подробный разбор «параллелей» между Моисеем и Платоном: целью этого разбора было доказать, что Платон читал Моисея и многое заимствовал из Ветхого Завета. Учение Ветхого Завета сравнивалось также с взглядами античных законодателей – Миноса, Ликурга и Солона[14]. На следующих этапах изучения Священного Писания Климент обращался к опровержению гностических учений, попутно продолжая сравнивать античные концепции с ветхозаветными учениями[15].

Климент предлагал слушателям и курс «экзегетики» Священного Писания, касаясь таких ключевых экзегетических понятий, как библейский антропоморфизм, буквальное и аллегорическое толкование Писания. Вопросы нравственного богословия, составлявшие основную часть подготовительного курса («Педагог»), затрагиваются и на высших этапах обучения (нравственные увещания рассыпаны по всему корпусу «Стромат»)[16]. Мы не можем говорить о систематическом курсе «догматики» у Климента, однако несомненно, что на высших этапах обучения он знакомил учеников с основными «таинствами» христианской веры, такими как Предвечный Совет и Промысл Божий о спасении человечества, сошествие Христа во ад и проповедь Евангелия язычникам, умершим вне веры, и многие другие[17].

В своей деятельности Климент затрагивал и экклезиологическую проблематику. Вопросы мистического богословия также находят свое отражение в труде Климента: он говорит о видении Бога, к которому призваны христиане, об обожении человеческого естества. Характерно, однако, что у автора «Стромат» нет разделения богословия на «нравственное», «догматическое», «сравнительное» и т.д.[18]. Именно это, очевидно, понимается под «несистематическим» характером «Стромат», на который неоднократно обращали внимание исследователи.

Отсутствие у Климента четкого подразделения христианского богословия на различные области, на взгляд некоторых исследователей, связано с отсутствием такового деления в самом курсе наук, преподававшихся в Александрийском училище[19]. У Климента, безусловно, была своя «система», которая заключалась в последовательном переходе от низшего этапа к высшему: от «подготовительных наук» к философии, от философии к богословию. Но в подаче материала у Климента полностью отсутствует фрагментация, столь характерная для сегодняшней богословской школы[20]. Христианская наука преподавалась Климентом как единое целое, не разделенное на те или иные области. И в этом, как полагают исследователи, не недостаток, но, напротив, великое достоинство того метода преподавания, который был характерен для Александрийской школы. Ученики усваивали христианскую доктрину в ее когерентности, прослеживая неразрывную связь между догматом, нравственностью, опытом молитвы и мистическим опытом[21].

Теперь необходимо обратиться к вопросу о цели той образовательной системы, которая была разработана Климентом, для того, чтобы окончательно убедиться в прочной деонтологической основе его преподавания. Прежде всего,

он хотел приобщить учеников к сокровищам истинного гнозиса, научить их мудрости, раскрыть перед ними тайны христианской веры. Но не меньшее значение имело духовно-нравственное воспитание учащихся: «Не природа, а обучение делает нас благими, подобно тому, как обучение создает врачей и моряков... Даже и важнейшие из добродетелей могут быть достигнуты людьми, природа которых противится истине, если их в том наставляют и если те наставления принимаются... Вложенные в нас искры добра раздуваются воспитанием; учение наставляет нас избирать добро и предпочитать его злу» (Strom. II,65).

Цель воспитания, по Клименту, - ввести ребенка в христианский образ жизни. Климентом детально описаны правила поведения ребенка[22]. Семь свободных искусств рассматривались лишь в качестве дополнительного средства воспитания. В его произведении «Педагог» нарисован образ человека, который ведет юношей по пути добра и в активном диалоге закладывает основы постижения истины. Пример жизни педагога - образец для подражания воспитанникам.

Кроме того, Климент Александрийский полагал, что должно уметь ставить воспитательные цели и соответствующими средствами влиять на ход их достижения. При этом он отмечал, что целью деятельности педагога является не простая передача знаний, не «научение», а - «улучшение души». Через убеждающее слово учителя дети знакомятся с образами лучших людей, отмеченными святостью жизни, побуждающими молодежь поступать подобным же образом, подражать «избравшим добро», отвергая зло[23]. Именно это является лучшим средством для укрепления души человека.

Климент желал и старался возбудить в своих учениках энергию в исследовании истины. Он, по его словам, «не хотел, чтобы ученики на школьных уроках как бы прогуливались в культивированном саду, но чтобы они находились здесь, как в саду невозделанном, где нужно истину искать в поте лица, как розу среди терния» (Paed. II,12).

На своих уроках избегал всего бьющего на эффект, всего, что могло иметь лишь минутное впечатление, а стремился единственно к истине. Он, по собственному признанию, вовсе не заботился о том, чтобы расставлены были фразы в надлежащем порядке, как женские наряды. Он припоминает прекрасное правило Пифагора, что Муз должно предпочитать сиренам. Истина, говорит он, не должна наряжаться и румяниться подобно кокетке[24]. «Приправа не пища, - говорил он еще, - речь, которая рассчитана более на то, чтобы понравиться, чем на истинную пользу слушателей - есть дурно изготовленное кушанье». Климент вовсе не заботился о том, много ли, мало ли у него слушателей. Он объявлял, что «для мудреца достаточно и одного слушателя». Он (Климент) отнюдь также не думал о материальном поощрении от своих слушателей. «Награда позора (блуда), - говорил он словами ветхозаветного пророка, - да не войдёт во святилище» (Strom. III,15).

Но наиболее «интересной частью наследия Климента является его нравственное учение, адресованное мирянам» (в то время как традиционно, «церковные писатели предпочитали писать на морально-аскетические темы, адресуясь в первую очередь к монахам»)[25]. Сравнивая Климента с предшествовавшими ему христианскими богословами, К.И. Скворцев заключает: «Ни один из предшествовавших апологетов христианства не изучал с такой любовью отношения веры к знанию, порядка сверхъестественного к естественному, как Климент Александрийский»[26].

Таким образом, мы отметим, что преподавательская деятельность Тита Флавия Климента строилась на прочных деонтологических основах, которые включали в себя необходимость изучения истинного гносиса, античной философии, стремление преподавателя «улучшить состояние души» слушателя, что являлось важной составляющей морально-нравственного воспитания и выдвинуло Климента на первый план среди первых христианских богословов.

Примечания:

1. Daley B.E. The Hope of the Early Church. A Handbook of Patristic Eschatology. Cambridge, 1992. P. 17.

2. Dawson D. Allegorical Readers and Cultural Revision of Ancient Alexandria. Berkeley, 1992. P. 167.

3. Там же. С. 169.

4. Faye E. de. Clement d' Alexandrie. Paris, 1906. P. 81.

5. Ferguson J. Clement of Alexandria. New York, 1974. P. 89.

6. Wilken R.L. Alexandria: A School for Training in Virtue // Schools of Thought in the Christian Tradition. Philadelphia, 1985. P. 77.

7. Там же. P. 79.

8. Grant R.M. Early Alexandrian Christianity // Church History. 40. 1971. P. 140.

9. Миллер Т.В. Византийская экзегеза 2: отцы Церкви II-III вв. // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. 1994. № 3. С.73.

10. Hoek A. van den. The «Catechetical» School of Early Christian Alexandria and Its Philonic Heritage // Harvard Theological Review. 90. 1997. P. 59.

11. Ермаков А. Климент Александрийский и его учение о жизни человека // Церковь и общество на пороге третьего тысячелетия: X Рождественские православно-философские чтения. Нижний Новгород, 2001. С. 250.

12. Fideler D.R. Alexandria: the journal of the western cosmological traditions. T. 3. Phanes Press, 1995. P. 114.

13. Wyrwa D. Die christliche Platonaneignung in den Stromateis des Clemens von Alexandrien. Berlin, 1983. P. 53.

14. Ferguson J. The Achievement of Clement of Alexandria // Religious Studies. 12.1. 1976. P. 79.

15. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М., 2006. С. 657.

16. Gabrielsson J. Ueber die Quellen des Clemens Alexandrinus. Bd. 1–2. Upsala, 1906-1909. P. 210.

17. Harnack A. Alexandria School // The New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowlege. Vol. 1. Michigan: Baker Book House. Grand Rapids, 1960. S. 124.

18. Bardy G. Clément d'Alexandrie. Paris, 1926. P. 212.

19. Ferguson E. Orthodoxy, Heresy and Schism in Early Christianity. New York – London, 1993. P. 119.

20. Osborn E. Teaching and Writing in the First Chapter of the Stromateis of Clement of Alexandria // Journal of Theological Studies. 10. 1959. P. 337.

21. Wilson W. Ante-Nicene Fathers. Vol. 2. Grand Rapids, 1980. P. 489.

22. William A. The Faith of the Early Fathers. Volume 1. Collegeville, MN, 1970. P. 26.

23. Хосроев А.Л. Александрийское христианство в свете текстов из Наг-Хаммади. М., 1991. С. 94.

24. Wagner W. Another Look at the Literary Problem in Clement of Alexandria's Major Writings // Church History. 37. 1968. P. 255.

25. Ермаков А. Указ. соч. С. 250.

26. Скворцев К.И. Философия отцов и учителей Церкви. Киев: Изд-во имени святителя Льва, папы Римского, 2007. С. 115.

РИМСКО-САСАНИДСКИЙ «САМЫЙ ПОЗОРНЫЙ» ДОГОВОР 244 Г. И АРШАКИДСКАЯ АРМЕНИЯ

А.Ж. Арутюнян
Ереванский государственний университет (Армения)

В 226 г. в Иране Сасаниды осуществили государственный переворот, захватив власть, что привело к кореному изменению международной ситуации не только в Ближнем Востоке в целом, но и в Армении. Целью Сасанидов было не только захватить соседние государства, хотя бы в пределах Ахеменидской державы, но и вытеснить Рим из близлежащих территорий.

Началась Римско-персидская война, в которой на стороне империи на первом этапе сражалась Аршакидская Армения. Этот этап закончился «самым позорным" мирным договором 244 г., о котором античные историки Зосим, Зонара, Евагрий и др. сообщают противоречивые сведения. Исследуя эти сведения, мы пришли к выводу, что после данного соглашения между Сасанидами и Арменией никаких перекроек государственных границ не было.

Ключевые слова: Римская империя, Сасанидский Иран, Аршакидская (Великая) Армения, межгосударственные границы, «самый позорный" мирный договор, античные историки.

ROMAN- SASANIAN «THE MOST DISGRACEFUL» AGREEMENT 244 AD AND ARSHAKID ARMENIA

A. G. Harutyunyan
Yerevan State University (Armenia)

In 226 AD in Iran the Sassanids carried out a coup, seized power, which led to a radical changes in the international situation not only in Near East in general, but also in Armenia. The purpose of the Sassanids was not only to seize the neighboring states, at least within the Achaemenid Empire, but also displace Rome from the surrounding areas.

The Roman-Persian War in which Arshakid Armenia had been fighting in the first stage on the side of the empire has begun. This phase was over «the most shameful» peace agreement of 244 A.D. The ancient historians Zosimus, Zonaras, Evagrius et al. reported the conflicting information about this agreement. Exploring these data, we concluded that after «the most shameful» agreement between the Sassanids and Armenia there were not remakes of state borders.

Key words: Roman Empire, Sasanian Iran, Arshakid (Great) Armenia, «the most shameful» peace agreement, state borders, antique historians.

После переворота в Персии, осуществленного Сасанидами в 226 г., Римскую империю ожидали существенные изменения на востоке. Этот вопрос детально изучен многими исследователями[1].

С приходом Сасанидов ситуация стала меняться не только для Рима, но и для Великой Армении, где в то время, начиная с 52 г. н.э. царствовала одна из ненавистых Сасанидами ветвей армянских Аршакидов, союзников Римской империи (основал династию армянских Аршакидов Тиридат I (правил 52-88 гг.). Римская империя, в свою очередь, имела захватнические планы на востоке, которым должна была противостоять Сасанидская Персия. Первый этап этих противоречий закончился самым «позорным договорм» 244 г., который историками (начиная с первой половины прошлого века) комментируется неоднозначно.

Утвердившиеся на троне Сасаниды долго не заставили себя ждать и перешли к реализации задуманного[2]. Царствующий в Риме последний представитель династии Северов император Александр (222-235 гг.) вынужден был в

232 г. отправиться в военный поход на восток, поскольку опасность, исходящая от Сасанидов, как дамоклов меч висела над головой Римской империи.

В этот период основатель империи Сасанидов Ардашир I (226-241 гг.) сумел сокрушить не только государство парфянского царя Артавана V, но и захватил царство Артавазда на территории Атропатены, Мидии и Адиабены, чему в значительной мере содействовали армяне[3]. Для Великой Армении существование этого государства было весьма желательным, поскольку оно полностью перекрывало внешнюю границу между армянами и Сасанидами.

Таким образом, существование парфянского государства Артавазда создавало очень благоприятные условия, в первую очередь, для Великой Армении. Армянское царство в юго-западной части границы соседствовала с более или менее дружественно настроенной Империей, а на юго-востоке - с дружественной и находящейся в зависимости Парфией. Фактически, под угрозой оказалось не только существование восточных территорий Римской империи. Серьезная угроза возникла и для южных границ Великой Армении практически по всей их протяженности. Если к этому прибавить то обстоятельство, что Сасаниды имели цель «воскресить» мировую державу Ахеменидов, говорить о масштабах угрозы представляется бессмысленным. Если бы даже они не сумели реализовать свои державные планы, то Великую Армению ожидала участь находиться в постоянно напряженном военном положении. Получается, что медлительность была равносильна гибели, в крайнем случае, разгромному поражению.

До того момента, как император пришел на восток, отчаянную борьбу с Сасанидами начали царь Армении Хосров Великий-Тиридат II (правил с перерывами 198-215гг., 217-253гг.) с одной стороны, с другой стороны - кушаны, в стране которых правил один из представителей парфянских Аршакидов, однако эта борьба не принесла каких-либо положительных результатов[4].

Война между персами и римлянами, в которой Великая Армения должна была выступить на стороне империи, началась в 232 г. В интересующем нас аспекте свидетельства Писателя Истории Августов Элия Лампридия имеют поверхностный характер, в то время как греческие историки Геродиан и Зонар дают очень подробное описание северного направления данного похода[5]. Тем не менее, остается непонятным, откуда римские войска отправились в Атропатену и Мидию: из ставки в г. Антиохия, из Мелитены, из Саталы?

Однозначно, что римляне не имели никакой надобности войти в Атропатену или Мидию, поскольку на этих территориях правил Артавазд, находившийся в зависимости от Великой Армении и одновременно будучи союзником Рима. Далее, сразу же после Антиохии, Мелитены или Саталы совершить поход на вышеуказанные территории было бы равносильно сумасбродству, поскольку войска должны были бы пройти через всю Персию. Это, в сущности, было невозможно и могло осуществиться только в случае захвата государства Сасанидов. Невозможным представляется и выход на данные территории через Великую Армению, поскольку в этом случае римляне, во-первых, должны были бы дойти до Амида и Тигранакерта, на что указывают дороги «Певтингеровой карты», а затем через армянскую «Царскую дорогу» – до Арича или Арташата. Из Арича через станцию Вордспу или Catispi они должны были дойти до Бакуракерта или Filadelfia и только отсюда, двигаясь на юг, могли бы достичь своей цели. Возможным представляется продвижение войск из Арташата через Нахчаван до Бакураткерта, а отсюда продолжение похода так же, как было отмечено выше[6].

Нам представляется более вероятным, что имперские войска предварительно были собраны в городе **Антиохия**, имеющем мягкий климат, затем они дошли до Эдессы, после чего отправились в **Нисибин**, откуда двинулись на восток. Упоминания как Геродиана, так и Зонара свидетельствуют, что этот поход был достаточно труден и всегда проходил через горные дороги и ущелья. Следует также предположить, что параллельно с южными склонами **Армянского Тавра** римляне прошли на восток, дошли до **Нисибина**, а затем двинулись на юго-восток, где достигли района **Кордукских** (**Нпатаканских**) гор. Здесь они потерпели поражение и понесли большие потери.

Войска вернулись обратно; вышеупомянутые историки по неизвестным причинам отмечают – **в Атропатену** или **Мидию**. Куда же в действительности дошли союзники до разгрома, остается неизвестным. Александр в 232 г. достиг бы еще больших успехов, если бы проявил решительность, отсутствие которой и явилось причиной неудачи его похода.

В войне ни одной из сторон не удалось достичь своей цели. И если Геродиан и Зонар обходят вопрос подписания соглашения, то Лампридий говорит о своих военных трофеях[7]. Не исключая захвата большого количества трофеев, следует с некоторой осторожностью отнестись к свидетельству о том, что Александр устроил в Риме триумф. Если это и имело место, то только с целью демонстрации римлянам своей силы и мощи.

Всему этому невозможно дать однозначную оценку. Вероятно, Риму пока удалось восстановить на востоке прежний статус кво. Видимо, этим и обусловлено то обстоятельство, что обе стороны считали себя победителем. В создавшихся условиях это естественно. Тем не менее, границы Великой Армении остались прежними, несмотря на то, что армянские войска также принимали активное участие в войне 232 г. (естестенно, на стороне римлян). Изменения границ не произошло и при преемнике Александра Максимине Фракийском (235-238 гг.). Однако при Гордиане III (238-244 гг.) события стали развиваться очень стремительно.

В Риме ситуация обострилась после гибели Александра в войне с германцами. В последующие годы события стали стремительно развиваться, в результате чего на римском троне появилась случайная личность - Гордиан III. В этот же период в Сасанидском Иране Ардашира сменил на престоле Шапух I (241-272 гг.). Последний унаследовал не только трон, но и нереализованные планы во внешней политике, которые не смог или не успел реализовать Ардашир. Он сразу же притупил к делу и в 242 г. из Ктесифона двинулся в **Антиохию**. После захвата Антиохии часть его армии двинулась в направлении киликийского города **Тарс**, а другая часть – через восточное Средиземноморье отправилась на юг. Здесь они дошли до территории, расположенной на юго-востоке от **города Арвад**.

Рим вынужден был принять вызов, и Гордиан пришел на восток, чтобы приостановить дальнейшее продвижение неприятеля. Император дошел до **Месихеса** (**Бет-Машкене**)[8]. Этот город находился недалеко от городов **Ктесифон** и **Селевкия**, чуть северо-западнее от них. Именно здесь и свершилось то, что имело роковое последствие в первую очередь для Великой Армении. Это оказалось роковым и для армянского царя Хосрова Великого-Тиридата II.

Римляне потерпели поражение, был убит их военачальник Тимесифей, а префект Филипп в 244 г. убил императора, провозгласив себя его преемником. Новый император Филипп, именуемый Арабом, считал неотлагательным делом подписать любой ценой мирный договор и немедленно вернуться в Рим, где ситуация была нестабильной.

Римско-персидский мирный договор 244 г. историк Зосим характеризует как самый позорный. Он пишет: «После того, как прошло много времени, Гордиан стал воевать против персидского царя и в процессе войны был убит. Однако после этой победы персы ничего не завоевали из того, что было под властью римлян. Однако когда во главе государства стал Филипп, он подписал с персами «самое позорное» мирное соглашение»[9].

Само название договора уже говорит о его сущности, однако автор сам себе противоречит, когда в заключительной части отмечает, что противник ничего не смог завоевать. В этой ситуации все карты перемешивают историки Зонар и Евагрий. Первый из них, в частности, пишет: «Затем последовал Филипп, который стал правителем Римской империи... Он, подписав договор с персидским царем Шапухом, прекратил войну с персами и уступил им Месопотамию и Армению. Однако, когда он увидел, что римляне удручены из-за потери этих стран, немного позже он объявил недействительным этот договор и обратно взял эти страны»[10]. Начало и конец этого упоминания полностью противоречат друг другу. Не говоря уже о нарушении международных норм, упомянутых в договоре. Невозможно представить, что император мог так легко аннулировать соглашение, подписанное еще вчера, и потребовать обратно без новой войны то, что было закреплено договором.

Аннулирование договора исключается, поскольку после отбытия в Рим император больше никогда не возвращался на восток, и новых переговоров между ним и Шапухом не было. Можно предположить, что император, подписав договор, отказался выполнять его условия, поэтому перекройка границ не состоялась, то есть статус кво, который, в первую очередь, касался Великой Армении, не изменился. В этом мы убедимся в процессе последующего изложения фактов. Что касается упомянутого договора, вероятно, использование словосочетания самый позорный можно объяснить следующим образом: в Римской империи от этого похода ожидали многого, однако, в конечном итоге, изменений границ и перекройки территорий в пользу Рима не произошло.

Данный вопрос можно было бы считать решенным, если бы не было свидетельства Евагрия, который пишет: «Великая Армения раньше была в подчинении Риму, однако последующий Гордиану Филипп отдал ее Шапуху, в результате чего Малая Армения осталась в руках римлян, а вся остальная перешля персам»[11]. Здесь отчетливо видно отсутствие логической связи. Так, отмечая, что Великая Армения **прежде** (выделено нами – А.А.) была в подчинении империи, автор говорит о том, что Филипп подарил Сасанидам уже независимое к тому времени государство. Это не укладывается ни в какую логическую цепочку. Возможно, говоря о бывшем зависимом государстве, он имел в виду то обстоятельство, что какой-то короткий промежуток времени Армения в статусе провинции находилась в составе Римской империи. Однако если даже Армения и была превращена в провинцию, то только на бумаге - в документах и отчетах, не более.

Евапий преподносит еще один сюрприз. Он «дарит» Сасанидам всю Великую Армению, а чтобы не оскорбить римлян, «преподносит» им Малую Армению. Поводом для подписания мирного договора 244 г. для Филиппа Араба могло послужить только то, что новоиспеченный император желал как можно скорее урегулировать все вопросы на востоке и вернуться в Рим. Для него не имели значения условия договора: самой важной проблемой он считал урегулирование отношений с Шапухом I.

Что касается Малой Армении, то она, будучи введенной в состав Рима в период республики, в дальнейшем осталась в ее пределах до упадка империи. Это свидетельство стало причиной появления ряда беспочвенных и неправильных точек зрения. Уже более века относительно этого вопроса среди ученых возникают различные предположения. «Крестным отцом» этих предположений можно считать Й. Маркварта, который считает, что под евагриевской Малой Арменией следует подразумевать Кордук и Софену[12]. Попытаемся согласиться с Й. Марквартом и окинем беглым взглядом карту административно-территориального деления Великой Армении.

Невооруженным взглядом видно, что подобные территориальные перекройки невозможны. Бессмысленным было бы утверждение, что эти две провинции остались под властью Рима, а остальные территории перешли во владения Сасанидов. Проблема заключается не в существовании этого свидетельства, а в том, что без всякого критического анализа некоторые исследователи безоговорочно принимают его[13].

Если Софену через Малую Армению можно присоединить к восточным территориям Римской империи, то остается неясным, каким образом к империи можно было присоединить Кордук, имеющий анклавное положение, поскольку со всех сторон был окружен Сасанидским Ираном. Таким же образом невозможно было бы подарить Великой Армении собственные владения, которые также имели анклавное положение, о чем мы говорили выше.

Еще один способ решения этого спорного вопроса предложил С.Т. Еремян, согласно которому к Риму были присоединены Софена и часть Барцр Айка[14]. Автор заключает, что граница проходила по соседству с населенными пунктами **Тигранакерт** и **Некран**, находившимися в составе Римской империи. Вопрос о расположении Некрана до сегодняшнего дня окончательно не решен, что дает повод к разногласиям.

Остановимся на проблеме **Некрана**. В греческой надписи Фаркин-Тигранакерта дважды упоминается наименование Некран (к сожалению, надпись имеет большие повреждения). Здесь отмечено: «С помощью мощного войска (пропущено приблизительно 34 буквы) под покровительством богов и благодаря нашей счастливой судьбе»[15]. Надпись ничего не подсказывает относительно расположения Некрана. К счастью, о Некране до нас дошло упоминание византийского историка первой половины XII в. Анны Комнины в труде «Алексиада». Согласно ее сведениям, Некран находился в Ближней Сирии[16].

Приведенные в надписи сведения о Некране исследовал Й. Маркварт, который отмечает «:... что здесь (речь идет о Некране - А.А.) расположенная римская воинская часть заставила армянского царя оставить свои наследственные территории (то есть уйти из Некрана – А.А.), и он оставил эту надпись»[17]. Здесь речь идет о сформировавшемся политическом положении после 296-297 гг. Однако большой разницы между положением, сформировавшимся в 296-297 гг. и ситуацией середины III в. нет. Наконец, что касается Тигранакерта, из-за существующих разногласий относительно его расположения говорить об этом представляется нецелесообразным. Таким образом, пока окончательно не будет выяснен вопрос местонахождения Тиранакерта, трудно ответить на вопрос, где находился Некран.

С С.Т. Еремяном следует полностью согласиться: договор 244 г. как таковой практически не был претворен в жизнь и остался просто на бумаге.

Здесь мы считаем необходимым отметить одно важное упоминание очевидца этих событий Флавия Филострата, где автор говорит о южных границах Аршакидской Армении. Он жил до 244 (249) г. и никак не отреагировал на якобы имевшие место изменения на южно-армянской границе. Автор отмечает: «Что же до сказанного о нашей части Тавра, будто она - де тянется за Армению, то долгое время этому никто не хотел верить...»[18].

Становится очевидным, что Флавий Филострат также однозначно принимает, что южная граница Аршакидской Армении проходила по Тавру, который протягивался на запад до Греции, а на востоке была Армения. Таким образом, Тавр являлся практически государственной границей Великой Армении на юге. В своем последующем изложении историограф приводит еще одно свидетельство, которое относится к армянскому царю Хосрову Великому–Тиридату II.

О том, что царство Хосрова Великого после договора 244 г. было независимым, подробно свидетельствует также Мовсес Хоренаци. Согласно армянскому историографу, при императорах Деции, Галлии и Валериане Великая Армения была независимой и даже «... отбиравшие друг у друга власть на короткое время, не оказали помощи Хосрову, он, однако, с собственным войском и остальными друзьями и соратниками и (при содействии) северных племен победил Ардашира и преследовал его до Индийской страны»[19]. Абсурдно говорить, что Хосров преследовал персов до Индии, однако ясно, что автор сливает воедино два исторических события, объединяя изгнание из Армении персов с борьбой кушанов против Шапуха I.

Это соперничество между двумя державами за Армению закончилось в 298г., когда был подписан Нисибинский мирный договор. Армения полностью восстановила свою территориальную целостность и стала союзником Рима. Это было обусловлено не только политическими причинами, но и религиозными, поскольку в 301 г. в Армении в статусе государственной религии было принято христианство, а в 313 г. в империи христианство наряду с языческими культами получило равные права.

Примечания:

1. О Сасанидском перевороте см. Книга деяний Ардашира, сына Папака. пер. О.М. Чунаковой. М., 1987; Неолдеке Т. История Сасанидской державы. Вагаршапат, 1896. С. 8-13 (на арм. яз.); Манандян Я.А. Труды. Т. 2. Ереван, 1978. С. 67-78 (на арм. яз.); Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 257 и дал.; Луконин В.Г. Иран в III веке. М., 1979. С. 15 и дал.; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002. С. 284 и дал; Крымский А. История Сасанидов и завоевание Ирана арабами. М., 1905. С. 22-35.

2. О захватнических планах Сасанидов писали еще античные историки-современники этих событий. См. Dio. LXXIX, 3, 1-3; Herodian. VI, 2, 1-7; Zosim. XII, 15.

3. Подробно см. Габриелян Р.А. Армения и Атропатена, Ер., 2002. С. 235 и дал.

4. Об армяно-кушанском союзе см. История армянского народа. Т. II: Армения в эпоху раннего феодализма / под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1984. С. 23-32 (авт. Еремян С.Т. (на арм. яз); Луконин В.Г. Завоевание Сасанидов на востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. 1964. N 3. С. 38 и дал.; он же. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969. С. 51 и дал.; В.Г. Луконин находит, что правители тех частей бывшего Кушаншахра (Апаршахр, Мерв, Сагестан), признавшие власть Сасанидов, взамен получили от Ардашира признание их прав на

собственных территориях. Это можно считать вполне естественным, поскольку Сасаниды только пришли к власти и им нужен был определенныйо промежуток времени, чтобы укрепиться у власти. Ко всему следует добавить, что они со всех сторон были окружены заклятыми врагами.

5. Herodian. VI, 5-6; Zonaras, XII, XV; Cambridge ancient history, v. XII, The crisis of the empire A.D. 193-337 / ed. by A.K. Bowman. Cambridge, 2008. P. 464-471.

6. Эти дороги более подробно см. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарии. М., 2002. С. 344, 362; Манандян Я.А. Труды. Т. 5. Ереван, 1984. С. 132-154 (на арм. яз.).

7. Подробно см. Властелины Рима, Элий Лампридий, Александр Север, I, V, 1-3; О роли армян в римской армии в эти годы более подробно см. Herodian. VII, 2; также Элий Лампридий. Александр Север, 61, 8. Автор тоже упоминает об этом, но в сокращенном варианте. См. также The Cambridge ancient history of Iran. V. 3 (1): The Seleucid, Parthian and sasanian periods / Ed. by E. Tarshater. Cambridge, 2008. C. 124-131.

8. Подробно см. Фаррох К. Армия великих царей. М., 2000. С. 206 и дал.; Дашков С.Б. Цари царей Сасаниды. Иран III-VII вв. в легендах, исторических хрониках и современних исследованиях. М., 2008. С. 63; Dignes B., Winter E. Rome and Persia in late antiquity. Neighbours and rivals, Cambridge 2007. C. 18-31; Lieu S.N.C. The Roman eastern frontier and the Persian wars (A.D. 226-363). A documentary history. L. - N-Y., 1991. C. 24-41.

9. Zosim, III, 32, 4; также The Cambridge ancient history. V. XI. P. 489-492.

10. Zosim, XII, 19.

11. Evagrios Scholasticus. Ecclesiastical history. L. 1898. V, 7; см. также Манандян Я.А. Ук. соч. Т. 2. С. 87; Астурян О. Политические взаимоотношения между Римом и Арменией. 190 г. до р.Х. – 428 г. п.Х. Венеция, 1912. С. 241 и дал. (на западноарм. яз.); История армянского народа. Т. II. С. 38 и дал. (автор Еремян С.Т.); Dignes B., Winter E. Ук. соч. С. 173-187.

12. Markwart J. Untersuchungen zur geschichte von Eran. Zweites heft. Leipzig,1905. C. 218 и дал.

13. См. Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 2006, С. 573; Крист К. История времен римских императоров. От Августа до Константина. Т. II. Ростов-на-Дону, 1997. С. 312-313. Карту Сасанидского Ирана см. The Cambridge ancient history of Iran. V. 3 (2). The Seleucid, Parthian and sasanian periods / Ed. by E. Tarshater. Cambridge, 2008. C. 748-749.

14. См. Еремян С.Т. Деление царства Великой Армении между Сасанидским Ираном и Римской империей, (244-253) // Историко филологический журнал. 1976. N 1. С. 74 (на арм. яз.); Cambridge ancient history. V. XII. C. 481-482.

15. Саркисян Г.Х. Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960. С. 81-82.

16. См. Комнина Анна. Алексиада. М., 1965, С. 371.

17. Markwart J. Südarmenien und die Tigrisquellen nach griechischen und arabischen Geographen. Wien, 1930. C. 184.

18. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1985. Кн. II, гл. 2.

19. Мовсес Хоренаци. История Армении, Ереван, 1990. Кн. II, гл. 73 (пер. с древнеарм. Г.Х. Саркисяна).

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОНИМЕ «СКИФЫ/ГОТЫ» В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ НАРРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

И.В. Зиньковская
Воронежский государственный университет

В статье рассматривается значение этнонима «скифы» в трудах позднеантичных авторов (Аммиан Марцеллин, Зосим и др.), а также этнонима «Golthescythas» в «Гетике» Иордана. Широко распространенное у греческих и римских авторов название готов «скифами» отражало, прежде всего, устойчивую античную литературную традицию – обозначать так все народы Скифии, но никак не этнические реалии кануна Великого переселения народов.

Ключевые слова: готы, скифы, черняховская культура, королевство Эрманариха, Аммиан Марцеллин, Зосим, Иордан.

ON THE ISSUE OF THE ETHNONYM «SCYTHIANS/GOTHS» IN THE LATE ANTIQUE NARRATIVE TRADITION

I.V. Zinkovskaya
Voronezh State University

The article discusses the meaning of the ethnonym «Scythians» in the works of late antique authors (Ammianus Marcellinus, Zosimus et al.), as well as the ethnonym «Golthescythas» in the Getica of Jordanes. The widespread name of the Goths «Scythians» reflected, first of all, the stable ancient literary tradition - to denote by that name all the nations of Scythia, but never the ethnic realities on the eve of the Great Migration.

Keywords: Goths, Scythians, Chernyakhov culture, Ermanaric's kingdom, Ammianus Marcellinus, Zosimus, Jordanes.

Из современных ученых практически никто не сомневается в принадлежности готов по языку и культуре к восточногерманской группе племен, на что вполне определенно указывают, прежде всего, рунические надписи, лексика «Готской Библии» Вульфилы, Готского календаря и другие источники[1]. Но, как это ни парадоксально, в отличие от гутонов Плиния и готонов Тацита, ни один позднеантичный автор не причислял готов III–IV вв. к германцам, хотя среди последних они пользовались особым авторитетом. Более того, внешнему наблюдателю готы и германцы представлялись разными народами. Об этом, в частности, свидетельствует известная надпись персидского царя Шапура из «Каабы Зороастра», в которой «гутты и германцы», служившие в римском войске, упоминаются раздельно как равные этнические единицы[2]. Да, и Иордан не раз подчеркивал отличие готов от других германцев.

По заключению лингвистов, готский язык являлся, скорее, не «матерью», а «старшей сестрой» немецкого языка[3]. С определенными оговорками это заключение можно распространить на соотношение древнего готского этноса и новоевропейского немецкого народа. Не следует упускать из виду и того, что в интересующую нас эпоху ни один из этносов – участников Великого переселения народов – не существовал в чистом виде, все они состояли из различных компонентов, порой самых неожиданных[4].

Мы не берем на себя смелость однозначно утверждать, на каких языках говорили люди, жившие в разных частях огромного черняховского пространства,

хотя не исключаем, что именно готский, скорее всего, был языком межплеменного общения. Недавно М. Б. Щукин еще раз обратил внимание на то, что весь этот сложный конгломерат, объединенный под властью готских королей, воспринимался греками и римлянами, испытавшими их нападения в III в., как «скифы, называемые готами» (Dexipp., Chron., 16)[5]. Справедливости ради напомним, что еще сто лет назад В. Г. Василевский, исследуя этническую терминологию позднеантичных авторов, также полагал, что под «скифами» следует понимать готов[6]. Так их именовали многие современники (Dexipp., 22; Philostorg., XI.8). Приведем весьма характерное выражение из биографии императора Галлиена: «Scythae autem, hoc est pars Gothorum» – «скифы, это часть готов» (SHA. Gall., 6.1-2). Судя по свидетельству Иордана, Орозий – современник начала Великого переселения народов на территории Империи – писал о готах, что «зовутся они скифами по племени, и по имени» – «Scythas eos et natione et vocabulo aserit appellatos» (Get., 29). Сам Иордан (Get., 253) также причисляет готов к «скифскому племени» (gens aliqua Scythica), а новой родиной готов после их переселения он называет земли в крайней части Скифии, соседствующей с Понтийским морем. Позже эту дилемму между традиционным названием жителей Северного Причерноморья и новым этнонимом ее современных насельников разрешил Прокопий Кесарийский, прямо утверждавший, что скифы – это старое название готов (Procop., Bell. Goth., IV(VIII). 5.6).

Интересующий нас этноним «скифы» многие исследователи видят и в известном перечне «северных народов» Иордана (Get., 116). В Гейдельбергском кодексе «Гетики» он зафиксирован как «Golthescytha», в Палермском кодексе как «Golthescythas»[7].

Финская исследовательница И. Коркканен вслед за Т. фон Гринбергом увидела наличие в протографе гот. *Skyþa-þiudos – скифские народы[8].

А.Н. Анфертьев в этнониме «Golthescythas» усмотрел имя или титул остроготского короля Эрманариха. В его переводе: «так как он владел теми народами, которых подчинил Гольтескиф»[9]. О.В. Шаров в «Golthescythas» видит Гольтескифа, т. е. царский род остроготов, в том социальном смысле, который может соответствовать «царским скифам» Геродота и Приска Панийского[10].

Авторы комментария к параграфу 116 «Гетики» Иордана Л.А. Гиндин и Ф.В. Шелов-Коведяев предложили свой вариант перевода: «он владел теми скифскими народами, которых подчинил готу (т.е. готам), и далее перечень имен «северных народов»[11]. С ними согласен и В.Я. Петрухин. Начало параграфа 116 «Гетики» он предлагает читать как «готы покорили скифские народы… (далее следует их перечень – И.З.)[12]. По его мнению, список включал «скифские» народы Северного Причерноморья, и власть готов едва ли распространялась в Восточной Европе за его пределы[13].

М.М. Казанский допускает, что иордановы «Golthescythas» могут быть искаженным названием «Кельтоскифия», которое некоторые древние авторы давали малоизвестным землям, расположенным где-то между Скифией и Кельтикой[14].

Рассмотренные выше варианты интерпретации «Golthescythas» представляются умозрительными и необоснованными, особенно это касается «Гольтескифа» и «Кельтоскифии». Следует отметить, что указанный этноним «Golthescythas» в латинском тексте «Гетики» стоит во множественном числе.

При этом он вряд ли обозначает как готов, так и скифов. Необходимо вспомнить, что в параграфе 116 идет перечень «северных народов», которых покорил остро-готский король Эрманарих, куда ни скифы, ни готы входить не могли.

Разумеется, готы III-IV вв. не были скифами по крови, не являлись их потомками, но некоторые скифские черты в облике, одежде, материальной культуре они вполне могли приобрести. Поэтому не исключено, что за привычным для греко-римских писателей этнонимом «скифы» скрывается не только дань старой античной этногеографической традиции, но и нечто большее – стремление подчеркнуть какие-то особые, негерманские «скифские» черты готов, которые неизбежно должны были появиться у них в процессе «обретения родины» и аккультурации в Причерноморской Скифии. В этом смысле весьма важным представляется наблюдение Н.Н. Болгова: если Дексипп называл всех готов «скифами», то авторы SHA и Зосим применяли этот этноним особенно часто к «понтийским готам» в отличие от «готов дунайских»[15].

Любопытно и то, что в римской иконографии, в особенности на золотых императорских медальонах IV в. готов было принято изображать на скифский манер. Особый интерес представляет уникальный позднеримский золотой медальон, чеканенный в Константинополе и прославляющий императора Валентиана I (364-375 гг.) (рис. 1)[16]. Он был обнаружен на правобережье Дуная, около с. Затонье. По предположению В. Кондича, медальон представлял собой памятный знак, отчеканенный в честь Готской Виктории 369 г. и императорского триумфа, в результате чего Валентиана I и Валента стали именовать «Готскими Величайшими»[17]. Проанализировав костюмы варваров, Е. Л. Гороховский пришел к заключению, что в их иконографии скифам, запечатлены два основных этнографических комплекса признаков – позднеримский и восточный или «скифский». А поскольку с точки зрения позднеантичной историко-литературной традиции готы относились к восточным варварам, т. е. скифам, то изображение готского «князя», покоренного римским императором, соответствует принятым изобразительным канонам[18]. Фигура мужчины - варвара, изображенного на реверсе медальона, может персофиницировать противника императора Валента в 367-369 гг. - везиготского судью Атанариха, которого Зосим называл «начальником всего царского рода скифов» (Zos., IV.34). По мнению Е.Л. Гороховского, фигура коленопреклоненной женщины передает условный образ «покоренной» варварской страны – Скифии.

Видимо, также далеко не случайно в Скифии изменяется даже готский именослов, в котором наряду с германскими присутствуют и явно негерманские, в том числе, возможно, иранские и славянские имена[19]. На наш взгляд, они отражают сложные и неоднозначные этногонические процессы в Восточной Европе в эпоху остроготского доминирования, пик которого приходится на «эру Эрманариха».

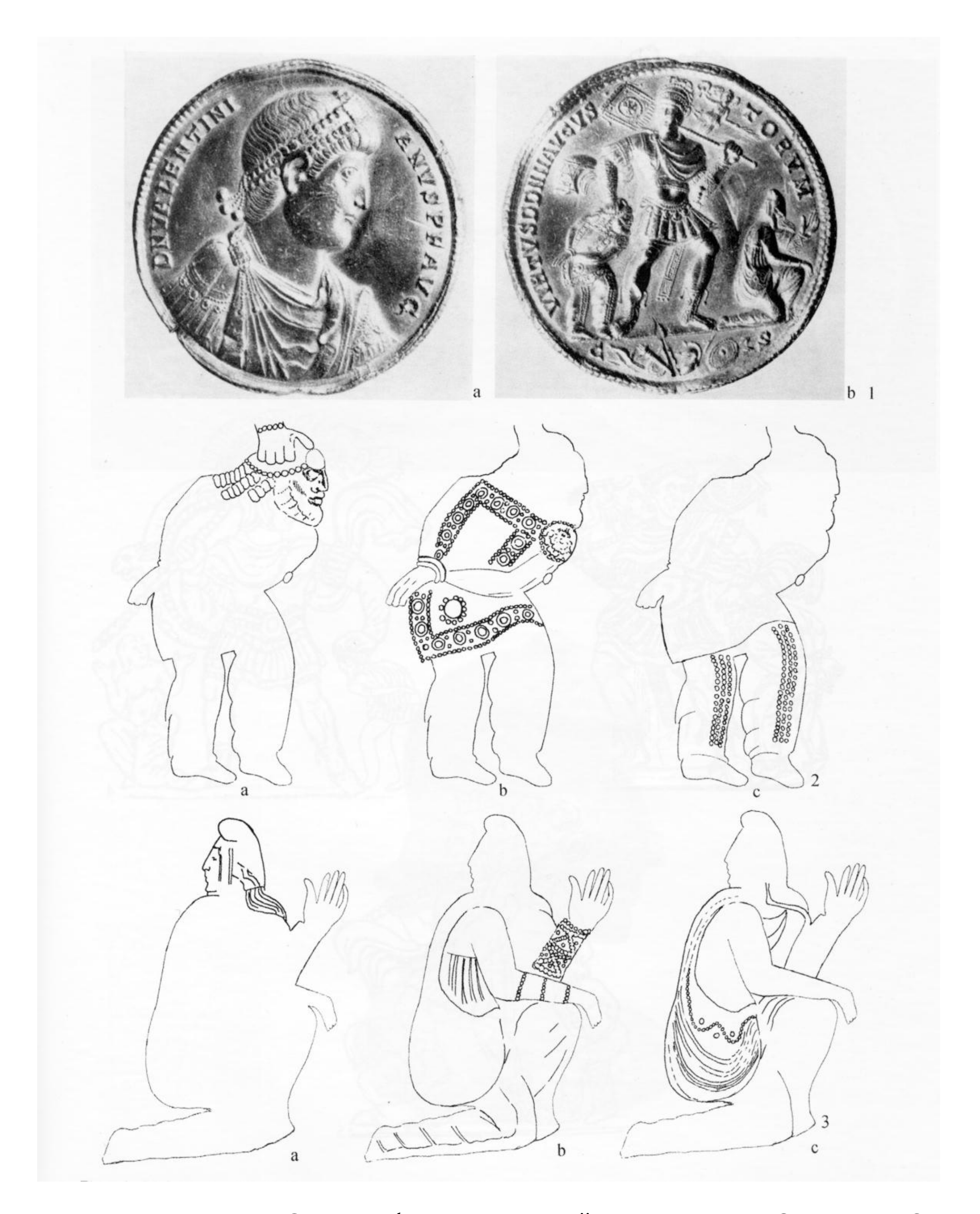

Рис. 1. Медальон из Затонья (по Гороховский Е.Л., Гопкало О.В. 2009. С. 245, рис. 1).

1 – a – аверс; b – реверс; 2 – прорисовки костюма мужчины: a – прическа и диадема; b – туника-парагауда; c – штаны; 3 – прорисовки костюма женщины: a - головной убор и прическа; b – туника; c – плащ.

Именно в понтийском регионе появляется этноним «гот» (*Gutans), который здесь приобретает не только новое звучание (Got(th), но и во многом новое этническое содержание по сравнению с североевропейскими «гутонами» (Gutones) более ранних античных авторов I-II вв.[20]. Если тогда они были, по словам Клавдия Птолемея, ἐλάττονα ἔθνη – «малым народом» (Geogr., III.5.8), то в Причерноморье в ходе «Скифских» войн III в. они постепенно

превратились в «большой народ». Данные античной литературной традиции и археологии позволяют говорить о возникновении новой этнической общности, за которой у античных авторов далеко не случайно закрепилось новое имя, производное от старого этнонима «гутоны». Напомним, что в античной традиции впервые оно зафиксировано под 269 г. в титулатуре римского императора Клавдия II, принявшего победный титул Gothicus.

В Причерноморье оформляются новые готские племенные названия, вероятнее всего, связанные с географическими особенностями вмещающих их ландшафтов: «гревтунги» – «люди степей или песков» (Greutungi Аммиана Марцеллина, Gruthungi Клавдия Клавдиана ← гот. *griutuggōs) = «остроготы» (Ostrogothi – из Austrogotae, это название связано с востоком, солнечным восходом), а также «тервинги» – «люди лесов» (Tervingi ← гот.*taírwiggōs) = везиготы»[21]. Сам факт появления и распространения этих этнонимов свидетельствует о новом этапе готского этногенеза. С другой стороны, весьма показательно, что уже к началу V в. этнонимы «гревтунги» и «тервинги» выходят из употребления, поскольку с исторической арены сходят их носители в Причерноморье. С этого времени на Западе они известны как остготы и вестготы.

Для понимания особенностей этногенеза готов на их второй, причерноморской «родине» представляется важным заключение Х. Вольфрама, опирающееся на более ранние разработки Р. Венскуса и Р. Хахмана – «эмигрировали и становились основателями новых этносов не целые народы, а носители тех традиций, которым сопутствовал успех»[22]. Роль гегемона, которую готы играли в отношении восточных германцев и других народов эпохи Великого переселения, настолько очевидна, что даже спустя пару веков Прокопий Кесарийский не ставил готов в один ряд с вандалами, гепидами, ругами, скифами[23].

Поэтому вряд ли можно полностью согласиться с П. Хизером, утверждавшим, что готы до поселения на территорию Империи еще не были народом, обладавшим своей «национальной» идентичностью, но лишь неоднородной массой самых разных этнических и социальных элементов[24]. Внешнему наблюдателю, каким был, например, Аммиан Марцеллин, они представлялись как gentes Gothorum – «племена (народы) готов» (XXXI. 3, 8). Весьма показательно, что при обозначении двух ветвей готов – остроготов и везиготов по отдельности – Иордан использует термины familia (Get., 42) и gens, а для всей совокупности готов – термины populus (Get., 98) и societas (Get., 130)[25]. Последние указывают, что, несмотря на разделение на две ветви, для него они представляли некую этническую общность или даже народ – populus. Как известно, в Готской Библии для ее обозначения Вульфила использовал слово þiuda - народ.

С другой стороны, и облик черняховской культуры IV в., несмотря на наличие в ней ряда локальных вариантов, явно свидетельствует об известной гомогенности материальной и духовной культуры восточноевропейского населения, оказавшегося под властью готов. Весьма высокая степень ее унификации и даже стандартизации в годы правления Эрманариха может рассматриваться как объективная мера этой этнополитической общности.

В современной исторической этнологии довольно хорошо изучен механизм зарождения подобных сложных этнополитических образований рубежа варварства и цивилизации[26]. Обычно их инициатором и лидером был удач-

ливый воинственный народ, а точнее, «народ-войско» («Volk-Heer») по терминологии Х. Вольфрама. В связи с этим он утверждает принципиальную полиэтничность формирующихся этносов в эпоху Великого переселения. «Племя и войско» – едино, племя есть «народ при оружии»[27]. И далее – «Кто присоединялся к готским королям, тот мог стать не только готом, но и свободным мужем, если он только был хорошим бойцом и безоговорочно подчинялся дисциплине»[28]. Мы нашли в источниках прямое подтверждение этой гипотезы. Так Зосим, опиравшийся на сочинение Дексиппа, участника борьбы с готами в III в., утверждал: «Тем временем скифы, объединившись, слились из разных племен и народов как бы в одно тело» (Zos., I.37.1).

Кажется, именно такой путь консолидации части восточноевропейского населения вокруг остроготских вождей – носителей «ядра этнической традиции» за долгие годы «Скифских» войн мог дать исходный импульс к культурному образованию, известному как черняховская культура. По практически единодушному мнению современных специалистов-археологов, формирование новой культуры и новой этнополитической общности началось в 230-е гг. и завершилось к эпохе Константина Великого. Период наивысшего ее расцвета датируется временем от конца III в. до 350–380-х гг., с пиком в 330–360-е гг.[29]. Нетрудно заметить, что последний как раз приходится на годы правления короля Эрманариха.

В эти годы в рамках его огромного королевства шел активный процесс складывания новой народности, который так и не завершился. Скорее всего, не успел сложиться и единый язык. В связи с этим напомним, что, видимо, далеко не случайно, Аммиан Марцеллин, описывая сражение римлян с готами у г. Салиций в 377 г., обратил внимание на то, что варвары, устремляясь в битву, издавали «шум на разных языках» (XXXI. 7.11). Поэтому, на наш взгляд, и сейчас в силе остается тезис П.Н. Третьякова, который характеризовал черняховскую общность как «несложившуюся народность». Процесс ее консолидации из разноэтничных элементов был прерван вторжением гуннов[30].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники никак не позволяют согласиться с широко распространенной в германской и австрийской науке этнокультурной оценкой остроготского regnum Эрманариха как «скифогерманской» степной империи (skytisch-germanische Steppenreich), которой местный алано-сарматский компонент придал специфическую иранскую окраску[31]. Впервые ее предложил Ф. Альтхейм, который полагал, что готские правители заимствовали десятичную систему войска, доспехи и вооружение, а также восточный (иранский) раннесасанидский королевский убор, состоящий из роскошного одеяния, обрамленного мехом и украшенного драгоценными камнями[32]. Х. Вольфрам также много внимания уделил сложнейшим проблемам аккультурации готов в Северном Причерноморье, где они надолго оказались в окружении ираноязычной сармато-аланской кочевой стихии. Исследователь, вслед за Ф. Альтхеймом, уверенно пишет о скифизации остроготов, которая якобы проявилась в заимствовании ими доспеха и копья, тактики конных сражений, соколиной охоты, шаманизма, религиозной практики, фибул в виде орла и даже образа жизни ирано-тюркских степных народов[33].

Независимые от письменных свидетельств данные археологии не дают основания сколь-нибудь однозначно утверждать о гото-сармато-аланском

синкретизме в причерноморских степях IV в. Безусловно, определенный иранский компонент входил в состав черняховской культуры, особенно в Северо-Западном Причерноморье. По мнению Б.В. Магомедова, в этом регионе поздние скифы составляли в черняховском обществе особую торгово-ремесленную прослойку[34]. Однако они не оказали определяющего влияния на облик черняховской культуры. Конечно, готы как-то адаптировались к местным условиям, возможно, испытали воздействие субстрата – автохтонного населения Скифии, о чем свидетельствует антропология носителей черняховской культуры[35], но это были не степные ираноязычные сармато-аланы, а, прежде всего, оседлое население лесостепи.

Таким образом, широко распространенное у греческих и римских авторов название готов «скифами» отражало, прежде всего, устойчивую античную литературную традицию – обозначать так все народы Скифии, но никак не этнические реалии кануна Великого переселения народов.

Примечания:

1. Из последних работ о языке готов см.: Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.

2. Bailey H. W. A Parthian Reference to the Goths // English and Germany Studies University of Birmingheam. Cambridge. 1961. Vol. 7. P. 82-83; Лавров В. В. Готские войны III в. н. э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории. СПб., 2003. С. 252.

3. Гухман М. М. Происхождение строя готского глагола // Труды института языка и мышления им. Н. Я. Марра. Серия Romano-Germanica. М.; Л., 1940. Вып. 14.

4. Мюссе Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2006. С. 218.

5. Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб., 2005. С. 161.

6. Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки // Труды. Т. II, Вып. 2. СПб., 1912. С. 359-362.

7. Зиньковская И. В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 54.

8. Korkkanen I. The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116. Helsinki, 1975. P. 33-35.

9. Анфертьев А. Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах (I–IV вв.) / под ред. Л. А. Гиндина, Г. Г. Литаврина. Т. 1. М., 1994. С. 111, 151.

10. Шаров О. В. Гибель Эрманариха: история и эпос // Стратум: структуры и катастрофы. СПб., 1997. С. 95–106.

11. Там же. С. 152.

12. Петрухин В. Я , Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 138.

13. Там же.

14. Kazanski M. Les arctoi gentes et «l'empire" d'Hermanaric: Commentaire archéologique d'une surce écrite // Germania. 1992. Bd. 70. Heft 1. S. 75–122.

15. Зосим. Новая История / пер., коммент. Н. Н. Болгова. Белгород, 2010. Прим. 2. С. 73.

16. Гороховский Е. Л., Гопкало О.В. Варвары на медальоне Валентиниана из Сербии // Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов: сб. науч. трудов к 10-летию Германо-

Славянской археологической экспедиции Харьковского нац. ун-та. («Ostrogothica»). Харьков, 2009. С. 243.

17. Там же. С. 240.

18. Там же. С. 243.

19. Щукин М. Б. Указ. соч. С. 282; Сотиров Г. Странности ономастики и лексики раннеготского языка // Арт&Факт (эл. журнал). 2006. № 2.

20. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger Zerstreuter Überreste des Gotischen. Leiden, 1939. S. 226-228; Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 36-37.

21. Вольфрам Х. Указ. соч. С. 42-49.

22. Там же. С. 66.

23. Кардини Ф. У истоков средневекового рыцарства. М., 1987. С. 59.

24. Heather P. Empires and Barbarians. London, 2009. P. 4.

25. Об употреблении Иорданом терминов gens, populus, natio см.: Скржинская Е. Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 2001. С. 253; Циркин Ю. Б. Испания от античности к Средневековью. СПб., 2010. С. 85.

26. Panzer B. Quellen zur slawischen Ethnogenese // Heidelberger Publikationen zur Slawistik: Linguistische Reihe. Frankfurt a/M. 2002. Bd. 14. S. 37-40; Brather S. Ethnische Identitäten als Konstrukte der frühgeschichtlichen Archäologie // Germania. 2000. Bd. 78. S. 139-177; Pohl W. Die Namen der Barbaren. Fremdbezeichnung und Identität in Spätantike und Frühmittelalter // Zentrum und Peripherie. Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte (Mitteilungen der Prähistorischen Kommission). Wien, 2004. № 57. S. 95–104.

27. Wolfram H. Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, 1979. S. 17.

28. Ibid. S. 22-23.

29. Щукин М. Б. Указ. соч. С. 161-162.

30. Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л.,1982. С. 18-22.

31. Altheim F. Geschichte der Hunnen. B., 1959. Bd.1. S. 314-317; Wenskus R. Die germanische Welt am Vorabend des Hunnensturms // Handbuch der europäischen Geschichte / Hg. T. Schieder. Bd.1. Europa im Wandel von der Antike zum Mittelalter. Stuttgart, 1976. S. 100; Вольфрам Х. Указ. соч. С. 169.

32. Altheim F. Reich gegen Mitternachts Asiens. Weg nach Europa. Hamburg, 1955. S. 40.

33. Вольфрам Х. Указ. соч. С. 169.

34. Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса // Monumenta Studia Gothica. Т. 1. Lublin, 2001. С. 113-114.

35. Рудич Т. А. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии) // Готы и Рим. К., 2006. С. 73–86; она же. Антропологічний матеріал з могильника черняхівськоі культури Лісові Гринівці // Археологія. 2014. №3. С. 79–91.

К ВОПРОСУ О ВАРВАРАХ В «БРЕВИАРИИ» ЕВТРОПИЯ

Е.А. Семичева
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена анализу категории «Другой» в тексте Евтропия, выраженному понятием «варвар» и его производными. Контекст использования терминов позволяет сделать вывод о преобладании в представлении автора этнического аспекта над культурным противопоставлением, что объясняется не только жанровым своеобразием источника, но и размыванием границ между варварским и римским миром.
Ключевые слова: поздняя античность, варвар, идентичность, «другой», Евтропий, контекст.

ON THE ISSUE OF THE BARBARIAN IN EUTROPIUS' BREVIARIUM

E.A. Semicheva
Belgorod National research University

The article considers the category «Other» in the text of Eutropius, the concept of «barbarian» and its derivatives. The context of using the term allows us to come to the conclusion about the prevalence of ethnic aspect over the cultural contrast in the view of the author. That is explained not only the genre of the text, but also the blurring of the borders between the barbarian and Roman world.
Keywords: Late Antiquity, barbarian, identity, «Other», Eutropius, context.

Юбилей глубокоуважаемого Н.Н. Болгова – замечательный повод выразить ему слова признательности как за ту помощь, которая была оказана мне на заре научной и профессиональной карьеры: при поступлении в аспирантуру и в первых шагах работы на кафедре и факультете, так и теперь, за поддержку и интерес к идеям, которые составляют проблемное поле моих нынешних исследований, за профессиональное научное консультирование. Небольшой сюжет в русле указанной проблематики представлен в данной статье.

Современные подходы к истории и источниковедению ориентированы на повышение информативности исторических источников, разработку новых методов исследования текста для выявления латентной информации. При исследовании менталитета человека древности важнейшее значение приобретает язык, терминология, контекст использования тех или иных понятий, характер ситуаций применения, что позволяет определить значение термина в системе ценностей автора и/или социальной группы.

Феномен «другости» и способы его проявления в пространстве позднеантичной культуры имеют выраженную научную значимость для конструирования и интерпретации индивидуальной и коллективной идентичности. Интерес современного гуманитарного знания к данной проблеме очевиден, а позднеантичное общество представляет собой репрезентативный материал для решения такого рода задач, так как происходящие в нем культурно – исторические и социальные процессы, с одной стороны, характеризуются высокой степенью завершенности, с другой стороны, имеют сложные динамичные формы, свойственные переходным периодам.

Некоторые аспекты образа Другого в представлениях человека Поздней античности позволяет уточнить терминологический анализ труда Евтропия. Данная работа посвящена анализу того восприятия и оценки Другого, которое передано у автора термином «barbari» и его производными и продолжает изучение терминов «другости» в различных контекстах, начатое нами с исследования Аммиана Марцеллина.

Как термин «варвар», так и явление «варварство» принадлежит к числу наиболее активно разрабатываемых в антиковедении. По замечанию И.Е. Сурикова, несмотря на то, что «...само понятие « варвар» впервые появилось именно в Древней Греции, впоследствии в мировом гуманитарном дискурсе восторжествовала негреческая концепция варварства (в рамках которой в качестве варварских воспринимались все остальные этносы, кроме самих эллинов, причем не придавалось никакого значения уровню развития, так что в роли «варваров» выступал в равной мере и полудикий фракиец, и египтянин с его тысячелетней мудростью), а римская, имевшая принципиально иной характер. Последняя трактовала варварство уже в контрастном сопоставлении с цивилизацией; варварами римляне называли представителей низкоразвитых периферийных народов»[1]. Безусловно, подобное отношение выражено в многочисленных римских источниках, однако представление о варварах не является застывшим конструктом и «между Римом и варварством лежали для римлян не только пропасть, но и обширный спектр переходных состояний, и границы между этими состояниями были подвижны»[2].

В частности, в период Поздней империи, когда христианство стало государственной религией, этнические и культурные различия между римлянами (т.е. гражданами римского государства) и варварами, которые во времена варваризации империи часто становились федератами и селились на её территории, в лоне христианской церкви сходили на нет. Впрочем, на место прежней, этнической и культурной, конфронтации в позднеантичном обществе явилась новая, религиозная[3].

Тенденция минимизировать различия не только между регионами империи, но и между римлянами и «варварами» отмечена Р.У. Ибатуллиным, который вслед за П. Гарнси и К. Хамфресс, отмечает, что германцы IV в. н.э. были скорее маргиналами римского мира, чем представителями мира альтернативного[4]. Между позднеримской и «варварской» знатью в V веке и позже не было никаких социальных барьеров, их тесно связывали брачные, дружеские, политические и другие отношения. «Варвары» как чужие дикие народы, вторгающиеся извне – всего лишь штамп имперской пропаганды[5].

Анализ текста Евтропия позволяет, на наш взгляд, подтвердить эту тенденцию. Термины «barbaris», «barbaros», «Barbarico», «barbarorum» и «barbaria» встречаются в тексте в 13 случаях, причем, в большинстве во второй его половине, эпизодах, хронологически более близких ко времени автора.

Дважды Евтропий употребляет характеристику «варварский» по отношению к отдаленным землям (VII,9; IX,4). В пяти фрагментах говорит о варварах как собирательном образе противника (VIII, 13; IX, 17; IX, 21; IX, 23; X,14). В этом смысле показателен эпизод, где он пишет, что войско, собравшееся для гражданской войны, могло бы покорить мир, если бы выступило против варваров (VI, 21). При этом акцент сделан автором на осуждении внутрен-

них войн, что свойственно всему тексту «Бревиария», а не на варварской угрозе, термин употреблен, по сути, в нейтральном значении. Гораздо чаще Евтропий пишет о противниках римлян, называя конкретные этнонимы.

Трижды Евтропий говорит о варварах, указывая на популярность в их среде римских императоров (VII,10; VIII, 8). Так, например, характеризует он Константина: «Nam etiam Gothos post civile bellum varie profligavit pace his ad postremum data, ingentemque apud barbaras gentes memoriae gratiam conlocavit». (X, 7). Соответственно, здесь мы также имеем дело не столько с категорией «чуждости», сколько с вполне одобряемым Евтропием процессом включения варварского мира в орбиту римского влияния.

Более или менее выраженная оппозиция «римлянин-варвар» имеется в рассказе Евтропия об Адриане и его намерении оставить Дакию (VIII,6), вполне явственно осуждаемом автором в связи с сокращением границ империи и тем, что переселившиеся в Дакию граждане Рима перейдут под власть варваров.

Однако, единственный эпизод, где Евтропий вкладывает в понятие «варвар» явно негативное значение, синонимичное «дикости» и отсутствию культуры, как ни парадоксально, связан с римлянами времени Нумы Помпилия. Автор называет их «полуварварами» за стремление к постоянным войнам и беззаконие: «Romanis moresque constituit, qui consuetudine proeliorum iam latrones ac semibarbari putabantur» (I,3). Следует обратить внимание, что сами войны, особенно успешные, не вызывают у Евтропия отрицания, напротив, являются одним из критериев положительной оценки римских правителей. Возможно, данный фрагмент, критикующий беспорядочные войны («войны без правил») есть следование устойчиво сохраняющейся в литературе морализаторской тенденции, концепции «честной войны», восходящей еще к позднеклассической греческой традиции[6].

В статье М.В. Домского приведены многочисленные яркие примеры негативных характеристик германцев и других варварских народов в позднеантичной традиции, в результате анализа которых он приходит к выводу, что «…авторы, предвзято относящиеся к варварской периферии, не склонны описывать и понимать презираемую ими «низшую» общность людей и потому мало отличают друг от друга варварские культуры. Помимо того, ориентированность авторов на воспроизведение «клише» книжной традиции оказывает существенное влияние на подачу материала о германцах, равно как и об иных варварах»[7]. Исследователь, правда, отмечает отсутствие у Евтропия подобных оценочных характеристик, считая это следствием строгих законов эпитомизаторской историографии IV века, исключающих авторское видение истории, что нам, в свою очередь, представляется спорным: обширная аргументация наличия у Евтропия собственных представлений об истории Рима содержится в работах Д.В. Кареева[8].

Безусловно, отсутствие негативного звучания термина «варвар» может объясняться жанровыми особенностями, присущей Евтропию сдержанностью и сухостью стиля, на которую указывают исследователи. Однако, характеризуя римских правителей, он, тем не менее, дает им вполне эмоциональные оценки, называя их поступки «тираническими», «не свойственными римлянам» и т.д. При всей лаконичности изложения оценки личностей и событий выглядят вполне однозначными и авторскими. Более того, по мнению А.Б. Егорова, негативные характеристики Евтропием императоров показывают те опасности, ко-

торые угрожали Империи: бездействие перед наступлением варварского мира, нарушение мира внутреннего и угроза культурного упадка и засилия «антикультуры»[9]. И, тем не менее, неоднократно упоминая или описывая обычаи, Евтропий ни разу не применяет к ним термин «варварские» в значении «невежественные, низшие», хотя и пишет о галлах, например, «agrestes domuit» (X,20).

Таким образом, имея ввиду два аспекта понятия «варварство»: этнический/лингвистический и этический/культурный, мы обнаруживаем у Евтропия преобладающее использование первого значения термина. Представляется вполне вероятным, что в тексте Бревиария отражено изменение коннотации понятия «варвар» от стереотипного негативного звучания – культурного противопоставления, господствующего в предшествующей исторической традиции, к констатирующему собирательному обозначению «другости» без оттенка «дикости», которое, в свою очередь, связано с вышеупомянутым размыванием границ между римским и варварским миром.

Примечания:

1. Суриков И.Е. На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / под. ред. В.П. Будановой, О.В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 43.

2. Кнабе Г.С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцовой. В 2-х т. М., 1985. С. 268.

3. Никишин В.О. Чужеземцы в произведениях Цицерона, Цезаря и Саллюстия: к вопросу о сущности римского «шовинизма» в I в. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2000. С. 8.

4. Garnsey P., Humfress C. The Evolution of the Late Antique World. Cambr., 2001. P. 99.

5. Ибатуллин Р.У. Античность в современном измерении // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань: Новое знание, 2001. С. 74-75.

6. Клейменов А.А. Влияние дихотомии «эллины – варвары» на оценку полководческого искусства Филиппа II в античной историографии // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / под. ред. В.П. Будановой, О.В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 94.

7. Домский М.В. Особенности отражения германской культуры в античных источниках // Вестник Пермского университета. История. 2005. Вып. 5. Пермь, 2005. С. 29-34.

8. Кареев Д.В. Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». СПб.: Алетейя, 2004. 250 с.

9. Егоров А.Б. Императорская власть в "Бревиарии" Евтропия // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов. - СПб., 2001. – [Эл. ресурс].- URLhttp://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1997-10/egorov.htm.

ОСОБЕННОСТИ КЛИЕНТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД (ПО ПИСЬМАМ СИДОНИЯ)

Е.В. Литовченко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается сущность, динамика и виды клиентских связей в период Поздней Античности. В обозначенный период система клиентских связей продолжала играть заметную роль в общественных отношениях. Практика гражданского (индивидуального) патроната существовала на протяжении V-VI вв. В позднеантичное время появляется новые разновидности клиентских отношений в виде интеллектуального покровительства по отношению к варварам и духовного патроната в клерикальной среде.

Ключевые слова: клиентела, патронат, гражданская клиентела, интеллектуальный патронат, Поздняя Античность.

THE FEATURES OF PATRON-CLIENT RELATIONS IN LATE ANTIQUITY (BASED ON THE LETTERS OF SIDONIUS)

E.V. Litovchenko
Belgorod National Research University

The paper deals with the essence, dynamics and types of clientela in Late Antiquity. Clientship was of importance in social relations in epoch of Late Antiquity. The practice of civilian patronage continued throughout the fifth and sixth century. The author is coming to the conclusion that the new types of patronal relations in the form of intellectual patronage of barbarians and spiritual patronage in clerical environment were originated in Late Antiquity.

Key words: clientele, patronage, civilian patronage, intellectual patronage, Late Antiquity.

Интерес к проблематике данной статьи возник не случайно: актуальность темы связана, с одной стороны, с тенденциями современного общественного развития, характеризующимися в том числе и отношениями протежирования - поддержки со стороны влиятельного лица, содействующего устройству чьих-либо дел, с другой, обусловлен юбилейной датой профессора Николая Николаевича Болгова, который в лучших римских традициях осуществляет «интеллектуальный патронат» по отношению к своим ученикам и коллегам. Предложенная статья является выражением благодарности ученика, в жизни которого Учитель сыграл определяющую роль.

Система клиентских связей (или патронат[1]) была отличительной чертой общественных отношений в древнеримском мире еще со времен Республики и пронизывала едва ли не все сферы общественного бытия. Если главным критерием положения рода считались занимаемые магистратуры и ранг в сенате, то на втором месте наряду с древностью рода, семейными связями и богатством отмечаются клиентские отношения[2]. Британский историк Иан Вуд считает клиентелу ключевым маркером для определения статуса аристократа[3].

Практически каждый из римских авторов так или иначе упоминает в своих работах моменты, связанные с функционированием интересующей нас системы. В эпоху Империи об этом писали Марциал (который и сам был клиентом), Ювенал, Плиний Младший и мн. др.

Остановимся кратко на сущности данного явления. Клиентела носила иерархический характер, но обязательства были взаимны. Патрон выступал в

качестве защитника, «спонсора», и благодетеля клиента. Хотя обычно клиент являлся представителем низшего социального слоя, клиент и патрон могли иметь одинаковый социальный статус, но последний при этом обладал большим богатством, властью, или престижем, что позволяло ему оказывать помощь или какие-либо услуги.

Преимущества такого покровительства могли включать представительство интересов клиента (патрона) в суде, денежные ссуды, содействие при заключении сделок или браков, а также поддержку кандидатуры клиента при выборах на светскую или духовную должность (Collegium Pontificum). В свою очередь, клиент предлагал свои услуги покровителю по мере необходимости. Вольноотпущенник становился клиентом своего бывшего хозяина.

Институт клиентелы играл немаловажную роль во времена Римской республики. В этот период клиентские обязательства стали передаваться по наследству. Традиционно сложилось так, что клиенты стали сопровождать своего патрона на Форуме. Они обязаны были поддерживать его на выборах и служить на войне под его началом. В свою очередь патрон брал на себя обязательства защищать своих клиентов в случае судебных разбирательств, или выкупать членов их семей, попавших в зависимость, поддерживать их минимальные жизненные потребности.

Патронатные отношения представляли собой разветвленную сеть, так как патрон сам мог быть обязанным по отношению к кому-то более высокого статуса, также клиент мог иметь несколько патронов, чьи интересы могли вступать в конфликт.

Одним из основных направлений деятельности в рамках клиентских отношений были суды, но клиентела сама по себе не являлась правовым договором, хотя эти отношения поддерживались законом с древнейших времен (Duod. Tab. 8.10). Обоснования поддержания взаимных обязательств были, прежде всего, моральными, основанными на mos maiorum, «обычае предков», и таких чертах римской ментальности, как fides (доверие, надежность) со стороны патрона и pietas (благочестие, преданность) со стороны клиента. Таким образом, вступление в клиенты представляло собой акт частной deditio in fidem. Вследствие этого нарушение патроном своих обязанностей по отношению к клиенту навлекает на него не светское, а религиозное наказание: «patronus si clienti fraudem fecerit saceresto» (если патрон причинит ущерб клиенту, пусть будет проклят) (Ibid.). Кроме того, в римском праве позднего времени сохранились следы древнего закона относительно клиентов в так называемом jus applicationis (право о клиентстве, букв. «поступление под покровительство знатного патрона[4]»). По сути здесь закрепляется право патрона наследовать имуществу умершего клиента.

Однако, патрон имел не меньшее число обязанностей по отношению к клиенту, а, значит, отношения эти были равноправными. Мы уже кратко упоминали выше об обязанностях патрона, кроме еще одной, повсеместно распространенной – раздачи спортулы (sportula) – первоначально корзинка с кушаньями, впоследствии замененная денежным подарком (Juv. I. 120; Mart. X. 70, 75). У Ювенала мы находим описание атриума влиятельного магната, переполненного иждивенцами, которые с нетерпением ожидают раба, выносящего из кухни яства, при этом каждый стремится выхватить их прямо из корзины, пока они не остыли (Juv. III. 249). В доме патрона хранился специальный свиток со списком лиц, имеющих право на получение пособия; во время раздачи имена назывались по порядку, а претенденты обязаны были присутствовать лично (Juv. I. 120-130). При этом, частенько случались попыт-

ки несанкционированного получения спортулы, таких ловили и отправляли восвояси, существовала даже пословица «sportulam furunculus captat» (ловить воришек спортулы). Обычным временем выдачи спортулы было утро (Juv. I. 128), но иногда это делалось и в полдень (Mart. X. 70).

Обычай заменять корзинку с едой денежной раздачей распространился в эпоху Империи[5] и вскоре спортула стала обозначать любой подарок или денежное вознаграждение (Plin. Caec. Ep. II. 14, X. 118), которое раздавалось часто в связи с какими-нибудь важными событиями в жизни патрона – день его рождения или вступление в должность.

Традиция, связанная с раздачей спортулы сохранялась в течение всего существования Римской империи, вплоть до падения ее западной части. Так, в письмах Сидония Аполлинария (ок. 430 - ок. 486) мы также находим информацию об этом любопытном обычае: «…облаченный в трабею консул Астерий (449 г.) торжественно отворил двери года. Я находился у курульного кресла и, хотя не стоя в стороне, по своей знатности, но, конечно, не сидя, по своему возрасту; и, вмешавшись в толпу ближайших к консулу простых граждан, был очень от него близко. И вот, как только, без промедления, раздали немалую спортулу[6] и были вручены фасции, все собрание галлов обратилось к виднейшим ораторам с просьбой выступить в эти предшествующие празднеству утренние часы…» (Sid. Epist. VIII. 6, 5).

В период Поздней Античности покровительство или протекционизм попрежнему занимали центральное место в политической, социальной и духовной сферах жизни римского общества[7]. Ярким примером может послужить корреспонденция Симмаха: из 198 писем первых двух книг 62 (т.е. около трети) являются письмами-рекомендациями разного рода. Подобная информация содержится также в письмах Сидония (Sid. Ep. I. 9; III. 4; IV. 9; IV. 24; VI.4; VI.5; VI. 8; VII. 2; VII. 6; VII. 8; VII. 9) и Авита (Avit., Ep. 11.)

Обретение Сидонием Аполлинарием должности префекта в 468 г. также очень показательно в этом смысле. В 467 г. этот аристократ, известный своими поэтическими талантами, прибыл в Рим в качестве представителя Оверни. В городе он остановился у некоего Павла, который порекомендовал ему верный путь достижения власти – воспользоваться покровительством «сильных». В итоге Сидоний сделал ставку на двух видных сенаторов (оба были консулами) – Авиена и Базилия. Сообразно своим планам Сидоний часто бывал у первого и в тоже время присоединился к сторонникам второго, поскольку именно Базилия считал более достойным. Сидоний пишет о количестве клиентов в доме Базилия: «Если кто-либо покидал его дом в какой-то момент, то он делал это, сопровождаемый целой толпой клиентов, напоминавшей человеческий поток, под давлением которого любой мог быть просто «выжат» на улицу» (I. 9). Базилий подтолкнул его к сочинению панегирика в честь императора Антемия, который как раз готовился вступить в должность консула во второй раз. Сидоний принял этот совет и данный панегирик стал средством обретения желаемого поста (Ibid.).

Члены знатных римских фамилий были окружены толпой последователей и иждивенцев, известных как клиенты, даже более, чем в период ранней Империи. Аммиан Марцеллин пишет об этом, отмечая, что римские нобили ходили по улицам Рима только в сопровождении клиентов (Amm. Marc. XIV. 6, 12-17). Сидоний также указывает на этот обычай: аристократы, чьи дома он часто посещал, не покидали своего жилища пока не наберется достаточная толпа клиентов[8].

О Петронии Максиме, известном своим 78-дневным правлением (17 марта - 31 мая 455 г), Сидоний писал, что это «…человек, который однажды

был настолько великой фигурой, с его заметным образом жизни, его банкетами, его щедростью, его окружением, его литературными способностями, его официальным статусом, его состоянием, его обширным патронажем...» (II. 13, 4).

Приглашать клиентов к столу если и не являлось обязанностью патронов, то, во всяком случае, приветствовалось: «Его стол открыт для незнакомцев не менее, чем для его собственных клиентов (IV. 9, 1).

По корреспонденции Сидония можно определить, в каком качестве патроны использовали своих клиентов чаще всего, как правило, это посыльные или письмоносцы (III. 4; VI. 5).

Необходимо отметить, что Сидоний употребляет как синонимы слова «клиенты» и «слуги» - clientes puer (pueros), pueri (VI. 5) - что можно трактовать и как, слуг и как «мальчиков на побегушках». По крайней мере эти слова у Сидония идут в связке через «que» (IV. 24, 4; VI. 5).

Все те аспекты клиентских отношений, о которых шла речь выше, составляют, так называемую внутреннюю клиентелу или гражданский патронат[9]. Наряду с данным типом существовала и внешняя клиентела, которая образовалась в результате завоеваний Рима, то есть явилась следствием внешней политики, а, соответственно, результатом внешнего фактора. Покоренные народы и племена становились клиентами республики, при условии своего рода невмешательства Рима в их внутреннее устройство и политику, а клиенты в свою очередь гарантировали патрону покорность и постоянную поставку войск. Понятие внешней клиентелы масштабнее по отношению к внутренней, но суть ее образования складывается позднее внутренней клиентелы. Примером внешней клиентелы является существование дружественных государств, для обозначения последних в историографии используется категория «клиентские» государства[10].

Но вернемся к гражданскому патронату, поскольку именно на нем мы сосредоточили основное внимание в данной статье. Если до этого мы имели дело с традиционными формами патроната, который сохранялся, с некоторыми модификациями, до V в. включительно, то теперь речь пойдет о новых явлениях в интересующей нас сфере.

Патронат в позднеимперский период отличался от более раннего тем, что, в основном, патроны защищали своих клиентов от сборщиков налогов и других общественных обязательств. В свою очередь, клиенты давали им деньги или же предлагали свои услуги, вплоть до помощи по хозяйству. Некоторые клиенты даже предоставляли право собственности на их земли патрону, что привело к распространению в IV-V вв. патроциниев[11] (patrocinium). Спасаясь от задолженности по податям, от притеснения государственных чиновников, от военных погромов в ходе варварских нашествий, под покровительство «сильных» людей - военачальников, сенаторов-магнатов - отдавались отдельные крестьяне, ремесленники, куриалы, целые села и даже города (данное явление свойственно в большей степени восточной части Империи). Отдавшиеся под покровительство уплачивали патрону лишь часть того, что ранее им приходилось отдавать государству или муниципальному землевладельцу. В понятии «patrocinium» идея защиты, которая была основной функцией патронов во все времена, обретает свое полное значение[12], подразумевая, главным образом, защиту от притеснений государства.

Это абсолютно новое явление отражено в некоторых законах, например, кодексе Феодосия (C.Th. XI.24.1-6), полезной в этом смысле можно назвать важную речь Либания (Or. XLVII) и некоторых других авторов.

Что же касается Сидония, то львиную долю своего внимания он посвящает другим проявлениям клиентелы – это интеллектуальный патронат по отношению к варварам и духовный патронат в клерикальной среде.

Поскольку мироощущение римлян издревле основывалось на системе клиентских связей, для поддержания прежнего порядка (или его иллюзии) поздние римляне пытались перенести эти отношения в варварскую среду (разумеется, не вполне, в основном, они выступали в роли учителей для варварской элиты).

Таким образом, в позднеантичное время появляется новая разновидность клиентских отношений в виде интеллектуального покровительства по отношению к варварам (Паулин Пеллейский при Атаульфе, Сидоний Аполлинарий и вестготский король Теодорих II, Боэций и Кассиодор при короле остготов Теодорихе Великом).

Отношения Сидония с вестготами (I. 2) могут рассматриваться как разновидность патроната – покровительство в культурном, интеллектуальном плане. Это мирный способ, альтернатива разрешению конфликтов Империи с наседающими на границы варварами с помощью оружия. Осознавая их численное и военное превосходство, интеллектуалы пытались включить их в свое культурное пространство, тем более, что Галлия, как и Северная Африка располагали необходимым потенциалом[13]. Если нельзя победить эту силу, значит надо сделать ее своей, пропустив через «пайдейю», вернее, «Urbanitas», что подразумевало приобщение к городской жизни, культурность, образованность[14].

И, наконец, еще одна форма - духовный патронат, который проявлялся в рекомендациях по вопросам веры (подобного рода патронат мог осуществляться уважаемым духовным лицом, опытным, зрелым по возрасту и личностным качествам) (VII. 2, 6, 8, 9), в оказании помощи в борьбе с ересями (арианством) (VII. 6), в покровительстве светским клиентам (VI. 8; VII. 2)[15], в содействии при достижении духовной должности (VII. 8 et 9).

Когда Сидоний стал епископом в Клермоне, его первой задачей было провести подобные выборы в Бурже в 470 г. И хотя здесь также было огромное количество кандидатов, большая часть населения желала видеть в этой роли Симплиция, представителя местной аристократии из сенаторской семьи (VII. 8 et 9).

Сидоний, поначалу осторожно относившийся к этой кандидатуре, постепенно смягчился и подготовил речь, обращенную к населению, которая содержала следующее: «Если я выберу монаха, вы скажете, что он слишком оторван от земной жизни; если я выберу священника, многие подумают, что я должен бы выбрать только по старшинству (учитывая возраст и ранг) (фактически, как это произошло в Шалоне (Иоанн, выбранный там епископом был священником, постепенно продвигавшимся по карьерной лестнице в церковной иерархии)); если я выберу светского чиновника, вы скажете, что я выбрал кого-то по своему образу и подобию. Но мне придется сделать выбор; многие из вас могли бы быть епископами, многие достойны этого сана, но вы не можете все стать им. Поэтому я выбираю Симплиция, мирянина, но того человека, чья семья представлена как лицами высших духовных званий, так и высшими государственными чиновниками - и то же можно сказать о семье его жены – и кто защищал интересы города перед вождями и римскими и варварскими» (VII. 9, 5-24).

Итак, Сидоний, безусловно, выбрал кого-то похожего на себя, женатого аристократа из местной светской среды. Пост епископа в Галлии стал обычной ступенью роста светской карьеры для городской знати, также как было раньше с

языческим духовенством; так традиционная иерархия римского мира была эффективно абсорбирована новыми властными структурами христианства[16].

Епископы играли все более важную роль в качестве патронов в V-VI вв. Практика гражданского патроната существовала на протяжении V-VI вв[17], так Руриций, епископ Лиможский и его окружение были вовлечены в систему клиентских связей (Ruricius Ep. I.1, 2, 7, 8, 9; Faustus Ep. 7, 8, 14[18]), а карьера Венанция Фортуната в сер. VI в. зависела от покровительства Радегунды: он не имел никакого положения в Галлии, т.к. был родом из итальянского Тарвизия.

Таким образом, клиентела была той составляющей общественной сферы, в которой в полной мере отражены континуальные процессы позднеантичного времени. По-прежнему, представитель нобилитета без толпы клиентов – нонсенс для общества, также, как и раньше клиенты являются показателем престижа. Однако, мы замечаем и очевидные новшества в этой среде, связанные с изменившимися обстоятельствами – пренебрегающими границами Рима варварами, слабостью центральной власти и усилившимся вследствие этого налоговым бременем, широко распространившимся христианством. Данные факторы обусловили возникновение новых форм патроната, таких, как интеллектуальный патронат по отношению к варварам, патроциний и духовный патронат.

Примечания:

1. Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends. Interpersonal relations and the Structure of Trust in Society. Cambridge, 1984. 352 p.; Patronage in Ancient Society / Ed. John Rich. London, 1990. 255 p.; Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge, 1982. 222 p.; Winterling A. Friendship and Patron-Client Relations // Politics and Society in Imperial Rome. Oxford, 2009. P. 34-57; Wood I.N. Family and Friendship in the West // Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600 / Eds. Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2008. Pp. 416-436 et al.

2. Егоров А.Б. «Цивилизация досуга» в римской культуре (от Цицерона до Плиния Младшего) // Феномен досуга в античном мире / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2013. С. 309.

3. Wood I.N. Op. cit. P. 432.

4. Фюстель де Куланж Н.Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2010. С.229.

5. При Нероне (54 г. н.э.) такой денежный подарок составлял 100 квадрантов, Домициан возродил раздачу спортулы в виде корзинки с едой, с этого времени (81 г. н.э.) оба вида существовали параллельно.

6. В данный период этот денежный подарок обычно соответствовал 10 сестерциям.

7. Lancon B. Rome in Late Antiquity. Everyday Life and Urban Change, AD 312-609 / B. Lancon, A. Nevill, M. Humphries. Edinburgh, 2001. P. 62.

8. Ibid. P. 63.

9. «Civilian patronage» см. Wood I.N. Ibid; У Ричарда Сэллера «личный патронат» см. Saller R.P. Personal Patronage under the Early Empire. Cambridge, 1982. 222 p.

10. Badian E. Foreign Clientelae 264–70 B.C. Oxford, 1958. 355 p.; Braund D. Rome and Friendly King. The Character of Client Kingship. L.–N.Y., 1984. 226 p.; Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV-VI вв.): дескриптивный обзор // Н.Н. Болгов. Северное Причерноморье позднеантичного времени: проблемы истории и археологии. Статьи 1991-2001. Белгород, 2002. С. 31-46; Болгов Н.Н. Периферия империи и клиентские государства // Н.Н. Болгов. Поздняя античность: история и культура. Белгород, 2009. С. 52-64.

11. Подробнее об этом см.: Marcone A. From patronage to patrocinium // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. The Late Empire, A.D. 337-425 / Ed. by Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge, 2008. P. 361-363; Коптев А. В. Сельские патроцинии и им-

ператорская политика во второй половине IV – первой половине VI вв. // От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995. С. 100-132; Неронова В.Д. Поздняя Римская Империя (III-V вв.) // История Древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1983. С.221-239.
12. Marcone A. Op. cit. P. 361.
13. См. Litovchenko E.V. The Cultural Space of Imperial Provinces as a Factor in Preserving Roman Identity in Late Antiquity // «TRACTUS AEVORUM». Сетевой научный журнал. Эволюция социокультурных и политических пространств. №1(2). 2014. С. 195-201.
14. Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. Екатеринбург, 2008. С. 362.
15. В восьмом письме шестой книги содержится рекомендация епископу принять под патронат простого, но предприимчивого торговца. Во втором письме седьмой книги речь идет о преемнике епископа Евстахия, которому сам Евстахий хотел бы «завещать» своих клиентов, если тот обещает заботиться о них.
16. Wickham C. The inheritance of Rome. A History of Europe from 400 to 1000. London, 2009. P. 50.
17. Wood I.N. Ibid.
18. См. Ruricius of Limoges and friends: a collection of letters from Visigothic Gaul; letters of Ruricius of Limoges, Caesarius of Arles, Euphrasius of Clermont, Faustus of Riez, Graecus of Marseille, Paulinus of Bordeaux, Sedatus of Nimes, Sidonius Apollinaris, Taurentius and Victorinus of Fréjus / Transl. with introduction, commentary and notes by R. W. Mathisen. - Liverpool, 1999. – 289 p.

«РИМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ» ЭННОДИЯ

В.М. Тюленев
Ивановский государственный университет

В статье рассматриваются взгляды Эннодия, миланского диакона и ритора начала VI в., на процессы, происходившие в Остготской Италии времен Теодориха Великого. В частности, доказывается, что Эннодий воспринимал свое настоящее как возрождение римских традиций, прежде всего риторической культуры. Показано, что с политикой Теодориха Великого он связывал восстановление римской свободы и могущества римской аристократии.
Ключевые слова: Эннодий, Остготская Италия, Теодорих Великий, риторика, римское образование.

ENNODIUS' ROMAN RENAISSANCE

V.M. Tyulenev
Ivanovo State University

The paper considers the Ennodius' point of view on the processes which took place in Ostrogothic Italy of the times of Theoderic the Great. In particular, the author proves that Ennodius estimated the present as the revival of the Roman traditions, first of all the traditions of rhetorical culture. The author shows that Ennodius connected the restoration of the Roman liberty and power of Roman aristocracy with the policy of Theoderic.
Keywords**:** Ennodius, Ostrogothic Italy, Theoderic the Great, rhetoric, Roman education.

В последние десятилетия как в зарубежной, так и в отечественной науке уже становится нормой говорить о культуре Италии периода правления Теодориха Великого (493–526) и его ближайших преемником как об эпохе Остготского Возрождения[1]. В своей статье мы не будем дискутировать по поводу точности и корректности этого термина, как и ставить вопрос о том, насколько можно говорить о гибели римской культуры в период, предшествующий при-

ходу остготов на Апеннины. Также мы не преследуем цели ввести в научный оборот какое-то новое понятие, определяющее сущность культурных процессов в Италии рубежа V–VI вв. Однако оттолкнемся от самого термина «ренессанс», чтобы попытаться разобраться с тем, как сами современники оценивали ту эпоху, насколько ощущали слом времен и какие надежды возлагали на будущее, тем более что идеи возрождения становятся общим местом в римской риторике рубежа V–VI вв.

Уже стали хрестоматийными слова Флавия Кассиодора, обращенные, по всей видимости, к жителям Прованса, включенного в состав Остготского королевства в 508 г.: «Вам следует без сопротивления подчиняться римским обычаям, к которым вы вновь возвращаетесь после длительного перерыва, ибо должно быть благословлено восстановление того, что, как известно, служило процветанию ваших предков» (Cass. Var. III.17.1; пер. В.И. Уколовой; здесь и далее курсив в цитатах наш. – В.Т.)[2]. Как видно, Кассиодор не двусмысленно говорит о королевстве Теодориха Великого как о хранилище римских традиций, которое позволяет римлянам и галло-римлянам сохранять привычный им образ жизни[3]. Кассиодор был не единственным, кто выступал с идеями возрождения традиций римской государственности под властью готского короля. Не менее ярко и последовательно эти идеи высказывал и его старший современник – Магн Феликс Эннодий, чьи оценки состояния римского общества рубежа V–VI вв. и станут предметом исследования в настоящей статье.

Эннодий ценен современным историкам той ролью, что он сыграл в судьбе Италии времен Теодориха Великого. Он был представителем семейства Анициев, соответственно, был родичем сенаторов Фауста и Боэция, поддерживал переписку со многими представителями римской аристократии. В то же время он был человеком Церкви (большинство своих сочинений он написал, будучи диаконом медиоланской Церкви), участником борьбы Симмаха и Лаврентия за папский престол, активно выступая на стороне первого[4]. Эннодий оставил довольно большое количество сочинений разного жанра – письма, речи, жития, панегирик, эпиграммы – что позволяет анализировать его взгляды, учитывая, конечно, топику, но не всегда объясняя те или иные его фразы исключительно требованиями жанра.

Начать, пожалуй, лучше всего с написанного Эннодием весной 507 г. «Панегирика королю Теодориху». Каковы бы ни были поводы к составлению этого панегирика, очевидно, что в нем выражено личное, вполне искреннее отношение Эннодия к правителю Италии и к тем переменам, что были связаны с его именем. Родившийся в 473 или 474 г. Эннодий испытал немало тягот в период правления Одоакра. Он рано потерял родителей, воспитывался теткой, которая умерла, когда юноше было примерно 16 лет; война Одоакра и Теодориха, сопровождавшаяся грабежами и насилием в Лигурии, где жил Эннодий, пришлась на период его взросления. Мир, пришедший в Италию вместе с воцарением Теодориха, привел к сравнительной стабилизации в жизни Эннодия, как и многих других отпрысков аристократических родов. Именно в панегирике Эннодий дает наиболее образные и в то же время наиболее гиперболизированные оценки состоянию Рима до и после Теодориха. Рим характеризуется Эннодием как одряхлевший старик, омоложение которого происходит на глазах у читателя (или слушателя) панегирика: «Вижу я, как неожиданно восстала из пепла краса городов и повсюду в многолюдных городах заблистали дворцы. Вижу я возведенные здания, не успев заметить, как они стали сооружаться. И сама матерь городов – Рим омолаживается, отбрасывая

одряхлевшие от старости члены» (Ennod. Op. 263.56)[5]. Еще раньше в панегирике Эннодий прямо говорит, что Теодориха «призвал Рим, господин мира, для восстановления своего положения» (Ennod. Op. 263.30); Теодорих спешит в Италию, «чтобы сияние римской курии, уже давно застланное мраком, воссияло без задержки» (Ennod. Op. 263.22).

Исходя из текста панегирика, сложно определить, когда, по мнению Эннодия, начался упадок Рима, но пик кризиса он связывает с правлением Одоакра. При этом Эннодий использует привнесенную когда-то в римскую историографию Саллюстием концепцию о связи политического и социального кризиса с длительным миром и подобным образом характеризует период правления Одоакра: «… терпя ущерб от длительного покоя… могущественная земля стала дряхлеть, и чрезмерный мир стал причиной изнеможения государственного состояния, как вдруг появившийся у нас внутренний разоритель (Одоакр. – В.Т.) стал требовать ежедневных грабежей, который, не щадя своих, требовал прироста казны не столько от податей, сколько от разграбления» (Ennod. Op. 263.23). О разорении Италии при Одоакре Эннодий вновь пишет в «Благодарении за свою жизнь» (ок. 511 г.), говоря, что «всё было предано неизъяснимому разорению, и всякого, кто уберегся от мечей, уничтожал голод, и нехватка сокрушала высокие твердыни гор и крепостей, и нужда, более жестокая, чем оружие, осаждала укрывавшихся на вершинах» (Ennod. Op. 438.20). С приходом же в Италию Теодориха, напротив, происходит восстановление мирной жизни, возрождение Рима и других городов страны.

При этом любопытно, на что именно в первую очередь обращает внимание Эннодий в связи с характеристикой современного ему состояния Италии и с чем, прежде всего, связывает возрождение. Как показывает анализ не только панегирика, но, прежде всего, эпистолярного наследия Эннодия, этого ритора волновало преимущественно то, что он считал основой, фундаментом римского общества, а именно торжество закона над произволом, а поэтому торжество слова над мечом, что отражено у него на лексическом уровне[6].

Мир Эннодия – это мир исключительно римский. Если не считать нескольких, пусть и достаточно объемных, его произведений, где речь идет о Теодорихе, остготах и других германских племенах, потрясших своим вторжением не только Италию, но и весь европейский Запад, Эннодий крайне редко касается вопросов, связанных с изменением этнополитической ситуации в Европе. Адресаты Эннодия – римляне и галло-римляне, а вопросы, которые он поднимает в своих письмах, чаще всего касаются тех практик, что были сформированы в рамках римской культуры предшествующего времени, – это проблемы риторического образования, проблемы дружбы и эпистолярного общения.

Для Эннодия очевидно, что устойчивость современного ему общества, его процветание связаны с устойчивостью римской аристократии как хранительницы исконных для римского мира ценностей. Особенно идея возрождения и сохранения римских ценностей, связанных с образованностью, выражена в тех письмах Эннодия, которые, будучи написаны по разным поводам, так или иначе затрагивают проблемы воспитания молодежи, гражданского (мирского) служения. Обратимся к конкретным примерам. В 501 г. Эннодий пишет письмо своему родственнику, квестору дворца в Равенне – Флавию Аницию Пробу Фаусту. Письмо, как того требует эпистолярная практика поздней Античности, написано по конкретному поводу – по случаю избрания Авиена, сына Фауста, консулом. Эннодий в следующих словах выражает радость по поводу возвращения консульского достоинства его семейству, обращаясь в

тексте то к адресату письма, то непосредственно к Авиену: «воссиял новый консул, возвративший древние регалии, и, исполненный решимости, отворил он дряхлые двери [здания] наших достоинств. Обветшавшие дверные косяки с изношенными петлями обретают новую крепость... Ты (Авиен. – В.Т.) несёшь по забытой тропе материнской [ветви] рода животворящие топоры, которыми расчищаешь на блистательнейшем пути застарелые завалы, чтобы не сдерживали они твоё потомство!.. Ты уже велик благодаря тому, что шествуешь дорогой, проторенной пращурами и дедами, будучи чуть ли не привязан к своим предшественникам» (Ennod. Op. 9.2,4,6). Характеризуя племянника и славя блеск отцовской и материнской линий рода Авиена, Эннодий даёт характеристику, которую можно распространить на состояние всей римской аристократии эпохи Теодориха: «...воссиял [во всю мощь], с Божией милостью, свет добрых семейств, до недавнего времени заслонённый, а славная кровь обнаружила свою красоту» (Ennod. Op. 9.6). Как видно, Эннодий для характеристики конкретного римского семейства использует те же самые образы, которые прилагал к оценкам состояния Рима в панегирике королю: дряхлость и обветшалость сменяются крепостью и блеском. Причем важно, что обретение славы Авиеном связывается у Эннодия с следованием нового консула примеру предков. То есть очевидно, что достижение высот гражданского служения возможно, по мнению Эннодия, только через «возвращение», воспроизведение уже существовавших образцов.

Эннодий не говорит в письме о том, чем его племянник стяжал консульства, указывая лишь на некое «мирское служение» (Ennod. Op. 9.3), но подчеркивает, что успехам молодого человека способствовало полученное им образование: «в начале жизни получив наилучшее образование, он, со всей очевидностью, заслужил то, что обрёл... Следуя урокам, развивающим природу, и литературным занятиям, он – подражатель отцовского совершенства – благодаря своему усердию явил себя таким сыном, о каком другой [отец] едва ли мог мечтать. Он постиг всё, что совершенного имеет аттический, что совершенного имеет римский язык; он оценил золото Демосфена и железо Цицерона; он, говоривший на латыни, преуспел тем не менее и в той, и другой риторике» (Ennod. Op. 9.9–10).

Ту же мысль о значимости традиционного для римского общества образования (прежде всего риторического) в достижении консульства Эннодий проводит в письме 511 г., обращенном к Боэцию. Главную цель письма Эннодий видел в возможности договориться с Боэцием о приобретении принадлежащего этому сенатору дома в Медиолане, но послание начинается с поздравлений по случаю получения Боэцием магистратуры. Собственно, это «предисловие» к основному разговору о сделке занимает основную часть письма. Эннодий, естественно, говорит о заслуженности награды, полученной Боэцием в виде консульства, но акцент вновь ставит лишь на том, что соискатель достиг магистратуры благодаря совершенству языка, противопоставляя при этом гражданское служение военному. Боэций, по его словам, «после решительного сражения получил заслуженный триумф, между тем как никогда не видел войны; в суде он снискал лавровые венки и не считал необходимым вступать в сражение... Он просиял меж мечей Цицерона и Демосфена и достиг вершин как одного, так и другого из названных [ораторов], словно рожденный в самое мирное для искусств время» (Ennod. Op. 370.3–4).

Собственно возрождение риторического искусства, восстановление школ и было для Эннодия свидетельством того, что возрождается сам рим-

ский мир. В данном случае показательны речи Эннодия, обращенные к Девтерию, знаменитому медиоланскому грамматику и ритору[7]. В достаточно ранней своей речи (ок. 501 г.), Эннодий, славя Девтерия, адресует ему следующие слова: «… здоровья тебе, воспитатель преуспеяний, факел и сияние благородства, ты с помощью трудолюбивой тяпки превращаешь благородные побеги в плодоносящие [деревья], ты в увядающем цветке обнаруживаешь [завязь] нового урожая… ты из логовищ зверей и из жилищ филинов призываешь нас вновь на форум, откуда давно уже удалились предки наши» (Ennod. Op. 3.3).

Ощущение цезуры в развитии римской цивилизации Эннодий передает и в более поздней речи, адресованной Девтерию по случаю окончания его школы Парфением, племянником Эннодия (трудно сказать, тот ли это Парфений, которого позже славил Кассиодор и буквально проклинал Григорий Турский). В речи мы вновь можем видеть переживание Эннодия по поводу происходивших в недавнее для него время утрат, использование уже известных топосов (учитель – рачительный садовод, искусный ремесленник, создающий из грубого материала украшение). Среди прочего (что представляется крайне важным) Эннодий подчеркивает, что усилиями Девтерия «укрепляется готовая вот-вот рухнуть свобода» (Ennod. Op. 94.8). К этому довольно часто употребляемому в позднеантичной латинской литературе понятию – libertas – Эннодий обращается и в других текстах, в том числе в панегирике для характеристики Теодориха Великого: «Обязанная твоему оружию свобода обрела, насколько это только возможно, способность выражать радость в похвальных речах» (Ennod. Op. 263.1). Думается, есть все основания согласиться С. Барнишем, который считает, что libertas в текстах начала VI в. выражает прежде всего торжество закона над произволом, тиранией и варварством[8]. Вспомним продолжение той фразы Кассиодора, которая уже была процитирована в начале статьи: «…возвращаясь, по божественному соизволению, к древней свободе, облачитесь в одеяния римских нравов, оставьте варварство» (Cass. Var. III.17.1; пер. С.В. Санникова). То есть и для Кассиодора, и для Эннодия, и для их образованных современников возвращение к свободе – это возвращение от варварства и беззакония к romanitas (пусть и при короле-варваре) и римскому закону. В свою очередь, в законе Эннодий видит заступника свободы и оплот отечества (lex vindex libertatis, patriae munimentum, Ennod. Op. 380.4).

В то же время обладание свободой для Эннодия – не столько и не только отсутствие своеволия, самоуправства и не только возможность решать споры в суде. Поскольку сам судебный процесс предполагал состязание обученных в риторике адвокатов, Эннодий устанавливает неразрывную связь между свободой, с одной стороны, и образованностью, с другой[9]. Более того, для Эннодия родиться свободным римлянином – еще не означает обладать в полной мере свободой. Противопоставляя в речи, обращенной к Девтерию, роль отца и роль учителя в воспитании ребенка, он подчеркивает, что «свободу дарует происхождение, но заслуживающим свободы делает [человека] учитель» (Ennod. Op. 69.9). Не случайно, поэтому, учитель риторики у него – тот человек, который «укрепляет свободу». В другом месте Эннодий пишет прямо, что «свобода всегда являет себя в достойных уважения науках, необразованные же нобили пребывают во мраке» (Ennod. Op. 105.3–4).

Таким образом, Теодорих Великий, по мнению Эннодия, установив мечом своим мир в Италии, создал условия для торжества закона, а Девтерий и подобные ему преподаватели риторики, тесно связанной с судебной практикой, обеспечивали саму эту практику необходимыми кадрами.

Очевидно, что для Эннодия libertas, наряду с humanitas, civilitas, является неотъемлемой для римского общества ценностью, утрата которой ставит под вопрос существование самого римского мира. Поэтому и возрождение римского мира возможно через возрождение libertas, а утрата этой свободы способно привести этот мир к гибели. В «Житии Епифания» Эннодий, упомянув о попытке Теодориха после войны с Одоакром ограничить в правах тех жителей Лигурии, что поддерживали Одоакра в годы этого противостояния, говорит о том, что это решение привело к бесправию, отсутствию правосудия: «Между тем неожиданный замысел захватил душу превосходнейшего короля Теодориха, чтобы лишь тем было даровано право римской свободы (Romanae libertatis jus), кто был связан с ним узами испытанной преданности, в отношении же тех, кто по той или иной причине оказался разделен [с королем], он повелел, чтобы они были лишены всякого права выступать в качестве свидетелей и права свободно распоряжаться своим имуществом. Когда это решение было обнародовано и таким вот законом были попраны права многих людей, вся Италия переживала достойное сожаления затухание правосудия» (Ennod. Op. 80.122). Любопытно, что в этой оценке Эннодий использует те же характеристики, что и для критики времен Одоакра, в годы правления которого «умолк оратор, и пришли в плачевное состояние суды... исход судебной тяжбы зависел от случайности, поскольку учёность не пользовалась уважением... было уничтожено великолепие предков» (Ennod. Op. 263.76–77).

Впрочем, вернемся к Девтерию. С этим учителем Эннодия связывали личные отношения. Они жили в одном городе и, по всей видимости, тесно общались. Но было еще одно обстоятельство. Как уже упоминалось, в школе Девтерия получил свое образование племянник Эннодия Парфений. Судьба этого молодого человека волновала Эннодия не только потому, что тот был сыном его сестры, но и потому что отцом Парфения был то ли простолюдин, то ли полуварвар[10]. Эннодий приложил немалые усилия, чтобы в племяннике взяла верх римская благородная кровь, чтобы ему был открыт путь к римскому достоинству. В упомянутой речи Эннодий высказывает обеспокоенность по поводу того, что в племяннике могли возобладать те задатки, что идут от неблагородной ветви рода, и благодарит учителя именно за то, что, обучив Парфения, сделал его римлянином: «Смотри, после варварского бормотания (post gentile murmur) из уст его изливаются слова, которые выражают человеческое достоинство (humanitatem)» (Ennod. Op. 94.12).

Идея о том, что возрождение «римскости», ее сохранение и даже сам путь к ней тесно связаны с изучением римской (латинской) риторики, пронизывает и те рекомендательные письма Эннодия, которыми сопроводил своего племянника, отправившегося в Рим для продолжения обучения. Писем было четыре: к папе Симмаху, к сенатору Фаусту, сиятельному мужу Луминозу, Фаусту Младшему. В послании к последнему Эннодий прямо пишет, что Парфений отправляется в Рим, чтобы «явить себя через изучение свободных наук римлянином» (Ennod. Op. 228.2). Другой адресат – Луминоз – особенно важен для Эннодия, поскольку по происхождению был провинциалом и мог бы служить примером того, как благодаря изучению свободных искусств можно достичь успеха в обществе: «Ты служишь хорошим примером, став из чужеземца могущественным, из начинающего – совершенным» (Ennod. Op. 227.1). Таким образом, римская риторика и свободные науки оказываются для Эннодия той силой, посредством которой новые люди могут втягиваться в римский мир, становясь его неотъемлемой частью. Возрождающийся римский мир отныне держится не на силе римских мечей (которые уже сложены), а на силе римского слога.

Парфений оказался не единственным, кто отправился в Рим для продолжения образования. Если ориентироваться только на письма Эннодия, то можно назвать хотя бы Симплициана, за которого он ходатайствовал перед Фаустом (Ennod. Op. 282), а также Амвросия и Беата, молодых аристократов, обратившихся к нему за советом перед своей поездкой в Рим и получивших этот совет в виде назидательного послания, написанного стихом и прозой (Ennod. Op. 452)[11]. Вполне возможно, что и знаменитый ритор Аратор, автор поэтического переложения «Деяний апостолов», также завершивший школу Девтерия, совершенствовал свои навыки в Риме. Эннодий, родившийся в Арелате, выросший в Тицине и служивший в Медиолане, несмотря на перенос центра придворной жизни в Равенну, по-прежнему видел Рим символическим центром того мира, неотъемлемой частью которого он себя осознавал. Рим оставался в его сознании, как и в сознании его современников, главой мира (mundi caput, Ennod. Op. 49.120), господином круга земного (domina orbis; Ennod. Op. 263.30), матерью городов (mater civitatum; Ennod. Op. 263.56). Но наряду с этим Рим для Эннодия также «отчизна учености» (Ennod. Op. 225.2), «отчий дом знания» (Ennod. Op. 282.2), «город, преданный свободным наукам» (Ennod. Op. 290.1).

В Рим молодежь с севера Италии могла устремляться по разным причинам, но для Эннодия Рим прежде всего – школы, в которых молодые аристократы могли завершить уже начатое образование, после чего начать выстраивать карьеру. Упомянутое выше дидактическое послание Эннодия, обращенное к Беату и Амвросию, наглядно демонстрирует, чему и ради чего следует учиться в Риме, по мнению этого ритора. Известно, что в основе римского образования V–VI вв. лежала система семи свободных искусств, общие позиции которой были сформулированы в «Браке Филологии и Меркурия» Марциана Капеллы[12]. Однако, наставляя молодых аристократов, Эннодий практически ничего не пишет о большинстве из этих наук, останавливаясь лишь на значимости двух искусств из триувима – грамматики и риторики. Грамматика выступает у него «кормилицей» остальных наук, она уподобляется печи, в которой закаливаются мечи для риторов (Ennod. Op. 452.11–12). Риторика же для Эннодия – вершина наук, он поет ей подлинный гимн, говоря о силе слова, посредством которого можно обвинить и оправдать человека, в слове оформляются идеалы, к которым стремится римлянин, по сути, слово формирует реальность. Даже ценность других наук (Эннодий перечисляет при этом поэзию, правоведение, диалектику и арифметику) определяется риторикой (Ennod. Op. 452.16), т.е. ценны они постольку, поскольку их прославляют посредством отточенного слова. Пассаж Эннодия о риторике завершается пятью двустишиями, последнее из которых (наиболее часто цитируемое) объясняет и смысл изучения риторики для современников: «Тот, кто сегодня служит моей науке, скоро власть обретет в целом мире; / Истинно, царства земные отдаст в мои руки искусство» (Ennod. Op. 452.17). Собственно возрождение риторического образования открывает, по мнению Эннодия, путь к возрождению римской аристократии как политической силы, к возрождению Рима как носителя цивилизации и закона.

Итак, политическая стабилизация в Италии в период правления Теодориха Великого, ощущавшаяся современниками, по крайней мере, до внутриполитического кризиса 20-х годов VI в. очевидно вселяла надежды в души представителей римской интеллектуальной элиты. Это были надежды на восстановление тех принципов, которые, по их мнению, призваны цементировать римский мир, обеспечивать социальную гармонию и порядок. В этих условиях «возрождение» становится общим местом в литературе того времени, в том

числе в трудах Эннодия, путь к прежнему процветанию Рима виделся которому через торжество закона над произволом, в чем немалую роль призвана была сыграть римская аристократия, чье могущество опиралось не только на земельные владения, но и на интеллектуальные традиции, связанные с системой римского образования. Именно возрождение этого мира, символом которого выступал Вечный Город, мира римских ценностей и традиций, в котором востребованы образованные римские аристократы, и видел Эннодий в годы правления короля-варвара Теодориха Великого.

Примечания:

1. См., напр.: Cooper K. The Fall of the Roman Household. Cambridge University Press, 2007. P. 72ff; Contreni J.J. The Carolingian Renaissance // Renaissances Before the Renaissance. Cultural Revivals of Late Antiquity and the Middle Ages / Ed. by W. Treadgold. Stanford University Press, 1984. P. 59–60; Санников С. В. Критерии «варварства» эпохи «Остготского Возрождения» // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2014. Т. 2. № 2. С. 120–129; Пиков Г.Г. «Остготское Возрождение» и формирование идеи «нового Рима» // Пиков Г.Г. Из истории европейской культуры. Новосибирск, 2002. С. 155–187.

2. Эти слова Кассиодора цитируются довольно часто: Уколова В.И. Культура Остготской Италии // Средние века. Вып. 46. М.: Наука, 1983. С. 6; Санников С.В. Философские и правовые источники представлений Аврелия Кассиодора о «справедливом» правлении // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Т.8. Вып. 3. С. 126.

3. Шкаренков П.П. ROMA AETERNA: риторический образ «римского мифа» на рубеже времен // Новый филологический вестник. М., 2008. № 1 (6). С. 12.

4. О жизни Эннодия см., в частности: Kennell S.A.H. Magnus Felix Ennodius: a gentleman of the church. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. P. 4–42; Schröder B. Bildung und Briefe im 6. Jahrhundert: Studien zum Mailänder Diakon Magnus Felix Ennodius. Berlin, 2007. S. 31–53.

5. Сноски на произведения Эннодия даются в скобках с указанием номера произведения и номера отрывка по изданию Ф. Фогеля: Magni Felicis Ennodii Opera / Rec. F. Vogel. MGH AA. Bd. 7. Berlin, 1885.

6. Более подробно см. нашу статью: Тюленев В.М. Слово против меча: новое содержание Romanitas у Эннодия // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Под ред. А.В. Махлаюка и О.Л. Габелко. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2014. С. 305–316.

7. Девтерий, не оставивший после себя литературного наследия, был, тем не менее, весьма значимой для своего времени фигурой. Достаточно сказать, что он носил титул vir spectabilis: Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395–527. (Deuterius 3). Cambridge University Press: Cambridge, 1980. P. 356–357. Этот исключительный для грамматика титул Девтерий, возможно, получил от Теодориха Великого: Barnish S.J.B. Liberty and advocacy in Ennodius of Pavia: the significance of rhetorical education in late antique Italy // Hommages à Carl Deroux V. Christianisme et Moyen Age, Néo-Latin et survivance de la latinité / Ed. P. Defosse. Vol. 279. Brussels, Latomus, 2003. P. 20.

8. Barnish S.J.B. Op. cit. P. 22; см. также: Санников С.В. Философские и правовые источники… С. 126.

9. Schröder B. Op. cit. S. 90.

10. Arnold J.J. Theoderic, the Goths, and the Restoration of the Roman Empire. University of Michigan (Diss.), 2008. P. 231.

11. Перевод это послания на русский язык см.: Эннодий. Амвросию и Беату / Пер. с лат. и коммент. В.М. Тюленева // CURSOR MUNDI. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 6. Иваново, Изд-во ИвГУ, 2014. С. 49–59.

12. Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М.: Наука, 1992. С. 85–101.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

ШКОЛЫ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ: К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.М. Болгова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье излагаются основные направления отечественной историографии в изучении проблемы ранневизантийской школы. В силу характера сохранившихся источников, речь идет об аналоге высшей школы. В соответствии с разработками в историографии, рассматриваются основные виды и типы школ, а также персоналии.
Ключевые слова: Ранняя Византия, школа, риторика, философия, историография.

SCHOOLS AT EARLY BYZANTIUM: TO THE HISTORY OF THE STUDY IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY

A.M. Bolgova
Belgorod State National Research University

The article outlines the main areas of national historiography in the study of early Byzantine school. The nature of the surviving sources, it is an analog of higher education. In accordance with the developments in historiography describes basic kinds and types of schools, as well as personalities.
Keywords: Early Byzantium, school, rhetoric, philosophy, historiography.

Существует достаточно распространенный стереотип о том, что в ранневизантийский период почти все жители империи были грамотными, но где и как они учились – практически неизвестно. Действительно, специальных источников такого рода не сохранилось, однако, если попытаться извлечь информацию о школе, образовании и воспитании из огромного корпуса поздне-античных (ранневизантийских) сочинений, то получится достаточно репрезентативная картина, особенно в отношении «высшей школы».

В этой работе мы не будем уточнять специальную терминологию. Условно и с известной долей модернизации мы будем придерживаться принятой в мировой науке следующей схемы употребления основных терминов: «профессор», «студент», «высшая школа», «начальная школа».

При этом необходимо отметить, что о начальном и среднем уровнях образования в Ранней Византии нам известно действительно очень мало. Поэтому большей частью наш анализ историографии будет касаться «высшей школы».

Общая схема системы образования в Ранней Византии представляется ныне следующим образом.

Начальное и среднее образование сосредотачивалось преимущественно на уровне грамматики и элементов риторики.

«Высшее образование» состояло из следующих ступеней:

- риторика; естественные науки; специальные (медицинские, юридические) школы;
- философия (классическая);
- христианская теология.

Эти ступени могли в полный профиль присутствовать в одной школе (Кесария, Газа), но значительно чаще та или иная школа была сосредоточена на чем-то одном.

Также можно проследить определенную эволюцию в организации школ на протяжении позднеантичного периода: от античных школ, строившихся всецело вокруг личности схоларха, идет движение в сторону христианизации (надстройки преподавания богословия в уже имевшихся школах) и огосударствления (Константинопольский «университет»).

Отечественная историография данной темы невелика. Дореволюционные авторы практически не рассматривали историю ранневизантийской школы специально. В силу конфессиональных традиций в тот период исследовались преимущественно христианские школы, их происхождение и эволюция. В.В. Плотников подготовил двухтомное исследование по истории христианской школы и ее отношений к классической античной образованности[1], А.П. Дьяконов изучал историю богословских школ[2]. Особым вниманием пользовалась Александрийская школа Пантена-Климента-Оригена III в. История собственно школы как институции в тот период была не очень отделена от истории школы как направления богословской мысли.

В послевоенное время вышел лишь общий очерк истории византийской школы в целом, правда, принадлежавший одному из крупнейших отечественных и мировых византологов А.П. Каждану[3].

Первый специальный очерк истории именно ранневизантийской школы был подготовлен З.Р. Самодуровой[4]. В формате академического издания, посвященного общей истории византийской культуры, данный очерк можно признать вполне исчерпывающим, однако, он лишь намечает круг проблем, каждая из которых требовала специальной разработки. По сути, эта работа остается единственной специальной исторической работой профессионального византолога по данной теме. В том же издании очерк истории юридических школ дан Е.Э. Липшиц[5], а состояние естественных наук, в том числе, и их преподавания затронуто в очерке той же З.Р. Самодуровой[6].

Важным шагом вперед становится выход в 2002 г. в Иваново первого отдельного издания – учебного пособия «Византийская школа» И.В. Кривушина и Е.С. Кривушиной[7]. Однако, здесь рассмотрена вся история Византии, а объем – крайне невелик (45 с.), что сопоставимо с тремя главами из трех томов «Культуры Византии», составленными вместе. Таким образом, глубина и широта разработки проблемы от этого издания выросли незначительно. Впрочем, формат учебного пособия и не предполагал исчерпывающей глубины разработки.

В дальнейшее время разработка данных проблем сосредотачивается в Белгороде, за небольшим исключением в виде Нижнего Новгорода[8] и Ярославля.

Первую за последние годы общую статью по истории образования в Византии (на протяжении всей ее истории) подготовил свящ. А. Огнев[9].

Далее были защищены две кандидатские диссертации – И.В. Зайцевой о Клименте Александрийском (в том числе как о схолархе Александрийской школы)[10] и О.А. Манохиной о генезисе христианских богословских школ[11]. Обе работы в определенной мере продолжают тематику, а во втором случае – и некоторые подходы дореволюционной отечественной науки. На новом уровне обращение к данным темам представляется вполне оправданным.

Монашеские школы на примере Газской начали исследоваться Я.В. Манохиным[12]. Взаимоотношения монашеской и риторической школ Газы отчасти были затронуты А.В. Курбановым[13].

В последние годы достаточно активно началась разработка проблем истории отдельных школ – Кесарийской[14], Беритской[15], и особенно – Газской[16],

от которой остался значительных корпус сочинений. Беритская школа дает образец юридической школы, а Кесарийская и Газская – школы «полного профиля» - от грамматики и риторики до христианского богословия.

При этом не было сделано отдельных работ историков по философским школам поздней античности, таким, как Афинская.

Важным самостоятельным разделом становится изучение деятельности отдельных схолархов, каждый из которых достоин определенного внимания – Либания, Фемистия[17], Гипатии[18], Прокопия Газского[19], Хорикия[20], а также учителей грамматики[21].

Либаний сам по себе представляет весьма крупную фигуру в истории позднеантичной (ранневизантийской) культуры, возможно, наиболее важную для истории ранневизантийской школы. Однако, отдельной монографии в отечественной науке он не удостоился. Его педагогическая деятельность в Антиохийской риторической школе была затронута еще в статьях С.П. Шестакова, сопровождающей перевод его речей[22], а также в главе книги Г.Л. Курбатова[23]. Лишь в начале XXI в. целый ряд работ о схолархе вышел у Т.Б. Перфиловой[24].

Кроме того, в последние годы началось исследование законодательной деятельности императоров и государственной политики в отношении образования, преимущественно о политике императора Юлиана[25].

Близкие темы разрабатываются в настоящее время историками педагогики, прежде всего, В.Г. Безроговым[26]. Однако, при всей близости тематики, методологические подходы представителей данной отрасли наук несколько отличаются.

Непосредственным хронологическим преддверием рассматриваемой нами темы могут служить: для дореволюционного периода историографии – работы И.В. Цветаева[27], а для современного - достаточно многочисленные работы Т.Б. Перфиловой[28]. Часть из них по хронологии имеет отношение к поздней античности и в наибольшей степени связаны с рассматриваемой нами проблематикой. Однако, подходы исследователя, по ее собственным оценкам, в некоторой степени «культурологические», и для исторического исследования представляются несколько «облегченными».

Определенное внимание христианским богословским школам уделяли также философы и теологи новейшего времени (В.Я. Саврей)[29], однако, они рассматривали эти школы как направления мысли, но не как образовательные центры, в силу конфессиональной традиции отечественной науки.

Таким образом, в последние годы отечественная историография истории образования в Ранней Византии значительно продвинулась вперед. Однако, еще не было специальных работ по истории медицинских школ, Афинской философской школы, Константинопольского «университета», деятельности прочих схолархов и др. Эти направления предстоит разрабатывать в ближайшем будущем.

Примечания:

1. Плотников В.В. История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности. В 2 т. М., 2011.

2. Дьяконов А.П. Типы высшей богословской школы в Древней Церкви III-VI вв. СПб., 1913 (отд. оттиск).

3. Каждан А.П. Византийская школа // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 209-214.

4. Самодурова З.Р. Школы и образование // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 478-503.

5. Липшиц Е.Э. Юридические школы и развитие правовой науки // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 358-370.

6. Самодурова З.Р. Естественнонаучные знания // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 408-431.

7. Кривушин И.В., Кривушина Е.С. Византийская школа. Иваново, 2002.

8. Гольцева О.Е. Светские и духовные образовательные центры в Ранней Византии (IV-VII вв.) // Наш Анабасис. Вып. 2. Нижний Новгород, 2005. С. 22-27.

9. Огнев А., диакон. Система образования в Византийской империи // Мир Византии. Белгород, 2007. С. 116-121.

10. Зайцева И.В. Античное наследие в идеях и деятельности Климента Александрийского. Автореф. дисс. Белгород, 2011.

11.Манохина О.А. История богословского образования в Ранней Византии. Автореф. дисс. Белгород, 2013.

12. Манохин Я.В. Преемственность образовательных традиций ранневизантийских высших богословских школ в монашеской школе Газы // Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 190-194.

13. Курбанов А.В. Газские софисты и монахи в VI веке (на примере «Переписки Варсануфия и Иоанна Газских») // Классическая и византийская традиция. 2014. Белгород, 2014. С. 185-190.

14. Ващева И.Ю. Образование в Кесарии Палестинской в III – первой половине VII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2005. С. 72–80; Болгова А.М. Кесарийская школа как феномен переходной эпохи от античности к Византии // Педагогика и образование в системе научного знания. Белгород, 2015. С. 84-88.

15. Болгов К.Н. Латинская юридическая школа в позднеантичном Берите // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013» [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013; Болгов Н.Н., Болгова А.М. Позднеантичный Берит в Финикии и его юридическая школа // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. Воронеж, 2013. С. 306-311.

16. Болгова А.М. Софисты и епископы в риторической школе ранневизантийской Газы // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4 (26). 2009. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2009. С. 22-28; она же. От схолий к катенам: христианизация комментариев к текстам в Газской школе // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(126). Вып. 22. Белгород, 2012. С. 74-78; Болгова А.М., Болгов Н.Н. Изучение Газской школы риторики в последние годы // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 21 (192). Вып. 32. Белгород, 2014. С. 43-46.

17. Болгова А.М., Болгов Н.Н. Фемистий: античная риторика, философия и школа в Константинополе // Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 4. Белгород, 2012. С. 23-28; Bolgov N. Themistius and His Works in the Context of Cultural Continuity // Tractus aevorum. 1(2). 2014. P. 175-184.

18. Елисеева О.Н. Гипатия, её школа и гендерный подход в изучении истории образования и науки // Молодежь – науке. 2013. Т. 1. Псков, 2013. С. 62-65.

19. Болгова А.М. Прокопий Газский: ритор и богослов // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2014. С. 101-107; она же. Прокопий Газский и его наследие в мировой историографии // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Воронеж: ВГУ, 2014. С. 314-318; она же. Письма Прокопия Газского и Газская школа // XIX Сергеевские чтения. Сборник тезисов. М.: МГУ, 2015. С. 50-51.

20. Болгова А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(96). Вып. 17. Белгород, 2011. С. 48-53; она же. Ритор Хорикий и Газская школа // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(102). Вып. 18. Белгород, 2011. С. 65-71; Bolgov N., Bolgova A. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricius of Gaza as a mirror of con-

tinuity // L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive. Paris: College de France, 2013. P. 2-3.

21. Болгова А.М., Елисеева О.Н. Учителя-грамматики позднеантичного греческого Востока // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 13(132). Вып. 23. Белгород, 2012. С. 32-39.

22. В кн.: Либаний. Речи. В 2 т. Казань, 1912-1916 (переизд. СПб., 2014. В 2 т.).

23. Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты. Л., 1991.

24. Перфилова Т.Б. «Странствующие» софисты в культурном пространстве провинции (на примере биографии Либания) // Известия Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2004. № 4(7). С. 7-15; она же. Представления Либания о «пайдейе» (образованности) и организация учебно-воспитательного процесса в аитиохийской высшей риторической школе // Вопросы отечественной и зарубежной истории: Мат-лы конф. «Чтения Ушинского» ИФ. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2002. С. 97-101; она же. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в римской провинции Сирия и других грекоязычных владениях Римской империи. Ч. 1. Карьера «странствующего софиста» // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 1. С. 161-167; она же. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в восточных провинциях Римской империи. Ч. 2. Либаний - официальный профессор антиохийской риторической школы // Ярославский педагогический вестник. 2002. №2. С. 22-27; она же. Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в восточных провинциях Римской империи. Ч. 2 (продолжение). Формы и методы воспитательной работы Либания // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 3. С. 42-46; Болгова А.М., Сбитнева Ю.Н. Риторическое образование на Римском Востоке в IV в. и школа Либания // Классическая и византийская традиция. 2009. Белгород, 2009. С. 134-136.

25. Болгова А.М., Елисеева О.Н. Законодательство Юлиана о школах и его идеология // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросскультурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2012. С. 55-58; Елисеева О.Н. Закон Юлиана о школах: идеология, политика, направленность // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2012. С. 95-96; Елисеева О.Н. Император Юлиан и его законы о школах // Классическая и византийская традиция. 2012. Белгород, 2012. С. 155-159; она же. Законодательство Юлиана Отступника о школах // Молодежь – науке. 2012. Т. 1. Псков, 2012. С. 89-91.

26. Безрогов В.Г. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М.: ПИМ, 2008.

27. Цветаев И.В. Из жизни высших школ Римской империи // Вопросы философии и психологии. Год XIII, кн. 62 (II). М., 1902. С. 954-1030; год XIII, кн. 63 (III). С. 1091-1136; он же. Грамматические школы древних римлян // Русский вестник. 1887-1888; он же. Высшие школы древних римлян. Школы риторов // Русский вестник. 1893.

28. Перфилова Т.Б. Образование в Римской империи: историографические аспекты проблемы (XVIII - начало XX в.). Ярославль, 2003; она же. Преподаватели высших школ Римской империи (профессиональный портрет и структура личности). Ярославль, 2002; она же. «Учёный» и «учёность» в Римской империи: к вопросу о приоритетных направлениях позднеантичной науки // Наука и школа. 2005. № 3. С. 34-37; она же. Юридическое образование в Римской империи: подготовка юристов и судебных ораторов. Ярославль, 2004; она же. Высшее профессиональное образование в Римской империи: подготовка врачей. Ярославль, 2004; она же. «Университеты» Римской империи (историографические и методологические аспекты проблемы) // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 3. С. 25-35; она же. Высшее образование в Римской империи (культурологический аспект)». Автореф. дисс. ... д.и.н. Специальность 24.00.01 – теория и история культуры (исторические науки). М., 2005.

29. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М., 2011; он же. Антиохийская школа в истории философско-богословской мысли. М., 2011; он же. Каппадокийская школа в истории философско-богословской мысли. М., 2011.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЕРВОХРИСТИАНСКИХ ОБРЯДОВ

А.Д. Стржалковская
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается вопрос зарождения христианских обрядов в общем и Евхаристии в частности. Первые обряды у христиан были тесно связаны с иудейской ветхозаветной традицией и языческими обрядами. Это связано с тем, что первые христиане были иудеями, и ветхозаветные традиции и обряды были им наиболее близки. Язычество привнесло в христианские обряды идею жертвенности и преломления хлеба.

Ключевые слова: христианство, обряд, иудаизм, язычество, происхождение.

ON THE ORIGIN OF EARLY CHRISTIAN RITES

A.D. Strzhalkovskaya
Belgorod National Research University

The article deals with the origin of Christian rites in general and the Eucharist in particular. The first Christian's ceremonies were closely connected with the Jewish tradition of the Old Testament and pagan rites. This is due to the fact of the first Christians were Jews therefore the Old Testament traditions and ceremonies were related it. Paganism added the ideas of sacrifice and the breaking of bread into Christian rites.

Key words: Christianity, rite, Judaism, paganism, origin.

С первых веков существования христианства вся первохристианская обрядность сводилась к главному таинству – Евхаристии[1]. Само это таинство заключалось в том, что верующие христиане вкушают хлеб и вино, символизирующее в христианстве Тело и Кровь Иисуса Христа Искупителя и, таким образом, соединяются с Богом[2].

Прообразом Евхаристии стало евангельское повествование о Тайной Вечере, описанное в Евангелие и звучащее так: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26, 26-28).

Вопросом происхождения Евхаристии подробно занимались различные специалисты. Все они сходятся на том, что Таинство Евхаристии установлено Спасителем на Его последней Вечере с учениками[3]. В дальнейшем к этому таинству начинают присоединяться молитвы, написанные отцами Церкви, и некая обрядность, которая со временем разрасталась. Кроме обрядности весь образ жизни христиан стал проходить с ссылкой на значимость в их жизни Евхаристии. Евхаристия для первых христиан стала неотъемлемой частью жизни и была так же важна, как принятие пищи. «Евхаристия была, есть и будет центральным нервом христианской жизни»[4]. Как пишет К. Керн: «Кроме того, надо помнить, что природа самой Церкви - евхаристична. Церковь есть Тело Христово. Евхаристия есть также Тело Христово. Поэтому без Евха-

ристии нет церковности, нет и не может быть оцерковления жизни. Также и Евхаристия немыслима вне Церкви. Вне Церкви можно лишь представлять Сионскую Вечерю, символизировать ее, но не совершать евхаристическое Жертвоприношение. Вне Церкви она безблагодатна. Евхаристия, как и вообще таинственная жизнь, не может быть без освящающей силы Святого Духа»[5].

Итак, в первые века всё в жизни христиан концентрировалось вокруг Евхаристии, начиная с собраний, на которых и преподавалось причащение, и, заканчивая образом жизни в целом, заключавшим в себе приготовление к таинству через покаяние и веру[6]. Но следует и учитывать, что на развитии христианского учения сказался тот факт, что оно легло на достаточно древний и мощный пласт другой религиозной культуры, что оказало влияние на христианство. Это, конечно же, были иудейская и языческая культуры. То, что христиане многое унаследовали от иудаизма и язычества, подтверждает и М.Э. Поснов: «Жизнь людей, сделавшихся последователями христианской Церкви, начала постепенно выражаться в различных формах религиозного быта. Одни из этих форм были унаследованы от иудейства и большей частью были заполнены христианским содержанием, другие составляли оригинальное творчество христианской религии, причем, в некоторых можно было указать аналогию и с эллинистическими религиозными установлениями»[7].

Далее можно добавить утверждение М.Э. Поснова о положении Церкви в Римской империи в первые века[8], что также сильно влияло на жизнь и обряды христиан в этот период: «Первый период от начала Церкви до Миланского эдикта Константина Великого, от 29-30 г. христианской эры до 313 г. - есть время основания Церкви и постепенного распространения сначала только между иудеями, а потом и среди язычников не только без всякой поддержки со стороны мирских сил, но даже при враждебном отношении со стороны их и открытом гонении, - и при таких условиях Церковь завоевала себе твердую почву в мире»[9].

М. Скабаланович еще более настаивает на связи первых христиан с иудаизмом и использовании ими в своих обрядах иудейского опыта. Он пишет: «Чтобы правильно представлять возникновение христианского богослужения и его чина, нельзя забывать, что апостолы и наиболее значительные члены первенствующей Церкви были евреи, и, если вера и упование их были уже не ветхозаветные, а новые, то молитва и богослужение их не могли далеко выступать из тогдашних иудейских форм. Богослужение и обряд по существу своему консервативны; здесь святость измеряется древностью... Религиозное одушевление, охватившее апостолов и других учеников Христовых по воскресении Христовом, проявляется в том, что они целые дни проводят в храме («бяху выну в церкви»), который Христос пришел упразднить, где, конечно, хвалить и благодарить («хваляще и благодаряще») Бога можно было в еврейских обрядовых формах. Если мы обратим внимание на эти формы, то для нас станет видно, какое влияние оказали они на последующее развитие христианского богослужения»[10].

Начиная говорить об иудаизме, как о религии, повлиявшей на развитие богослужений у христиан (точнее, ветхозаветной религии), становится видно, что в нем уже были достаточно сформированы к тому моменту и обрядность, и вероучение с догматами. И, так как территориально и исторически первые христиане стали появляться среди иудеев, то вполне естественно, что христианские обряды напоминали иудейские[11]. Говоря о евангельской Тайной Вечери: «Христос преподал евхаристическую чашу после вечери — μετά τό

δειπνήσαι (1 Кор. 11:25). Христос совершил законную вечерю»[12]. Имеется в виду, что сначала совершалась по установленному порядку ветхозаветная и пасхальная Вечеря иудеев, а потом было добавлено нечто новое, относящееся к новозаветному учению. Также и первые христиане брали за основу иудейские (ветхозаветные) обряды и, добавляя к ним новозаветные традиции, тем самым, заключали в них другой смысл.

М.Э. Поснов приводит следующую ниже классификацию заимствований христиан из иудаизма. От иудейского богослужения христианская Церковь заимствует четыре элемента: чтение, пение, проповедь и молитву, наполняя их, большей частью, христианским содержанием.

1. Молитвы - δεησεις - общее родовое понятие молитвы, как выражение нашей беспомощности пред Богом. Образцы христианских молитв (см. Деян. 1:24-25; 4:24-30) и др. Молитву Господню Дидахэ предписывает читать три раза в день (с. VIII). Кроме молитв, ап. Павел наказывает (1 Тим. 2:1; ср. Флп. 4:6) моления - προσευχαι (молитва в её обращении к Богу, просительная), прошения - εντευξεις (От εντυγχανω, достигаю чего), ходатайственные молитвы за других и благодарения – ευχαριστιαι[13]. М. Арранц в подтверждение этого мнения пишет о важности молитв в жизни иудеев, утверждая, что религиозная практика евреев I века состояла, главным образом, в частном чтении определенных молитв, так называемых, «берахот»[14].

Возвращаясь к классификации заимствований, приведенной М.Э. Посновым, отметим далее:

2. О пении говорит ап. Павел в Ефес.4:19 и Кол. 3:16 (ср. Ин. 5:19). Образцы «духовных песен» - представляют собою песнь Богоматери и Захарии, как хорошие примеры того, как в связи с ветхозаветными прообразами христианский дух творил новые песни. Ритмический размер следующих стихов выдает их, как образцы песнопений, употреблявшихся в частном и церковном обиходе[15]. К песнопению сводится все утреннее богослужение: «они (христиане) имеют обыкновение сходиться в известный день пред рассветом и петь попеременно друг с другом песнь Христу, как Богу». Св. Игнатий поучает: «Составьте любовью хор и воспойте хвалебную песнь Отцу во Христе Иисусе» (Рим. II).

3. Относительно чтения св. Иустин свидетельствует: «В так называемый день солнца... читаются воспоминания, υπομνηματα, апостолов и писания пророков» (Апол. I, 66). Значит, Евангелия предшествовали пророкам; а в III в. стало наоборот; Ветхий Завет начал предшествовать Новому. У св. Игнатия сказано: «Будем прибегать к Евангелию, как к плоти Иисуса, и к апостолам, как к пресвитерству Церкви» (Фил. V).

4. О проповеди определенно говорит св. Иустин: «Когда чтец прекратит, предстоятель делает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам», (о которых читалось). О проповеди упоминает также св. Ерм («Пастырь». Виден. 2).

Отметим, что эти четыре элемента так и остались основой в обрядах христиан, и будем считать эту классификацию верной, так как подобным образом классифицирует заимствования и М. Скабаланович: «О четырех необходимых частях богослужения: молитве, пении, чтении Св. Писания и поучении - на основании книги Деяний можно только сказать, что все это было за апостольским богослужением, но остается неизвестным, в каком виде было»[16]. Подобную же точку зрения выказывает и Роберт Тафт[17].

Из иудаизма также были заимствованы идеи жертвы, жертвенности и принесения жертвы, все это уже было в иудаизме, только там эти понятия

несли несколько другой смысл. Киприан Керн, уделяя внимание теме заимствований из иудаизма, пишет: «Еврейская традиция сразу же определила характер христианского богослужения. Надо помнить, что с Храмом не было порвано сразу же после основания новозаветной Церкви. Традиции, и храмовая, и синагогальная, поддерживались. Правда, наряду с этим сразу же вошло в обычай «преломление хлеба по домам»[18].

Переходя к язычеству, которое, также внесло свой вклад в образование некоторых литургических традиций христиан, мы находим подтверждение этому у Киприана Керна: «Раннее и непосредственное соприкосновение с миром языческим не могло не наложить своего отпечатка на быт и строй богослужебной жизни апостолов. Язычники принесли с собой свой опыт, свои привычки и взгляды. И тут важны два момента:

1. Церковное жертвоприношение есть противовес языческим жертвоприношениям. В каждом отдельном случае это есть реальное причащение или Богу, или бесам (1 Кор. 10:21).

2. Преломление хлеба рассматривалось как регулярное богослужение Господнего дня (1 Кор. 11). Благословлялся хлеб, и все причащались. После вечери благословлялась Чаша, и опять-таки все причащались. Слова Спасителя об установлении таинства были существенно важны. Вечеря есть воспоминание смерти Господней. Поэтому эти слова и вошли в состав всех анафор. Потому-то и молитва воспоминания, «анамнезис», также составляет существенную часть евхаристического канона. Всякое совершение Евхаристии апостолами связано тесно с их чаянием близкой парусии Спасителя[19].

Вывод о тесной взаимосвязи язычества и христианства находит свое подтверждение также у Д.В. Айналова[20] и У.М. Рамзая[21].

Приведенная классификация заимствований как из иудаизма, так и из язычества заставляет согласиться с выводом К. Керна, что Евхаристия первых веков соединяет в себе элементы еврейского пасхального или субботнего ритуала с характерными чертами античного культа[22].

Примечания:

1. В буквальном переводе: «Благорадование».

2. Голубцов А.П. Литургия в первые века христианства // Богословский вестник. 1913. Июль. С. 621-643; Ноябрь. С. 332-356; Декабрь. С. 779-802.

3. Керн К. Евхаристия. Из чтений в православном богословском институте в Париже. Киев: Изд-во им. свт. Льва, 2005. - С. 6.

4. Там же. С. 3.

5. Керн К. Евхаристия. Киев: Изд-во им. свт. Льва, 2005. С. 4.

6. Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан. М.: Молодая гвардия, 2003. 268 с.

7. Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей - 1054 г.). Киев, 1991. Ч. 1, гл. 5. Ср.: Rives J.B. Religion in the Roman Empire. Blackwell publishing, 2007.

8. См.: Ramsay W.M. The church of the Roman Empire before AD 170. Kessinger Publishing, 2004; Schwartz R.N. The Roman Empire: a concise history of the first two centuries. University Press of America, 1998.

9. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. Киев, 1991. Ч. 1, гл. вводная.

10. Скабаланович М. Толковый типикон. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. С. 10.

11. Oesterley W.O.E. The Jewish Background of Christian Liturgy. Oxford, 1925.

12. Керн К. Евхаристия. Киев: Изд-во им. свт. Льва, 2005. С. 12.

13. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. Киев, 1991. Ч. 1, гл. 5.

14. Арранц М. Евхаристия Востока и Запада. М., 1999. С. 16.

15. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. – Киев, 1991. Ч. 1, гл. 5.
16. Скабаланович М. Толковый типикон. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. С. 26.
17. Taft, Robert. The Liturgy of the Great Church: an Initial Synthesis of Structure and Interpretation on the Eve of Iconoclams // Dumbarton Oak Papers. 34-35. 1980-1981.
18. Керн К. Евхаристия. Киев: Изд-во им. свт. Льва, 2005. С. 14.
19. Там. же. С. 14.
20. Айналов Д.В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1900. 229 с.
21. Ramsay W.M. The church of the Roman Empire before AD 170. Kessinger Publishing, 2004. 548 p.
22. Керн К. Евхаристия. Киев: Изд-во им. свт. Льва, 2005. С. 14.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ (III – VI ВВ.)

Я.Ю. Иваницкая
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается процесс христианизации внешнего вида византийских женщин периода поздней античности (III–VI вв. н.э.). Христианизация внешнего вида византийских женщин выразилась в большей мере в особом стиле женского костюма: он стал колоколообразной формы, как и мужской костюм, был очень простым, тяжёлым, в целом, маскировал тело женщины. В Византии женская одежда делилась на верхнюю и нижнюю, парадную и повседневную.

Женский костюм следовал «длинноногой моде», а по композиции, покрою строго подчинялся догмам христианской религии. Костюм отражал также социальное положение его обладательницы.

Ключевые слова: христианизация женского костюма, Поздняя Античность, «длинноногая мода», «революция в одежде», женский образ.

THE CHRISTIANIZATION OF THE FEMALE COSTUME IN THE SOCIETY OF LATE ANTIQUITY (FROM 3 TO 6 CENTURIES AD)

Y.U. Ivanitskaya
Belgorod National Research University

The article considers some facts about the process of Christianization of Byzantine women appearance at the period of Late Antiquity (3–6 centuries).

The Christianization of Byzantine women appearance was expressed to a greater extent in a particular style of female costume: it became a bell-shaped form, as male costume, it was very simple, heavy, on the whole, it should mask women's body. In Byzantium women's clothing was divided into upper and lower, ceremonial and casual.

Female costume was followed by a long-legged fashion, and its composition and cover strictly obeyed the dogmas of the Christian religion. Also the costume reflected the social status of its owner.

Key words: Christianization, female costume, Late Antiquity, long-legged fashion, revolution in clothing, female image.

Находясь под глубоким влиянием христианской религии, византийская эстетика отделяла мир чувственный от мира духовного и противопоставляла один другому. Чувственная природа человека объявлялась скверной и греховной, поэтому её необходимо было преодолевать на протяжении всей жизни. Отсюда красота – это добродетель во славу Бога.

На смену античной красоте и гармонии человеческого облика приходит новый тип красоты – духовной. Как и мужское, женское тело начинает всячески маскироваться. Мужской и женский эстетический идеал становятся очень схожими[1].

Путь развития женской одежды был сходен с мужской. И это не удивительно, поскольку признавалась только духовная красота человека, в результате чего мужская и женская одежда имела общие черты пошива и различные другие общие особенности[2].

По религиозным канонам женский образ в Византии выглядит следующим образом: удлинённый овал лица, большие продолговатые глаза, высокий лоб, тонкий нос и маленький рот; таким образом, голова стала центром духовной выразительности.

Опять же по законам религии, женский костюм был простым, тяжелым, скрывал тело, создавал оболочку для него – «футляр». С другой стороны, он был богато декорирован. Признавалась только красота духа. По догмам церкви, женщина являлась источником соблазна и греха, предметом искушения для праведников, но в тоже время путём добродетельной жизни она могла достигнуть желанной святости[3]. И, следовательно, такое двойственное отношение к женщине сказалось и на создании одежды, которая должна была быть строгой и скромной[4].

Идеалом красоты женской фигуры стало аскетичное, длинное, худое тело с опущенными плечами, стянутой грудью. Появилась так называемая «длинноногая мода», когда одежда закрывала полностью не только тело, но и ноги[5].

Даже украшения предназначались для того, чтобы замаскировать формы тела. Так, например, декоративные украшения равномерно распределялись на одежде и обуви для того, чтобы отвлекать внимание от форм женского тела[6]. Костюм в Византии был неразрывно связан с религией - христианством. Виды византийского костюма менялись в течение веков, но общим было одно: по композиции, пропорциям и облику он напоминал христианские базилики. Митра с крестом и мафорий на голове ассоциировались с куполом храма, футлярообразные объемные одежды напоминали тело храма.

В Византии женская одежда, в принципе, как и мужская, делилась на верхнюю и нижнюю. Покрой женской одежды был заимствован у римлян. Одной из наиболее важных особенностей, как верхней, так и нижней женской одежды является сам ее пошив. Вся женская одежда была длинной, прямого покроя, из плотных тканей, которые тщательно скрывали женское тело. Первые два столетия в Византии сохранялись римско–эллинистические формы костюма. Но, начиная с IV–V вв., в Византии появляется всё больше прямых одежд из плотных тканей[7].

Именно в Византии появилась манера носить сразу несколько одежд, одну на другой. Обычно носили одновременно несколько туник – они назывались столы. У нижней туники были узкие, а у верхней – широкие рукава. Такой пошив рукавов был связан с удобством, а также с модой того времени.

С IV–V вв. в Византии силуэт одежд становится более прямым, и именно в этот период времени появляются различные накидки[8].Приблизительно до конца IV в. греческие одеяния хитон и гиматион встречаются и у простых женщин (колонна Феодосия); подобно мужчинам, они застегивали их на правом плече или спереди на груди. Иногда они накидывали их сзади через оба плеча, и оба верхних конца перекрещивали на груди так, что они свешивались на спине. Верхний край хитона, лежащий на спине, натягивался на голову и

образовывал нечто вроде капюшона. Мантия, часто украшенная на концах кистями, состояла из полукруглого куска материи[9].

В социальном отношении женщины, относящиеся к неимущему слою, шили себе одежду из однотонных грубых тканей. Замужние женщины – простолюдинки носили одну из самых скромных одежд: нижнюю – тунику, верхнюю – столу, пенулу и накидку на голову – мафорий, который окутывал всю женскую фигуру; такой же была одежда Богоматери[10].

Что касается женщин высшего сословия, то эти дамы часто заимствовали некоторые атрибуты из царской одежды. Так, знатные дамы часто носили красное платье (красный цвет считался императорским) с длинными узкими рукавами, которое называлось скарлата[11]. Кроме богатой и яркой одежды костюм знатной дамы всегда дополняли различные дорогие украшения из жемчуга и драгоценных камней[12].

Известно, что по одежде (ее покрою, ткани, цвету и т.д.) можно было определить социальный статус женщины. Так, в Византии носить короткую верхнюю тунику разрешалось только молодым незамужним девушкам. Эти туники (вариант далматик) отделывали вышитым оплечьем и каймой понизу. В IV–V вв. в аристократической среде распространяется далматика, впервые появившаяся в Риме в III в. Но византийская далматика из блестящей парчи с диагонально обрезанным подолом, вышитая драгоценными камнями в сочетании с мягкой атласной туникой и тонкой вуалью, была произведением высокого художественного вкуса[13].

Интересные виды одежд византийских девушек-аристократок находим мы среди церковных изображений мучениц. Мученицы-девы трактовались византийской церковью как «невесты» Христа и поэтому, независимо от их действительного социального положения, их всегда изображали в самых великолепных одеждах, доступных в реальной жизни лишь богатым аристократкам[14].

У византийских женщин была парадная одежда, которую они надевали в связи с какими-то торжествами, и домашняя одежда[15]. Домашняя одежда византийцев даже очень высокого ранга существенным образом отличалась от парадной и была значительно скромнее.

В целом, надо сказать, что женский костюм на протяжении веков менялся мало. Обычно это была длинная туника с длинными до запястья рукавами. Непременным дополнением к ней, особенно когда женщина выходила из дома, был плащ-покрывало, который одевался наискось.

Нижней одежды у женщин было значительно меньше, чем верхней (как и у мужчин), но она была довольно изысканной, и ей также уделялось много внимания, поскольку она украшалась богатой и разнообразной вышивкой. Нижняя одежда была многослойной. К нижней женской одежде относится: первая – нижняя туника – широкая, рубашкообразного покроя с рукавами, которых в Риме не было. Рукава – новинка, впервые появившаяся в Византийском костюме[16]. В нижней тунике рукава были длинными, прилегающими, узкими в запястье. Она выполнялась с фалдами. Данная туника доходила до ступней и плотно прилегала к шее[17].

Поверх первой туники нередко надевалась вторая туника. Вторая – верхняя туника (stola) – длинная с широкими и длинными рукавами. Обе туники также были богато украшены каймой и вышивкой (в этом прослеживаются восточные мотивы), отделкой по краям и почти полностью утратили свой античный характер[18].

Первая (нижняя) туника надевалась на голое тело, а потом надевалась стола и мантия. Одним из важных моментов в нижней одежде женщин является то, что сначала женщины носили столу в виде длинной рубашки, расширявшейся книзу и снабженной узкими рукавами. Но, вскоре столу стали носить с широкими рукавами, вследствие чего узкие рукава нижней туники, сшитые обыкновенно из полотна, стали видны[19].

Женщины из народа делали свои платья преимущественно из одноцветных, более грубых материй. Особенной любовью у них пользовались красная стола и голубая мантия. На византийских изображениях Богоматери постоянно повторяются эти цвета; и до сих пор наиболее употребительным одеянием Божией Матери на её изображениях является красная рубашкообразная стола и наброшенная на голову синяя мантия[20].

Тот факт, что византийские женщины из народа предпочитали носить одежды так и такого же цвета, является неудивительным, поскольку, на их выбор одежды оказывали влияние духовная вера и требования христианской религии[21]. А в связи с тем, что простолюдинки имели меньше прав, чем дамы из высшего общества, им приходилось в гораздо большей степени соблюдать установленные требования и каноны[22]. Но, стоит отметить, что, несмотря на все эти правила и требования, византийские женщины любили эту одежду таким цветом, не только потому, что она им нравилась, но и потому, что они почитали христианскую религию.

Дополнением женского костюма являлась обувь, которой византийские женщины уделяли много внимания. Женская обувь была мягкая и удобная, как закрытая, так и открытая[23].Обувью женщинам служили мягкие, похожие на чулки полусапожки, башмаки. В плохую погоду женщины, как и мужчины, носили сандалии[24].

Византийская женская обувь изготовлялась из цветной кожи и войлока и украшалась различными обшивками, богато расшитой вышивкой[25]. Мягкие женские башмаки из кожи чаще всего делали белого, красного и жёлтого цветов. Богатые дамы носили шелковые и парчовые башмачки, расшитые жемчугом, золотом, вышивкой, драгоценными камнями. Обувь же простолюдинок была намного скромнее и беднее[26].

Одним из наиболее важных атрибутов для женщин был головной убор. Женскими головными уборами служили платки, головные сетки, богато украшенные чепцы. Замужние женщины носили особую повязку восточного типа, спирально обвитую двумя платками разного цвета (наподобие императорской тиары), а также различные накидки и повязки[27].

Наиболее распространённым видом головного убора для женщин служил мафорий – накидка с капюшоном, покрывающая плечи, спину, голову, спереди концы её перекидывались крест – накрест через плечи[28].

Что же касается цвета головных уборов, то они были довольно разными. Но главным было то, что данные цвета были довольно яркими и пёстрыми[29].

В Византии очень хорошо было развито ювелирное дело, и это не могло не отразиться на женском костюме. Но, стоит отметить, что данными украшениями пользовались в основном знатные дамы, а у простолюдинок помимо украшений на ткани, других украшений не было[30].Дополнением к костюму служил круглый широкий воротник – оплечье, а непременным атрибутом богатого женского туалета служили украшения из жемчуга, золота, серебра, бисера и драгоценных камней[31].

Женщины Византии очень любили различные украшения: не только аристократки, но и женщины небогатые стремились приобрести украшения, которые являлись порой единственной ценностью в семье. В утешение тем, кто не мог приобрести украшения из драгоценных металлов и камней, существовала масса всевозможных подделок, а также изделия из меди и бронзы.

Куда бы ни выходила женщина, даже в бани, она надевала на себя массу драгоценностей, хотя и в банях их нередко воровали. Женщины были настолько привязаны к своим безделушкам, что Иоанн Златоуст решается даже сказать, что они любят их почти так же, как собственных детей. Впрочем, женские украшения (ожерелья, браслеты серьги и кольца) не отличались изяществом, были тяжеловесны и неудобны. Большие тяжелые серьги, например, нередко приводили к деформации ушей[32].

Самым изысканным и богатым был костюм императрицы, которая придавала много значения не только своей верхней и нижней одежде, но и всему своему образу в целом[33].

В качестве нижней одежды императрица носила узкую, прямую столу с сильно расширенными книзу рукавами. Данная стола в большинстве случаев была белого цвета и украшалась по бокам и понизу богатой отделкой и различной каймой[34].

Верхней одеждой для императрицы служила пурпурная императорская мантия, застегнутая на правом плече фибулой, а также туника далматика. Мантия украшалась широкой каймой, на которой очень часто изображались различные человеческие фигуры[35].

В гардеробе императрицы большое количество одежды было красного цвета. И это неудивительно, поскольку императорским цветом считался именно красный цвет. Поэтому император и императрица довольно часто облачались в одежды красного цвета[36].

Так, на находящимся мозаичном изображении в Равенне в церкви Сан-Витале, представлена жена императора Юстиниана – Феодора[37]. На основании данного изображения можно проанализировать, как выглядел костюм императрицы, а также заметить то, что костюм императрицы был очень похож на костюм её мужа Юстиниана: оба представлены в длинных белых туниках, отделанных золотом.

Предметом роскоши у женщин считался широкий, переброшенный через плечи и спускавшийся до колен шарф, который сдерживался наверху воротником. Этот шарф делался из парчи и украшался жемчугами и драгоценными камнями, край его был белым с пестрыми цветами. Свободно падающие концы шарфа повязывались роскошным кушаком. Венец был украшен двумя подвесками и состоял из закругленных сверху эмалированных бляшек, причем средняя из них немного выдавалась. К верхнему шарфу, украшенному бахромой, скоро присоединили второй шарф, надевавшийся на нижнюю тунику так, что из-под укороченной столы виден был только небольшой его кусок. Иногда нижний шарф прикреплялся к нижней одежде; на столе стали изредка делать разрезы до бедер[38].

Императрица, как и император, носила лорум. Но, женский лорум надевался иным способом, чем мужской, и, возможно, был просто прикреплен (спереди и на спине) к большому круглому воротнику, называвшемуся «диадима»[39].

Головными уборами императрицы и её приближенных были венцы (так например венец – стема, который являлся знаком императорского сана), короны, диадемы, повязки, обручи[40].

Как и император, императрица украшала себя жемчужными подвесками, обычно по две нити с каждой стороны лица. Если у мужчин подвески спускались от висков до плеч, то у женщин – до середины груди. Очень популярной деталью в костюме императрицы была диадема, а также золотые серьги, инкрустированные драгоценными и полудрагоценными камнями. В середине VI в. украшающая плечи и грудь круглая «диадима» становится символом царской власти[41].

Вокруг шеи императрица надевала оплечье – византийский воротник из жемчуга и драгоценных камней. Византийское оплечье императрицы поражало обилием камней и отделки[42].

Костюм императрицы также дополняла роскошная обувь, которая, как и весь её костюм, была богато украшена вышивкой. В качестве обуви императрица носила на ногах красивые башмаки, расшитые золотом.

Итак, неотъемлемыми атрибутами костюма императрицы являлись: лорум, головные уборы (венцы, короны, повязки, диадемы, обручи); различные украшения из драгоценных камней и жемчуга; оплечье и обувь. Атрибуты императрицы являлись самой дорогой частью её костюма в целом. В целом женский костюм в Византии отражал социальное положение дамы, четко регламентировался статусом женщины в византийском обществе.

Таким образом, можно говорить о том, что византийские женщины тщательно заботились о своем внешнем виде; результатом этого стало появление роскошных и разнообразных украшений, а также вариативность в одежде, богатство в цвете.

К тому же женский византийский костюм испытал на себе влияние христианства, проявившееся, прежде всего, в общем покрое одежды, ставшей более закрытой, чем прежде. Одежда стала следовать христианскому канону и частично теперь отражала те социальные изменения, которые активно происходили в позднеантичном обществе III–VI вв.

Итак, в ходе христианизации позднеантичного общества весьма радикально изменились принципы изображения человека, оформились канонические принципы сакральных изображений (иконы), основные мотивы светских изображений (книжная миниатюра, мозаики).

В повседневной жизни простых людей важнейшее значение имела «революция в одежде», приведшая к смене парадигм в костюме – на смену античным драпировочным одеждам пришел сложный кроено-шитый костюм. Это было вызвано определенной ориентализацией и варваризацией ранневизантийского общества.

Примечания:

1. Неклюдова Т.П. История костюма. Ростов-на-Дону, 2004. С. 218.

2. Там же. С. 224.

3. См. подробнее: Болгов Н.Н., Смирницких Т.В., Сбитнева Ю.Н. Частная жизнь женщины в Ранней Византии. Белгород, 2009.

4. Дудникова Г.П. История костюма. Ростов-на-Дону, 2001. С. 78.

5. Лазарев В.Н. История византийской живописи. Т. 1. М., 1947. С. 204.

6. Мерцалова М.Н. Костюм различных времён. М., 1993. С. 130.

7. Попова О.С. Изобразительное искусство // Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 350.

8. Болгов Н.Н., Сбитнева Ю.Н., Будаева Н.С. История одежды и костюма в Византии. Белгород, 2009. С. 32.

9. Там же. С. 34.
10. Байе Ш. Византийское искусство. СПб., 1888. С. 112. .
11. Там же. С. 304.
12. Беляев Н.М. Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды // Reqiel d'etudes dedi les a la memoire de N.P. Kondakov. I. Pragve, 1926. С. 204.
13. Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1: 395-518 годы. СПб., 1996. С. 257.
14. Киприан Карфагенский. Об одежде девственниц // Творения Киприана. К., 1888. Т. 5. С. 50.
15. Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Альбом. Л.–М., 1966. С. 65.
16. Kazhdan A. Women at home // DOP. 52. 1998. P. 40.
17. Hunger H. Byzantinische familie // Osterreichen archive fur kirchenecgt. Wien, 1967. P. 309.
18. Неклюдова Т.П. История костюма. Ростов-на-Дону, 2004. С. 259.
19. Там же. С. 260.
20. Там же. С. 242.
21. Lives of Holy Women / www.fordham.edu.com/holywomen/texts [Жития византийских женщин-святых].
22. Kazhdan A. Women at home // DOP. 52. 1998. P. 42.
23. Mango C. Daily life in Byzantium // Jahrbuch der Osterrei chischen Byzantinistik. Bd. 31. Hbd. 1. 1981. P. 343.
24. Там же. P. 345.
25.Неклюдова Т.П. История костюма. Ростов-на-Дону, 2004. С. 80.
26. Беляев Н.М. Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды // Reqiel d'etudes dedi les a la memoire de N.P. Kondakov.I. Pragve, 1926. С. 208.
27. Там же. С. 211.
28. Дудникова Г.П. История костюма. Ростов-на-Дону, 2001. С. 79.
29. Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1: 395-518 годы. СПб., 1996. С. 260.
30. Дудникова Г.П. История костюма. Ростов-на-Дону, 2001. С. 79.
31. Тамже. С. 82.
32. Hunger H. Byzantinische familie // Osterreichen archive fur kirchenecgt. Wien, 1967. P. 312.
33. Болгов Н.Н., Смирницких Т.В., Сбитнева Ю.Н. Частная жизнь женщины в Ранней Византии. Белгород, 2009. С. 56.
34. Дудникова Г.П. История костюма. Ростов-на-Дону, 2001. С. 79.
35. Там же. С. 84.
36. Байе Ш. Византийское искусство. СПб., 1888. С. 256.
37. Болгов Н.Н. Эволюция позднеантичного костюма в Северном Причерноморье как проявление культурного континуитета // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 70.
38. Там же. С. 76.
39. Мерцалова М.Н. Костюм различных времён. М., 1993. С. 144.
40. Неклюдова Т.П. История костюма. Ростов-на-Дону, 2004. С. 65.
41. Мерцалова М.Н. Костюм различных времён. М., 1993. С. 137.
42. Cameron A. The Byzantines. L., 2006. P. 164.

ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАЧАЛА «АКАКИАНСКОЙ» СХИЗМЫ (484 г.)*

М.В. Грацианский
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В статье рассматривается вопрос об обстоятельствах начала так называемой «Акакианской схизмы» и преимущественно о роли в ней Римского папы Феликса III (483–492). Подробно анализируются сведения источников и прежде всего папских посланий. Исследуются побудительные мотивы, аргументация и действия папы Феликса, приведшие к отлучению патриарха Константинопольского Акакия (472–489). Автор статьи приходит к выводу, что отлучение было произведено папой в нарушение существующих на то время церковных правил и канонов, а также принятых церковно-юридических процедур.

Ключевые слова: Акакий Константинопольский, папа Феликс III, «Акакианская схизма», церковные Соборы, папские письма.

CAUSE AND CIRCUMSTANCES OF THE BEGINNING OF THE «ACACIAN SCHISM» (AD 484)

M.V. Gratsianskiy
Lomonosov Moscow State University

The article investigates the problem concerning the circumstances, under which the so-called «Acacian Schism» began, and predominantly the role the Pope Felix III (483–492) played in it. The information of sources, first of all from papal letters, undergoes detailed analysis. The focus of the research is made on the motives, argumentation and single actions of the Pope, which lead to the excommunication of the Patriarch of Constantinople Acacius (472–489). The author of the article comes to the conclusion, that the excommunication was made by the Pope in disaccord with the ecclesiastical rules and canons valid at that time and under violation of the lawful procedures, prescribed by the practice of the Universal Church.

Keywords: Acacius of Constantinople, Pope Felix III, «Acacian Schism», Church Councils, Papal Letters.

Раскол в общении Константинопольской и Римской Церквей, произошедший в 484 г., под влиянием католической историографии традиционно именуется «Акакианской схизмой»[1] по имени патриарха Константинопольского Акакия (472–489), в предстоятельство которого данный раскол осуществился.

Парадокс данного историографического явления состоит в том, что вина за церковный раскол, инициатором которого оказался римский папа Феликс III (483–492), почти безраздельно возлагается на Акакия Константинопольского. Между тем, вопрос о противостоянии папского престола согласованной позиции всех Восточных Церквей требует учета целого ряда нюансов, связанных с обстоятельствами принятого в 484 г. папой Феликсом решения отлучить и подвергнуть анафеме ряд восточных иерархов, мотивировка которого уходит своими корнями в представление об исключительных правах Римского престола[2].

В 476 г. прекращается существование отдельной Западной Римской империи и большая часть территории западных Церквей, включая и Римскую,

* Исследование подготовлено в рамках проекта «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века», поддержанного Российским научным фондом (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ имени М.В. Ломоносова).

оказывается вне юрисдикции римского императора в Константинополе по причине господства варваров. Римские папы, таким образом, оказываются, с одной стороны, лишенными традиционной поддержки западных императоров, а с другой — начинают чувствовать себя достаточно свободными и ничем не ограниченными в своих отношениях с имперской администрацией в Константинополе. Если папа Симплиций (468–483), учитывая сложность положения Западной Римской империи и зависимость западных императоров от помощи с Востока, был вынужден занимать по отношению к Константинополю сдержанную позицию, то его преемник Феликс III (483–492), понтификат которого приходится на период единоличного владычества в Италии Одоакра, и в еще большей степени Геласий (492–496), сочли себя свободными от необходимости добиваться компромисса в отношениях с Восточными Церквами и восточными императорами.

Начало расколу между Римской и Константинопольской Церквами было положено событиями 482 г.: очередным кризисом в Александрийской Церкви, связанным с кончиной патриарха Тимофея Салофакиола (460–475, 477–482). Поскольку паства и клир Александрийской Церкви были разделены на сторонников и противников Халкидонского Собора, в Александрии с неизбежностью должно было повториться то, что не раз имело место в недавнем прошлом, когда в результате бурных событий на александрийском патриаршем престоле попеременно оказывались сторонники и противники Собора: Протерий, Тимофей Элур и Тимофей Салофакиол.

Выдвинутый группой халкидонитов некий Иоанн, по прозвищу Талайа, пресвитер и эконом храма Иоанна Крестителя в Александрии[3], был рукоположен после того, как нарушил данную императору Зинону клятву не занимать патриарший престол. Выявившаяся, кроме того, в дальнейшем связь Иоанна с Иллом[4] и его сторонниками в Александрии и подозрение в даче взятки за свое избрание[5] сделали его пребывание на патриаршем престоле Александрии неприемлемым для императора. Об избрании Иоанна успели сообщить папе Симплицию, который с ним согласился, но вскоре после этого был вынужден отозвать свое согласие по просьбе императора[6]. Дело Иоанна, таким образом, могло считаться закрытым в силу того, что его кандидатура оказалась отвергнутой императором Зиноном, патриархом Акакием и папой Симплицием.

Между тем, необходимость замещения вакантного александрийского патриаршего престола с учетом мнения могущественной партии умеренных антихалкидонитов привела к появлению Энотикона[7] — императорского объединительного эдикта, составленного очевидно патриархом Акакием. В качестве основы церковного единения и мира Энотикон объявлял никео-цареградский Символ веры, двенадцать анафематизмов Кирилла Александрийского, осуждение Нестория и Евтиха. Те, кто выдвигал противоположные этому учения, будь то на Халкидонском Соборе или где-либо еще, подвергались анафеме. Энотикон достиг своей цели: подписавший его сторонник умеренных антихалкидонитов Петр Монг стал патриархом Александрийским, на какое-то время замирив Александрийскую Церковь[8], два десятилетия разрывавшуюся конфликтами.

Иоанн Талайа не оставил надежды вернуть себе патриарший престол: сначала он явился к патриарху Календиону в Антиохию, охваченную мятежом Илла, уговорив обоих ходатайствовать о нем перед Симплицием и Акакием. И если Акакий, уже хорошо зная Иоанна, ответил, что не знает такого патриарха Александрийского, то Симплиций, будучи недоволен антихалкидонитской по-

зицией Петра Монга, принял дело Иоанна близко к сердцу[9]. Полученные от Петра синодики не убедили Симплиция в его православии[10].

В целом следует признать, что занятие Александрийской кафедрой Петром Монгом на основе императорского Энотикона, составленного Акакием, было выполнено вполне корректно. Император и Акакий четко понимали, что торжество папы Льва на Халкидонском Соборе было достигнуто за счет Александрийской Церкви. Египетские христиане не могли принять и простить мотивов, по которым был подвергнут вселенскому унижению их любимый и авторитетный первоиерарх — Диоскор Александрийский. Положения Томоса папы Льва справедливо казались им сомнительными и противоречащими учению святителя Кирилла Александрийского. В ситуации, когда от подавляющего большинства египтян не следовало ожидать лояльного отношения к патриархам-халкидонитам, положения Энотикона выглядели идеальным компромиссом. На их основе фактически произошло примирение крупнейших кафедр Востока — Константинопольской и Александрийской, а дело присоединения к этому консенсусу остальных восточных кафедр было вопросом времени. И в самом деле: в 485 г. окончательно сложилось общение Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей[11].

Находясь географически вдали от главнейших восточных кафедр и будучи в политическом отношении зависимым от власти варваров, папский престол не желал признать жизненную необходимость церковно-политического примирения Востока, которое служило важным фактором политической стабилизации сохранивших свою свободу территорий Римской империи. Церковно-политическое господство Римского папы, являвшегося по факту подчиненной фигурой вождя италийских варваров Одоакра, было категорически неприемлемым с государственной точки зрения в конкретных внешне- и внутреннеполитических условиях 80-х гг. V в.

Осознавая ослабление имперского контроля над Западом, императоры повели планомерную политику централизации церковно-административного управления Империи, вершиной которого должна была окончательно стать патриархия столицы государства — Константинополя. Именно этой цели были посвящены каноническая фиксация принципа организации церковно-административных границ в соответствии с государственно-административным делением[12] и наделение Константинопольского патриарха рангом первого иерарха Востока[13], равного Римскому[14], и статусом верховной апелляционной инстанции[15].

Несмотря на, а во многом даже благодаря церковно-политическим триумфам Римской кафедры в понтификат Льва Великого, на повестку дня естественным образом вставала церковно-политическая изоляция Рима, позволявшего себе в отношении Церквей Востока и их предстоятелей совершенно недопустимое диктаторское поведение.

Такая линия поведения, безраздельно господствовавшая при папе Льве, несколько ослабла при последующих понтификатах Илара (461–468) и Симплиция (468–483) с тем, чтобы вновь в гротескных формах возродиться в понтификаты Феликса III (483–492) и Геласия (492–496), в период, когда она утратила под собой всякую реальную церковно-политическую почву.

Отвергнутый императором Зиноном в качестве кандидатуры на замещение Александрийского патриаршего престола Иоанн Талайа, как человек скомпрометировавший себя тесными связями с бунтовщиком Иллом и клятвопреступлением, не добившись успеха у Календиона Антиохийского и Ака-

кия Константинопольского[16], направился в Рим, надеясь добиться выгодного для себя решения у папы Симплиция и вернуть себе Александрийскую кафедру несмотря на то, что папа в свое время отказался признать его патриархом.

Папа Симплиций послал запрос о деле Иоанна в Константинополь и получил от императора все необходимые разъяснения[17]. 10 марта 483 г. папа скончался и на его место вступил Феликс III. Уже в марте он направил письмо Акакию Константинопольскому с требованием воздействовать на императора Зинона и самому приложить все усилия для удаления Петра Монга с Александрийской кафедры. Письмо папы было выдержано в очень жестких менторских тонах, не вызывающих сомнения в том, что Феликс относился к Константинопольскому патриарху как к своему подчиненному, причем подчиненному провинившемуся[18]. Феликс заявляет, что «среди различных забот о Вселенской Церкви» (inter diversas generalis Ecclesiae curas)[19] в наибольшей степени он озабочен делами Александрийской Церкви и «состоянием веры всей восточной области» (status fidei totius Orientalis regionis)[20]. Папа указывает, что хотя Акакий и позволил себе предосудительное поведение, у него, однако, есть еще возможность исправиться[21]. Далее, фразой, в которой можно видеть явную насмешку, папа указывает на якобы имевшиеся у Акакия претензии на первенство в Церкви: «Посему, если ты видишь, что против постановлений Халкидонского [Собора] устремляются враждебные сердца, и бездействуешь, я, поверь мне, не знаю, каким образом ты утверждаешь, что являешься главою всей Церкви»[22].

В дальнейшем посланниками папы, епископами Виталием и Мисеном и дефенсором Феликсом, патриарху было передано составленное папой в марте 483 г. предписание[23] явиться в Рим и дать отчет по делу о незаконном занятии Александрийской кафедры «еретиками-узурпаторами» (haeretici pervasores)[24], возбужденному бежавшим в Рим Иоанном Талайей. После личной встречи с императором и патриархом Виталий и Мисен вступили с последним в общение несмотря на наличие имени Петра Монга в диптихах Константинопольской Церкви и протесты сторонников папы в Константинополе[25].

Результаты миссии Виталия, Мисена и Феликса оказались для папы разочаровывающими. Акакий не только отказался прибыть в Рим на суд папы по делу Иоанна Талайи, но и вступил в общение с его легатами на основе положений Энотикона и признания Петра Монга законным патриархом Александрийским. Реакция папы была чрезвычайно жесткой: своим распоряжением он низложил Виталия и Мисена[26] и отлучил их от Церкви.

28 июля 484 г. папа Феликс направил патриарху Акакию Константинопольскому официальный текст отлучения[27], приложив к нему знаменитое письмо, с которого собственно и начался раскол между Церквами Востока и Римом, продолжавшийся вплоть до 519 г.[28] Папа выдвинул против Акакия следующие обвинения: общение с противником Халкидонского Собора Петром Александрийским, неоднократно осужденным как решениями «апостольского престола», так и самим Акакием[29]; вмешательство в дела других кафедр[30]; «совращение» Виталия и Мисена[31]. Свое письмо папа заключал следующими словами: «Будучи изъят из священнического достоинства и кафолического общения, а также из числа верующих, знай, что у тебя отнято имя и должность апостольского служения; осужденный судом Духа Святого и нашим апостольским авторитетом, ты никогда не освободишься от уз анафемы!»[32] Также папой были направлены ряд писем императору Зинону, епископам Египта, Фиваиды, Ливии и Пентаполя, а также клиру и народу Константинополя с извещением об отлучении Акакия.

По всей видимости, дело осуждения Акакия на основе вышеназванных обвинений не казалось папе совершенно надежным. Обвинения в дисциплинарных нарушениях сомнительного характера следовало подкрепить чем-то более существенным и потому папой Феликсом и его сторонниками исподволь проводится мысль о приверженности патриарха Акакия ереси евтихианства, которую осудил Халкидонский Собор. Так, Петр Монг, подписавший Энотикон и открыто тем самым осудивший ересь Евтиха, объявляется евтихианистом, а поскольку патриарх Акакий вступил в общение с Петром, то и он, стало быть, — защитник и покровитель той же ереси[33].

Реакция Акакия на отлучение со стороны Феликса оказалась чрезвычайно спокойной, но от того еще более жесткой. Прежде всего он отказался принимать письмо Феликса, направленное с дефенсором Тутом, так что последнему вместе со сторонниками папы в Константинополе стоило немалых ухищрений, чтобы вручить его Акакию. Никакого официального ответа на текст папского послания со стороны патриарха Константинопольского не последовало[34].

Между тем, — по-видимому, по неофициальным каналам, — папе было сообщено, что своими действиями он поставил себя в неловкое положение. Осуждение предстоятеля поместной Церкви, за которой на основании канонов признавалось первенствующее положение во Вселенской Церкви и статус высшей апелляционной инстанции, никак не могло считаться легитимным, будучи вынесенным от имени одного человека. Тот факт, что таким человеком был папа Римский, не выглядел убедительным с точки зрения существующих церковно-правовых процедур. Незаконной была уже попытка вызвать Акакия в Рим на суд: совершенно удивительным был тот факт, что папа Феликс, оправдывая свое права судить патриарха Константинопольского, при этом ссылался на какие-то правила и законы[35]. Весьма рельефно понимание папой законности своих прав на единоличный суд было выражено, в частности, в письме императору Зинону, в котором Феликс требовал прибытия Акакия в Рим[36]: «Что касается моего брата и соепископа Акакия, иерея Константинопольского, против которого тем, чей престол вышеупомянутый (Петр Монг — М.Г.), как говорят, занимает, мне в собрании был подан иск, который я и приложил к мольбам моей малости с тем, чтобы этот мой брат и соепископ Акакий, как это необходимо для духовных лиц и подобает происходить на основании Ваших законов, в том, что ему, как он видит, вменяется, потрудился оправдаться усердным послушанием, и ни коим образом не вздумал бы увиливать».

По всей видимости, в результате неких намеков папа Феликс был вынужден конкретизировать, на основании каких именно канонов он намеревался судить патриарха Константинопольского. И здесь удивительным образом выясняется, что даже к концу V в. Римская кафедра не излечилась от своей застарелой привычки выдавать 3–5 каноны Сардикийского Собора (343 г.)[37] за каноны 1-го Вселенского Собора в Никее (325 г.)[38].

Форма папского приговора в приложении к личному письму Феликса Акакию явно содержала все признаки вопиющего нарушения процедуры низложения высшего иерарха. На основании практики, сложившейся со 2-го Вселенского Собора в Константинополе (381 г.), низлагать предстоятеля поместной Церкви мог лишь Вселенский Собор. Именно таким образом были низложены Македоний Константинопольский, Несторий Константинопольский и Диоскор Александрийский. Однако папа Феликс ограничился вынесением приговора от своего собственного лица. В сохранившихся копиях текст 6-го послания Фелик-

са, в котором он отлучал Акакия, завершается подписью папы и датировкой[39]. Далее ряд рукописей содержит фразу, из которой явствует, что к письму были приложены подписи 77 епископов[40]; список подписавшихся епископов в данном случае не сохранился. Таким образом, послание это оформлено не так, как соборное, да и сам тон его исключает возможность его характеристики как соборного определения: папа лично, в первом лице, обращается к Акакию, ничем не намекая на то, что пишет от имени Собора Римской Церкви.

По всей вероятности, выяснилось, что уверенность папы в том, что он обладает правом единолично судить других патриархов, находится в нормативном вакууме. Не следует исключать, что после анафемы Акакию, произнесенной с таким вопиющим нарушением канонических правил, папе Феликсу был сделан намек на то, что, если он не будет настаивать на своем осуждении, на Востоке сделают вид, что ничего не произошло и помогут папе сохранить лицо. Вероятно, именно поэтому Акакий всячески избегал лично принимать от дефенсора Тута папское послание.

Тем не менее, папа решил упорствовать и придать своему приговору некоторое подобие легитимности посредством созыва Римского Собора и вынесения теперь уже соборного определения об отлучении Акакия. Таким образом, 5 октября 485 г. пресвитерам и архимандритам Константинополя и Вифинии от лица Римского Собора было направлено послание. Адресат послания не должен удивлять: с точки зрения Феликса вопрос с Акакием бы решен окончательно и дальнейшая личная переписка с ним на ту же тему при неизменности сложившихся обстоятельств означала для папы признание собственной ошибки.

Задача Собора была деликатной: он должен был задним числом оформить решение папы Феликса произнести отлучение над Акакием, однако так, чтобы не поставить под сомнение уже вынесенный папой приговор, а также его право единолично выносить подобные приговоры.

Уже первые строки соборного послания позволяют заключить о сути претензий, высказанных по поводу папского решения. Участники Римского Собора подчеркивают, что низложение Виталия и Мисена произошло согласно соборному определению[41]. Далее, переходя к делу собственно Акакия, они бросают ему голословные обвинения в намерении «рассыпать единую в вере кафолическую Церковь»[42]. Также несмотря на то, что, подписав Энотикон, Петр Монг и Акакий подписались под анафемой еретику Евтиху, отцы Римского Собора именуют Акакия «защитником и покровителем угасшей чумы евтихиевой ереси»[43]. В этой связи епископы римской области сочли, что Акакия «не должно быть среди святых епископов и среди христиан»[44]. О том, что таковым уже был приговор Собора 484 г. и что он получил официальное оформление, участники Собора 485 г. не говорят.

Тем не менее, объясняя, зачем собственно Собор возвращается к этому вопросу, епископы приводят следующее рассуждение: «И пусть знает любовь Ваша: мы придерживаемся досточтимых Соборов Никейского, Первого Эфесского и Халкидонского, [направленных] против Нестория и Евтиха; после того приговора, который был произнесен против Акакия, смутителя всего Востока, также и к настоящим письмам, мы, собравшись здесь вторично, прибавляем в качестве приложения упомянутый приговор, который было угодно направить Акакию вместе с Тутом, дефенсором церкви»[45].

Эту несколько запутанную фразу приходится понимать следующим образом: участники Собора настаивают, что уже в 484 г. они произнесли свой приго-

вор над Акакием, но в качестве свидетельства этого приговора могут всего лишь еще раз приложить копию приговора, отправленную с дефенсором Тутом, которую приходится считать не чем иным как вышеупомянутым письмом папы Феликса[46]. Таким образом, следует полагать, что либо в 484 г. в Риме не произошло соборного осуждения Акакия, либо же таковое не было надлежащим образом оформлено и ушло в Константинополь в виде личного решения папы Феликса. Подтверждая такую интерпретацию, далее епископы высказывают сожаление о том, что они не отправили в Константинополь более представительной делегации: «Ведь если бы православных на суше и на море не подстерегали засады, многие из нас могли бы приехать с тем самым приговором Акакию»[47].

Дальнейший пассаж послания является изложением еще одного аргумента, призванного оправдать подобный образ действий папы Феликса, но по сути являющегося признанием справедливости претензий к нему. Епископы разъясняют, что существует обычай, согласно которому для разбора церковных дел внутри Италии (intra Italiam) собираются «священники Господа» (Domini sacerdotes) и «наследник предстоятелей апостольского престола» (successor praesulum sedis apostolicae), «который является главой всех» (qui caput est omnium), «постановляет обо всем согласно подобающей ему заботе обо всех церквах» (juxta sollicitudinem sibi ecclesiarum omnium competentem cuncta constituat)[48]. Далее следует утверждение о том, что, основываясь на известном месте из Писания (Мф. 16:18), отцы Никейского Собора предоставили Римской церкви право «утверждения дел и авторитет» (confirmationem rerum atque auctoritatem), т.е. вновь выдают постановления Сардикийского Собора 343 г. за постановления 1-го Вселенского, о чем уже говорилось выше. Далее следует указание на то, что Феликс «папа и архиепископ» всего лишь «донес» (indicavit) то, что «было угодно святому Собору» (quod ... placuit sanctae synodo)[49].

Позволив себе еще несколько весьма нелицеприятных выражений о личности и действиях Акакия, отцы Собора приводят заключение, полностью вскрывающее суть тех претензий, на опровержение которых был нацелен текст их послания: «Чтобы в наших письмах ничего не могло быть изменено извращеннейшими умами или могло быть иначе истолковано, мы, как положено, первым делом обращаясь с мольбами к всемилостивейшему принцепсу, такие же наши письма направили Вашей любви, клиру и народу, а также почтеннейшему сенату, подписав их все вместе и каждый в отдельности и прося божественной помощи, чтобы она, отвратив козни, сделала так, чтобы эти писания дошли до Вас»[50].

Исходя из текста данного послания, приходится также заключить, что отцы Собора несколько «запутались в показаниях». Так, из их слов явствует, что папа имеет единоличную власть выносить законные решения (cuncta constituat). Эта ситуация как будто бы исключает наличие Собора как полноценного законодательного органа. С другой стороны, отцы Собора чуть ниже утверждают, что папа Феликс только «донес» в своем послании Акакию то, что было принято Собором, однако донес таким образом, что ни у кого не осталось сомнения в том, что решение папы является именно единоличным. Чтобы устранить такое впечатление, епископам римской области вновь пришлось возвращаться к этому делу на последующем Соборе, посвященном разбору ситуации в Антиохийском патриархате, и уже постфактум оформлять папское решение об отлучении Акакия как соборное. Таким образом, подписи участников Собора, которые должны были засвидетельствовать законность принятого решения, и были тем, чего не хватило в 484 г. Под письмом подпи-

сались сорок четыре епископа; из них до нас дошла только подпись Кандида, епископа Тибуртинского. Именно в подписях епископов встречается ясно высказанная соборная анафема Акакию наряду с Петром Монгом, патриархом Александрийским, и Петром Кнафеем, патриархом Антиохийским.

Удивительным образом в послании Римского Собора мы не встречаем типичных и даже практически обязательных для папских посланий многочисленных ссылок на авторитет апостола Петра, которым папы, не исключая и Феликса III, обыкновенно оправдывали свои исключительные права[51]. Наоборот, имеет место попытка с максимально возможной для римских посланий деликатностью указать на источник папских прерогатив, как его понимали отцы Собора, — определения 1-го Вселенского Собора в Никее, за которые ошибочно выдавались каноны Сардикийского Собора. В лице отцов Собора папа нашел удобный инструмент для того, чтобы попытаться обосновать свое решение в понятных и приемлемых для Востока категориях соборного принципа управления Вселенской Церковью.

Конечно, такую попытку нельзя было считать удачной. Наличие вынесенного постфактум соборного решения не придало с точки зрения канонической практики Вселенской Церкви того времени более законный вид анафематствованию Феликса, более того — его наличие окончательно лишило его призрака законности, поскольку римский поместный Собор, состоящий из епископов мелких городков Средней и части Южной Италии, конечно же, не имел полномочий анафематствовать и низлагать Вселенских Патриархов: такие полномочия могли быть только у Собора Вселенского.

Преемник Феликса Геласий (492–496), не имея возможности дезавуировать решения своего предшественника, проводником в жизнь которых был и он сам[52], был вынужден искать контраргументы на замечания о том, что «Акакий не мог быть осужден одним человеком»[53] и «как видно, не был низложен особым Собором»[54].

По всей видимости, информация о некомпетентности Римского Собора в делах Восточных Церквей и недопустимость объявления еретиками архиереев крупнейших кафедр без достаточной доказательной базы, представленной на суд Вселенского Собора, была также доведена до папы Феликса. В 490 г. уже после смерти Акакия Константинопольского Феликсу пришлось объясняться по поводу того, почему он считает еретиками и отказывается вступить в общение с патриархами, еретичество которых не признано на Вселенском Соборе. Удивительным образом папа Феликс полностью покидает здесь церковно-правовую почву, указывая на то, что для осуждения Петра Александрийского, Петра Антиохийского и Акакия Константинопольского, оказывается, достаточно определений 4-го Вселенского Собора, а их ересь, дескать, всем давно известна и не нуждается в доказательствах[55]. По мнению папы, одного соборного решения было достаточно для осуждения как еретиков, так и их последователей[56]. А также и тех, добавлял папа, кто без разрешения «апостольского престола» вступил с ними в общение[57]. Тот факт, что каждый из осужденных неоднократно анафематствовал Евтиха, а Акакий и Петр Кнафей, например, никогда не находились в общении с низложенным на Халкидонском Соборе Диоскором Александрийским, папой не учитывался.

Таким образом, придя к выводу о некоторой неубедительности своей позиции, в основе которой лежало самочинно принятое решение осудить Акакия, Феликс решил подкрепить ее ссылкой на Вселенский Халкидонский Со-

бор[58], из определений которого, не называемых папой конкретно, якобы вытекала вина Акакия Константинопольского.

Римский папа таким образом противопоставил себя Вселенской Церкви и стал инициатором первого крупного церковного раскола между Западом и Востоком. В то время это было понятно всем. Спокойная реакция Акакия на собственное отлучение была продиктована его уверенностью в канонической неуязвимости собственных действий, в то время как папам пришлось долго разъяснять и оправдывать свою позицию. Мотивы, по которым папа Феликс осудил патриарха, так и остались непонятными для широких слоев паствы и клира Восточных Церквей[59], что в конечном итоге привело к окончательной реабилитации Акакия Константинопольского после 5-го Вселенского Собора.

Примечания:

1. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. М., 1994. Т. 4. С. 310–332; Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. СПб., 1996. С. 357–423; Caspar E. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 2: Das Pappsttum unter byzantinischer Herrschaft. Tübingen, 1933. S. 10–81; Schwartz E. Publizistische Sammlungen zum acacianischen Schisma // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung. Neue Folge. Heft 10. München, 1934; Haller J. Geschichte des Papsttums. Idee und Wirklichkeit. Bd. 1: Die Grundlagen. Stuttgart, 1950. S. 219–227; Hofmann F. Der Kampf der Päpste um Konzil und Dogma von Chalkedon von Leo dem Großen bis Hormisdas (451–519) // Grillmeier A., Bacht H. Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart. Band II: Entscheidung um Chalkedon. Würzburg, 1953. S. 13–94; Winkelmann F. Die östlichen Kirchen in der Epoche der christologischen Auseinandersetzungen. Berlin, 1980. S. 99; Beck H.-G. Geschichte der orthodoxen Kirche im Byzantinischen Reich. Göttingen, 1980. S. 9–14; Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Band II/1: Das Konzil von Chalkedon. Rezeption und Widerspruch (451–518). Freiburg; Basel; Wien, 1991. S. 267–290; Грацианский М.В. Акакианская схизма // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 362.; Blaudeau Ph. Le Siège de Rome et l'Orient (448–536). Etude géo-ecclésiologique. Rome, 2012; Kötter J.-M. Zwischen Kaisern und Aposteln. Das Akakianische Schisma (484–519) als kirchlicher Ordnungskonflikt der Spätantike. Stuttgart, 2013.

2. См. Грацианский М.В. Возникновение и развитие концепции папского примата в I–V вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Сер. I: Богословие. Философия. 2014. № 2 (52). С. 9–29.

3. The Ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898. III.12. P. 109 (Далее: Evagr.).

4. См. о нем: Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 335–339; Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284-602. A Social Economic and Administrative Survey. Vol. 1. Oxford, 1964. P. 224–230; Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2 (A.D. 395–527). Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1980. P. 586–590; Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М., 2010. С. 113–114; Броль Р.В., Кузенков П.В. Астрология и политика в Византии V в. // ВВ. 2013. Т. 72 (97). С. 166–198 (здесь: С. 170–172).

5. Historia Ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta / Interpretatus est E.W. Brooks // Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptores Syri. Series III. T. V. Versio. Lovanii, 1924. V.VI. (Далее: Zachar.); Liberati Breviarium causae Nestorianorum et Eutychianorum // Acta Conciliorum Oecumenicorum. II.5. Berlin, 1936. P. 126–127. (Далее: Liberat.).

6. Epistulae romanorum pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a s. Hilaro usque ad Pelagium II // Recensuit et edidit A. Thiel. T. I: A s. Hilaro usque ad s. Hormisdam, ann. 461–523. Brunsbergae, 1868. Simplicii ep. 19. P. 209: meam revocavi super ejus confirmatione sententiam. (Далее ссылки на папские послания приводятся по этому изданию с указанием имени папы, номера послания и страниц).

7. Evagr. III.14. P. 111–114.

8. Ibid. P. 114: Τούτων ἀνεγνωσμένων ἡνοῦντο μὲν πάντες οἱ τῆς Ἀλεξάνδρου τῇ ἁγίᾳ καθολικῇ καὶ ἀποστολικῇ ἐκκλησίᾳ; Liberat. P. 129.10: et quidem Petrus inthronizatur ab omnibus. Так Петру удалось вступить в общение со сторонниками патриархов-халкидонитов Протерия (451–457) и Тимофея Салофакиола (Evagr. III.13. P. 110; Liberat. P. 129) несмотря на то, что трудности при этом создавались как фанатичными противниками, так и фанатичными сторонниками Халкидонского Собора (Zachar. V.IX; Liberat. P. 130).

9. Liberat. P. 129.

10. Даже несмотря на то, что, по свидетельству Либерата, Петр заявил о себе Симплицию как о стороннике Халкидонского Собора: Liberat. P. 130.8–10: cum iam scripsisset Acacio et Simplicio quia communicator eorum esset et sanctae synodi.

11.Evagr. III.16–17. P. 114–115.

12. 17-е правило Вселенского Халкидонского Собора (451 г.): «Если царской властью создается город, или некий город вновь воссоздается, то устройство церковных приходов пусть следует гражданским и казенным распоряжениям» (Εἰ δὲ καί τις ἐκ βασιλικῆς ἐξουσίας ἐκαινίσθη πόλις, ἢ αὖθις καινισθείη, τοῖς πολιτικοῖς καὶ δημοσίοις τύποις, καὶ τῶν ἐκκλησιαστικῶν παροικιῶν ἡ τάξις ἀκολουθείτω).

13. Конституция императора Зинона (478 г.; Codex Justinianus I.2.16): «Также священной Церкви сего благочестивейшего града, Матери нашего благочестия и всех христиан православного исповедания, священнейшему престолу сего царского града, мы в рассуждении его [статуса] царского града присуждаем и постановляем крепко иметь преимущество и все почести в отношении поставления епископов и права председательствовать над всеми, а также всё прочее, что, как известно, он имел до нашего воцарение и в наше царствование» (Sacrosanctam quoque huius religiosissimae civitatis ecclesiam matrem nostrae pietatis et Christianorum orthodoxae religionis omnium et eiusdem regiae urbis sanctissimam sedem privilegia et honores omnes super episcoporum creationibus et iure ante alios residendi et cetera omnia, quae ante nostrum imperium vel nobis imperantibus habuisse dignoscitur, habere in perpetuum firmiter regiae urbis intuitu iudicamus et sancimus.

14. 28-е правило Вселенского Халкидонского Собора: «Повсеместно следуя определениям Святых Отцов, и ведая в том числе только что зачитанный канон ста пятидесяти боголюбезных епископов, собравшихся при благочестивой памяти Феодосии Великом, бывшего царем в царственном граде Константинополе-Новом Риме, мы определяем и постановляем то же самое о преимуществах святейшей Церкви того же Константинополя-Нового Рима. Ведь и престол Старшего Рима, в силу того, что сей град царствовал, Отцы естественно наделили теми же преимуществами. Движимые той же целью, сто пятьдесят боголюбезных епископов уделили Новому Риму равные преимущества, разумно сочтя, что град, почтенный царем и сенатом и наслаждающийся равными преимуществами со Старшим Римом, и в церковных делах величается как и тот, будучи вторым по нём» (Πανταχοῦ τοῖς τῶν ἁγίων Πατέρων ὅροις ἑπόμενοι, καὶ τὸν ἀρτίως ἀναγνωσθέντα κανόνα τῶν ἑκατὸν πεντήκοντα θεοφιλέστατων ἐπισκόπων, τῶν συναχθέντων ἐπὶ τοῦ τῆς εὐσεβοῦς μνήμης Μεγάλου Θεοδοσίου, τοῦ γενομένου βασιλέως ἐν τῇ βασιλίδι Κωνσταντινουπόλεως Νέᾳ Ῥώμῃ, γνωρίζοντες, τὰ αὐτὰ καὶ ἡμεῖς ὁρίζομέν τε καὶ ψηφιζόμεθα περὶ τῶν πρεσβείων τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας τῆς αὐτῆς Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης· καὶ γὰρ τῷ θρόνῳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πόλιν ἐκείνην, οἱ Πατέρες εἰκότως ἀποδεδώκασι τὰ πρεσβεῖα. Καὶ τῷ αὐτῷ σκοπῷ κινούμενοι οἱ ἑκατὸν πεντήκοντα θεοφιλέστατοι ἐπίσκοποι, τὰ ἴσα πρεσβεῖα ἀπένειμαν τῷ τῆς Νέας Ῥώμης ἁγιωτάτῳ θρόνῳ, εὐλόγως κρίναντες, τὴν βασιλείᾳ καὶ συγκλήτῳ τιμηθεῖσαν πόλιν, καὶ τῶν ἴσων ἀπολαύουσαν πρεσβείων τῇ πρεσβυτέρᾳ βασιλίδι Ῥώμῃ, καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἐκείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασι, δευτέραν μετ᾽ ἐκείνην ὑπάρχουσαν).

15. Ср. 9-е правило Вселенского Халкидонского Собора: «Если какой епископ или клирик сомневается (в приговоре) митрополита епархии, пусть отправляет-

ся к экзарху диоцеза или к престолу царственного Константинополя и у него да судится» (Εἰ δὲ πρὸς τὸν τῆς αὐτῆς ἐπαρχίας μητροπολίτην, ἐπίσκοπος, ἢ κληρικὸς ἀμφισβητοίη, καταλαμβανέτω τὸν ἔξαρχον τῆς διοικήσεως, ἢ τὸν τῆς βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως θρόνον, καὶ ἐπ' αὐτῷ δικαζέσθω).

16. Zachar. V.VII; Liberat. P. 126–127.

17. Zachar. V.IX; Evagr. III.15. P. 114.

18. Felicis ep. 2. P. 232–239.

19. Ibid. P. 232.

20. Ibid. P. 233.

21. Ibid. P. 237: «И поэтому, коль скоро дело обстоит так, я советую, побуждаю и убеждаю тебя, чтобы ты исправил то, что было упущено, и последующим старанием заслужил о себе лучшее мнение» (Atque ideo, quum ita sit, moneo, hortor et suadeo, ut quae omissa sunt corriges, et sequentibus studiis de te facias meliora sentiri).

22. Ibid. P. 237: Unde si contra synodi instituta Calchedonensis tendere hostilia corda praespicis et quiescis, mihi crede, nescio quemadmodum te Ecclesiae totius asseras esse principem.

23. Felicis ep. 3. P. 239–240.

24. Ibid. P. 239.

25. Evagr. III.17–20. P. 117–119; Liberat. P. 131; Theophanes Confessor. Chronographia / Ed. C. de Boor. Vol. 1. Lipsiae, 1883. P. 131.20–29. (Далее: Theoph.).

26. Evagr. III.20. P. 119.

27. От него сохранился лишь фрагмент: Felicis ep. 7. P. 247.

28. Felicis ep. 6. P. 243–247.

29. Ibid. P. 243–244.

30. Ibid. P. 243.

31. Ibid. P. 245.

32. Ibid. P. 246: sacerdotali honore et communione catholica nec non etiam a fidelium numero segregatus, sublatum tibi nomen et munus ministerii sacerdotalis agnosce, sancti Spiritus judicio et apostolica per nos auctoritate damnatus, nunquamque anathematis vinculis exuendus!

33. Felicis ep. 10. P. 252: Quorum etiam ob hoc subjacet ultioni; nec Romanae, id est apostolicae sedis, qua se ipse privavit, communione jam gaudet, quando ***Petri Eutychianistae socius et susceptor*** *apparens, damnationis ejus se participem indicavit. Felicis ep. 11. P. 254: Igitur omnia, quae nobis in timore Dei competunt, cogitantes et praevidentes, ne toties exstinctae* ***Eutychianae pestis haereseos, cujus Acacius defensor est et patronus****.*

34. Theoph. P. 132.31–33: «Акакий проигнорировал отлучение и изъял имя Феликса из диптихов» (Ἀκάκιος δὲ ἀναισθήτως ἔσχε περὶ τὴν καθαίρεσιν καὶ τὸ ὄνομα Φίλικος ἐξῆρε τῶν διπτύχων). См. тж. Liberat. P. 131; Gelasii ep. 10.4. P. 343.

35. Felicis ep. 6. P. 245: «При обмане которых (т.е. Виталия и Мисена — М.Г.) ты выказал собственную подлость; отказываясь отвечать согласно канонам перед апостольским престолом на жалобу моего брата и соепископа Иоанна, ты только подтвердил обвинения» (In quorum deceptione tuam nequitiam prodidisti, et ad libellum fratris et coepiscopi mei Johannis, qui te gravissimis objectionibus impetivit, in apostolica sede secundum canones respondere diffidens, objecta firmasti).

36. Felicis ep. 4. P. 241: Quod fratrem et coepiscopum meum Acacium Constantinopolitanum respicit sacerdotem, adversus quem in conventu mihi ab eo, cujus sedem praefatus fertur tenere, libellus oblatus est, quem deplorationibus meae humilitatis annexui: ut idem frater et coepiscopus meus Acacius, sicut ecclesiasticis necesse est et vestris legibus fieri decet, ad haec, quae de se pervidet intimari, apud beatum Petrum apostolum diluere obedientiae sedulitate procuret, nec ullo modo existimet differendum.

37. Следуя этим канонам, папа мог принимать апелляции от епископов других областей и при определенных условиях мог выносить свой приговор об их делах.

38. Felicis ep. 11. P. 256: «Ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолеют ей. Следуя этим словам, триста восемнадцать святых отцов, собранных в Никее, наделили святую Римскую Церковь утверждением дел и авторитетом; каковые оба вплоть до нашего времени все преемники с помощью благодати Божьей сохраняют» (Tu es Petrus, super hanc petram aedificabo Ecclesiam meam, et portae inferi non praevalebunt adversus eam. Quam vocem sequentes trecenti decem et octo sancti patres apud Nicaeam congregati, confirmationem rerum atque auctoritatem sanctae Romanae ecclesiae detulerunt: quam utramque usque ad aetatem nostram successiones omnes Christi gratia praestante custodiunt).

39. Felicis ep. 6. P. 247: Caelius Felix episcopus sanctae ecclesiae catholicae urbis Romae subscripsi. Data V Calendas Augustas Venantio viro clarissimo consule.

40. Ibid.: Simulque septuaginta septem episcopi absque papa subscripserunt.

41. Felicis ep. 11. P. 253, 254 (Vitalem atque Misenum a sacerdotali collegio et sacrosancta communione suspendimus). Об этом Соборе: Evagr. III.21. P. 119.

42. Felicis ep. 11. P. 253: Acacium … unam de fide catholicam Ecclesiam dissipantem…

43. Ibid.: exstinctae Eutychianae pestis haereseos, cujus Acacius defensor est et patronus.

44. Ibid.: inter episcopos sanctos atque inter Christianos judicavimus non haberi.

45. Ibid. P. 253–254: Et ut Caritas vestra possit agnoscere, venerandas synodos Nicaenam et Ephesinam priorem atque Calchedonensem contra Nestorium et Eutychetem impiissimum nos tenere, post illam sententiam, quae in Acacium perturbatorem totius Orientis ecclesiae dicta est, his quoque nunc iterum congregati adjicimus litteris memoratam subdendo sententiam, quam placuit per Tutum defensorem ecclesiae Acacio dirigi…

46. Это подтверждает и Либерат: papa Felix damnationis scripturam misit Acacio per Totum defensorem, cuius est principium: Multarum transgressionum reperiris obnoxius (Liberat. P. 131).

47. Ibid. P. 254: Nam si terra marique orthodoxis non ponerentur insidiae, plurimi ex nobis cum eadem contra Acacium sententia venire potuissent.

48. Ibid. P. 255.

49. Ibid. P. 256.

50. Ibid. P. 257: Ne quid autem maligne in litteris nostris mutari apud pravissimas mentes aut aliter interpretari possit, primum clementissimo principi, sicut oportuit, supplicantes, has easdem litteras nostras ad dilectionem vestram, clerum plebemque et amplissimum senatum direximus, quibus singuli universique subscripsimus, divinum petentes auxilium, ut vitatis insidiis haec ad vos scripta faciat pervenire.

51. Т.н. «петровский дискурс»: Demacopoulos G. The Invention of Peter: The Development and Reception of the Petrine Discourse at the Close of Christian Antiquity. Philadelphia, 2013. См. тж.: Максимович К.А. Метарецензия на: Захаров Г.Е. Рецензия на монографию: Demacopoulos G.E. The Invention of Peter… // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 5 (55). С. 149–156.

52. См. Koch H. Gelasius im kirchenpolitischen Dienste seiner Vorgänger, der Päpste Simplicius (468–483) und Felix III. (483–492). Ein Beitrag zur Sprache des Papstes Gelasius I. (492–496) und früherer Papstbriefe. München, 1935.

53. Gelasii ep. 10.4. P. 343: Acacium ab uno non potuisse damnari…

54. Gelasii ep. 26.1. P. 414: Acacium non putare jure damnatum, quod non a speciali synodo videatur fuisse dejectus … praecipue pontificem regiae civitatis.

55. Felicis ep. 14. P. 268: Ideoque ***juxta praefatae synodi tramitem*** *merito illic damnatae perfidiae parem cuncti subiere vindictam, qui hujus maluerunt esse participes; quemadmodum contra unamquamque haeresim synodus constituta cunctos etiam dejectae similes pravitatis adstringit, ne in successoribus omnino reparandum esset, quod in auctoribus juste monstratur esse prostratum.*

56. Felicis ep. 15. P. 271: sententia illius concilii convincuntur adstringi et in ipsorum poenam merito recidisse, quorum elegere consortium, sicut in ceteris haeresibus facta semel synodus abjecti cujuslibet erroris cunctos sequaces consequenter involvit.

57. Felicis ep. 14. P. 268: Calchedonensi concilio, quod universalis sanxit et custodit Ecclesia, Eutyches et Dioscorus non probantur esse damnati? ... An eorum communionem, ***frequenter et regulariter interdicentibus nobis****, non est secutus Acacius...?*

58. Felicis ep. 16. P. 275: ex forma synodi memoratae...

59. Liber pontificalis / Ed. Duchesne. Vol. I. Paris, 1886. P. 270 (о событиях 519 г.): «Итак, весь клир вместе с Иоанном Константинопольским ... заперлись в большой Церкви, которая называется [св.] София и, устроив Собор, передали императору, говоря: «Если не будет дан нам отчет, почему был осужден наш епископ Акакий, ни за что не согласимся мы с апостольским престолом...”« (Omnis itaque clerus una cum Iohanne episcopo Constantinopolitano ... incluserunt se in ecclesia maiore quae vocatur Sufia et consilio facto mandaverunt imperatori dicentes: Nisi nobis reddita fuerit ratio quare damnatus est episcopus noster Acacius, nullatenus sentimus sedi apostolicae...).

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ БОГОСЛОВСКИХ ШКОЛ

О.А. Манохина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются особенности концепции основных ранневизантийских богословских школ. В основе отличий лежит специфика местных региональных этнокультурных особенностей, которые определяли и методику обучения, и способы мышления в исследовательской деятельности.

Ключевые слова: ранняя Византия, богословское образование, греческая школа, сирийская школа.

CONCEPTUAL FEATURES OF THE EARLY BYZANTINE THEOLOGICAL SCHOOLS

O.A. Manokhina
Belgorod National Research University

The article considers the peculiarities of the basic concepts of early Byzantine theological schools. The differences are determined by specific to the local regional cultural features, which set out the methodology of learning and ways of thinking in research activities.

Keywords: early Byzantium, theological education, the Greek school, the Syrian school.

Как известно, в ранней Византии существовали крупные центры, в которых осуществлялся процесс высшего богословского образования – богословские школы в Александрии, Антиохии и Нисибине (Эдессе). На самом же деле этих школ было намного больше, но сведений об их жизни фактически не сохранилось. Мы рассмотрим только три из них, более крупные и значимые, их устройство и быт. И на их примере сможем выделить особенности влияния современной ситуации в империи и ее регионах на концепцию ранневизантийских богословских школ.

Александрийская школа. К греческому типу Дьяконов относит Александрийскую школу и говорит, что она «носила настолько определенно выраженный греческий характер, что ею можно бы ограничиться для описания высшей богословской школы греческого типа»[1].

Историю этой школы исследовало много авторов, но более прочих выделяются В.Н. Дмитриевский, А.П. Дьяконов, Ж. Барди[2].

Еще больше исследователей изучало Александрийскую школу как направление философско-богословской мысли. Это, например, В.Я. Саврей, Н.И. Са-

гарда, митрополит Филарет (Гумилевский) и ряд других. Мы же будем рассмотрим историю данной школы в контексте истории Церкви, как институт, выполнявший основные функции высшей богословской школы, начиная с IV века.

Богословская школа в Александрии по своей специфике более тяготеет к особенностям греческого мировосприятия и науки[3]. Для греческого типа это общие религиозно-просветительские цели. Греческий тип системы образования характеризуется такими особенностями «национального» духа, как стремление к знанию, которое ценилось само по себе независимо от практического применения, и именно к знанию всеобъемлющему и цельному, которое в высшем своём синтезе – философии должно было разрешить для эллина все вопросы бытия, раскрыть перед ним сущность вещей божественных и человеческих. Этот интерес не был только теоретическим. «Эллин глубоко верил в воспитывающую силу знания: оно, по его убеждению, должно сообщать духу человека высшую красоту и нравственность»[4].

Именно стремление к практическому знанию является характерной чертой греческой системы образования. Отсюда и вся система греческого образования была построена на двух главных началах: во-первых, ценность признавалась только за общеобразовательными науками, которые носили название наук «свободных»; во-вторых, общеобразовательные науки ценились не сами по себе, а с точки зрения того высшего синтеза, который давала им философия[5].

Однако, с возникновением христианства интерес к философии упал. Философские школы античности «занимались комментированием старых систем и получили характер замкнутых сект, из которых каждая рабски держалась своего учителя, и большинство греков довольствовались риторской школой, которая давала лишь формальное образование и, в то же время, носила в себе отпечаток отрицательной философии софистов в духе нигилизма»[6].

В Александрийской школе продолжали осуществляться все основные направления деятельности, относящиеся к христианским богословским школам[7]. Школа продолжала выполнять катехизаторскую функцию. Свое первоначальное назначение «огласительного училища» Александрийская школа до известной степени сохраняла и после своего преобразования в высшую школу: в число ее слушателей на первых ступенях обучения можно было встретить язычников и еретиков, «стучавшихся в двери Церкви»[8].

Подготовка пастырей была также основным видом деятельности. Все указанного рода школы, в которых с большим или меньшим успехом могли получать образование пастыри, существовали в небольшом количестве. «Древнейшей и знаменательнейшей из этих школ была Александрийская»[9].

Но самым важным направлением школы была догматическая деятельность. «Чем была Платоновская академия для философии, тем же была Высшая школа в Александрии для христианской науки»[10]. Долгое время философия Александрийской школы, наряду с философией патристики, воспринималась как несущественное добавление к богословию и библейской экзегезе. Однако такой подход не позволял выявить уникальные особенности учения Александрийской школы и определить ее место в истории философской и богословской мысли[11].

Догматическая деятельность школы сводится к участию в богословских спорах того времени и участие во Вселенских соборах ее представителей.

А.П. Лебедев, описывая историю Вселенских соборов, отмечает значимость школ в целом вообще, в истории первых, но более высокую значимость выделяет для Александрийской и Антиохийской[12].

Касательно повседневной жизни школы, имеются только лишь отрывочные сведения источников, и преимущественно раннего периода ее функционирования. Определенного помещения для занятий у Александрийской школы не было. Во время гонений она располагалась в частном доме, иногда переходила из одного дома в другой, но IV в. она, естественно, должна была размещаться в каком-либо из принадлежавших Церкви зданий, как это было в Кесарии уже в III в[13].

Повседневная жизнь и образовательная программа школы более известна для раннего периода ее истории, а именно III в. Точно представить то, как жила школа в IV-VI веках, более сложно. Но если взять за основу распространенный топос о том, что высшее богословское образование в это время процветало и развивалось, то говорить можно лишь об улучшении и усложнении образовательной системы школы.

Широте цели соответствовала широта и учебной программы Александрийской школы. Исходя из эллинской идеи всеобъемлющего знания, она включала в себя весь курс тогдашнего высшего образования, однако, не в виде бессистемной «полимафии» софистической школы, а в виде знания, объединенного в высшем синтезе, каковым здесь служила христианская философия, или богословие[14].

Система образования в школе строилась по принципу языческих философских школ[15]. Однако сведений о данной системе для IV-VI вв. не сохранилось. Ретроспективно можно использовать более ранние сведения Климента Александрийского («Педагог»), Григория Тавматурга, Евсевия Кесарийского.

По поводу внешнего устройства школы мы также не имеем точных сведений источников. А.П. Дьяконов указывает на противоречивость мнений по поводу принадлежности школы Александрийскому епископу. В пользу этого он утверждает, что школа «вверялась» конкретному лицу епископом в силу организационного устройства тогдашней церкви.

Учитель школы был один, он же был ее руководителем во всех отношениях. Эта традиция соответствовала традициям античных философских школ, когда вокруг учителя собирались ученики, и образовывалась школа. Также был целый штат помощников, которым поручалось преподавать более простые курсы дисциплин. Требования к преподавателям были высоки. Им было необходимо быть людьми благочестивыми и глубоко образованными. Также было обязательным наличие священного сана[16].

Ученики школы принимались «на работу» без различия своего статуса и происхождения, а на первую ступень принимались иногда еще и лица других вероисповеданий[17].

Следующей по значимости после Александрийской школы, стала ее последовательница – школа в Константинополе[18]. Однако это уже история другого периода.

Антиохийская школа. В конце III в. образовалась еще одна высшая богословская школа - в Антиохии[19]. Основателями ее были ученые пресвитеры: Дорофей (ок. 290 г.) и Лукиан. Особый расцвет учености Антиохийской школы приходится на IV в.

Данная школа тяготеет к Александрийской, хотя территориально принадлежит сирийскому типу школ. По поводу ее организации, как учебного заведения, фактически ни чего не известно. Об этой школе современные исследователи пишут, прежде всего, как о богословском направлении. Однако, А.П. Дьяконов отмечает, что, все же эта школа была одним из институтов

высшего богословского образования: «Антиохийская школа гораздо более известна в качестве богословского направления, чем в качестве образовательного учреждения. Но в последнем смысле она, по-видимому, уже существовала около начала IV в., имея своим учителем пресв. Лукиана (311 г.), который, вероятно, и был ее основателем»[20].

Догматическую деятельность школы можно охарактеризовать так: «Богословским оппонентом Новоалександрийской школы была школа в Антиохии». В IV в. она занималась исследованием буквального смысла в толковании Священного Писания, используя достижения филологии, археологии и других наук. Эта школа принесла огромную пользу в деле просвещения огромной части империи. К сожалению, некоторые из антиохийских богословов (Диодор Тарсийский, Федор Мопсуестский) довели догматическое направление школы до крайности и упрочили в ней чрезмерный рационализм, который в V в. проявил себя в несторианской ереси. Из числа представителей школы, не впадавших в крайности учения, наиболее известны: св. Кирилл Иерусалимский, блаж. Феодорит Кирский и, конечно же, св. Иоанн Златоуст, который оставил церковной истории много сочинений, бесед, писем и особенно проповедей[21].

Деятельность данной школы соответствовала основным целям высшей богословской школы и делилась на три составляющие – подготовка пастырей, катехизаторская и догматическая.

Антиохийская школа «была сильна и жизненна в IV и V веке[22].

Образцом сирийской высшей богословской школы является Эдесско-Нисибинская академия. Для сирийского Востока империи (и за ее пределами) она имела тоже значение, что и Александрийская школа для Востока греческого.

Сирийцы стремились более к практической составляющей богословия. Подобно иудеям, сирийцы искали авторитета в Предании. В связи с этим, складывалось и различное отношение к миру и мирской культуре: в то время как грек стремился в едином религиозном синтезе обнять все сущее, ибо «Господня земля и исполнение ея вселенная!» - восклицал Климент Александрийский, сириец проводил резкую грань между Божиим и человеческим, между религией и культурой. Отсюда понятно, что у сирийца не могло быть положительного отношения к богатой интеллектуальной культуре греков, ибо она была для него не только чужой, но и чуждой по своему характеру и содержанию[23].

Для истории школы много дает относительно изданное в нач. XX в. сирийское сочинение конца VI в. (между 581-604 гг.), посвященное специально рассказу «Об основании школ» и принадлежащее перу одного из учеников Нисибинской школы Бархадбешаббы Арабайи, епископа Халванского (в Персии). Относительно ее устройства подробные сведения сообщает открытый и изданный проф. Гвиди устав Нисибинской школы. Последняя редакция этого устава относится к 602 г., но она включает в себя целиком более древнюю редакцию 496 г., которая в свою очередь ссылается на утраченный устав 457 г[24].

Что касается места расположения школы, то она была основана сначала в Эдессе, позже перенесена восточнее, в город Нисибин. Исследованием этой школы занималась Н.В. Пигулевская. Она же и опубликовала переведённый на русский язык устав Нисибинской школы. Исходя из него, можно сказать, уже с внешней стороны Эдесско-Нисибинская школа отличается от Александрийской довольно сложной организацией. А.П. Дьяконов дает краткое описание ее структуры. Школа имеет вид корпорации, все члены которой, за редкими исключениями, живут в школьном здании, в особых кельях по нескольку человек в каждой и называются «братией». Тем не менее, это не мона-

стырь, так как прямо говорит братии: «Кто хочет более совершенной жизни, пусть идет в монастырь или в пустыню»[25].

Катехизаторская деятельность и образование пастырей обеспечивалась тем, что в школе обучались знаменитые священнослужители - Отцы и Учителя Церкви[26]. В состав братии входили «люди всякого звания и возраста: и пресвитеры, и миряне, и молодые и старые»[27]. Это является свидетельством того, что в школе получали образование все, и пастыри и миряне, и в этом заключаются две данные функции школы.

Преподавательско-воспитательский состав был следующим. Во главе братии стоит главный учитель-экзегет, носящий почетное звание «учитель наш». За ним следуют два учителя второго ранга и «начальник дома», в лице которого совмещаются функции инспектора, эконома, библиотекаря. Вся братия делится на два неравных разряда: большинство составляют ученики в собственном смысле; меньшинство составляют уже прошедшие школьный курс и получившие учёную степень – «исследователей» или «докторов», они служат, вероятно, помощниками учителей в преподавании... Они же, по-видимому, состоят и «начальниками келий, и в этом звании являются помощниками «начальника дома». Кроме того, они вместе с учителями составляют коллегиальный орган управления, которому предоставлены большие полномочия, а именно: избрание «начальника дома», которое производится ежегодно, решение важных дисциплинарных дел и выработка устава школы[28].

Высшее управление и руководство школой принадлежало, несомненно, епископу, хотя по этому вопросу и высказывались противоположные суждения. Это видно из того, что епископы утверждали устав школы во всех редакциях, разбирали внутренние несогласия среди братии и, вероятно, назначили учителей. В Эдессе и в Нисибине школа располагалась в самом городе близ епископской кафедры. От епископской кафедры школа, несомненно, получала средства содержания. Из устава известно, что обучение в школе было бесплатным, но учителя получали жалование, и даже беднейшие из учеников получали пособие на свое содержание. Других материальных источников, кроме церковных, у школы не было[29].

Образовательная программа школы определялась «из названий учителей и отчасти от их функций. Первый учитель, он же и «раббан», называется «толкователем», имеется в виду - Св. Писания. Второй - «учитель произношения»; он преподает искусство вокализации и пунктуации текста Св. Писания, то есть сирийскую масору, вероятно, в связи с грамматикой. Третий учитель называется «учителем чтения», но в действительности ему вменяется в обязанность преподавание богослужения и церковного пения. Таким образом, две кафедры относятся к науке Св. Писания и одна - к литургике. Та же самая программа, по сведениям Бархадбешаббы, была принята и в Эдесской школе при первом преемнике св. Ефрема. Однако, сначала все три науки преподавались одним лицом, а в 437 г. они были разделены между тремя преподавателями. Но весьма вероятно, что эта программа принята была уже при св. Ефреме, ибо известно, что его литературная деятельность сосредоточивалась главным образом на экзегетике и гимнографии[30].

В Нисибинском уставе можно увидеть определенно отрицательное отношение к светской науке. Здесь запрещается ученикам школы жить вместе с врачами, «дабы не читались в одном [месте], - говорит устав, - книги мирской мудрости и книги святости». Равным образом, ученик, оставивший школу для обучения врачебному искусству, не мог быть принят обратно, если бы пожелал, за редкими исключениями[31].

Таким образом, программа школы ограничивалась предметами богословского курса. Но и в этом последнем мы не видим наук систематического характера, за исключением краткого введения к экзегетическому курсу. Учебник по этому предмету, принятый в Нисибинской школе со 2-й четверти VI столетия и принадлежащий перу некоего Павла Перса - автора «Трактата о логике Аристотеля», сохранился до настоящего времени в переводе Юнилия Африкана - современника Павла. Этот учебник, занимающий в печатном издании 60 стр., содержит, во-первых, общие сведения о священных книгах и, во-вторых, краткий очерк библейского богословия. В диалектических разделениях и определениях книги, а также в ее историко-грамматическом направлении можно видеть влияние Аристотеля[32].

Программа обучения в школе была рассчитана на три года. Учебный курс был разделен на три года; причем программа каждого года точно определена. Экзегетика начиналась изучением и переписыванием «книги Павла», т.е. учебника по исагогике. Затем следовало списывание и объяснение всей Библии, причем книги исторические и учительные (за исключением Псалтири), соединявшиеся у сирийцев в один отдел под общим названием «книги Судей», были распределены поровну между всеми тремя классами, а остальные книги изучались в последовательном порядке: на первом курсе - «Закон», т.е. Пятикнижие, на втором - «Давид (т.е. Псалтирь) и Пророки», на третьем - «Новый Завет». Соответственным образом распределены были и книги богослужебного круга.

Воспитание также играло важную роль в жизни учащихся. То есть, требовалось, прежде всего, точное и полное усвоение изучаемого материала не только по содержанию, но и по форме. Школа придерживалась таких правил: «Сначала учи, а потом объясняй», «Не верь тому, кто скажет, что, приложив старание, не достиг ничего». Действительно, прилежания и усидчивости в Нисибинской школе требовалось немало.

Основная особенность воспитательной стороны заключалась в том, что она имела вид отдельной от образования системы с особыми органами, особыми правилами поведения и наказаниями. Воспитателями были «начальник дома» (раббайта) и его помощники - «начальники келий»; однако они должны были координировать свои действия с указаниями «раббана» и совета старших братьев. Правила поведения были подробно изложены в уставе школы, который раз в год торжественно читался перед всем собранием, «дабы добронравных ободрить, а «ленивых и негодных» исправить». Для последних правила казались обременительными.

Основная тенденция правил - строгая церковность воспитания. Хотя школа не была монастырем, ученики должны были вести образ жизни, близкий к монашескому: они были обязаны неукоснительно посещать все богослужения и уроки, не должны были выходить из школы без разрешения «начальника дома»[33], должны были иметь общий с братией стол и повиноваться своим «начальникам келий».

Догматическая деятельность школы характеризуется основными трудами ее главных представителей. Одним из них был один из основателей школы Ефрем Сирин. Он был одним из лучших ее представителей. Но вскоре, как и школа Антиохийская, эта школа стала проповедовать односторонние взгляды на толкование Св. Писания и постепенно совсем отошла от ортодоксии[34].

В своем исследовании «Духовенство Древней Вселенской Церкви» А.П. Лебедев только упоминает обо всех этих школах и пишет, что именно в них «могло получать образование духовенство Восточной церкви»[35].

При рассмотрении жизни и значения каждой школы необходимо обратить внимание на то, что эти школы являлись учреждениями, осуществлявшими высшее духовное образование в империи.

Также эти школы выполняли три самые важные функции – образовательную, подготовку пастырей и догматическую. Это является их общей чертой.

Недостаток сведений источников не позволяет нам в полной мере представить картину бытовой жизни школ. Однако, даже имеющиеся сведения позволяют говорить о значительных различиях греческого и сирийского типов школ. Александрийская школа, как носитель греческого менталитета и традиций, более тяготела к рациональному постижению божественных истин, а сирийские школы – более к чувственному и сакральному, как Антиохийская и позднее - Эдессо-Нисибинская. Именно в специфике местных региональных этнокультурных особенностей и заключались концептуальные различия между школами. От этого зависела и непосредственно сама методика обучения, и способы мышления в исследовательской деятельности.

Примечания:

1. Дьяконов А.П. Типы высшей богословской школы в древней церкви III-VI вв. Речь на годичном акте Санкт-Петербургской Духовной Академии 17 февр. 1913 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. С. 23.

2. Bardy G. Aux origins de l'école d'Alexandrie // Recherches des science sreligieuses. Paris, 1937. T.27. P. 65-90.

3. См.: Harnack A. Alexandria School // The New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge. Michigan. 1960. Vol. 1. P. 124-126.

4. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 3-4.

5. Там же. С. 4.

6. Там же. С. 5.

7. См.: Goehring J.E., Timbie J. The World of Early Egyptian Christianity: Language, Literature, and Social Context / CUA Studies in Early Christianity. –Washington, DC: Catholic University of America Press, 2007. 432 p.

8. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 6.

9. Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб.: Алетейя, 1997. 264 с.

10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 486-487.

11. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М.: КомКнига, 2006. 745 с.

12. Лебедев А.П. Вселенские Соборы IV и V веков. Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1896. С. 12.

13. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 23.

14. Там же. С. 10.

15.Там же. С. 18-19.

16. Там же. С. 21-22.

17. Там же. С. 22.

18. Там же. С. 23.

19. См.: Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л.: ЛГУ, 1962. 286 с.

20. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 43.

21. Кирилл (Илюхин). История христианского образования // Православный собеседник. №2 (15). Казань: Казанская духовная семинария, 2007. С. 174.

22. Лебедев А.П. Вселенские Соборы IV и V веков. Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1896. С. 13.

23. Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 37-38; см. также: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Лабиринт, 1996. 400 с.

24. *Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 43-44.*
25. *Там же. С. 45.*
26. *Кирилл (Илюхин). Указ. соч. С. 174.*
27. *Дьяконов А.П. Указ. соч. С. 46.*
28. *Там же. С. 44.*
29. *Там же. С. 44-46.*
30. *Там же. С. 46-48.*
31. *Там же. С. 48.*
32. *Там же. С. 50.*
33. *Там же. С. 50-52.*
34. *Кирилл (Илюхин). Указ. соч. С. 174.*
35. *Лебедев А.П. Духовенство древней Вселенской Церкви. СПб.: Алетейя, 1997. С. 281.*

ИСТОРИЯ РИМА ГЛАЗАМИ АНТИКВАРОВ VI в. (ЗОСИМ И ИОАНН ЛИД)

М.М. Синица
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В работе дается сравнительный очерк отношения к истории Рима у крупного чиновника и историка рубежа V-VI вв. Зосима и не менее крупного чиновника и любителя древностей («антиквара») Иоанна Лида. Отмечается своеобразие взгляда на римскую историю из Константинополя VI в.
Ключевые слова: антикварная традиция, история Рима, Византия.

HISTORY OF ROME SEEN ANTIQUARIES OF 6 CENTURY A.D. (ZOSIMUS AND JOHN THE LYDUS)

This paper presents a comparative essay related to the history of Rome from the high official and historian Zosimus abroad 5-6 cent. A.D. and no less important official and lovers of antiquity («antiquarian») John the Lydian. Marked peculiarity view of Roman history from Constantinople at 6 cent. A.D.
Keywords: antique tradition, the history of Rome, Byzantium.

Тема данной работы посвящена вопросу об антикварно-традиционном направлении в подходе к истории римского государства в исторической мысли VI в.

VI век не был однородным в рассмотрении подхода к прошлому. В это время сталкивалось множество идей, существовало много разных вариантов прошлого[1].

Основное противоречие в идейной борьбе позднеантичной эпохи было связано с противостоянием новых идей и традиции[2]. В VI в. антикварно-традиционное направление в историографии было эхом разгневанной традиции[3], которая уходила в прошлое, а на смену ей приходило новое средневековое христианское мировоззрение.

Эта уходящая традиция нашла наиболее яркое выражение в работах, посвященных истории римского государства. Интерес к истории римского государства вспыхнул после падения западной части Римской империи и захвата Рима варварами в V в. н.э., для интеллектуалов восточноримского общества было необходимо переосмыслить катастрофу, так как они ощущали глубокую связь и преемственность с Древним Римом[4].

Также этот интерес находил опору в государственной идеологии. Идея континуитета с античным прошлым была важна и поддерживалась официальной идеологией, чтобы легитимизировать Восточноримское государство в качестве преемника Римской империи и сохранить его авторитет и статус[5].

Именно поэтому традиционное направление было столь сильным в VI в. Оттуда до нашего времени дошли две работы, в которых переосмысливалась вся история римского государства с точки зрения традиции. Это «Новая история» Зосима, написанная в начале VI века, и «О магистратах римского государства» Иоанна Лида, написанная в середине этого века. Много общих черт у этих авторов, хотя один и принадлежит к более старшему поколению, определили их следование традиции: оба происходят из класса куриалов, оба получили классическое образование и воспитание и интересовались языческой культурой, оба находились на государственной службе (Зосим являлся адвокатом фиска, а Иоанн Лид был чиновником среднего уровня в Восточной префектуре претория)[6], - и все это также нашло отражение в их работах.

На основании сравнения этих произведений планируется выявить основную специфику в подходе к истории Римского государства в антикварно-традиционном направлении.

Но следует отметить, что возможность сравнения ограничивается несколько различными целями авторов, так как Зосим задумывал свое произведение как продолжение «Всеобщей истории» Полибия, а Иоанн Лид создавал специализированное произведение, посвященное истории римской администрации; временные рамки обоих сочинений также не совпадают: «Новая история» Зосима прерывается на падении Рима в 410 году, в то время как «О магистратах римского государства» Иоанна Лида продолжается вплоть до современного автору времени. Также следует сказать, что произведение Зосима резко обрывается не в том месте, где планировалось автором, исследователи предполагают, что оно должно было описывать события до начала царствования императора Анастасия[7], поэтому судить о взглядах писателя можно лишь предположительно. Кроме того во взглядах Иоанна Лида наблюдается определенная эволюция по отношению к Зосиму[8].

Основная идея, объединяющая две эти работы – это идея современного упадка государства в противовес прошлому, который произошел из-за забвения традиций, а также их изменений в результате различных нововведений. Зосим связывает упадок с забвением языческих религиозных обрядов и ритуалов, а Иоанн Лид – с забвением традиций, выработавших порядок и форму бюрократического процесса.

В качестве идейно-философской основы работы у Зосима взято языческое понимание Судьбы как направляющей хода событий, а также воли богов, которые покровительствуют людским деяниям если они справедливы, которые в свою очередь направляют будущее по определенному пути, таким образом поступками людей управляет божественное провидение (Zos. Hist. Nov. I.1). Судьба играет важную роль у Зосима, определяя поступки людей и причины событий (Zos. Hist. Nov. I.1, I.68, II.5, II.6, II.31, IV.25, IV.54, V.3, V.14, V.17, V.21, VI.13). Судьбу автор понимает как самостоятельное божество (напр., о храме Судьбы в Риме – II.13, о статуе Судьбы в Константинополе - II.31), тесно связанное с другим божеством Справедливости (напр., V.38). В «современной» части истории (посвященной истории христианской империи) Судьба превращается в злого демона как наказание людей за нечестие (напр., Zos. Hist. Nov. V.41). Зосим выступает в качестве защитника язычества и языческой традиции (Zos. Hist. Nov.

I.1, I.5, I.57, I.58, I.67, II.1-7, II.13, II.16, II.30-38, III.9, III.11-12, III.32, IV.3, IV.13-15, IV.18, IV.21, IV.29, IV.33, IV.36-37, IV.50, IV.59, V.5, V.10, V.21, V.23, V.24, V.35, V.38, V.40-41, V.46, VI.7), воплощением которого для него служат языческие оракулы (Zos. Hist. Nov. I.57, I.58, II.6, II.16, II.37, III.9, IV.13).

Идейно-философской основой для работы Иоанна Лида служит неоплатоническое понимание бытия, где все является вечно существующим в сущности, но изменяющимся в формах существования от рождения к гибели и возрождению в новых формах и т.д. (Ioan. Lyd. De Mag. II.23, II.10) Восприятие управляющего божества выражено в идее христианского Бога (Ioan. Lyd. De Mag. I.15, II.24, III.44, III.47, III.59, III.69-76), но при этом также сохраняется языческий образ доброй и злой Судьбы как движущей силы исторического процесса (Ioan. Lyd. De Mag. I.3, I.20, I.40, II.1-2, II.6-8, II.10, II.12, III.11, III.15, III.25, III.28, III.40, III.42, III.46, III.55, III.71) а также связанных с ней Справедливости и Воздаяния (Ioan. Lyd. De Mag. II.30, III.25, III.30, III.69). Также присутствует образ Истины (напр., Ioan. Lyd. De Mag. III.75). В целом, отношение к религии у Иоанна Лида нейтральное и более рациональное (напр., о бесполезности молитв на войне Ioan. Lyd. De Mag. I.39), но при этом он обнаруживает доверие языческим оракулам (Ioan. Lyd. De Mag. II.12, III.42).

Датировочная система также восходит целиком к античной традиции. Зосим для датировок и летоисчисления использует эры от изгнания царей, от основания Города (Zos. Hist. Nov. II.3, II.4, II.7), по началу Столетних игр (Zos. Hist. Nov. II.4, II.7) даты консульской власти (Zos. Hist. Nov. II.4, II.7, VI.2-3), время правления императоров и префектов претория (Zos. Hist. Nov. passim.), для древнейшего периода времена войн; период времени определяет по положению звезд: Сатурн в 25° Девы, Юпитер достиг края Водолея (Zos. Hist. Nov. III.9). Равно и Лид прибегает к аналогичной датировочной системе: эры от изгнания царей, основания Рима, основания Константинополя, начала консульской власти (Ioan Lyd. De Mag. I.2, I.35, I.39, I.40, I.46, I.51), датировку по олимпиадам (Ioan Lyd. De Mag. I.39), по времени правления императоров и префектов претория (Ioan Lyd. De Mag. passim.); периоды времени по древнеримской календарной системе: январь, сентябрьские календы (Ioan Lyd. De Mag. I.38, I.39), по положению звезд: когда солнце в созвездии Льва (Ioan Lyd. De Mag. III.52).

Оба автора также в своих работах используют архаизацию этнонимов и географических объектов (напр. Zos. Hist. Nov. IV.26, Ioan. Lyd. De Mag. III.56).

По политическим предпочтениям оба автора придерживаются скорее монархо- и аристократически-республиканских взглядов, характерных для античной политической мысли, резко выступая против любой формы тирании. Для характеристики нормально существующего государства оба автора используют термин πολιτεία (напр., Zos. Hist. Nov. V.8, Ioan. Lyd. De Mag. III.1). Рассуждая о правлении Августа, Зосим упрекает его в пользовании неограниченной властью (Zos. Hist. Nov. I.5), говоря, что ничто не препятствовало ему стать тираном, и резко осуждая его преемников Тиберия, Калигулу, Нерона, Домициана за тираническое правление (Zos. Hist. Nov. I.6); консульскую власть автор считал аристократическим правлением, с которым связывал рост и могущество римского государства (Zos. Hist. Nov. I.5, I.1). Наиболее правильной автор считает власть установленную согласно закону, он считает законным заговор сенаторов против Максимина в III в., так как он направлен против тирании (Zos. Hist. Nov. I.14). Он также осуждает любой незаконный захват власти, резко негативно характеризуя правление Максенция в Риме в начале IV в. как тиранию (Zos. Hist. Nov. II.9-10, II.12-16 поддерживая борьбу

императора Констанция против узурпаторов (Zos. Hist. Nov. II.43-54), не поддерживая даже узурпации Максима и Евгения в правление ненавистного ему Феодосия I (Zos. Hist. Nov. IV.46, IV.58). Также он резко негативно воспринимает стремление префекта претория Руфина к неограниченной власти, обвиняя его в тирании (Zos. Hist. Nov. IV.51-52, IV.57, V.1-3, V.7-8). Аналогично оценивает власть Стилихона (Zos. Hist. Nov. V.1). Но при этом автор не выступает против самой идеи монархической власти, например, положительно оценивая правление императора Юлиана, так как оно следовало законам (Zos. Hist. Nov. III.9-29).

Иоанн Лид также разделяет точку зрения Зосима. В начале своей работы он дает разъяснение об отличии власти монарха от тирании и власти Цезарей (Ioan. Lyd. De Mag. I.3-4). Согласно ему, правильная власть монарха опирается на законы и сенат из лучших людей государства (Ioan. Lyd. De Mag. I.3). Он резко критикует тиранию, в тирании обвиняя Мария и Суллу, Цезаря и Августа, Домициана, Каракаллу, Диоклетиана (Ioan. Lyd. De Mag. I.4, I.6, I.49, I.51, II.1-3, II.19), подобно Зосиму оценивая правление Августа как умеренное, хотя и нарушающее закон, так как неограниченно ничем. Он называет консульскую власть матерью римской свободы (Ioan. Lyd. De Mag. II.8) О введении консульской власти говорит, что свободы просияло имя (Ioan. Lyd. De Mag. I.29), противопоставляя ее тирании (Ioan. Lyd. De Mag. I.30, II.8). В стремлении к тирании он упрекает Руфина, говоря, что при нем власть префекта к тирании низвергнулась (Ioan. Lyd. De Mag. II.10, III.7, III.23, III.40). Иоанн Лид не разделяет идею демократического правления, осуждая смуты в период консульской власти (Ioan. Lyd. De Mag. I.34-36, 39), также плохо относясь и к восстанию Ника в современное время, рассматривая его как бунт черни, хотя и отмечая очень тяжелое положение населения послужившее причиной восстания (Ioan. Lyd. De Mag. III.70)

Обе работы имеют сходную структуру – основное внимание они сосредотачивают на неутешительной современности, пытаясь дать объяснение причинам упадка, а описание событий древности носить лишь вводный, предварительный характер (представляя собой как бы «археологию» для последующего повествования): у Зосима это книга I, в наибольшей степени первые 57 глав I книги, где вкраце описывается история Римской империи вплоть до завоевания Пальмиры Аврелианом, после чего автор говорит, что продолжая Полибия, описавшего как римляне создали свою державу, он опишет, как они ее потеряли (Zos. Hist. Nov. I.57), это примерно 273-274 гг. н.э., далее автор пробегает события конца III в., на чем кончается I книга; у Иоанна Лида также I книга дает представление об истории основания различных магистратов, которые автор перечисляет и дает информацию о времени и условиях их возникновения, останавливаясь на времени диктатуры Цезаря, в то время как II и III книги сосредотачиваются на префектуре претория и ее штате, и их функционировании от времени Цезаря до современности.

Отношения к древнейшему прошлому авторов сходно, хотя Зосим рассматривает всеобщую историю, а Лид акцентирует внимание на римских древностях. Для авторов характерна эллинизация римской цивилизации, что связано с перемещением империи на грекоязычный восток. Зосим следует греческой исторической мысли, он воспринимает римлян как наследников греческой цивилизации: кратко описав события от Троянской войны до походов Александра, затем он переходит к римлянам и здесь продолжает Полибия. Иоанн Лид описывает образование римского государства и каждого из рим-

ских магистратов, привлекая древнеримских историков Катона Старшего, Варрона и Саллюстия, но при этом также в римской цивилизации видит греческий фундамент: латинский язык выводит из эолийского диалекта греческого языка (Ioan. Lyd. De Mag. I.5), а законодательные основы и принципы деления римского общества взятыми от афинян (Ioan. Lyd. De Mag. I.47).

Обе истории написаны на греческом языке, Зосим следуя Полибию, писал на распространенном греческом койне, Иоанн Лид использовал смесь аттического и койне[9].

Но основной акцент смещен на современное время. «Новое время» и Зосим и Иоанн начинают в период правления императора Константина. Именно отсюда они выводят упадок государства. Оба автора связывают его с забвением традиций (религиозных или бюрократических) и нововведениями.

Зосим делает особый акцент на забвение языческого культа, установленного предками, начало упадка он связывает с пренебрежением императорами Константином и Лицинием традиции празднования Столетних игр, что раннее обеспечивало невредимость Римской империи и сохранение Римом власти над всеми обитателями мира; в результате пренебрежения традиции дела неуклонно двигались к упадку и пришли к современному автору несчастливому состоянию, а империя была незаметно варваризирована (Zos. Hist. Nov. II.7). Божественное расположение к римлянам проявлялось до тех пор, пока они исполняли священные обряды (Zos. Hist. Nov. I.58). Именно благодаря вере предков римляне могли существовать в течение 12 столетий не будучи завоеванными. После того, как император Феодосий I отменил законы о священнодействиях, а обычаи предков стали пренебрегаться, Римская империя начала постепенно уменьшаться в размерах и стала обиталищем варваров, а государство настолько выродилось, что на местах, где когда-то стояли города уже ничего нельзя было узнать (Zos. Hist. Nov. IV.59). Причем тут же отмечается, что когда Феодосий предложил римским сенаторам принять христианство, все отказались потому что не хотели нарушать обычаи предков, а отнюдь не потому, что исповедовали язычество (Zos. Hist. Nov. IV.59)! Поход Алариха на Рим автор связывает с нечестием Серены и Стилихона, которые взяли сокровища, посвященные богам, в языческих храмах (Zos. Hist. Nov. V.38), что было серьезным богохульством против традиционной религии; следствием пренебрежения обычаями предков автор считает безвыходное положение римлян во время осады города Аларихом и голода в Риме в конце 408 г. (Zos. Hist. Nov. V.40), отказ римлян публично восстановить древние культы традиционные обряды на Капитолии и форуме, предложенные этрусскими жрецами предопределил разрушение Рима (Zos. Hist. Nov. V.41); после забвения римлянами древних обрядов процветание города прекратилось, он стал безжизненным и беспомощным, лишение богов украшений и расплавление и статуй для выплаты выкупа Алариху, в частности статуи Мужества, лишило жителей мужества и силы, которые еще оставались (Zos. Hist. Nov. V.41).

Аналогичное отношение к обычаям и традициям предков характерно для Иоанна Лида. Современность он начинает с правления Константина, основание Константинополя служит для него началом отсчета новой эры (Ioan. Lyd. De Mag. I.2). В современности он оплакивает забвение многих обычаев предков, которые привели государство и магистраты к упадку и поставили на краю гибели, начиная от момента, когда в месте с Константином фортуна оставила Рим (Ioan. Lyd. De Mag. II.10, III.40). Оценивая состояние префектуры претория, на которой сосредоточено в основном все его внимание в современности он сравнивает его с многоценным серебряным сосудом, доставшимся от предков, ко-

торый неразумный наследник разбил на множество дешевых осколков (Ioan. Lyd. De Mag. II.7), он говорит, что от величайшего магистрата осталась лишь одна тень (Ioan. Lyd. De Mag. II.5), что как по ступенькам несся вниз (к упадку) магистрат (Ioan. Lyd. De Mag. II.11, III.7, III.41), о том, что блеск и благоустройство префектуры в старину в современное время почти погибли (Ioan. Lyd. De Mag. III.1), тиранические мужи наследовали магистрат один хуже другого и от этого он погибал (Ioan. Lyd. De Mag. III.56), сам он поражен всеобщим разрушением, опустошением и бедностью, в нем не велось никаких заслуживающих внимание дел (Ioan. Lyd. De Mag. II.22, III.9, III.14, III.25, III.36, III.39, III.43, III.49, III.50, III.66, III.57); автор все это связывает с забвением старинных обычаев и порядков делопроизводства, оплакивая, что все следы разумной древности исчезли по воле злого демона, а многие блага отняты (Ioan. Lyd. De Mag. III.11), так как нарушился старинный и возвеличенный порядок слушания дел (Ioan. Lyd. De Mag. II.17), забыты все процедуры (Ioan. Lyd. De Mag. III.11, III.20), многие особенности старинного церемониала совершенно потеряны (Ioan. Lyd. De Mag. III.14), прекратилась деятельность многих полезных отделов префектуры (Ioan. Lyd. De Mag. II.22, III.17) в штат пришли некомпетентные и необразованные служащие (Ioan. Lyd. De Mag. II.18, III.68)... Все это он связывает подобно Зосиму с исполнением оракула, некогда данного Ромулу и цитируемого Фонтеем, в котором говорится, что тогда фортуна римлян оставит, когда они язык предков (латинский) забудут, для Лида это воплощается в реформах префекта Кира Египетского в 439 г., который стал издавать постановления не на латинском, а на греческом языке (Ioan. Lyd. De Mag. II.12, III.42), а также с реформой префекта Иоанна Каппадокийца, отменившего использование латыни в делопроизводстве в середине 30-х гг. VI в. (Ioan. Lyd. De Mag. III.68), после чего наступила полнейшая деградация в префектуре. Для Лида чрезвычайно важно сохранение обычаев и традиций. Например, автор подробно описывает установленные в древности инсигнии императора (Ioan. Lyd. De Mag. II.14) и префекта (Ioan. Lyd. De Mag. II.13-14, II.19), в деталях рассматривает установленный обычай появления префекта в сенате (Ioan. Lyd. De Mag. II.9), слушания тяжб в префектуре (Ioan. Lyd. De Mag. II.14, II.16).

Для обоих авторов характерно восприятие развития государства с «бюрократической» точки зрения: оба особо выделяют проводимые административные реформы, их влияние на налогообложение, состояние провинций, с проявлением ярко выраженной куриальной тенденции, критикуя бесправие городов и постепенную ликвидацию власти городских советов. Реформы и нововведения в целом оба воспринимают негативно. Иоанн Лид прямо указывает, что опрокидывать древностью установленные обычаи – характеристика тиранов (Ioan. Lyd. De Mag. II.19). В качестве характеристики тиранического правления также Лид указывает налоговый гнет. Например, характеризуя «тираническое» правление Диоклетиана автор говорит «вновь померена суша и налогами отягощена» (Ioan. Lyd. De Mag. I.4). Для Зосима характерна аналогичная тенденция. Отмечая тиранический характер правления Максимина в середине III в., он говорит, что провинции тяготились его чрезмерной жестокостью и жадностью (Zos. Hist. Nov. I.14).

Зосим, говоря о проводимых административных реформах, указывает на их негативные последствия для империи. Упоминая о реформе Константина, выделившей среди 4 бывших префектур префектуру Востока, он говорит об уменьшении власти префекта. Он указывает на введение должности военных магистров, пехоты и конницы, отделив военные обязанности от префектуры, что привело к произволу и налоговому гнету (Zos. Hist. Nov. II.32-33).

Зосим резко критикует новые налоги, учрежденные Константином хрисаргир и фоллис, которые привели к совершенному разорению городов и крайней нищете их жителей (Zos. Hist. Nov. II.38). Отмечая учреждение титулов нобилиссимы (Zos. Hist. Nov. II.39), автор указывает на легкомыслие его носителей братьев императора, занимавшихся разделом территорий империи. Говоря о введенном Константином сане патрикиев, Зосим указывает, что он стоял даже выше префекта претория (Zos. Hist. Nov. II.40). Рассказывая о повышении налогов Валентинианом, чем он заслужил всеобщую ненависть, при этом не обращая внимание на бравших взятки чиновников как последствие автор указывает на восстание в африканских провинциях, для подавления которого были ослаблены придунайские провинции, подвергшиеся опустошительным варварским набегам (Zos. Hist. Nov. IV.16). Говоря о реформе Феодосия I, разделившей военное управление между пятью ведомствами вместо двух, что привело к увеличению расходов казны и усилению власти военных (Zos. Hist. Nov. IV.27), Зосим также подвергает резкой критике императора за продажу должностей в провинциях (Zos. Hist. Nov. IV.28). В результате армия сильно ослабела и фактически прекратила свое существование, а города истощены непосильными налогами и жадностью властей (Zos. Hist. Nov. IV.29). Сборщики налогов изымали их с особой жестокостью, так что жители отдавали не только деньги, но и женские драгоценности, и даже собственную одежду, чтобы уплатить требуемые налоги (Zos. Hist. Nov. IV.32). Дополнительные налоги в Антиохии привели к восстанию (Zos. Hist. Nov. IV.41). Наконец, отмена законов о священнодействиях привела к полнейшему упадку Римской империи (Zos. Hist. Nov. IV.59). Резкую критику автор обрушивает на Руфина, который стремясь к неограниченной власти всячески нарушал закон, творил произвол, действуя в ущерб государству и всячески его ослабляя (Zos. Hist. Nov. V.1-3, V.5-8).

Подобным же образом оценивает реформы Иоанн Лид, причем кажется удивительным практически тождественное с Зосимом отношение писателя к реформам от правления Константина до начала власти Феодосия Младшего. Рассматривая реформу Константина, который отвел войска от Истра и расселил их в Нижней Азии, учредив префектуру претория Востока, передав командование войсками магистру и стратегам, автор говорит, что в результате провинции Мезия и Скифия были потеряны, также налоги от них, так как никто не противостоял набегам варваров на Европу, а восток был отягощен неумеренными податями (Ioan. Lyd. De Mag. II.10, III.31, III.33, III.35, III.40); также автор отмечает учреждение Константином для префектуры Востока скриниариев, которые не входили в штат, но затем купили себе место в штате при Феодосии I, инициировавшем продажу должностей (Ioan. Lyd. De Mag. III.35). Лид критикует и реформу Феодосия I, учредившую комитов для управления военными делами, заменявшими императоров в походах, в результате чего власть префектуры уменьшилась и она стала отвечать только за расходы (Ioan. Lyd. De Mag. II.11, III.41). Ключевым моментом для постепенной гибели префектуры для Иоанна является тирания Руфина, который «ниспровергнул магистрат в глубокую яму» в результате чего префектура окончательно была лишена императором Аркадием контроля над вооруженными силами, фабриками вооружения и государственными дорогами, переданными магистрианам (Ioan. Lyd. De Mag. II.10, III.23, III.40). В царствование императора Льва префектура еще более ослабела из-за дорогостоящей и неудачной экспедиции в Африку, что привело к полной нищете государственной казны

(Ioan. Lyd. De Mag. III.43-44), при Зеноне магистрат продолжил быть тонущим как в наводнении, так как трусливый император откупался от внешних врагов, прибегая к конфискациям и разорению знати, и только при императоре Анастасии налогообложение было приведено в порядок (Ioan. Lyd. De Mag. III.45); но после назначения перфектом Марина Сирийца налоговые сборщики снова стали разорять города (Ioan. Lyd. De Mag. III.46, III.49); Лид резко критикует введение должности виндексов и запрет местных советов (Ioan. Lyd. De Mag. I.28, III.49), так как это привело к страшному произволу чиновников, особенно сильно проявившееся в префектуру Иоанна Каппадокийца, автор с ненавистью рассказывает о преступлениях этого префекта и его приспешников в провинциях, чтобы собрать как можно больше денег, останавливаясь подробно на своей родной Лидии (Ioan. Lyd. De Mag. III.38, III.57-62). В результате жители были отягощены огромным количеством налогов и принудительных повинностей (Ioan. Lyd. De Mag. III.61, III.70) и покидали свои места, огромные толпы скапливались в Константинополе, в результате чего вспыхнуло разрушительное восстание «Ника» (Ioan. Lyd. De Mag. III.70).

Оба автора сопоставляют произвол чиновников с варварским вторжением, даже отдавая предпочтение варварам: Зосим о налогах Феодосия – то, что не отобрано по доброте варваров, отбиралось государством в виде налогов (Zos. Hist. Nov. IV.32), о военной экспедиции Стилихона на Пелопонесс – Стилихон позволял грабить своим солдатам то, что осталось от варваров (Zos. Hist. Nov. V.7); Иоанн Лид о налогообложении провинций в префектуру Иоанна Каппадокийца - подданные полагали вторжение варваров легче для себя, чем господство собственных людей (Ioan. Lyd. De Mag. III.70).

При этом оба автора указывают на «тираническую» первопричину введения обременительных налогов,– стремление императоров к праздности и роскоши и расточение казны (проводя параллели с восточными деспотиями, где правители расходовали средства казны по своему произволу и прихоти), также подчеркивая, что праздность серьезно ослабляла государство (в контексте внешней варварской угрозы). Зосим говорит о расточительности императора Константина (Zos. Hist. Nov. II.38), также особенно подробно останавливается на расточительности, стремлении к непомерной роскоши и распутству императора Феодосия I (Zos. Hist. Nov. IV.28, IV.33, IV.41, IV.50), о распутстве и роскоши магистра Абразация, посланного на борьбу с исаврийскими разбойниками (Zos. Hist. Nov. V.25) при императоре Аркадии. Иоанн Лид внешним признаком тирании Диоклетиана считает драгоценные камни на венце, одежде и обуви (Ioan. Lyd. De Mag. I.5), он критикует роскошь и накопленные богатства императора Анастасия, связывая их с деятельностью Марина, а также праздность двора (Ioan. Lyd. De Mag. III.51), поражения в римско-персидской войне в начале века связывает с праздностью, роскошью и распутством имперского полководца Ареобинда и трусостью и неопытностью военачальников Патрикия и Гипатия (Ioan. Lyd. De Mag. III.53), но наибольший гнев у него вызывает роскошь, распутство, праздность и жестокость Иоанна Каппадокийца и его приспешников, которые он описывает подробнейшим образом (Ioan. Lyd. De Mag. II.21, III.57-62, III.64-65).

Праздности и роскоши и Зосим, и Лид противопоставляют трудолюбие и умеренность своих любимых персонажей, восстанавливающих обычаи древности.

Зосим прославляет деятельную и скромную натуру императора Юлиана, предпочитавшего заниматься серьезными делами, а не проводить время в развлечениях, рассказывая, что по прибытии в Византий он сразу занялся гражданскими и военными делами, а после осуществления многих полезных и оправданных дел в Антиохии приступил к подготовке к персидской войне (Zos. Hist. Nov. III.11); особо подчеркивает его трудолюбие в учении, говоря что в бытность студентом Юлиан превзошел своих учителей по всем предметам обучения (Zos. Hist. Nov. III.2), симпатии Зосима связаны с возвращением Юлиана к прежней религии (Zos. Hist. Nov. III.9).

Иоанн Лид аналогичным образом превозносит добродетели префекта претория Фоки, говоря о его знатности, богатстве, но крайней умеренности и бережливости по отношению к себе, и чрезвычайной щедрости по отношению ко всем нуждающимся (Ioan. Lyd. De Mag. III.72, III.75), о том, что в ученых дисциплинах он обладал знаниями, замечательными по сравнению с многими (Ioan. Lyd. De Mag. III.73), - и при нем гражданский порядок был восстановлен во всем своем прежнем блеске (Ioan. Lyd. De Mag. III.76). Второй персонаж, которым Лид восхищается, это магистр оффиций Петр, в которого буквально влюблен писатель: он говорит о его благородстве, скромности, мягкости, доступности, справедливости и проницательности, но особенно поражается его трудолюбию и учености, говоря о том, что дни магистр посвящал службе, во время чрезвычайно возвысил магистрат, восстановив почти погибшее из-за глупости предшественников прежнее римское великолепие, а ночи – книгам и ученым занятиям, не секунды не тратя без пользы и занимаясь какими-либо учеными исследованиями даже по дороге во дворец, и своими познаниями наводя страх на ученых и даже самого автора, которые боялись его сложных вопросов (Ioan. Lyd. De Mag. III.26). Равным образом Лид хвалит императора Юстиниана, противопоставляя его умеренность и трудолюбие праздности и предшественников (Ioan. Lyd. De Mag. II.15), сравнивая его по добродетелям с лучшими императорами за всю историю Рима (Ioan. Lyd. De Mag. II.28), связывая его чрезвычайное трудолюбие, активную деятельность и реформы с восстановлением государства и отвоеванием прежде потерянных территорий (Ioan. Lyd. De Mag. II.15, II.28-30, III.1, III.55, III.76), также отмечая ученость императора и интерес к книгам (2.28), особенно прославляя его за то, что «удерживает же, как и связывает разорванную временем древность» (Ioan. Lyd. De Mag. III.1). Впрочем исследователи полагают, что Лид здесь не был искренен[10].

Важно также отметить следование античной традиции в подаче материала. Оба автора активно используют аллюзии и ссылки на древних авторов и мифологические сюжеты, а в прозу вплетают стихи. Например, рассказ об осаде Афин Аларихом у Зосима содержит ссылку на Гомера и сюжет из «Илиады» (Zos. Hist. Nov. V.6); он дает в стихах оракулы о поражении пальмирян (Zos. Hist. Nov. I.57), сивиллин оракул о Столетних играх (Zos. Hist. Nov. II.6), а также оракул о Византии и Фракии (Zos. Hist. Nov. II.37); говоря о погребении императора Юлиана писатель приводит эпиграмму на его могиле (Zos. Hist. Nov. III.34). В еще большей степени это характерно для Иоанна Лида, на протяжении всего произведения он делает мифологические параллели, например, говоря о об одежде проституток, сопровождающих Каппадокийца, автор ссылается на сюжет о Геракле, тут же цитируя строку из Писандра (Ioan. Lyd. De Mag. III.64); он также приводит сатирические эпиграммы об императоре Анастасии (Ioan. Lyd. De Mag. III.45) и Иоанне Каппадокийце (Ioan. Lyd. De Mag. III.57).

Также интересны этимологические изыскания обоих авторов. Например, объяснение Зосима происхождения названия должности «понтифик» (от латинского pons – мост) (Zos. Hist. Nov. IV.36) очень близко к аналогичным исследованиям этимологии у Лида, в особенности названий должностей, прямой аналог – объяснение происхождения названия должности «эдил» (от латинского aedes – здание), там же Иоанн Лид дает и греческий перевод слова «понтифик», правда, без объяснения этимологии (Ioan. Lyd. De Mag. I.36).

Много параллелей у двух писателей и в исторических сюжетах. Особенно показательным является сюжет о заключении префектом претория Саллюстием мирного договора с персами после смерти императора Юлиана. У Зосима договор заключили Саллюстий и Аринфей, персам были отданы провинции Забдицена, Кордуэна, Ретена, Залена, 15 крепостей вокруг них со всеми жителями, землями и животными, а также Нисибин, но без жителей. В результате римляне потеряли большую часть Армении (Zos. Hist. Nov. III.31). Автор с горечью описывает потерю территорий, говоря что никогда ранее римляне не отдавали завоеванных земель (Zos. Hist. Nov. III.32). В этом он винит Иовиана, заключившего такой постыдный договор, горько сетуя на смерть Юлиана (Zos. Hist. Nov. III.32-33). Согласно Иоанну Лиду договор заключили со стороны римлян префект претория Саллюстий, а со стороны персов наиболее знатный перс Издигердес, и в ходе этих переговоров также впервые был поднят вопрос о совместной охране Каспийских Ворот от варваров и строительстве форта там. Автор также отмечает потерю римлянами Армении и уход из многих земель в царствование Иовиана, но в отличие от Зосима винит в этом предшествующего императора, называя поход Юлиана неудачным (Ioan. Lyd. De Mag. III.52).

Кроме того, сходно оба автора описывают пожар в Константинополе и оплакивают гибель античных памятников в нем (ср. Zos. Hist. Nov. V.25, Ioan. Lyd. De Mag. III.70). Для характеристики преступлений Руфина оба автора также используют одинаковый сюжет, рассказывая об убийстве им комита Востока избиваемого плетьми со свинцовыми наконечниками: Зосим дает подробное описание события, называя имя комита Лукиан, рассказывая о его происхождении, причинах возвышения, гнева на него Руфина и обстоятельствах смерти (Zos. Hist. Nov. V.2), а Иоанн Лид ограничивается указанием на то, что он был забит плетьми, осмелившись подражать префектуре своей речью (Ioan. Lyd. De Mag. III.23). Оба писателя также упоминают ланциариев как род пехотных войск: Зосим в качестве отдельного легиона наряду с маттиариями и викторинами в контексте захвата персидской крепости (Zos. Hist. Nov. III.22-23), а Иоанн Лид как копьеметателей при перечислении списка вооруженных войск (Ioan. Lyd. De Mag. I.46).

Но в то же время во взглядах Иоанна Лида наблюдается определенная эволюция по отношению к Зосиму. Если Зосим не идет ни на какой компромисс с христианством, то Иоанн Лид гораздо более терпим. Исследователи считают Зосима откровенным язычником, в то время как вопрос о религии Иоанна Лида является дискуссионным[11]. Поэтому Иоанн Лид более терпимо рассматривает действительность. Лид более оптимистичен, чем Зосим, что можно увидеть на нескольких примерах. Если для Зосима империя безвозвратно погибла (особ. Zos. Hist. Nov. IV.59), то у Лида присутствует идея возможности восстановления: Анастасий восстанавливает благосостояние государства в противовес Льву и Зенону (Ioan. Lyd. De Mag. III.45), Юстиниан выступает восстановителем обычаев в противовес прежним императорам (Ioan.

Lyd. De Mag. II.15, III.1), префект Фока выступает восстановителем древности в противовес преступлениям Каппадокийца (Ioan. Lyd. De Mag. III.76)... Это может быть связано с тем, что Зосим был ориентирован на Запад (см. книга VI) и отражал реалии V в., когда Рим пал, а на территории западной части стали образовываться варварские королевства, тогда понятна его фраза: «Тогда Римская империя стала уменьшаться в размерах и постепенно стала обиталищем варваров» (Zos. Hist. Nov. IV.59). Лид же связывал себя всецело с Восточной империей, отражая события первой половины VI в., четко отделяя римлян как носителей государственности от италийцев как носителей латинского языка[12]. Именно поэтому у Лида нельзя нигде встретить такого негативного описания варваров как у Зосима (напр. Zos. Hist. Nov. V.5). Равно это проявляется в отношении двух писателей к Константинополю: развитие Константинополя Зосим воспринимает не в позитивном, а в негативном ключе - через призму упадка Рима. Основание Константинополя автор связывает с безбожием и нечестием Константина - с проклятиями, исходившими от всех римлян на императора из-за нарушения Константином обрядов во время древнего праздника в Городе, в результате чего он искал место для новой столицы, которое мог бы противопоставить Риму, не в силах выносить эти проклятия (Zos. Hist. Nov. II.29-30). Иное отношение у Лида, для него в порядке вещей возвышение города, связываемого им с его освящением и Божественным покровительством, превосходство Константинополя над «старым» Римом Иоанн Лид обосновывает отсутствием греха, за который город должен понести божественную Кару (Ioan. Lyd. De Mag. II.30), в то время, как, говоря о Ромуле, он указывает на убийство им своего брата, косвенно намекая на нечестие при основании первого Рима (Ioan. Lyd. De Mag. I.5).

Говоря о хрисаргире, Зосим в негативном ключе описывает введение этого тягостного налога императором Константином (Zos. Hist. Nov. II.38), в то время как Лид в позитивном ключе говорит об облегчении налогового бремени императором Анастасием, первым после Константина (Ioan. Lyd. De Mag. III.47); аналогично Зосим с негативного ракурса отмечает принятие закона, запрещавшего нехристианам занимать государственные должности (Zos. Hist. Nov. V.46), а Иоанн Лид с позитивного ракурса упоминает закон, требующий от чиновников исповедовать православную веру (Ioan. Lyd. De Mag. III.12).

Таким образом, можно выделить основные особенности антикварно-традиционного направления по истории римского государства в VI в.:

– подчеркивается важность традиции и следования обычаям предков для процветания государства;

–сосредоточенность основного внимания на современности, описание древних событий носит вводный, предваряющий характер;

– современность авторами воспринимается негативно из-за забвения традиций и обычаев предков, будь то религиозные или бюрократические, современность характеризуется как упадок;

– антично-языческие философские основы истории, подчеркивается роль судьбы как действующей силы на исторический процесс;

– использование античной датировочной системы и архаизации в этнонимах и географических обозначениях;

– республиканско-аристократические политические идеи, негативное отношение к тирании, тесно связанной с праздностью и роскошью – следстви-

ем которой является тяжелое налогообложение, разоряющее подданных, а также приводящие к ослаблению государства нововведения и реформы;

– «бюрократический» взгляд на историю, огромное значение придается административным реформам;

– куриальная городская традиция, оплакивание гибели местного самоуправления, что в итоге приводит к произволу имперской администрации;

– тиранам противопоставляются добродетельные умеренные и скромные трудолюбивые, любящие ученость мужи, которые восстанавливают древние обычаи;

– осмысление современных событий с позиции античной традиции;

– использование авторами античных мифологических параллелей и аллюзий для повествования, активные ссылки на поэтов и писателей античности; введение античных стихотворных форм в нарративную прозу.

Несмотря на общие черты с течением времени происходит некоторая трансформация этого направления, что наиболее ярко видно на примере произведений Зосима и Иоанна Лида, посвященных истории римского государства. Если Зосим бескомпромиссен по отношению к современности, видя в ней лишь упадок и гибель государства, то у Лида отношение более позитивное, он более терпим к действительности, несмотря на ощущения упадка он видит перспективы в будущем; для Зосима характерен взгляд на события с «западных» позиций, отражающих реалии V в., в то время как для Лида в порядке вещей «восточное» мировосприятие, которое характерно для первой половины VI в., это ярко проявляется в отношении обоих авторов к Константинополю.

Примечания:

1. *Maas M. John Lydus and the Roman past: antiquarianism and politics in the age of Justinian. London, New York, 1992. P. 34.*
2. *Cataudella M.R. Historiography in the East // Greek and Roman historiography in Late Antiquity. Forth to Six Century A.D. / Ed. G. Marasco. Leiden, Boston, 2003. P. 391–449.*
3. *Maas M. John Lydus and the Roman... P. 41.*
4. *Ibid. P. 32.*
5. *Ibid. P. 40.*
6. *Treadgold W. The Early Byzantine Historians. Palgrave Macmillan, 2010. P. 108-109, 258.*
7. *Болгов Н.Н. Зосим – последний античный историк // Зосим. Новая история. Белгород, 2010. С. 11.*
8. *Maas M. John Lydus and the Roman... P. 41.*
9. *Treadgold W. The Early Byzantine... P. 114, 263*
10. *Kaldellis A. Identifying Dissident Circles in Sixth-Century Byzantium: The Friendship of Procopios and Ioannes Lydos // Florilegium. 21. 2004. P. 1-17.*
11. *Kaldellis A. The Religion of Ioannes Lydos // Phoenix, Vol. 57. No. 3/4 (Autumn - Winter, 2003). P. 300-316.*
12. *Dmitriev S. John Lydus and His Contemporaries on Identities and Cultures of Sixth-Century Byzantium. // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 64. 2010. P. 27-42.*

НОВЕЛЛА ТИБЕРИЯ КОНСТАНТИНА ОБ УМЕНЬШЕНИИ НАЛОГОВОГО БРЕМЕНИ

В.В. Серов
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

В статье анализируется содержание императорской конституции, известной как новелла 163. Выявляются проблемы и формулируются вопросы, основные из которых связаны с авторством, датировкой и целью издания данного законодательного акта. На основании предпринятого исследования делается вывод о необходимости включить в число авторов новеллы 163 августа Юстина II, заменить общепризнанную датировку (апрель 575 г.) на период 574—576 гг., а также уточнить цель издания этой новеллы – не уменьшение налогового бремени, а ужесточение податной дисциплины в преддверии возобновления Иранской войны.

Ключевые слова: Новелла 163, Юстин Младший, Тиберий Константин, налоги, канон, аннона, «корабельная» повинность.

THE NOVEL OF TIBERIUS CONSTANTINUS ON THE ABATEMENT OF STATE TAX-PRESSURE

V.V. Serov
Altai State University, Barnaul

The article installs some problems concerning famous Novel 163. The textual analysis of it gives the grounds to add to its authors the Emperor Justinus II, to accept less certain date of its publication, and to declare inter its aims the intensification of tax discipline before the new round of the Persian war rather, than the reduction of state tax volume.

Key words: Novel 163, Justin the Younger, Tiberius Constantinus, state taxes, canon, annona, «see-born» obligation.

Всё ранневизантийское законодательство после Юстиниана Великого, в том числе конституции императора Тиберия Константина[1], обладает в глазах исследователей завершающей стадии истории ранней Византии немалой ценностью по причине скудости информации о внутренней политике имперского правительства во второй половине 70-х гг. VI в., содержащейся в остальных письменных источниках. Действительно, основной массив источникового материала того времени освещает наиболее заметные события внешней политики, а также – в известном объеме – взаимоотношения между разными народами, и собственно ромеями, по поводу религиозных установок и убеждений. Внутренние же события обозначены неявно, непоследовательно и далеко не полностью, в результате чего открывается широкий простор для исторического реконструирования с применением предположений. Законодательные источники ценны тем, что позволяют оптимизировать долю наиболее субъективной части реконструкций, хотя нередко сами нуждаются в специальном текстологическом исследовании.

Периоду правления Тиберия Константина принадлежат три новеллы, причем все они по сложившейся источниковедческой традиции относятся к двум первым годам его кесарства, или соправительства с Юстином II (574—578 гг.). Такая интенсивная законотворческая деятельность, сравнимая с аналогичной активностью Юстиниана I в лучшие ее времена, поражает, одновременно вызывая вполне оправданные сомнения относительно авторства и датировки известных «тибериевых» конституций.

Не имея возможности останавливаться детальным образом на анализе всех трех названных новелл, сосредоточим внимание лишь на одной из них, но, очевидно, самой важной для понимания той сферы внутренней политики времени правления Юстина Младшего и Тиберия Константина, которая была

тесно связана с финансовыми отношениями государства и, вообще, представляла собой макроэкономическую деятельность, – на новелле под номером 163 и названием «Об ослаблении налогов»[2]. На её примере хорошо рассматривать также все спорные вопросы источниковедческого характера, возникающие при знакомстве с законодательством кесаря Тиберия.

Прежде всего, это вопрос об авторстве, приписываемом Тиберию. Даже поверхностное, визуальное знакомство с текстом новеллы, представленном в стереотипном издании Р. Шёлля и В. Кролля как конституция кесаря Тиберия Константина, обнаруживает отсутствие прямых указаний на авторство именно этого правителя. По сути, здесь мы имеем дело с гипотезой, доставшейся по наследству от первых издателей новелл, которая за длительное время своего существования в историографии трансформировалась в общепризнанное устоявшееся мнение. Этот весьма продолжительный процесс завершился в конце XIX века выходом в свет публикаций наиболее полного собрания новелл сначала Цахариэ фон Лингенталем[3], а затем Рудольфом Шёллем и Вильгельмом Кроллем. В обобщающих исследованиях по истории ранней Византии, появившихся в конце XIX – начале XX в., а потом и во всех последующих, новеллы 574—575 гг. неизменно приписывались кесарю Тиберию со ссылкой на упомянутые издания новелл[4]. В действительности же, дошедшие до нас тексты постановлений кесаря Тиберия не содержат ни имени адресанта, ни датировки, в которой присутствовало бы это имя. Формально процедура опубликования императорских конституций предполагала обязательное называние правящего августа, которым в то время был Юстин II. В таком случае юридическим автором новеллы 163 и двух других новелл, приписываемых теперь Тиберию Константину, является, прежде всего, август Юстин Младший, кто бы ни был их реальный автор.

Фактическое авторство указа об уменьшении налогового бремени также могло бы быть признано за Тиберием, если бы не основание сомневаться в том, что он обладал реальными полномочиями высшей власти в сфере финансов и оперативного экономического регулирования в динамично изменявшихся условиях военного времени. Дело в том, что так называемая болезнь Юстина II, вследствие которой комит Тиберий стал кесарем Тиберием Константином, позволяла первому принимать участие в наиболее важных государственных делах, включая финансовые, а второму предоставляла возможность политической самостоятельности на военном и дипломатическом поприще, отводя ему в сфере финансов роль второго плана[5]. При подобного рода распределении властных полномочий между «соправителями» издание указа об уменьшении налогового и повинностного бремени подданных не могло обойтись без ведома августа Юстина; более того, этот август скорее всего и инициировал названное мероприятие подобно тому, как он поступил после собственной интронизации, в 566 г. (Nov. Just. 148)[6].

Признание Тиберия Константина единственным автором новеллы №163 в историографии базируется на данных наиболее авторитетного для того отрезка исторического времени литературного источника, утверждавшего, что именно кесарь «распорядился уменьшить на одну четвертую часть налоги во всех областях своих владений» (Iohan. Ephes., III.14). Нужно заметить, однако, что ни один из остальных авторов, хронологически близких к описываемому событию, не сделал аналогичного по содержанию заявления[7], а процитированный Иоанн Эфесский известен своей сдержанной тенденциозностью по отношению к Тибе-

рию в ущерб Юстину[8]. Таким образом, Тиберий Константин не был уникальным создателем этой новеллы. Подлинным составителем текста являлся, разумеется, оставшийся безвестным придворный нотарий, вполне возможно, тот же самый, который составлял текст предыдущего указа о даровании льгот подданным от имени Юстина II. В законченном виде новелла 163 должна была упоминать имена как Тиберия, так и Юстина, а, возможно, – и августы Софии.

Дата опубликования этой новеллы также не вполне определенна. Связь налогового облегчения с именем кесаря Тиберия в нарративных источниках оставляет, казалось бы, выбор года проведения этого мероприятия открытым в промежутке между 574 и 578 гг. Однако текст самой конституции об уменьшении бремени, не привязывая таковое к какому-либо конкретному и известному нам событию, имеющему точную и несомненную датировку[9], упоминает Боспор в качестве города, еще принадлежащего Империи (Nov. Just. 163.II)[10]. И поскольку нам известно, что Боспор был захвачен тюрками кагана Турксанфа и перестал быть византийским не ранее середины 576 г.[11], то время опубликования новеллы сжимается до отрезка 574—576 гг. Кроме того, законодатель указывает в ней, что приурочил свой акт милосердия к начавшемуся празднику Пасхи (Nov. Just. 163.I), что сокращает этот отрезок до двух лет Тибериева кесарства, на которые пришлось празднование святого праздника – 575 и 576 гг. В итоге, 163 новелла могла быть опубликована либо 28 апреля – 3 мая 575 г., либо 2—7 апреля 576 г. («в дни вновь начавшейся святой недели», как сказано в новелле).

К сказанному о дате издания новеллы можно было бы прибавить соображения относительно особенно сложного для правительства Византии военного положения, продиктовавшего верховной власти мысль о необходимости материальной поддержки населению, пострадавшему от невзгод[12]. Время, когда императорские армии терпели наиболее чувствительные поражения на востоке, а азиатская часть страны подвергалась разорению вражескими войсками, приходится на 573/4 г. Но уже в следующем году византийское правительство приступает к аккумулированию ресурсов для контрнаступления, и подготовительная кампания завершается созданием армии, которая добивается успехов в 575/6 г.[13]. В рассматриваемой конституции нашел риторическое отражение именно этот процесс трудного накапливания сил после поражений в условиях отчетливо обозначившейся невозможности получить государственный доход в ряде регионов (Nov. Just. 163. Pr.). Для того чтобы имперские налоговые органы пришли к убеждению, что взыскать наложенную на данный регион налоговую массу никак невозможно, требовалось немало времени, иногда несколько периодов сбора (коих было по два – три в год); в конечном счете, неплатежеспособность подданных официально признавал император, которому высшие чиновники соответствующих департаментов, на которых лежала материальная ответственность за полноту сборов, доказывали, что получить взносы в данном месте действительно нельзя. Далее следовала процедура оценки реального финансового потенциала пострадавшей местности, после чего производилась корректировка объема обязательных налогов. Всё это делалось неспоро, так что проблема разоренных в 573 г. восточных регионов могла разрешиться соответствующим указом не ранее 575 г.

При этом законодатель сам вносит некоторую путаницу в порядок определения наиболее тяжелого из недавно миновавших финансового года, сообщив о том, что недоимки прошлых лет прощаются вплоть до пятого года текущего индикта (Nov. Just. 163.II). Пятый индиктовый, т.е. финансовый год

соответствовал тогда 571/2 г. от рождества Христова. Но в тот год война с Ираном только возобновилась после довольно долгого перемирия, и о разорениях, а, значит, о недоимках, речи в восточных провинциях не велось. Балканские же территории активно разорялись аварами и славянами вплоть до 570 г., и проблема недоимок в префектуре Иллирик могла возникнуть с максимальной остротой как раз в 572 г. Получается, что автор конституции об уменьшении налогового бремени имел в виду в качестве повода для указа не восточную, а европейскую ситуацию? Предпринятая им игра с числами и смыслами должна была привлечь общественное внимание к бедствующему Иллирику, и отвлечь от пострадавшего в меньшей мере Востока, которому предстояло взять на себя финансирование предстоящих экспедиций против главного противника императора – иранского шаха. Населению богатых восточных провинций фактически предписывалось заплатить налоговые недоимки за период 572/3 – 574/5 гг., и лишь после этого получить право на уменьшение годовой нормы канона. Сказанное, по сути дела, датирует конституцию периодом 573—575 гг.

Ибо, если вчитаться в содержание новеллы, которая будто бы послужила осуществлению лучших качеств «боголюбимого» и «человеколюбивого», как его называют источники, кесаря, то придется признать, что этот документ больше соответствовал характеру лживого и жадного августа, нашедшего хитроумный способ стимулировать внесение налоговых взносов в казну разглагольствованием о добродетелях, будущих льготах и равном участии государства и подданных в общих жизненных тяготах. Если это так, то его автором безусловно должен быть назван Юстин Младший, а датировка может быть «удревлена» на несколько лет, – до 572 г., когда Юстин еще не заболел душевной болезнью и не призвал себе в соправители Тиберия, а только готовился к войне с Ираном и нуждался для этого в деньгах.

Итак, вопросы об авторстве новеллы 163 и дате ее опубликования не могут считаться окончательно решенными. Можно лишь указать на наиболее вероятные варианты решения: Август Юстин и кесарь Тиберий в качестве авторов конституции, апрель – май 575 г. в качестве даты ее опубликования, а также «О даровании населению империи податных льгот» – как название изданного указа. Что же даровала новелла населению? Этот вопрос составляет еще одну проблему, относящуюся к рассматриваемому документу.

Можно совершенно точно говорить об отмене недоимок, образовавшихся у населения империи вплоть до 572 финансового года, а также об уменьшении объема годового канона на четвертую часть в год в течение периода 576—579 гг. и о соответствующем уменьшении арендной платы в поместьях. Об этих мерах законодатель заявляет прямо и недвусмысленно. Но, тем самым, за подданными сохраняется обязанность выплатить недоимки, относившиеся к годам после 572 г., а также полный объем налоговых выплат за период 572/3 – 574/5 гг., три четверти канона в период 575/6 – 578/9 гг., и все прочие, кроме канона, налоги за этот же период. В конституции даже специально оговаривается: «но ежегодная аннона не должна быть уменьшена никоим образом» (Nov. Just. 163.II), хотя законодатель далее поясняет, что неизменным остается объем натуральных аннонарных взносов, тогда как адэрированная доля анноны выплачивается уменьшенной на четверть[14], и по ценам, установленным правительством.

Очевидно, что аннона, оттеснившая в качестве предмета специальной заботы верховного правительства пострадавшее податное население, приобретает особое значение стратегического ресурса. Натуральная аннона необхо-

дима для подготовки к войне и, в конечном счете, – для будущих побед; она – необходимое их условие, потому не может быть предметом торга и финансовых уступок. Император готов доплатить из собственного фиска нужное количество расходов, если население не сможет погасить недоимки по анноне или поставить нужное количество продуктов за деньги (Nov. Just. 163. Pr.: «и если обычных издержек не достанет, мы добавим из императорских сокровищниц»), однако и от населения он требует платить в полном объеме.

Особенного упоминания в новелле, посвященной вроде бы налоговым изъятиям, удостоились обязательные натуральные сборы ряда местностей префектуры Восток. В Месопотамии и Осроене население обязано поставлять продукты, традиционно собиравшиеся для снабжения походной армии, а в Лазике, Херсонесе и Боспоре – выполнять традиционную повинность под названием «плоима» (буквально: «всё, что годится для плавания»). И если в первом случае ситуация более или менее понятна – Месопотамия и Осроена всегда являлись плацдармами для готовящихся экспедиций против Ирана, то место и смысл «корабельной повинности» требуют отдельного исследования.

Зачем законодателю понадобилось специально оговаривать эту самую «плоима» в конституции, основное содержание которой – мобилизация общих усилий казны и населения для возобновления Персидской войны?

В историографии уже разворачивалось обсуждение сюжетов, связанных с отменой «корабельной повинности» в новелле 163[15]. Все авторы полагали, что имела место именно отмена некой обязательной поставки вещей, связанных со строительством государственных судов. Между тем, в тексте новеллы ничто не указывает ни на существование повинности по строительству кораблей, ни на отмену таковой. Сообщение о «плоима» тесно связывается в конституции с необходимостью подготовки к предстоящей войне с Ираном, чем и объясняется требование внесения натуральной доли анноны в казну. И если в Месопотамии и Осроене таковая представляла собой продовольствие и снаряжение, аккумулировавшиеся на специальных складах, а также, возможно, средства передвижения для формирующихся экспедиционных сил, то в Лазике, Херсонесе и на Боспоре, где не предполагалось создавать ударные войсковые группировки, и где всего лишь были размещены стационарные войсковые контингенты, предназначавшиеся для отражения возможного наступления противника (как это было, например, в Колхиде в 50-е гг. VI в.), аннонарные поставки должны были в первую очередь обеспечивать бесперебойное сообщение данных регионов с Константинополем и Малой Азией по морю. Отсюда «плойма» – это разновидность натуральной анноны, состоявшая в вещах, нужных для поддержания количества и качества плавательных средств, посредством которых правительство доставляло в Закавказье вооружение, снаряжение и собственно воинов, а также – при необходимости – и продовольствие, хотя, как показывает опыт прошлых восточных кампаний, продукты питания для армии, стоявшей в Лазике, было удобнее доставлять непосредственно от лазов[16]. В условиях подготовки к новой активной фазе войны на Востоке имперское командование стремилось подготовить территорию Колхиды в качестве возможного театра боевых действий, и поэтому не отменяло «корабельную повинность», а напоминало об обязательном ее исполнении, за вычетом указанной части адэрированных платежей.

Подведем итоги этого краткого исследования. Новелла 163 об уменьшении податного бремени – весьма неоднозначный документ, создающий немало сложностей для исследователя ранневизантийской истории. Выявленные

нами проблемы, связанные с данной новеллой, показывают, что в современной историографии периода правления Юстина II сложилось не вполне ясное и правильное представление о времени, обстоятельствах и содержании рассматриваемой конституции. Во-первых, в ней не могло не быть обозначено имя правящего августа, и авторство новеллы 163, таким образом, безусловно и в первую очередь, принадлежит императору Юстину Младшему. Во-вторых, время издания этой новеллы правильнее поместить в промежуток между 573 и 576 гг., так как ничто в ней не указывает на более точную дату. В-третьих, новелла 163, даже озаглавленная «Об облегчении налогов», является, по сути, конституцией, направленной на повышение активности податного населения, так как главная ее цель – обеспечить условия для возобновления Иранской войны. Поэтому объявленные ею налоговые льготы минимальны, и их основное значение – продемонстрировать налогоплательщикам, что государство ради великой цели идет на уступки и ожидает от подданных императора не менее значительных уступок государству.

Ниже предлагается перевод текста новеллы 163 на русский язык.

[Об облегчении налогов]

[Pr.] Величайшие из человеческих [добродетелей] суть справедливость и человеколюбие, из которых одна воздает каждому свое и не посягает на чужое, а другое спешит к состраданию и освобождает нуждающихся от тяжких долгов. Они имели обыкновение украшать власть, и сохранять государство в безопасности, и хорошо управлять человеческой жизнью. А через это и нам – тем, кто получает скипетры от бога – желательно, чтобы мы, дабы обрести награду [в виде] небесной славы, стали известны такими благодеяниями, предоставив подданным пользу посредством этих добродетелей. Поскольку же мы знаем, что беспрерывная и многообразная гибель людей довела владения до такой скудости, что они не могут ни внести арендную плату господам, ни заплатить в достаточном количестве налоговые выплаты, [и это в то время, когда] военные и иные необходимые расходы весьма мучительны, а мы окружены многими войнами, заставляющими делать многочисленные денежные траты, то мы и задумали нечто, могущее быть разумным как для удовлетворения наших потребностей, так и для излечивания подданных от нужды; так получилось, что наше мнение по этому делу разделилось на многие части, но мы добьемся, чтобы человеколюбию и приятной богу помощи подданным уделялось больше внимания, и если обычных издержек не достанет, мы добавим из императорских сокровищниц.

[I] Посему, не только посвящая это наше старание господу Христу, но и действуя в ознаменование настоящего великого праздника спасительных страстей и вновь начавшихся дней святой [недели], мы предоставляем ему и на пользу государству этот настоящий дар, который мы преподносим земледельцам и всем обитателям (то же нужно сказать и господам поместий), [а именно]: один полный канон публичных налогов мы распределяем на четырехлетие, то есть [нужно будет платить] четвертую часть [канона] будущего девятого [года] этого индикта, и такую же часть следующего десятого [года], и точно так же – четвертые части одиннадцатого и двенадцатого [годов] индикта, уменьшив в то же время и обычные [арендные платежи], которые предоставляются ими за эти имущества.

[II] Мы уменьшаем им и недоимки прошедшего времени, вплоть до пятого [года этого] индикта, который проходит теперь, и указываем, чтобы не производилось никакого сбора законных налогов, прощенных нами, относятся ли они к

высшему магистрату священного претория Востока, или к префектуре Иллирика, или магистрату островов, или военных чинов, размещенных в Скифии и Мёзии, или к нашим священным щедротам, или даже к иному магистрату, запрещая куриалам и приемщикам [сборов], скриниариям и когорталам, палатинам и сборщикам, а также и получателям [налогов] и кому бы то ни было нести и выполнять сбор и приемку налогов, дабы они не притесняли земледельцев и подданных и не поражали ущербом хозяев поместий, как будто они прежде уже выплатили за себя налоги из-за уменьшения недоимок или даже коварно получили расписки [о внесении платы] или поручительства и гарантии. Ибо мы сделаем напрасным всё, что совершается против нашей щедрости или же создает препятствие; должно быть очевидно, что если кто-то до нашего дарения взимал что-нибудь из тех недоимок, [которые имелись] вплоть до пятого [года] индикта и не обнаружил ничего, что [ему могли бы] заплатить, то он должен внести это всеми средствами на публичные счета. Ведь поскольку мы оказываем благодеяние нашим подданным, преподносим настоящий дар им, а не тем, кто принимают публичные налоги и хотят обращать их в собственную выгоду, мы и уменьшили названный настоящий канон; но ежегодная аннона не должна быть уменьшена никоим образом. Ибо надлежит всякую меру зерна и прочих продуктов вносить и собирать в обычном и установленном порядке, а в отношении остального, что ими вносится в золоте по долженствующим быть доведенными до подданных при публичном «столе» ценам, – [надлежит вносить] на уменьшенную нами четвертую часть за каждый год в течение четырехлетия, и должно быть оплачено из фиска. И так делается в Осроене и Месопотамии с тем, что сдается в качестве продуктов по установленным [ценам], и с военными расходами; подобным же образом – и с продуктами, которые называются «ploima» в пределах лазов, и на Боспоре, и в Херсонесе. Ведь чтобы те тоже воспользовались нашей щедростью в этом деле, стоимость этих [продуктов] они получают из фиска, смотря по тому, как это установлено у «столов» префектов, куда они вносят. Ведь явно небезопасно совершать внесение этих продуктов небрежно, когда затраты неизбежны и укрепляют государство, как мы сказали. И мы верим, что благодаря этому нашему подарку у нашего государства есть великое будущее, прирастающее всяческим благополучием благодаря богу и сделанному нами подарку. А те, кто отважатся нарушить то, что нами приказано для пользы подданных, рискуют и своим имуществом, и самой жизнью.

[Ep.] Следовательно, пусть твое величие сделает явным для подданных то, что нам угодно и объявлено этим законом, пользуясь эдиктами как в этом счастливом Городе, так и во всех [подчиненных] тебе провинциях, чтобы наша щедрость не укрылась ни от кого.

Примечания:

1. Novellae / Rec. R. Schoell, abs. G. Kroll. Berlin, 1954. P. 745-746, 749-752.

2. Ibid., P. 749-751.

3. Novellae constitutions imperatorum post Justinianum quae supersunt collatae et ordinem chronologico digestae. Lipsiae, 1857; Novellae quae vocantur. Leipzig, 1881.

4. Например: Bury J.B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A.D. to 800 A.D.). London, 1889. Vol. II. P. 80; Кулаковский Ю.А. История Византии. 518—602 годы. СПб., 1996². С. 307.

5. На данную тему нами подготовлена публикация, которую планируется осуществить в ближайшем выпуске сборника «Античная древность и средние века».

6. Две эти конституции – Nov. Just. 148 и Nov. Just. 163 – весьма похожи не только по содержанию, но и текстуально, что видно, к примеру, из сравнения преамбул, в похожих выражениях трактующих о военных заботах императора,

об обнищании населения, об осознании верховной властью необходимости помочь подданным, в том числе и из собственных средств.

7. См., например, у Евагрия Схоластика, также восхвалявшего Тиберия Константина: «он отсрочил на целый год сбор налогов с налогоплательщиков, а владения, разграбленные Адрамааном, освободил от наложенных податей не по мере ущерба, а в гораздо больших размерах» (Evagr., V.13). Прочие и вовсе говорят лишь о «щедрости» кесаря, не уточняя, проявлялась ли она в налоговой сфере.

8. Дьяконов А.П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 2006[2].

9. Конституция называет точный период действия налоговой льготы – годы текущего индикта с девятого по двенадцатый, которые соответствуют 575/6 и 578/9 гг. юлианского календаря. Вроде бы всё точно, и новелла, называющая девятый год индикта будущим, должна быть написана и опубликована в восьмом году, т.е. в 574/5 г. Однако здесь-то и возникает проблема, так как выведенная точная дата не способна учесть прочих соображений, относящихся к числу уточняющих датировку; о них см. ниже.

10. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 74.

11. Эта дата тоже не может считаться точной, так как выводится из отрывочных сведений Менандра Протиктора (Menander, fr. 45: «На второй год правления кесаря Тиберия ... ромеи вновь отправили посольство к тюркам. (...) Короче говоря, ромеи проехали многими трудными путями и непроезжими местностями и, наконец, достигли той местности, где находились боевые знамена Турксанфа... Турксанф пригрозил, что начнет завоевание Боспора. Действительно, он вскоре отправил Бохана с многочисленным войском... Анагей уже стоял в тех местах с другим тюркским войском»). «Второй год правления кесаря Тиберия» – это, в сущности, весь 576 г. Сколько времени понадобилось посольству Валериана, чтобы из Константинополя с большой свитой и по трудным дорогам доехать до ставки Турксанфа в предгорьях Алтая, не известно, как неизвестно и время, потребное войску тюрок, чтобы добраться до Боспора и овладеть им (Menander, fr. 47: «Город Боспор был взят в то время, когда римские посланники находились среди турок. (...) Валентин и посланники были задержаны Турксанфом»). Едва ли всё это произошло в течение одного года, так что вполне возможно, что новелла 163 могла быть издана и в начале 577 г., когда либо слухи об успешной осаде Боспора тюрками еще не достигли Константинополя, либо когда осада могла продолжаться, и законодатель объявил боспорянам о льготах, чтобы поддержать их боевой дух.

12. Trombley F.R. The Operational Methods of the Late Roman Army in the Persian War of 572—591 // The Late Roman Army in the East from Diocletian to the Arab Conquest: Proceedings of a Colloquium Held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005) / Ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. BAR International Series 1717. Oxford, 2007. P. 349.

13. Серов В.В. Чрезвычайный бюджет Византии в VI веке: (Опыт историко-политико-экономического исследования). Барнаул, 2010. С. 65—67.

14. Whitby M. The Emperor Maurice and His Historian: Theophylact Simocatta on Persian and Balkan Warfare. Oxford, 1988. P. 259.

15. См., например: Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. М.; Л., 1959. С. 31; Талис Д.Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // Византийский временник. Т. 18. 1961. С. 63; Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.): Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 269—271.

16. Серов В.В. Финансовая политика Юстиниана Великого. Барнаул; Новосибирск, 2011. С. 183—184.

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В ВИЗАНТИЮ

И.В. Денисова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье представлен начальный процесс переселения славян, в том числе по территории Византийской империи. Движение славян на юг определялось сложными процессами их социального развития, военно-политической организации, выходом их на рубеж перед достижением цивилизации.

Ключевые слова: славяне, Греция, переселение, Византия.

FROM THE HISTORY OF THE SLAVIC MIGRATIONS TO BYZANTIUM

I.V. Denisova
Beigorod National Research University

The paper presents the initial process of resettlement of the Slavs, including the territory of the Byzantine Empire. The movement of the Slavs to the south is determined by complex processes of social development, military-political organization , the output of the line before reaching civilization.

Key words: slavs, Grees, relocation, Byzantium.

Процесс расселения славян представляет большой интерес для исследователей. На основании свидетельств латинских писателей[1] уже в I в. н.э. можно говорить о наличии славян в южнорусских степях и Причерноморье. О венетах уже с первых веков нашей эры говорится как об одном из наиболее многочисленных славянских племен.

Нападали славяне на Византию в первый период, который может быть прослежен по источникам, совместно с другими народами и племенами. Славяне входили в состав более крупных объединений гепидов, гетов, авар и совместно с ними разоряли богатые области империи. Часто славяне двигались в составе кочевых или полукочевых племен, которые искали новые пастбища, хотя сами славяне уже вели сельское хозяйство.

Задолго до VI в. славяне располагались к северо-востоку от Дуная и делились на две ветви: западную, носившую название склавен, или славян, и восточную, называемую антами. Анты, по сообщению Прокопия Кесарийского[2], занимали области к северу от Азовского моря и вдоль р. Дон. Гот Иордан, писавший на латинском языке, сообщает, что от р. Вислы на необозримых пространствах поселилось многолюдное племя венетов. Хотя названия их меняются теперь в зависимости от различных племен и местностей, но главным образом они именуются склавенами (славянами) и антами. Название венетов сохраняется за славянскими племенами и в VI в.[3] Многолетние поиски археологического эквивалента антов не привели к однозначным выводам. Археологические культуры того времени отражают полиэтничный характер обществ.

Основные сведения о внутреннем быте славян находим у Прокопия Кесарийского. В III книге своего сочинения «О готской войне» он пишет: «Славяне и анты не имели единодержавной власти, они имели общенародное правление, народные собрания, сходы, на которых совещались по всем военным вопросам»[4]. При первых встречах с Византией «они ходили в бой пешими, были вооружены лишь метательными копьями, дротиками и имели щиты». Свои жилища они располагали, используя природную защиту, в лесных районах, у рек, стоячих озер, болот. На случай опасности их жилище имеет несколько выходов.

Уже в очень раннее время можно говорить о земледелии и скотоводстве у славян как об основных занятиях. Они располагали сельскохозяйственными продуктами, особенно много было у них проса и ячменя. На широкое распространение скотоводства указывает, например, тот факт, что в жертву своим богам они приносили волов. Богатство славянских поселений подтверждается рядом свидетельств. Так, упоминается Ардагаст, князь славунской страны, где процветало земледелие[5].

Социальный строй древних славян в VI в. представлял собой вождество. Славянские князья, их вожди и военачальники названы рядом византийских источников. Известны имена вождей Ардагаста, Пирагоста, князя Даврита, князя Лавриты, посла Мезамира и брата его Калагаста, князя Акамира[6]. К моменту, когда Византия вошла в тесное соприкосновение со славянами, их устройство соответствовало вождеству. Именно это наблюдал Прокопий Кесарийский у славян и антов[7]. Военные походы славян сопровождались грабежами и пленением больших масс населения.

Массовое пленение населения в завоеванных славянами областях было связано с потребностью в рабочих руках. Рабство, несомненно, имело место, но не получило широкого распространения, что наложило известную печать на общественный строй древних славян.

В VI в. созревают ранние формы государственного устройства славян, в VII в. можно с уверенностью говорить о больших и дифференцированных государственных образованиях у славян.

Новый интерес к истории ранних славян пробудила вышедшая из печати в 2001 г. книга ассистент-профессора Университета Флориды Флорина Курты «Становление славян: история и археология Нижнего Подунавья. 500-700 гг. н.э.»[8]. По поводу этой книги в России высказалось уже немало специалистов (М.И. Жих, П.В. Шувалов, С.А. Иванов, Н.И. Петров и др.).

Слово «making» в названии книги может быть переведено и как «создание», и как «становление». Принимая во внимание выводы Ф. Курты, русский перевод этого слова следовало бы дать как «создание». Однако, с учетом многозначности данного словосочетания (создание кем?) более приемлемым, вызывающим более отчетливые тематические ассоциации, оказывается «Становление славян».

Отметим, что Курта во многом повторяет идею Я.Ф. Фалльмерайера, впервые высказанную им как своего рода реакцию на образование независимого Греческого государства в 1830 г.

При постановке вопроса, каким образом, и при каких обстоятельствах сформировалась славянская этничность, автор допускает возможность формулировки в несколько ином аспекте: кем была сформирована славянская этничность[9]?

В своей книге Ф. Курта разграничивает два понятия: 1) этничность (ethnicity) как таковая, являющаяся «формой социальной мобилизации, использованной для того, чтобы достичь определенных политических целей»[10]; 2) введенный в научный оборот Энтони Смитом французский термин ethnie, подразумевающий общность, основанную на сформировавшемся ранее культурном своеобразии. В качестве невербального средства выражения этничности (т.е., в материальной культуре) рассматривается так называемый «символический стиль», содержащий отчетливую информацию о политическом единстве и самостоятельности определенной группы населения, причем эта информация сознательно адресована непосредственно данной группе. Важ-

ную роль играет подготовленный Ф. Куртой критический сравнительный обзор сведений письменных (в первую очередь - византийских) источников о славянах, однако, в отечественной науке есть более основательный справочник В.П. Будановой[11], включающий не только славян.

Особенно важным представляется одно из наблюдений Ф. Курты: в большинстве текстов, современных рассматриваемому периоду, отражены сведения, полученные «из вторых рук». При этом стоит отметить, что на раннеславянские древности археологи, как правило, смотрят, так сказать, глазами византийских авторов, вольно или невольно рассматривая подобные тексты в качестве адекватного отражения этнокультурной исторической реальности.

Историк рассматривает и имеющиеся в письменных текстах характеристики славян, а также контекст их упоминания. Актуальным для дальнейших выводов исследования является следующее различие, отмеченное Ф. Куртой: если Прокопий Кесарийский, описывая славян 540-х гг., не упоминает лидеров тех или иных группировок, то в 570-580-е гг. ситуация меняется, и мы знаем ряд вождей славян по именам. Наиболее же значимым выводом, основанным на тщательном сопоставлении данной группы письменных свидетельств, является признание термина «склавены» исключительно византийской конструкцией, описывающей «ощущение сложной конфигурации ethnies по другую сторону северной границы империи»[12]. При этом, как справедливо отмечает автор, «византийские критерии классификации этнических групп значительно отличались от наших»[13]. Соответственно, и славянская этничность выступает в качестве своего рода «инвенции византийских авторов»[14].

Ф. Курта детально изучает процесс реализации программы Юстиниана - строительства Балканской оборонительной системы, представлявшей собой три взаимосвязанные линии фортификаций, - завершенные в целом вскоре после 540 г. Основываясь на археологических свидетельствах, автор справедливо не склонен связывать разрушение Дунайского лимеса с восстанием Фоки и единовременным вторжением славян на Балканы - многие укрепленные пункты были разрушены (или, по крайней мере, существенно повреждены) в различное время, еще во 2-й половине VI в.[15]

Историко-культурная ситуация, сложившаяся к VI в. по другую сторону Дунайского лимеса - на территории Карпатской котловины и в степях Северного Причерноморья - отражена в археологическом обзоре о варварах на дунайской границе в VI в.[16] Особый раздел посвящен аварской археологии. Характеризуя археологические материалы, Ф. Курта приходит к выводу об отсутствии фенотипического выражения сформировавшегося этнического своеобразия тех или иных групп населения, «тем не менее, своеобразие конструируется через манипулирование определенными категориями артефактов». Ценность каждой такой категории в наименьшей степени зависит от ее происхождения, а от социальных стратегий, реализуемых теми, кто использовал данную категорию[17].

В качестве средства «конструирования» этнического своеобразия Ф. Курта рассматривает пальчатые фибулы, обращая внимание на то, что, таким образом, использовавшие эти фибулы женщины оказываются проводниками идеи социальной самобытности. При этом подчеркивается, что пальчатые фибулы не были славянскими сами по себе (не являлись выражением сформировавшегося этнического своеобразия). Но использование таких артефактов могло быть способом «получения доступа в группу населения, известную византийским авторам как славяне»[18].

Важным представляется вывод Ф. Курты о том, что раннеславянская этничность не основывалась на языковой общности. При этом он справедливо замечает, что сам этноним «славяне» появляется гораздо позднее и лишь на периферии славянского ареала. «Создание славян, - пишет Ф. Курта, - явилось не столько результатом этногенеза, сколько итогом инвенции, воображения и систематизации византийских авторов. ... Это была... самобытность, сформированная в тени Юстиниановых крепостей... Имеются существенные основания утверждать, что эта самобытность была значительно более сложной, чем дублет «склавены – анты» навязанный византийской письменной традицией. ... Первое отчетливое самоутверждение «мы – славяне» происходит из «Повести временных лет» XII в. Этой летописью завершается процесс создания славян...»[19].

С выводом об отсутствии языковой общности славян все же трудно согласиться, поскольку он противоречит последующей этнической истории славян именно как языковой общности.

Отметим, что подход Ф. Курты к археологическим материалам достаточно перспективен. Автор исследует этнокультурные процессы, оперируя не столько археологическими культурами, традиционно именуемыми в литературе славянскими[20], сколько конкретными предметными воплощениями определенных культурных традиций (в данном случае - пальчатыми фибулами). Обращение к реальным индикаторам этнокультурного своеобразия оказывается гораздо более перспективным, чем использование сложившихся штампов - археологических культур, зачастую отражающих в первую очередь сформировавшиеся среди археологов стереотипы восприятия тех или иных групп древностей, а не историко-культурные реалии[21].

Таким образом, встреча двух миров в VI в. на Балканах – славянского и позднеантичного византийского – оказалась неизбежной в ходе последнего этапа Великого Переселения народов. Движение славян на юг определялось сложными процессами их социального развития, генезисом их военно-политической организации, выходом их на последнюю фазу «варварства» и рубеж перед достижением цивилизации.

Империя этого времени медленно трансформировалась в средневековую Византию, еще сохраняя множество позднеантичных реалий и категорий. Сам период поздней античности в широких рамках (до начала VII в.) предстает как сложный и разнонаправленный феномен с элементами как континуитета, так и дисконтинуитета. Главным элементом континуитета была восточно-римская государственность, императорская власть, армия, прочие государственные институты.

Отношения с внешними варварами продолжали составлять важнейшую часть политики и всей жизни империи, ее «глобальной стратегии». Дунайская граница империи, издавна выполнявшая роль как барьера, так и контактной зоны, была исходным рубежом, с которого начались миграции славян на территорию империи. Именно здесь было нарушено геополитическое равновесие не в пользу империи.

Балканские провинции империи, прежде всего, Греция, уже испытали к этому времени первые волны Великого переселения народов, но сохраняли еще важное культурное значение и авторитет родины античной культуры. Греции предстояло столкнуться с новым врагом, несшим ей разрушение и разорение.

Примечания:

1. Тацит. Германия: Tac. Germ.; Плиний Старший. Естественная история: Plin. Maj. Hist. Nat.

2. Прокопий Кесарийский. История войн: Proc. Hist. BG III. 14, 22.

3. Antoljak S. Unsere «Sklavinien» // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. Ochride, 10-16 septembre 1961. Belgrade, 1964. P. 9-13.

4. Прокопий Кесарийский. История войн: Proc. Hist. BG III. 14, 22.

5. Агафий. О царствовании Юстиниана: Agath. III, 6.

6. Менандр. Фрагменты Истории: Menandr. Hist. fr. 34, 36.

7. Прокопий Кесарийский. История войн: Proc. Hist. BG III. 14, 22.

8. Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500-700. Cambridge - New York, 2001. 422 p.

9. Подробнее см.: Жих М.И. К проблеме этнического самосознания ранних славян: по поводу работы Флорина Курты // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 3. 2010. С. 138-151.

10. Curta F. The Making of the Slavs. P. 34.

11. Ср.: Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 359.

12. Curta F. The Making of the Slavs. P. 118-119.

13. Ibid. P. 119.

14. Ibid.

15. Ср.: Иванов С.А. «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2(4). С. 5-15.

16. Ср.: Овчаров Д.С. Византийски и болгаръски крепости, V-X век. София: БАН, 1982. 171 с.

17. Curta F. The Making of the Slavs. P. 225.

18. Curta F. The Making of the Slavs. P. 310; Петров Н.И. Этничность древних славян: Историческая реалия или инвенция византийцев? Обзор монографии Флорина Курты «Становление славян» // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 193-196.

19. Curta F. The Making of the Slavs. P. 349-350.

20. См.: Curta, Florin. Pots, Slavs and «imagined communities»: Slavic archaeologies and the history of the early Slavs // European Journal of Archaeology. Vol. 4. Num. 3. December 2001. Sage Publications. P. 367-384.

21. Шувалов П.В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2(4). С. 14-20.

ПОСТВИЗАНТИЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ОРНАМЕНТИКЕ ЛАВРСКОЙ ЦЕРКВИ СПАСА НА БЕРЕСТОВЕ

Е.В.Питателева, Я.В. Литвиненко.
Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник, г. Киев (Украина)

В статье рассматриваются четыре вида орнамента, сохранившегося в алтаре древней церкви Киево-Печерской лавры – Спаса на Берестове. Авторы работы считают, что орнаменты, входящие в систему интерьерной стенописи, созданной артелью греческих художников в середине XVII века – своеобразный «след» различных влияний православного искусства поствизантийской эпохи.

Ключевые слова: церковь Спаса на Берестове, монументальная живопись, греческие художники, орнаменты, поствизантийское искусство.

POST-BYZANTINE REMINISCENCES IN THE ORNAMENTATION OF THE LAVRA CHURCH OF THE SAVIOR ON THE BERESTOVE

E.V. Pitateleva, Y.V. Litvinenko
National Kyiv-Pechersk Historical Cultural Preserve (Ukraine)

Four types of decorative ornament, saved in the altar of Spas on Berestov – the ancient church of Kievo-Pechersk Lavra are examined in the article. The authors of work consider that decorative patterns, included in the system of murals that were created by an artel of greek artists in the middle of the 17-th centuary is original «track» of different influences of orthodox art of post-byzantine epoch.

Keywords: Church of the Savior on the Berestov, monumental painting, greek artists, ornaments, Post-Byzantine art.

Церковь Спаса на Берестове в Киево-Печерской лавре – древнерусский храм начала XII века, перестроенный и заново украшенный артелью греческих художников («перстами греков», как сказано в посвятительной надписи), приглашенных киевским митрополитом Петром Могилой в 40-е гг. 17 века. Значительную роль в живописной структуре росписей церкви Спаса на Берестове играет орнамент **(илл.1).** Намеренно не затрагивая вопросы древнерусской орнаментики (по большей части гипотетические), обратимся к орнаментальному репертуару стенописи, выполненной в XVII веке. (Уверены, что несмотря на значительные поновления, происходившие в храме в XIX веке, мотивы орнаментального репертуара этого периода, несомненно, сохранили свои изначальные характеристики).

В качестве отличительной творческой особенности греческих живописцев отметим декоративное – и, как одно из его проявлений – орнаментальное мышление. Максимальный учет ритмики здания, архитектоническое «чутье» исполнителей монументальной живописи позволили наделить специфическими – орнаментальными – функциями как архитектурные членения храма (нервюры, импосты), так и размещаемые регистрами на стенах сюжетные композиции. В стенописи церкви орнамент представлен в четырех вариантах и располагается в основном в ее восточной части. Обратившись к каждому из четырех видов берестовского орнамента, попытаемся при помощи сравнительного анализа увидеть те качества, которые помогут указать на его происхождение. Ведь, по словам М.А. Орловой, будучи, как явление, крайне консервативным, орнамент, несмотря на многовековое существование и естественную трансформацию, изначальные свои качества сохраняет всегда[1].

Рассмотрим орнаментальный репертуар церкви Спаса внимательнее. Можно с определенностью говорить, что, вобрав в себя мотивы, исходящие от искусства Сербии (XIII–XIV вв.) и Болгарии (XVI–XVII вв.), новгородской и московской монументальной живописи (XIV–XV вв.), орнаментики итальянского Ренессанса (XVI в.) и поствизантийских творений афонских монастырей (XVII в.), орнаменты берестовского храма компилятивны. Нижний регистр алтарного орнамента Спаса на Берестове составлен из чередующихся на синем фоне, сцепленных между собой медальонов. Больший медальон расчерчен линиями на квадраты и треугольники, напоминающие огранку драгоценных камней, в меньший медальон вписан цветок, выполненный в свободной, «эскизной» манере. В диссертации «Орнамент в монументальной живописи Древней Руси конца XIII – начала XVI вв.» М.А. Орлова указывает на то, что в росписи цокольной алтарной части новгородской церкви Спаса на Ильине, созданной в середине XIV в. Феофаном Греком, был впервые применен способ украшения живописной пелены орнаментированными медальонами. Они стали «уникальным декоративным приемом русских стенописей, не встречающимся более ни в одном из регионов византийского мира... Орнаментированные медальоны явились той своеобразной моделью, к которой в дальнейшем русские мастера обращались на протяжении столетия, в том числе, как к своеобразному знаку качества, свидетельству приверженности определенной традиции»[2]. Любопытно, что в медальонах, изображаемых во фресках параклисиса Архангела Михаила в афонском Хилендаре, В.Т. Георгиевский был склонен усматривать влияние цокольных орнаментированных медальонов из росписей Дионисия[3]. Данная информация интересна нам постольку, поскольку и в киевском храме Спаса на Берестове медальоны с орнаментами расположены именно в нижней, цокольной части алтарной апсиды **(илл.2)** – там, где согласно византийской традиции было принято изображать подвесные пелены (полотенца). Однако композиционно с новгородской, московской или ферапонтовской орнаментальными моделями берестовские медальоны – большой и малый круги, скрепленные друг с другом, подобно звеньям цепи – несходны.

Между тем, близкую им аналогию можно встретить в южнославянской стенописи. Без труда отыскивается она во фресках «моравской школы» конца XIV – начала XV вв. (монастыри Раваницы, Каленича, Ресавы), явившихся в эпоху завоевания Балкан Турцией «лебединой песнью сербского искусства». Так, например, и в ресавском соборе, и в раваницкой церкви Вознесения крупные медальоны с полуфигурами святых, расположенные во втором регистре стенописи, перемежаются с кругами-кольцами, меньшими по размерам **(илл.3).** Наконец, аналогичный берестовскому цокольному орнаменту композиционный ход мы встречаем в близкой по времени создания фрескам Спаса на Берестове иконе «Мученики Маккавейские» (XVII век), которая происходит из монастыря Пантократор на Афоне **(илл.4).** Здесь, подобно медальонам фресок Ресавы и Раваницы, два круга с ликами святых скреплены между собой «пустым» кольцом. Однако в «усвоившем» данный принцип медальонном фризе из алтарного цоколя берестовской церкви изображения святых не используются – в нем доминирует сугубо орнаментальное начало.

Любопытно: двойной орнамент (цветок и «огранка»), попеременно заполняющий медальоны во фризе апсиды Спаса, в трансформированном виде

используется на откосах круглого светового окна, которое прорезано в стене, отделяющей притвор от нартекса **(илл.5).** Подобно музыкальному полифоническому «контрапункту» цветок накладывается поверх геометрического орнамента, имитирующего огранку драгоценных камней. За счет применения коротких белильных штрихов «огранка» кажется более выпуклой и, соответственно, более выразительной, чем та, что заполняла медальоны в низу алтарной стены в цоколе. Стоит ли говорить, что живописцами в этом случае руководила необходимость улучшить зрительное восприятие орнамента, представленного на вогнутой поверхности оконного проёма на высоте, значительно удаленной от пола. Аналогия данному орнаменту обнаруживается в памятниках моравской школы, однако, теперь уже – не в стенописи, а в фасадной декорации. В церкви Введения в Калениче (XV в.), где фасад украшен двуцветной кладкой и резьбой по камню[4], использован орнаментальный прием, стилистически близкий декоративному мотиву, применяемому в откосах круглого окна берестовского Спаса: поверх шахматного орнамента тут наложен каменный цветок **(илл.6)**.

Вероятно, геометрический орнамент с «огранкой» из берестовского храма находится и на одной стилистической траектории с великолепными орнаментальными образцами из косовского храма Св. Апостолов в Печи Патриаршей (XIII в.) **(илл.7),** и соборного храма монастыря Высокие Дечаны в Сербии (XIV в.) **(илл.8).** Несомненно, высокий уровень профессионализма сербских художников не был утерян в последующую после падения Византии эпоху, трагическую для балканских стран. Славянские монастыри и скиты на Афоне (в первую очередь, сербский Хилендар) с XIV по XVII вв. сделались центрами книжного дела не столько для собственных нужд, сколько для экспортирования рукописей в православные государства. (Так, только в России, как отмечает А.А. Турилов, славянских рукописей из сербского монастыря Хилендар на сегодняшний день сохранилось 815 единиц)[5]. Через книжное оформление неовизантийский орнамент южнославянского происхождения, основанный на сочетании растительных и геометрических форм, мог оказывать влияние и на орнаментальную составляющую монументальной живописи в восточнославянских регионах.

Сказанное, очевидно, имеет отношение и ко второму типу орнамента из киевской церкви Спаса на Берестове **(илл.9).** Этот хитроумно сплетенный растительный орнамент написан над предыдущим (медальонным) и, так же, как он, охватывает фризом стену восточной части храма. Зеленые стебли и побеги расходятся, закручиваются, сближаются, пересекаются. Цветы, розоватые и темно-красные, оживляют этот ритмичный ход, однако их главная функция – фокусировать движение побегов: сводить растения в одну точку и вновь отправлять в путь. В основе раппорта, формирующего орнаментальный фриз – стручкообразная фигура, эллипс с заостренными концами. Далеко не каждый «стручок» «держит» свой абрис, форма некоторых из них заметно усложнена путем добавления сердцевидной фигуры. Впрочем, контур раппорта иногда бывает, как бы намеренно, искажен. На наш взгляд, вариативность и асимметричность раппорта, с первого взгляда практически незаметная, делает растительное плетение более изощренным, а сам орнамент – более импульсивным. Отчетливые аналогии для этого берестовского фриза мы находим в орнаментальных бордюрах из упо-

мянутого выше храма Пантократора сербского монастыря Высокие Дечаны, созданных тремя столетиями ранее **(илл.10).** Преемственность архаической модели ощутима, хотя берестовский орнамент середины XVII столетия, несомненно, впитал в себя и орнаментальные новации моделей ренессансных. Отдельно назовем памятники, орнаментальный репертуар которых близок берестовскому - в том числе, и хронологически: это икона «Оплакивание» 1616 г. из афонского монастыря Св. Павла и знаменитая икона «Богоматерь Иверская» 1648 г. **(илл.11**) афонского мастера иеромонаха Иамвлихоса.

Другая пара алтарных орнаментов расположена в третьем регистре росписи над фигурами написанных в рост святых **(илл.12).** Она имеет композиционно-пространственное сходство с теми фризами, о которых только что велась речь. Так же, как и в цокольной паре, основу более широкого орнаментального фриза тут составляют медальоны, более узкого – растительные мотивы. Рассмотрим прежде медальонный фриз. В каждом из кругов изображена полуфигура святого. Связующей перемычкой им служит небольшой цветок, обведенный по контуру той же коричневатой краской, что и окружность медальона. Очевидно, что медальоны, скрепленные друг с другом «пряжкой»-цветком – это парафраз цокольной орнаментальной модели с чередующимися большим медальонам и малым, которые между собой связаны, подобно звеньям цепи. Свободное пространство между медальонами и соединяющими их цветочными розетками заполнено густым растительным плетением. Пример идентичного орнаментального решения можно обнаружить в болгарском монументальном искусстве – стенной росписи XVI–XVII вв. церкви Св. Николая в селе Марица Самоковской епархии **(илл.13).**

Наиболее интересным в алтаре берестовской церкви является самый верхний (четвертый по счету) орнаментальный фриз. Один из его мотивов весьма необычен для монументальной живописи православия. Элементы, составляющие узорную строку орнамента – большие цветы и искусно «вырезанные» виноградные листья, ритмично вплетаются в вязь прихотливого арабеска **(илл.14).** Изысканная техника гризайля с использованием неярких оттенков «слоновой кости» на приглушенном темно-красном фоне, а также расположение фриза в системе росписи на высоте пяти метров не способствуют скрупулезному вглядыванию в нюансы рисунка. Между тем, как выяснилось при увеличении фотоснимка орнамента, в цветочных чашечках прорисованы мужские лица[6]. Неправильные пропорции подбородка и лба, вырастающие из лепестков борода и волосы, несоразмерной длины усы, вытянутые, подобно стеблям лозы – такому странному цветку с человеческим лицом есть объяснение. Перед нами изображение «зеленого человека», или, пользуясь лексикой эпохи Ренессанс, маскарон-гротеск. Пройдя путь от языческих символов-оберегов и акротериев на фронтонах античных храмов, «зеленый человек», вырезанный из дерева или камня прижился в христианской архитектуре западноевропейского Средневековья. В изобразительном искусстве итальянского Возрождения, на плафонах и в книжной графике, маскароны, утратив символический подтекст, сохранили иную функцию – декоративную **(илл.15).** В интерьерных росписях православных храмов маскароны нам прежде не встречались. Тем более удивительно видеть их в стенописи киевской церкви Спаса. Следует полагать, что использование мотива маскаронов в берестовском фризе – не случайная ошибка малосведущих

мастеров, а осознанное, аргументированное обращение профессиональных греческих художников к западноевропейскому орнаментальному опыту XVI – начала XVII ст., которое вылилось в ценный изобразительный результат.

В заключение этого обзора орнаментального репертуара уникальной в пределах Украины церкви Спаса на Берестове подытожим: греческая артель, расписавшая храм в XVII веке – живописцы с богатыми практическими навыками. Те поствизантийские реминисценции, которые упомянуты в названии статьи – это своеобразная художественная «эссенция» их разносторонних знаний, многовековых традиций и длительного опыта.

Примечания:

1. Орлова М.А Орнамент в монументальной живописи Древней Руси конца XIII – начала XVI вв.: автореф. дис. на соискание науч. степени доктора искусствоведения: 17.00.04. – М., 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content.

2. Орлова М.А. Указ. соч.

3. Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря: Комитет попечительства русской иконописи, СПб., 1911. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/geo/rgi/evs/kyf/resks/

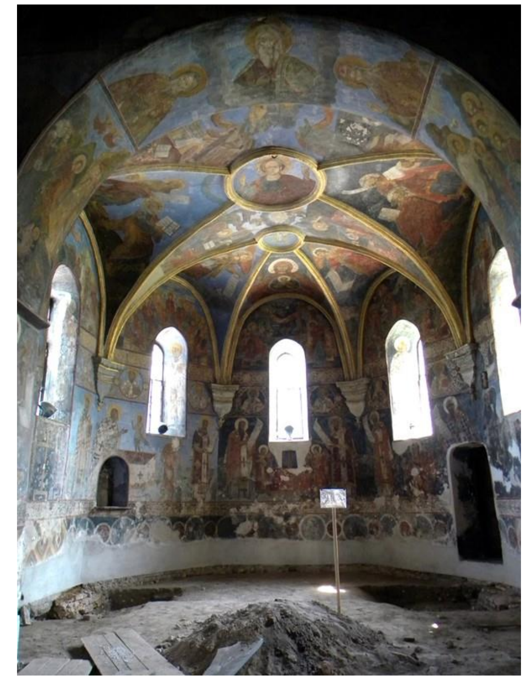
4. Elka Bakalova. Messemvria's Churches in the context of Late Byzantine architecture. A historical survey. // София. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча. М., 2006. P. 567.

5. A.A. Turilov. Slavic manuscripts and early printed editions from the monasteries of Athos// Mount Athos treasures in Russia. M., 2004. P.158.

6. Первым подметил это К.В. Широцкий: Широцкий К.В. Путеводитель по Киеву. 1917. С. 277.

Список иллюстраций.

1. Росписи апсиды церкви Спаса на Берестове. XVII век.
2. Фрагмент орнаментального фриза алтарной апсиды.
3. Фрески церкви Св. Троицы. Ресава. Монастырь Манасия. XV в.
4. Икона «Мученики Маккавейские». Монастырь Пантократора. Афон. XVII в.
5. Орнамент на откосах светового окна в интерьере церкви Спаса на Берестове.
6. Орнамент на фасаде церкви Введения. Каленич. XV в.
7. Орнаментальный бордюр из храма Св. Апостолов. Печь Патриаршая. Косово. XIII в.
8. Орнаментальный бордюр из соборного храма Пантократора монастыря Высокие Дечаны. Сербия. XIV в.
9. Фрагмент орнаментального фриза из церкви Спаса на Берестове.
10. Орнаментальный бордюр из соборного храма Пантократора монастыря Высокие Дечаны. Сербия. XIV в.
11. Мастера иеромонах Иамвлихос «Богоматерь Иверская». Афон. 1648 г.
12. Орнамент из апсиды церкви Спаса на Берестове.
13. Роспись. церкви Св. Николая в селе Марица Самоковской епархии. Болгария. XVI–XVII вв.
14. Орнамент из апсиды церкви Спаса на Берестове.
15. Рафаэль. Рельеф с маскароном и гротесками. Капелла Киджи в церкви Санта-Мария дель Пополо. Начало XVI в.

Илл.1.

Илл.2

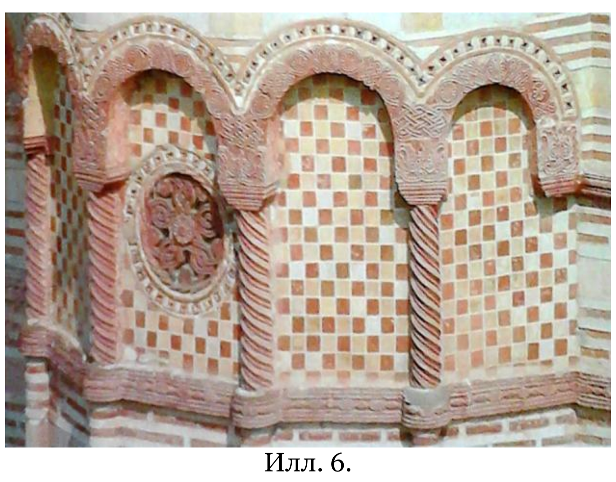

Илл.3.

Илл. 4.

Илл. 5.

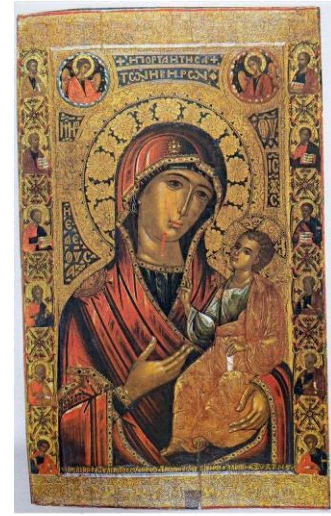
Илл. 6.

Илл. 7.

Илл. 8.

Илл. 9.

Илл. 10.

Илл. 11.

Илл. 12.

Илл. 13.

Илл. 14.

Илл. 15.

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРИВАТ-ДОЦЕНТА ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Е. А. ЧЕРНОУСОВА (1869 - ?)

С. И. Лиман
Харьковская государственная академия культуры (Украина)

В статье рассматривается харьковский период научно-педагогической деятельности историка Византии Е. А. Черноусова. Подчёркивается, что деятельность учёного способствовала возрождению византиноведческих научных традиций в Харьковском университете. Глубокое изучение истории Византии в рамках университетских спецкурсов и практических занятий Е. А. Черноусов сочетал с исследованием самых разных аспектов византийской истории в своих научных публикациях. Ключевое значение для византинистики имели его исследования культурной жизни Византии и деятельности византийских цехов.

Ключевые слова: Е. А. Черноусов, Византийская империя, история, историография, Харьковский университет.

HISTORY OF THE BYZANTINE EMPIRE IN WORKS OF E.A. CHERNOUSOV, PRIVAT-DOCENT OF KHARKOV UNIVERSITY (1869 - ?)

S. I. Liman
Kharkov State Academy of Culture (Ukraine)

The Kharkov period of research and educational work of E.A. Chernousov, historian of Byzantine is under study in the article. It is underlined that the scientist's work favouredthe revival of Byzantine research scientific traditions at Kharkov university. E.A. Chernousov combined the profound study of Byzantine history as a part of university special courses and practicals with the analysis of many different aspects of Byzantine history in his scientific publications. His study of Byzantine cultural life and gilds activity was of key importance for Byzantine history science.

Key words: E. A. Chernousov, Byzantine empire, history, historiography, Kharkov University.

Развитие византинистики в императорском Харьковском университете связано с именами ряда известных учёных: И.Ф. Тимковского и А.П. Зернина, Н.А. Лавровского и В.К. Надлера, М.С. Дринова и А. С. Лебедева. Их труды, опубликованные ещё в XIX в., составили целую эпоху в развитии харьковской школы византинистики, как составной части общероссийской дореволюционной исторической науки. Эти традиции были успешно продолжены Евгением Александровичем Черноусовым, который активно способствовал возрождению византинистики в императорском Харьковском университете в последние предреволюционные годы (1909-1917 гг.).

Несмотря на это, харьковский период научно-педагогической деятельности Е.А. Черноусова как византиниста ещё не стал предметом специального историографического анализа. В научной литературе предшествующих десятилетий кратко указывалось главным образом на исследовательские достижения учёного в советский период[1], характеризовались его политические взгляды в 1917 г.[2], уточнялись биографические данные и библиография его работ[3]. Отдельные обращения к различным вехам творчества Е.А. Черноусова носили контекстный характер и осуществлялись лишь в рамках изучения медиевистики и византинистики в Харьковском университете[4] и в украинских землях Российской империи[5]. К 145-летнему юбилею со дня рождения учёного автор данной статьи подготовил публикацию о творчестве Е.А. Черноусова, в которой рассматривался его вклад в изучение зарубежного Средневековья в целом[6]. Византиноведческий вектор исследований историка признавался при этом доминирующим, но не единственным. Таким образом, цель предлагаемой статьи – на основе всего сохранившегося нарратива исследовать взгляды Е.А. Черноусова на историю Византии в харьковский период его научно-педагогической деятельности (1909–1917). Такой анализ позволить выяснить прогрессивные тенденции в дореволюционной отечественной византинистике начала XX в.

Евгений Александрович Черноусов родился 13 декабря 1869 г. в г. Стародуб Черниговской губернии. После окончания в этом городе прогимназии он продолжил учёбу в Нежине: сначала в Нежинской гимназии, а в 1891-1895 гг. – Историко-филологическом институте им. князя Безбородко[7]. Первым местом работы дипломированного выпускника института стал далёкий Юрьев (ныне эстонский город Тарту), где он преподавал в местном реальном училище с 1895 по 1904 г. За время работы в Юрьеве Е. А. Черноусов успел подготовить магистерскую диссертацию, которую успешно защитил в 1902 г. в Санкт-Петербургском университете[8].

Магистерская степень открыла для молодого учёного новые возможности карьерного роста. После непродолжительного преподавания истории и географии в гимназии при Нежинском историко-филологическом институте (1904-1905) Е.А. Черноусов стал штатным преподавателем кафедры всеобщей истории этого же института, а в 1909 г. он был приглашён на должность приват-доцента кафедры всеобщей истории Харьковского университета[9]. В этом же году он прочёл и первую пробную лекцию по истории Византии[10].

В Харьковском университете Е.А. Черноусов преподавал до 1918 г. Поскольку чтение общего курса истории Средних веков в эти годы осуществлял профессор А. С. Вязигин, Е. А. Черноусов подготовил несколько спецкурсов в рамках этого предмета. Его спецкурсы охватывали различные периоды не только западноевропейского Средневековья, но и Византии: «История Византии в эпоху крестовых походов» (1911/1912 уч.г.), «История Византии» (1912/1913 уч.г.)[11]. Эти спецкурсы Е.А. Черноусов читал по два часа в неделю.

Помимо спецкурсов Е. А. Черноусов вёл практические занятия[12], в том числе по истории Византии: «Чтение и разбор памятников, относящихся к истории крестовых походов» (1911/1912), «Чтение византийских хроник» (1915/1916), «Чтение памятников византийского законодательства» (1916/1917)[13]. При этом если в первые годы преподавания в Харьковском университете Е.А. Черноусова на практических занятиях рассматривались главным образом источники западноевропейского средневековья, то впоследствии они были заменены чтением византийских хроник и законодательных актов. На практические занятия учебными планами выделялось два часа в неделю.

В рамках учебного процесса Е.А. Черноусов не только читал лекции и вёл практические занятия, но и руководил студенческими курсовыми и выпускными работами. Их тематика отражала приоритеты руководителя. Например, в 1912 г. он предложил в качестве медального сочинения тему «Культурное состояние Византии в эпоху Крестовых походов»[14].

Основные научные интересы Е.А. Черноусова были связаны с изучением истории Византии. Ещё летом 1911 г. Е.А. Черноусов выехал в заграничную командировку в Константинополь для научных занятий в Русском Археологическом Институте. В местных архивах учёный надеялся найти обширный материал по организации торговли и промышленности в Византии, однако реалии пришли в противоречие с его намерениями. Лишь в архиве Института, «сравнительно бедного рукописями» Е.А. Черноусову удалось заняться изучением материала по кодексам Феодосия и Юстиниана, документами из собраний Миклошича и Миллера, Геймбаха и др., позволяющими «хотя бы и частично, способствовать освещению тёмных вопросов экономического строя греческого средневековья»[15]. Е.А. Черноусов познакомился здесь с директором Института, выдающимся византинистом Ф.И. Успенским, который оказывал ему в Константинополе всемерную помощь. Это способствовало последующим научным контактам двух учёных. Однако, несмотря на то, что Е. А. Черноусов считал Институт «образцово поставленным» русским научным учреждением, он с сожалением констатировал: Институт «встречает так мало интереса к себе в России», а «число лиц, приезжающих сюда из России, - незначительно»[16].

Е.А. Черноусов сумел возродить византиноведческие традиции в Харьковском университете. Его работы не носили фундаментального характера, не были объединены единой тематикой, однако автор преследовал в них одну и ту же цель – преодолеть прогиббоновское предубеждённое отношение к истории Византии, проповедуемое, например, М.С. Дриновым.

Это стремление проявилось уже в пробной лекции «Основные черты государственного и общественного строя Византии» (1909). Византии Е.А. Черноусов отводил важнейшую роль в политической, правовой, культурной, религиозной жизни средневековой Европы[17]. Он всячески опровергал широко распространённый в европейской науке тезис об анахронизме общественного устройства империи и в этой борьбе с гиббоновской научной инерцией во многом шёл по стопам своего предшественника, профессора кафедры всеобщей истории Харьковского университета В.К. Надлера. В своё время В.К. Надлер, одним из первых в европейском византиноведении, назвал Византию одним из «замечательнейших феноменов всемирной истории»[18] и аргументировано оспаривал распространённую на Западе концепцию о византизме, как «китаизме на европейской почве»[19], «тысячелетней агонии разлагающегося общества», деспотизме в самой уродливой его форме и т. д.[20].

Подобно В.К. Надлеру Е.А. Черноусов называл Византию жизнеспособным, мощным государством[21]. «Почти во всех областях государственной и общественной жизни, - указывал Е.А. Черноусов. – мы не только не наблюдаем застоя, наоборот, наблюдаем сильное развитие жизненных процессов этого огромного социального тела, границами которого по временам было чуть не всё побережье Средиземного моря»[22]. У автора не вызывала сомнений эффективность всей вертикали византийской власти. Е. А. Черноусов правомерно указал на то, что правительство, введя раздачу земель с обязательством нести военную службу, создало институт, близкий к бенефициальной системе Запада. По мнению учёного, достаточно чётко были налажены и законодательство,

и финансовая система, существовал класс зажиточных землевладельцев, свободных крестьян, а также цветущие города, являвшиеся центрами ремесла и торговли. «Умственная и духовная жизнь Византии, насколько она выразилась в произведениях церковной и светской литературы, так же мало говорит за то, что родина этой литературы была царством мрака и застоя», - подчёркивал автор[23]. Однако раскрытые Е.А. Черноусовым причины падения Византии носили слишком общий характер, поскольку сводились лишь к признанию военного давления извне, к гипертрофии центральной власти и «ненормальному взаимоотношению сил внутри»[24].

Основные идеи, высказанные Е.А. Черноусовым в его пробной лекции, нашли своё подтверждение в ряде научных публикаций. Так, в статье «Страницы из культурной истории Византии XI в.» (1913) учёный подверг обоснованной критике тезис Э. Гиббона об истории Византии, как об истории упадка и разрушения. «Если Византия. – указывал Е.А. Черноусов, - оказалась способной выдержать тысячелетнее испытание, называемое её историей, то только благодаря наличности огромного запаса культурных сил, которые, продолжая продуцироваться и накопляться даже в периоды политического и военного упадка, подготовляли почву для нового возрождения государства, его политического влияния и военного значения»[25]. Вопреки мнению Э. Гиббона, Е. А. Черноусов доказывал, например, что правительство Константина IX Мономаха «решило восстановить начавшее приходить в упадок преподавание наук»[26] и черпал свои доказательства в открытом им источнике – новелле 1045 г., изданной в связи с учреждением в Константинополе юридического лицея. Содержание этой новеллы позволяло не только понять культурные интересы «лучших представителей современного византийского общества», раскрыть «положение высшего образования в Византии в средине XI в.», но и познакомиться «с отношением византийского правительства как к науке, так и к её представителям»[27].

Изучив содержание новеллы, Е.А. Черноусов трактует её как инструкцию, составленную как для главы лицея Иоанна Ксифилина, так и для его воспитанников. Учёный рассмотрел права и обязанности преподавателей и слушателей, размеры оплаты, требования, предъявляемые к профессиональным качествам главы школы. При этом Е.А. Черноусов отмечал, что «доступ в лицей открыт всем желающим и могущим по своим способностям и подготовке заниматься в нём без различия происхождения или состояния, причём преподавание должно вестись совершенно бесплатно»[28]. И хотя в рецензии И. Безобразова указывалось на ряд неточностей в переводе Е.А. Черноусова и на то, что к анализу её текста в той или иной мере уже обращались другие авторы (например, Ф.И. Успенский)[29], в целом публикация харьковского историка ослабляла аргументацию всех сторонников концепции Гиббона и позволяла по новому взглянуть как на причины живучести Византии, так и на приоритеты государственной деятельности Константина Мономаха.

В публикации «Из византийского захолустья XIII в.» (1914) Е.А. Черноусов рассмотрел эпизод истории независимых греческих владений после разгрома Византийской империи крестоносцами в 1204 г. Указав на успехи эпирского деспота Феодора Комнина, автор остановился на личности митрополита города Навпакта, Иоанне Апокавке, который играл в Эпире исключительно важную роль как крупный церковный и общественно-политический деятель. Е.А. Черноусов проанализировал его переписку и содержание письменных работ. Это письменное наследие Иоанна Апокавка, по мнению учёного, «сравнительно мало за-

трагивает политическую сторону современности», однако содержит «интересный культурно-бытовой материал» Эпира[30]. Е.А. Черноусов считал, что ряд черт в письменном наследии Иоанна сближает его с гуманистами[31].

Важный вопрос, на котором остановился харьковский учёный – вопрос об отношениях митрополита и деспота Эпира Феодора Комнина. Е.А. Черноусов считал, что, согласно данным источников, если Иоанн демонстрировал преданность правителю, то Феодор Комнин – придирчивость и бесцеремонность. Харьковский учёный называл это следствием атмосферы «вражды, наушничества и доносов» в Эпире[32], которые однако не отвратили Иоанна от исполнения своего церковного и общественного долга. Е.А. Черноусов особо выделял деятельность митрополита как судьи по бракоразводным и общеуголовным делам и указывал, что эти дела рисовали нездоровую картину общественных нравов Эпира начала XIII в.[33].

Проблема взаимоотношений Византии и Руси была затронута Е.А. Черноусовым в его очерке «К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское» (1916), который тематически продолжил исследования Н.А. Лавровского[34]. Отразившееся влияние Византии на русское право Е.А. Черноусов исследовал на примере «Русской правды». На основе тщательно проведённого текстологического анализа автор пришёл к заключению, что «расходясь по принципам, а также в большинстве случаев и по способам взыскания с византийским правом», русское право «заимствует у него свою внешнюю форму»[35].

О высоком уровне византийской историографии даже в эпоху падения империи Е.А. Черноусов писал в статье «Дука, один из историков конца Византии» (1913). Общеизвестно, что Дука описывал во всех подробностях падение империи в 1453 г Его творчество харьковский учёный считал несправедливо обойдённым вниманием европейских исследователей, хотя в нём встречались ценные сведения о дипломатической деятельности Византии, религиозных смутах, военной организации османов и т.д.

Содержание труда Дуки, равно как и его стиль и язык, подтверждали ранее высказанное Е.А. Черноусовым мнение о том, что «уже в XIV в. Византия занимала скромное местечко среди других политических сил, захвативших в разное время некогда принадлежавшую ей одной обширную территорию и вместе с нею, не без борьбы, правда, ожидавших того момента, когда все и вся будет, наконец, затоплено турецкой стихией»[36].

По мнению Е.А. Черноусова. Дука ближе других своих византийских собратьев по перу был знаком «с античным миром и с его литературными манерами»[37]. Такая характеристика существенно уточняла взгляд харьковского учёного на писательские приёмы Дуки, как хорошо образованного и широко осведомлённого автора, горячего патриота, крайне враждебного туркам и их вере[38]. При этом Е.А. Черноусов делал важное уточнение: «его патриотизм обладает тем здоровым качеством, при наличности которого факты отрицательного порядка не переходят в положительные и наоборот»[39].

Наконец, тезис о высоком уровне развития Ромейской империи был подтверждён Е.А. Черноусовым на основе анализа византийских социально-экономических отношений в статье «Римские и византийские цехи». Статья была написана в связи с публикацией книги А. Штекле «Позднеримские и византийские цехи».

Е.А. Черноусов отстаивал точку зрения о важном значении Византии не только в культурном и политическом, но и в экономическом отношении. В Византии, указывал автор, с одной стороны, «был развит целый ряд отраслей

промышленности продукты которой удовлетворяли спросу на внутреннем рынке, являясь в то же время предметом экспорта за границы империи. С другой – она являлась посредницей между странами Западной Европы и Русью в их торговых сношениях с землями Африки и Азии»[40]. Такая оценка экономической роли Византии в современной науке является уже хрестоматийной.

Активность государства в социально-экономической области, по справедливому мнению Е.А. Черноусова, выражалась в том, что оно стремилось регулировать ремесло и торговлю. Для подтверждения своего тезиса учёный детально, по главам, проанализировал «Книгу Эпарха». Её значение Е.А. Черноусов усматривал в том, что она являлась сборником правительственных распоряжений, которые должны были регулировать торговлю, промышленность, ремёсла, точно определять отношение цехов и их членов как к государству с его монополиями, так и к населению Константинополя и к посещавшим его иностранцам. Эта точка зрения впоследствии будет подтверждена в работах М. Я. Сюзюмова[41].

Е.А. Черноусов в своей публикации не оставил в стороне и важный вопрос о времени составления «Книги Эпарха». Он высказал точку зрения, которая широко распространена и в современной византинистике: «Отнести весь памятник на царствование Льва Мудрого, как это делает Николь, у нас, действительно, слишком мало оснований»[42]. По мнению Е.А. Черноусова, одни из правительственных распоряжений «Книги Эпарха» «были редактированы при Льве Мудром, другие при Никифоре Фоке»[43].

Нормальный ход научных и учебных занятий Е.А. Черноусова был нарушен бурными событиями 1917 года. Как и многие его коллеги, он увлёкся политикой. После поражения на выборах в городскую думу, Е.О. Черноусов вошёл в состав Слободской ради[44], однако Гражданская война заставила его покинуть Харьков. С 1918 г. Е.А. Черноусов – профессор и декан историко-филологического факультета Полтавского учительского института, с 1920 – декан факультета общественных наук Донского университета, с 1922 – директор академической библиотеки Северо-Кавказского университета, одновременно – сотрудник Русско-византийской историко-словарной комиссии при Академии наук СССР[45]. В эти годы Е. А. Черноусов продолжил своё изучение истории Византии, преимущественно её социально-экономических и источниковедческих проблем[46]. Это была та сама тематика, к разработке которой он приступил ещё в Харьковском университете.

Научная деятельность Е.А. Черноусова в Харьковском университете – особый период его творческого пути. Эта деятельность способствовала возрождению в университете византиноведческих научных традиций, глубокого изучения в рамках спецкурсов и практических занятий наряду с западноевропейской историей и истории Византии. Работы Е.А. Черноусова хотя и не носили фундаментального характера, тем не менее отражали самые разные аспекты византийской истории. Ключевое значение для византинистики имели его исследования культурной жизни Византии и деятельности византийских цехов. Творчество Е.А. Черноусова во многом способствовало окончательному преодолению в отечественной науке антивизантинистских традиций Э. Гиббона. Эти достижения объективно заложили прочный фундамент последующим византиноведческим исследованиям в Харьковском университете и являлись закономерным отражением прогрессивных тенденциях развития общероссийской исторической науки.

Примечания:

1. Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). Л., 1975. С. 143-144; Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969. С. 16, 27-28, 38.

2. Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. Х., 2004. С. 279, 280, 282.

3. Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX – начале XX в. Л., 1931. Ч. 2. С. 221; История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. С. 570; Домановський А. Черноусов Євген Олександрович // Сходознавство і візантологія в іменах: біобібліограф. слов. / Упоряд.: Е. Г. Циганкова, Ю. М. Кочубей, О.Д. Василюк. К., 2011. С. 237–239.

4. Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Медиевистика в Харьковском университете // Вестник Харьковского университета. № 357. Сер. : История. 1991. Вып. 24. С. 80; Лиман С. И., Сорочан С. Б. Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1917) // Дриновський збірник. Х.; Софія, 2008. Т. 2. С. 64-65; Лиман С. И. Прищур строки в ромейский полдень: Византия эпохи Македонской династии в оценках историков Харьковского университета (XIX – начало XX вв.) // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Ῥωμαῖος: Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. Х., 2013. С. 220-221.

5. Лиман С. І. Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст.. (1880 – 1917 рр.).: Дис.... канд.. іст. наук. Х., 1993. С. 111-112.

6. Лиман С. І. Історія середньовічної Західної Європи та Візантії у творчості й навчальних курсах приват-доцента імператорського Харківського університету Євгена Олександровича Черноусова (1869 - ?) // Вісник Харківської державної академії культури. Х., 2014. Вип. 42. С. 24–32.

7. Черноусов Евгений Александрович // Историко-филологический інститут князя Безбородко в Нежине (1901-1912). Нежин, 1913. С. 64.

8. Домановський А. Указ. соч. С. 237.

9. Отчёт о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1912 год // Записки императорского Харьковского университета. 1913. Кн. 1. Часть официальная. С. 8.

10. Отчёт о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1912 год [Продолжение] // Записки императорского Харьковского университета. 1913. Кн. 2. Часть официальная. С. 123.

11. Обозрение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1911-1912 акад. год. Х., 1911. С. 13; Обозрение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1912-1913 акад. год. Х., 1912. С. 11; Обозрение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1913-1914 акад. год. Х., 1913. С. 17; Лиман С. І. Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. С. 236

12. Отчёт о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1912 год // Записки императорского Харьковского университета. 1913. Кн. 1. Часть официальная. С. 14.

13. Обозрение преподавания предметов по историко-филологическому факультету императорского Харьковского университета на 1916-1917 учеб. год. Х., 1916. С. 17: Лиман С. І. Медієвістика в Україні в кінці XIX – на початку XX ст. С. 236.

14. Отчёт о состоянии и деятельности императорского Харьковского университета за 1912 год [Продолжение] // Записки императорского Харьковского университета. 1913. Кн. 2. Часть официальная. С. 128.

15. [Черноусов Е. А.] Отчёт о заграничной командировке летом 1911 года приват-доцента по кафедре всеобщей истории Е. А. Черноусова // Записки императорского Харьковского университета. 1912. Кн. 1. Часть официальная. С. 1–2.

16. Там же. С. 2.

17. Черноусов Е.А. Основные черты государственного и общественного строя Византии. Пробная лекция, читанная 6 ноября 1909 г. // Записки императорского Харьковского университета. 1912. Кн. 1. Летопись Харьковского университета. С. 1.

18. Надлер В. К. Юстиниан и партии цирка в Византии. Х., 1876. С. 4.

19. Там же. С. 1.

20. Там же. С. 4.

21. Черноусов Е.А. Основные черты государственного и общественного строя Византии. – С. 3.

22. Там же. С. 4.

23. Там же. С. 7.

24. Там же. С. 10.

25.Черноусов Е.А. Страницы из культурной истории Византии XI в. // Записки императорского Харьковского университета. 1913. Кн. 1. Научный отдел. С. 1.

26. Там же. С. 4.

27. Там же. С. 6.

28. Там же. С. 12.

29. Безобразов П. [Рец.] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1913. №11. Отд. 2. С. 207–211 (Черноусов Е.А. Страницы из культурной истории Византии XI в. // Записки имп. Харьковского университета. 1913. Кн. 1. Научный отдел. С. 1–16).

30. Черноусов Е. А. Из византийского захолустья XIII в. Х., 1914. С. 5-6.

31. Там же. С. 8-10.

32. Там же. С. 15.

33. Там же. С. 19.

34. Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853; Подр. см.: Лиман С. И. Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 – первая половина 1880-х гг.). Х., 2009. С. 447-450.

35. Черноусов Е. А. К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское. Юрьев, 1916. С. 19.

36. Черноусов Е. А. Дука, один из историков конца Византии // Византийский временник. (1914). Т. 21. 1915. С. 174.

37. Там же. С. 176.

38. Там же. С. 188, 199-200.

39. Там же. С. 207.

40. Черноусов Е. А. Римские и византийские цехи // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. №9. С. 154.

41. Сюзюмов М.Я. Введение // Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмов. М., 1962. С. 5.

42. Черноусов Е. А. Римские и византийские цехи. С. 177.

43. Там же. С. 178.

44. Харківський національний університет ім.. В. Н. Каразіна за 200 років. С. 279-280.

45. Черноусов Євген Олександрович (1869 - ?) // Біобібліографічний словник учених Харківського університету. Х., 2001. Т. 2. Ч. 1. С. 113; Домановський А. Указ. соч. С. 237-238;

46. Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. С. 27-28, 38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Арутюнян Акоп Жораевич** – доцент кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: hakobinna@rambler.ru
2. **Беликов Александр Павлович** – профессор кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета, доктор исторических наук, профессор. E-mail: abelikov@rambler.ru
3. **Болгова Анна Михайловна** - доцент кафедры всеобщей истории и зарубеж-ого регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук. E-mail: bolgova@bsu.edu.ru
4. **Грацианский Михаил Вячеславович** – ведущий научный сотрудник лаборатории истории Византии и Причерноморья в средние века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук. - E-mail: gratsianskiy@mail.ru
5. **Дементьева Вера Викторовна** – профессор кафедры всеобщей истории Яро-славского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор исторических на-ук, профессор. E-mail: yar.antik.center@gmail.com
6. **Денисова Ирина Викторовна** – заведующая музеем Истории НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук. E-mail: denisova@bsu.edu.ru
7. **Ермолин Александр Леонидович** – научный сотрудник Археологического Института Цинмана Университета г. Хайфы, Израиль, кандидат исторических на-ук. E-mail: doryerm@yandex.ru
8. **Зайцева Ирина Валерьевна** – старший преподаватель кафедры гуманитар-ных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России, кандидат исторических наук. – E-mail: state@bupk.ru
9. **Зиньковская Ирина Владимировна** – доцент кафедры истории средних ве-ков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета, доктор исторических наук, доцент. E-mail: apm1950@ya.ru
10. **Зубарев Виктор Геннадьевич** – профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, доктор исторических наук, профессор. E-mail: parosta@mail.ru
11. **Иваницкая Яна Юрьевна** – учитель обществознания, экономики и права гимназии №3 г. Белгорода, кандидат исторических наук. – E-mail: Emortal07@mail.ru
12. **Клейменов Александр Анатольевич** – доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук. E-mail: alek-klejmenov@yandex.ru
13. **Лиман Сергей Иванович** - заведующий кафедрой туристического бизнеса Харьковской государственной академии культуры (Украина), доктор исторических наук, профессор. E-mail: limans@ukr.net
14. **Литвиненко Ярослав Владимирович** - зам. начальника научно-методического отдела экспозиций Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника, искусствовед. E-mail: Lit-pit11@ yandex.ru
15. **Литовченко Елена Викторовна** - доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук. E-mail: litovchenko@bsu.edu.ru
16. **Манохина Оксана Александровна** – лаборант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук. E-mail: kharchenko_o @bsu.edu.ru
17. **Медведев Александр Павлович** – заведующий кафедрой археологии и

истории древнего мира Воронежского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. E-mail: apm1950@ya.ru

18. **Могаричев Юрий Миронович** – профессор Крымского республиканского института последипломного педагогического образования, доктор историоических наук, профессор. E-mail: mogara@rambler.ru

19. **Молев Евгений Александрович** – профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Нижегородского государственного национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор. E-mail: molev.evgeny@yandex.ru

20. **Молева Наталья Владимировна** - доцент кафедры истории древнего мира и классических языков Нижегородского государственного национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: molev.evgeny@yandex.ru

21. **Парфенов Виктор Николаевич** – профессор кафедры истории Отечества и культуры Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, доктор исторических наук, профессор. E-mail: vparfenov@list.ru

22. **Питателева Елена Владимировна** – ведущий научный сотрудник отдела истории Киево-Печерской лавры Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника , искусствовед. E-mail: Lit-pit11@ yandex.ru

23. **Прокопенко Сергей Николаевич** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук. E-mail: sprokopenko@bsu.edu.ru

24. **Рябцева Марина Леонидовна** - доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук. E-mail: ryabtseva@bsu.edu.ru

25. **Семичева Елена Александровна** - доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: semicheva@bsu.edu.ru

26. **Серов Вадим Валентинович** – профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. E-mail: wseroff@yandex.ru

27. **Синица Марина Михайловна** – магистрант II года обучения историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: 569354@bsu.edu.ru

28. **Сорочан Сергей Борисович** – заведующий кафедрой истории древнего мира и средних векаов Харьговского национального университета им. В.Н. Каразина. E-mail: ssoro4an@yandex.ua

29. **Стржалковская Анастасия Дмитриевна** – ассистент кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук. E-mail: strzhalkovskaya@bsu.edu.ru

30. **Тюленев Владимир Михайлович** – профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. E-mail: tulenev31@bk.ru

31. **Ярцев Сергей Владимирович** – доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

ИРЕСИОНА
АНТИЧНЫЙ МИР И ЕГО НАСЛЕДИЕ

ВЫПУСК IV

Сборник научных трудов
К 50-летию профессора Н.Н. Болгова

Компьютерная верстка
О.О. Петрова

Подписано в печать 11.03.2015. Заказ № 32. Тираж 100 экз.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 14,65. Гарнитура Times New Roman.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 40